

Самое мощное оружие

Самое мощное оружие

Самое мощное оружие

СБОРНИК
АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

УДК 82-312.9(02)
ББК 84 (7)-445я5
С 17

Составитель
В. Баканов

Иллюстрации
А. Кривенко

ISBN 5-7632-0748-3

© Художественное оформление,
АРМАДА, 1998

АРТУР КЛАРК

ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ

— Но это ужасно! — воскликнул Верховный Ученый. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Чрезвычайно трудно, Ваше Всеведение. Их планета находится на расстоянии пятисот световых лет от нас, и поддерживать контакт очень сложно. Однако мост мы все же установим. К сожалению, это не единственная проблема. Мы до сих пор не в состоянии связаться с этими существами. Их телепатические способности выражены крайне слабо.

Наступила тишина. Верховный Ученый проанализировал положение и, как обычно, пришел к единственно правильному выводу:

— Всякая разумная раса должна иметь хотя бы несколько телепатически одаренных индивидуумов. Мы обязаны передать сообщение.

— Понял, Ваше Всеведение, будет сделано.

И через необъятную бездну космоса помчались мощные импульсы, исходящие от телепатов планеты Тхаар. Они искали человеческое существо, чей мозг способен был их воспринять. И по соизволению его величества Случая нашли Вильяма Кросса.

Нельзя сказать, что им повезло. Хотя выбирать, увы, не приходилось. Стечение обстоятельств, открывшее тхаарцам

мозг Вильяма, было совершенно случайным и вряд ли могло повториться в ближайший миллион лет.

У чуда было три причины. Трудно указать на главную из них.

Прежде всего местоположение. Иногда капля воды на пути солнечного света фокусирует его в испепеляющий луч. Так и Земля, только в несравненно больших масштабах, сыграла роль гигантской линзы, в фокусе которой оказался Билл. Правда, в фокус попали еще тысячи людей. Но они не были инженерами-ракетчиками и не размышляли неотрывно о космосе, который стал неотделим от их существования.

И кроме того, они не были, как Билл, в стельку пьяны, находясь на грани беспамятства в стремлении уйти в мир фантазий, лишенный разочарований и печали.

Конечно, он мог понять точку зрения военных.

«Доктор Кросс, вам платят за создание ракет,— с неприятным нажимом произнес генерал Поттер,— а не... э... космических кораблей. Чем вы занимаетесь в свободное время — ваше личное дело, но попрошу не загружать вычислительный центр программами для хобби!»

Крупных неприятностей, разумеется, быть не могло — доктор Кросс им слишком нужен. Но сам он не был уверен, что так уж хочет остаться. Он вообще не был ни в чем уверен, кроме того, что Бренда сбежала с Джонни Гарднером, положив конец двусмысленной ситуации.

Сжав подбородок руками и слегка раскачиваясь, Билл сидел в кресле и, не отрывая глаз, смотрел на блестящий стакан с розовой жидкостью. В голове — ни одной мысли, все барьеры сняты...

В этот самый момент концентрированный интеллект Тхара издал беззвучный вопль победы, и стена перед Биллом растаяла в клубящемся тумане.

Ему казалось, он глядит в глубь туннеля, ведущего в бесконечность. Между прочим, так оно и было. Билл созерцал феномен не без интереса. Определенная новизна, разумеется, есть, но куда ему до предыдущих галлюцинаций! А когда в голове зазвучал голос, Билл долго не обращал на него внимания. Даже будучи мертвецки пьяным, он

сохранял старомодное предубеждение против беседы с самим собой.

— Билл,— начал голос,— слушай внимательно. Наше общение чрезвычайно важно.

Билл подверг это сомнению на основании общих принципов: разве в этом мире существует что-нибудь действительно важное?

— Мы разговариваем с тобой с далекой планеты,— продолжал дружеский, но настойчивый голос.— Ты единственное существо, с которым мы смогли установить связь, поэтому ты обязан нас понять.

Билл почувствовал легкое беспокойство, однако как бы со стороны: трудно было сосредоточиться. «Интересно,— подумал он,— это серьезно, когда слышишь голоса?.. Не обращая внимания, доктор Кросс, пускай болтают, пока не надоест».

— Так и быть,— позволил Билл.— Валяйте.

На Тхааре, отстоящем на пятьсот световых лет, были в недоумении. Что-то явно не так, но они не могли определить, что именно. Впрочем, оставалось лишь продолжать контакт, надеясь на лучшее.

— Наши ученые вычислили, что ваше светило должно взорваться. Взрыв произойдет через три дня — ровно через семьдесят четыре часа,— и помешать этому невозможно. Однако не следует волноваться — мы готовы спасти вас!

— Продолжайте,— попросил Билл. Галлюцинация начала ему нравиться.

— Мы создадим мост — туннель сквозь пространство, подобный тому, в который ты смотришь. Теоретическое обоснование его слишком сложно для тебя.

— Минутку! — запротестовал Билл.— Я математик, и отнюдь не плохой, даже когда трезв. И читал об этом в фантастических журналах. Вы имеете в виду некое подобие короткого замыкания в надпространстве? Старая штука, еще доэнштейновская!

Немалое удивление вызвало это на Тхааре:

— Мы не полагали, что вы достигли таких вершин в своих знаниях. Но сейчас не время обсуждать теорию. Это

нуль-транспортиация через надпространство — в данном случае через тридцать седьмое измерение.

— Мы попадем на вашу планету?

— О нет, вы бы не смогли на ней жить. Но во Вселенной существует множество планет, подобных Земле, и мы нашли подходящую для вас. Вам стоит лишь шагнуть в туннель, взяв самое необходимое, и... стройте новую цивилизацию. Мы установим тысячи туннелей по всей планете, и вы будете спасены. Ты должен объяснить это правительству.

— Так-таки меня сразу и послушают,— сыронизировал Билл.— Отчего бы вам самим не поговорить с президентом?

— Нам удалось установить контакт только с тобой, остальные оказались закрыты для нас. Не можем определить причину.

— Я мог бы вам объяснить,— произнес Билл, глядя на пустую бутылку перед собой. Она явно стоила своих денег.

Какая все-таки удивительная вещь — человеческий мозг! Что касается диалога, то в нем нет ничего оригинального — только на прошлой неделе он читал рассказ о конце света, а вся эта чушь о туннелях и мостах... что ж, неудивительно после пяти лет работы с неуклюжими ракетами!

— А если Солнце взорвется,— спросил Билл, пытаясь заставить галлюцинацию врасплох,— что произойдет?

— Ваша планета немедленно испарится. Как, впрочем, и остальные планеты вашей системы вплоть до Юпитера.

Билл вынужден был признать, что задумано с размахом. Он наслаждался игрой своего ума, и чем больше думал об этой возможности, тем больше она ему нравилась.

— Моя дорогая галлюцинация,— начал он с грустью,— поверь я тебе, знаешь, что бы я сказал? Лучше этого ничего и не придумать. Не надо волноваться из-за атомной бомбы и дороговизны... О, это было бы прекрасно! Об этом только и мечтать! Спасибо за приятную информацию, а теперь возвращайтесь домой и не забудьте прихватить с собой ваш мост.

Трудно описать, какую реакцию вызвало на Тхааре такое заявление. Мозг Верховного Ученого, плавающий в

питательном растворе, даже слегка пожелтел по краям,— чего не случилось со времен хантильского вторжения. Пятнадцать психологов получили нервное потрясение. Главный компьютер в Институте космофизики стал делить все на ноль и быстро перегорел.

А на Земле тем временем Вильям Кросс развивал свою любимую тему.

— Взгляните на меня! — стучал он кулаком в грудь.— Всю жизнь работаю над космическими кораблями, а меня заставляют строить военные ракеты, чтобы укокошить друг друга. Солнце сделает это лучше нас!

Он замолчал, обдумывая еще одну сторону этой приятной возможности.

— Вот будет сюрприз для Бренды! — злорадно захихикал доктор.— Целуется со своим Джонни, и вдруг — ТРАХ!

Билл распечатал вторую бутылку виски и с открывшейся ему новой перспективой опять посмотрел в туннель. Теперь в нем зажглись звезды, и он был воистину великолепен. Билл гордился собой и своим воображением — не каждый способен на такие галлюцинации.

— Билл! — в последнем отчаянном усилии взмолился Разум Тхаара.— Но ведь не все же люди такие, как ты?

Билл обдумал этот философский вопрос весьма тщательно — правда, насколько позволило теплое розовое сияние, которое почему-то вдруг стали излучать окружавшие его предметы.

— Нет, они не такие.— Доктор Кросс снисходительно усмехнулся.— Они гораздо хуже!

Разум Тхаара издал отчаянный вопль и вышел из контакта.

Первые два дня Билл мучился от похмелья и ничего не помнил. На третий день какие-то смутные воспоминания закопошились у него в голове, и он забеспокоился, но тут вернулась Бренда, и ему стало не до воспоминаний.

Ну а четвертого дня, разумеется, не было.

ДЖОН Б. ПРИСЛИ

31 ИЮНЯ

*Повесть
о верной любви,
предприимчивости
и прогрессе в
век короля Артура
и век атома*

Глава первая
ПРИНЦЕССА МЕЛИСЕНТА
И ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

В Лунный день, 31 июня, в Перадоре выдалось ясное летнее утро — как раз такое, какие всем нам помнятся по далеким прежним годам, но с тех пор как будто не повторялись ни разу. Крошечное королевство, одно из вассальных владений великого короля Артура, чья резиденция была в Камелоте, зевая, просыпалось в дымном золоте утра. По той прискорбной причине, что Артуровой Англии прогресс был неведом, все вокруг жили очень мирно и тихо: нигде не сносили старинных зданий, чтобы расчистить участки для контор и административных корпусов, никто не старался съесть живьем конкурента, ни один из подданных короля Мелиота не наживал себе язвы или нервного расстройства из-за трудностей с транспортом, и служащие не втискивались в мчащиеся под землей поезда. Поскольку об экономике тогда еще понятия не имели, Перадор не строил безнадежных планов превышения вывоза над ввозом. Собственно говоря, там вообще не занимались планированием, если только не считать планом обеденное меню.

Западную башню замка короля Мелиота занимала его единственная дочь и наследница принцесса Мелисента со своими двумя молоденькими фрейлинами и прислугой. В главном покое — Ковровой зале — сидел музыкант принцессы, молодой человек по имени Лэмисон, и лениво перебирал струны лютни. Это был один из тех чахлах, угрюмых и вечно надутых молодых людей, которые весьма собою довольны без всяких на то оснований, — он даже не умел мало-мальски прилично играть на лютне.

Его треньканье было прервано появлением двух фрейлин — леди Нинет и благородной Элисон.

У Нинет были темно-рыжие волосы, зеленые глаза, прелестная фигура и мерзкий характер. Элисон была меньше и мягче — хорошенькая, тихая, словно мышка, девушка, какие никогда не переводились в Англии со времен короля Артура до наших дней. Несмотря на ранний час, обе девушки уже скучали, и потому у Нинет был вид вызывающий и раздраженный, а у Элисон — задумчивый и понурый.

Нинет незамедлительно набросилась на Лэмисона:

— Ах, да перестаньте вы! Опять это старье! Надоело! Неужели вы не знаете ничего другого?

Элисон ограничилась мягким упреком:

— Ведь вы обещали выучить песню «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

Лэмисон пробурчал что-то невнятное и перестал играть, но не двинулся с места, ожидая появления принцессы Мелисенты. Девушки больше не обращали на него ни малейшего внимания, они стояли рядышком и перешептывались.

— Если Мелисента принесет волшебное зеркало, — сказала Нинет, — я попрошу разрешения заглянуть в него.

— Ах... Нинет... неужели ты отважишься?

— Конечно! Ведь зеркало не ее; и она вот-вот должна вернуть его тому волшебнику, может, даже сегодня утром. А если она кого-то в нем увидела, то, может, и я увижу.

— Опять, наверно, нас усадят за вышивание, — вздохнула Элисон. — И у меня разболится голова. Почему это у

нас в Перадоре не бывает никаких событий? Моя двоюродная сестра Элайн дивно проводит время в Камелоте. Искусные чародеи, тут же под боком два великана и дракон, целых четыре заколдованных замка, на каждом шагу рыцари Круглого стола: только и ищут, кого бы спасти, что ни вечер — гости, приемы... — Она снова вздохнула.

Нинет фыркнула:

— Что толку попусту вздыхать! Надо самим позаботиться, чтобы случались всякие события!

— Только не с моим добродетельным нравом, — грустно промолвила Элисон.

— Ну а я, слава Богу, безнравственна, — сказала Нинет, и ее зеленые глаза заблестели. — Пусть только случай представится или хоть полслучая — уж я позабочусь о том, чтобы события у нас были! Вот увидишь!

Поспешно вошла принцесса Мелисента, на ходу протирая шелковой тряпицей волшебное зеркало — около восемнадцати дюймов в длину и столько же в ширину, — сделанное из блестящего металла и оправленное в темную деревянную раму. У принцессы были золотистые волосы и большие серые глаза, и вообще она была очаровательна, но в то утро девушка рассталась со своей обычной дремотной и улыбчивой безмятежностью и вид у нее был совсем хмурый.

— Я просто вне себя! — объявила она. — Все утро смотрю, смотрю, а его нет и нет. Но я уверена, что он по-прежнему обо мне думает. Я чувствую, что думает! Видно, чары не действуют.

— Может быть, если я попытаюсь... — начала Нинет.

— Ни в коем случае! Магистр Мальгрим, волшебник, дал мне зеркало только на время. — Тут она заметила музыканта. — Идите, Лэмисон, нынче утром музыки не будет. Мы не в духе. — Она умолкла, выжидая, пока он выйдет. — Нет, это меня с ума сводит! Неужели я больше его не увижу? Какой сегодня день?

— Лунный день, тридцать первое июня, — сказала Элисон. — И погода чудесная. Мы не выйдем погулять?

— Нет, отец желает говорить со мною. Придется сесть за вышивание.

Обернувшись к Элисон, Нинет скорчила недовольную гримаску:

— Ах нет, Мелисента, пожалуйста, подождите. Вы ведь нам еще не рассказали, как был одет этот рыцарь.

— Да, право, не знаю,— начала принцесса задушевно и доверительно,— кажется, на нем была белая рубашка, а поверх — желтый камзол или что-то в этом роде. И потом, мне кажется, что он не рыцарь. И даже не оруженосец. Наверное, какой-нибудь художник.— Она помедлила, потом, решившись, сказала еще более доверительно: — А вот это уже тайна: его зовут Сэм.

— Сэм? — в один голос воскликнули Нинет и Элисон.

— Сэм,— повторила принцесса с нескрываемым удовольствием.— Правда, миленькое имя? И еще про одну вещь я вам не рассказала: он умеет выдувать дым из рта.

— Как дракон? — спросила пораженная Элисон.

— Вовсе не как дракон. У него это получается не свирепо, а очень мило.

— Может, он волшебник? — предположила Нинет.

Это задело принцессу.

— Вот еще! Оттого что вашу тетку подозревали в колдовстве, у вас, Нинет, на уме только всякие там чародеи, колдуны, волшебники...

Раздался оглушительный стук в двери, после чего они распахнулись настежь, пропустив герольда короля Мелиота — грузного пьяницу с громовым голосом.

— Благородная принцесса Мелисента... сударыни! — загремел он.— С вашего позволения честь имею объявить: его королевское величество Мелиот — король Перадора, высокий повелитель Бергамора, Марралора и Парлота, властелин Лансингтона, Нижних Мхов и Трех Мостов!

— Ну, это уж слишком! — сердито сказала Мелисента.— Кому какое дело до этих Нижних Мхов и Трех Мостов?

Прежде чем герольд успел ответить, у самых дверей заиграли трубы. Девушки зажали уши и построили недовольные гримаски. Вслед за тем совершился выход короля Мелиота — ничуть, однако, не величественный по причине

крайней поспешности. На короле была самая легкая его корона и мантия, некогда великолепная, но теперь изрядно обносившаяся и с довольно четкими следами яичных и винных пятен. Король был одним из тех обремененных властью людей пожилого возраста, которым кажется, будто они вершат великие дела, меж тем как на самом деле они просто по уши увязли во всяческих мелочах. Слова из уст короля сыпались быстро и отрывисто, и ему всегда до того не терпелось высказать свое суждение, что нередко он сам себя перебивал.

— Доброе утро, Мелисента! Доброе утро, девочки! — проговорил он в ответ на их реверансы. — За работу еще не принимались? Производство ковров сократилось на семьдесят пять процентов, с тех пор как мы потеряли нашу дорогую королеву. Так дело не пойдет. Извольте задуматься над этим. Кстати, мы только что получили приглашение на конференцию в Камелот.

Лица девушек разом прояснились.

— Когда мы едем? — спросила Мелисента.

— Ты не едешь. Только мужчины... Даже королев и то не звали: кое-какие проблемы обороны. Да и вообще Камелот сейчас не место для юных девиц. Королева Джиневра, конечно, женщина обаятельная, но... так сказать...

— Ах, отец, ну что вы, ей-богу! — воскликнула Мелисента. — Мы отлично знаем про нее и про сэра Ланселота...

— Ничего ты не знаешь! — закричал король, внезапно рассвирепев. — И никто ничего не знает! Все это дурацкий вздор!

— Ну что ж, если это вздор, — сказала Мелисента, — почему мне нельзя...

Но король не желал больше слушать никаких возражений:

— Не вздумай спорить с нами, девочка. У тебя нет ни логики, ни здравого смысла. А теперь — тихо. Нам надо подумать. Зачем мы здесь? Ах да, мы хотим взять с собой в Камелот нашего карлика Грумета. Куда ты его девала?

— Нет, отец, дорогой, пожалуйста, не увозите опять Грумета в Камелот, — запротестовала Мелисента. — Он не

умеет говорить... и у него только два трюка, да и те уже старые-престарые...

— Вполне довольно. Между прочим, трюк с паштетом из оленины имел в прошлый раз потрясающий успех. Сэр Пелеас предлагал нам в обмен на Грумета своего главного оружейника. Нет, он нам необходим. Где он? Говори толком, дитя мое, где он?

Мелисента была в чрезвычайном затруднении.

— Видите ли, отец... дело в том, что... я послала его поискать одного человека...

— Одного человека? — вскричал король. — Кого? Куда? Зачем?

— Ну... вы помните магистра Мальгрима, волшебника?

— Как же. Недавно заявился. Прибыл с письмом от короля Марка, ищет нашего покровительства. Не очень-то он нам понравился. Слишком нос задирает. Так что с ним такое?

— Он одолжил мне волшебное зеркало, — сказала Мелисента все так же нерешительно. — Если кто-нибудь о тебе думает, ты увидишь его в этом зеркале...

— Вздор! Вы, девчонки, готовы поверить во что угодно. Где оно?

Мелисента протянула ему зеркало, и мгновение-другое король не отрываясь глядел в него.

— Ну, ясно, так мы и думали. Наше собственное лицо — и ничего больше!

— Смотрите внимательно, государь, — сказала Нинет, сочтя, что ей пора вступить в разговор.

— А мы и смотрим внимательно, — отозвался король, все еще не отводя глаз от зеркала. — Ох, это еще кто такой? Вроде бы сэр Кэй, управитель дворца в Камелоте. Да, верно... он сейчас думает о нас.

— Обо всех нас? — осведомилась Мелисента.

— Да нет, о нас лично, о нашем королевском величестве. Ей-богу, он опять собирается поместить нас в те же холодные покои на северной стороне, а там сквозняк так и гуляет. Ну уж нет, на этот раз мы там жить не станем. Вот... держи свое зеркало. Но при чем тут наш карлик?

Ты ведь говоришь, что послала его искать кого-то, так, что ли?

Он взглянул на дочь с некоторым подозрением.

— Вчера,— мечтательно промолвила Мелисента,— я посмотрела в это зеркало и увидела человека по имени Сэм, который думал обо мне. Он был так мил.

— Мил? Вздор! И кто он такой, этот Сэм? Мы никогда о нем не слыхали. Стало быть, ты отправила нашего карлика с поручением к этому проходимцу?

— Я попросила магистра Мальгрима, волшебника, чтобы он своими чарами помог карлику Грумету найти Сэма. Потому что Сэм не в нашем королевстве и вообще ни в одном из тех, какие мы знаем...

— Ну а где же он тогда?

— Видите ли... Сэм вообще не имеет отношения к тому, что называют всамделишной жизнью.

— А-а-а, вон оно что, так бы сразу и говорила.— Король Мелиот был восхищен собственной проницательностью.— Забила себе голову мифами, легендами, сказками, а? Дело неплохое, если только этим не злоупотреблять. Так-так... Ну а теперь подавай-ка сюда карлика.

— Но я не могу, отец. Он отправился искать Сэма, я ведь вам уже сказала.

— Какой смысл,— спросил король раздраженно,— посылать всамделишного карлика на розыски человека, которого на самом деле нет?

— Да я не говорила, что Сэма нет на самом деле, наоборот!

— Если он не из всамделишной жизни, стало быть, его на самом деле нет! — Король орал во всю глотку и сверкал на принцессу глазами.— Он воображаемый! Вот и посылай на розыски воображаемых карликов — ради Бога, сколько душе угодно. Но зачем посылать всамделишного карлика? Сто чертей! Ни логики, ни разума, ни здравого смысла! Нет, дочка, это у тебя, видно, летний приступ бледной немочи! — Он кинулся к дверям и еще на ходу закричал: — Магистр Джарви! Магистр Джарви!

Спустя несколько мгновений в дверях показалась длинная и важная физиономия королевского медика. Он поклонился и вопросительно взглянул на короля.

— Нет, не мы, принцесса Мелисента,— проговорил король нетерпеливо.— Страдает видениями... вздорные выдумки. Говорит, будто отправила карлика Грумета искать какого-то типа, которого на самом деле не существует. Наверно, приступ чего-нибудь этакого...

— Отец, я совершенно здорова...

— Вздор!

— Ваше высочество,— сказал Джарви, приближаясь,— осмелюсь заметить: хоть сколько-нибудь уверенно обратиться к опытному медику с таким заявлением, как ваше, могут весьма немногие. Готов согласиться, что вы чувствуете себя совершенно здоровой. Но быть совершенно здоровой и чувствовать себя здоровой — далеко не одно и то же. Позвольте, ваше высочество...

— Стой смирно, дитя мое! — предупредил король.— Ради твоего же блага!

Медик сосчитал у принцессы пульс, пощупал ей лоб, оттянул книзу веко, посмотрел язык и заставил свою пациентку сказать «а-а-а». Сам он то и дело приговаривал «хм-хм».

— Ну, твое мнение, Джарви? — спросил король нетерпеливо.— Говори. Не можем же мы торчать здесь весь день.

— Естественная гармония четырех первичных влаг несколько нарушена,— сказал Джарви с неопишуемой важностью.— Плотная, черная и кислая влаги, очищенные от соков селезенки, недостаточно надежно оберегают в крови горячую влагу, или же, как учит нас Гален, природная пневма, возникающая в сердце, не сдерживает в должной мере пневму жизненную, возникающую в печени. Отсюда слишком быстрое освобождение возникающей в мозгу душевной пневмы, что в свою очередь разжигает пустую игру воображения.

— Верно! — вскричал король.— Пустая игра воображения! Вот что неладно с нашей девочкой! Ах, что бы мы стали делать без науки — подумать страшно. Какое снадобье назначишь, Джарви?

— Распустить в уксусе жемчужину, добавить толченого зуба дракона, принимать на ночь и утром; толченую мумию и корень мандрагоры в теплом вине — в полдень и вечером. Не есть пудингов с олениной и свиной. Не надевать алых платьев. До новолуния носить под сорочкой крылышко летучей мыши и высушенную жабу. И еще, пожалуй, палец повешенного...

— Ни за что на свете! — Мелисента отчаянно замотала головой и топнула ножкой.

Медик снисходительно улыбнулся:

— Хорошо, можно обойтись без пальца. Но снадобья принимайте...

— За этим присмотрим мы, — сказал король. — Ступай, магистр Джарви. Прими нашу благодарность. — Он помахал рукой, потом повернулся к дочери. — Мелисента, отсюда ни на шаг!

— Ах, отец, я буду сидеть взаперти?

— Вот именно, взаперти. Леди Нинет, благородная Элисон, извольте позаботиться об этом — или вам несдобровать. Чтобы отсюда ни на шаг! И чтобы никаких глупостей! А карлик Грумет — не сойти мне с этого места! — валяется пьяный где-нибудь в замке. Если он вернется сюда, от-правьте его ко мне немедленно.

Мелисента была в отчаянии:

— Но магистр Мальгрим поклялся, что может послать Грумета из всамделишной жизни туда, где Сэм...

Король Мелиот двинулся было к двери, однако тут повернулся и погрозил дочери пальцем:

— Мальгрим — шарлатан. Грумет — жалкий пьянчужка, бессловесная тварь. Ты — вздорная больная девчонка, у тебя воспаление мозгов. Твой Сэм — легенда, персонаж из сказки, романтические бредни. Наши повеления вам известны — всем вам, извольте подчиняться. Доставайте-ка свои иглы и нитки. Мы заняты делом. И вы должны заниматься делом — делом, делом, делом, делом! — Он отворил дверь и крикнул: — Отставить трубы, отставить! Нагремелись нынче утром, хватит.

И он исчез.

Три девушки поглядели друг на друга в унынии и растерянности.

— Теперь — за вышивание, — грустно промолвила Элисон.

— Мы должны что-нибудь придумать, — сказала Нинет. Но на этот раз в словах ее не было ни уверенности, ни запала, ни коварства.

Повернувшись к ним спиной, Мелисента молчала. Она глядела в синее и золотое утро, которое обещало так много и не принесло ничего, кроме толченой мумии, мандрагорового корня и прочей мерзости.

— Что с вами, Мелисента, дорогая? — сказала Элисон.

Голос Мелисенты звучал слабо, едва слышно:

— Я полюбила Сэма. И не знаю, где он... кто он... когда он... и теперь больше не верю, что Грумет сможет его найти.

Она расплакалась и выбежала из залы. Нинет и Элисон взглянули друг на дружку. Губы их шептали: «Бедняжка Мелисента!» — а глаза блестели от удовольствия. Внизу, у винтовой лестницы, с шумом захлопнулась тяжелая дверь.

Глава вторая СЭМ И КАРЛИК

У Дэна Диммока («Зовите меня просто Д. Д., старик!») из рекламного агентства «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс» был великолепный кабинет, лучший в конторе, с двумя рядами высоких окон. К сожалению, прогресс в тех краях шагал семимильными шагами и сквозь оба ряда окон врывался грохот пневматических дрелей. Диммок сидел за большим столом, рассматривая какой-то эскиз. Это был грузный, озабоченный и неопрятный человек — дорогой костюм всегда сидел на нем так, словно его хозяин спал не раздеваясь, а говорил мистер Диммок на поразительной смеси ланкаширского с американским, словно частица Мэдисон-авеню каким-то образом перенеслась в Бэрнли.

Перед столом, глядя на шефа, стояли его помощники — Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит. Обоим было

по тридцать с небольшим, и они были так похожи, что могли бы сойти за близнецов, хотя на самом деле в родстве не состояли. Но оба были высокие, стройные, энергичные, полные прыти.

— Меня это не устраивает,— сказал Диммок, бросая эскиз на стол.— И фирму «Жуй-да-плюй» не устроит. А главное, покупатель не клюнет. Нет, не пойдет.

В разговор вступили пневматические дрели и в течение следующих сорока пяти секунд не давали никому сказать ни слова.

— Совершенно с вами согласен, Д. Д.,— объявил Филип Спенсер-Смит, когда дрели наконец смолкли.

— Да, покупатель не клюнет, но наш клиент... Я не уверена, Д. Д.,— возразила Энн Датон-Свифт.

— Зато я уверен,— сказал Диммок.— Говорю вам — не пойдет. Для «Жуй-да-плюй» ни к черту. Что у нас дальше?

— «Чулоч прекрасной дамы»,— сказала Энн.— Потрясающая тема. Можно сделать шикарный бизнес. Нужна броская реклама на обложку! Романтическая атмосфера. Работает Сэм Пенти.

Диммок проговорил в микрофон селектора:

— Пегги, попросите мистера Пенти принести то, что он сделал для «Прекрасной дамы». Только живо!

— Если хотите знать мое мнение, Д. Д.,— начала Энн, но тут снова завели речь пневматические дрели. Диммок проглотил две таблетки. Видимо, Энн не переставала говорить, потому что, когда дрели замолкли, она спросила: — Разве я не права?

— Ничего не могу сказать,— проворчал Диммок.— Не слышал ни слова из-за этих вонючих тарактелок.— Он бросил взгляд на микрофон.— Пегги, отправьте еще один протест по поводу этих дрелей.— Он снова положил в рот таблетку и запил водой.

Вошел Сэм Пенти с папкой в руке и изогнутой вишневой трубкой в зубах. Это был широколицый коренастый мужчина за тридцать в желтом джемпере и забрызганных краской вельветовых брюках.

— Привет, Д. Д.! Энн, Фил, привет. Хороший денек.

— Не заметил, Сэм,— ответил Диммок.— Забот полон рот.

— А вот у меня одна забота,— сказал Сэм.— Одно из головы не идет — что сегодня тридцать первое июня.

Диммок уставился на него:

— Тридцать первое июня?

Мисс Датон-Свифт издала мелодичный смешок:

— Не болтай глупостей, Сэмми. Тридцать первого июня не бывает.

Сэм был невозмутим:

— Да, все так говорят. Но я проснулся с ощущением, что сегодня тридцать первое июня, и никак не могу от этого отделаться.

— Сэм, я вам скажу одну вещь,— проговорил Диммок, все еще не спуская с него глаз.— Вы мне нравитесь, хотя, по идее, и не должны бы.

— Присоединяюсь, Д. Д.,— подхватил Филип Спенсер-Смит.

— Зачем вы служите у нас? — продолжал Диммок.— Сколько раз ни спрашивал себя, не могу понять.

Сэм задумался:

— Потому что я плохой художник. Не по вашей мерке, а по моей. Вот я и служу у Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса... и зарабатываю себе на хлеб. Кстати, что это за Тукс, черт бы его побрал? Может, вы, Уоллеби и Пейли, выдумали его?

— Тукс — это наш финансовый бог,— ответил Диммок.

— Парень первый сорт,— сказал Филип.

— Писанный красавец,— сказала Энн.

— Верно,— подтвердил Диммок.— И — только строго между нами! — смрадный человечек. Эх, не надо бы мне этого говорить!

— Нет, почему же,— возразил Сэм, открывая папку.— Ведь сегодня тридцать первое июня. Ну, так вот.

Он вынул сверкающий яркими красками рисунок и поставил на стул. Это был портрет принцессы Мелисенты Перадорской, и, надо сказать прямо, портрет отличный.

— Вот что я сделал для «Прекрасной дамы» — до двух ночи провозился. Прежде чем обсуждать, попытайтесь уловить самую суть.

Но, пока Диммок и Энн улавливали суть, Сэм отвел Фила в сторону, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз.

— Послушай, Фил, что это за карлик шныряет здесь с самого утра, в красно-желтом камзоле и штанах в обтяжку?

— Карлик? Я не видел никакого карлика.

— Все время тут крутится. Так и лезет в глаза.

— Должно быть, позирует кому-нибудь в художественном отделе, Сэм.

— Он молчит как пень. Заглянет в дверь, ухмыльнется, кивнет — и след простыл.

— Сэм, старина, у тебя богатое воображение!

— Надо надеяться. Воображение в моем ремесле — все. Но почему вдруг карлик и красно-желтые штаны в обтяжку? Диммок объявил свой приговор:

— В этом что-то есть.

— Вы похитили мою мысль, Д. Д., — сказала Энн.

— Но с другой стороны, — прибавил Диммок с сомнением, — не знаю...

— Именно! Ведь с этой «Дамой» не так-то просто договориться.

— Ваше мнение, Фил?

— Вполне совпадает с вашим, Д. Д.: и да — и нет...

— Давайте отвернемся на минутку, — предложил Диммок, — а потом посмотрим снова, будто в первый раз.

— Кто тебе позировал, Сэм? — спросила Энн.

— Никто. Во всяком случае, никто в нашем мире. Это целая история, рассказывать не стоит.

— А почему бы и нет? — возразил Диммок. — Давайте выпьем. Всем как обычно? Пегги, дайте нам четыре двойных джина.

Не успел он распорядиться, как из-за стены донеслось громкое пение, возвестившее начало рекламной передачи, но тотчас было заглушено пневматическими дрелями, грохотавшими так неистово, что дребезжали стекла. Когда восстановилось какое-то подобие тишины, Диммок хмуро продолжил:

— Никто не может упрекнуть меня в том, что я недостаточно предприимчив или нерасторопен. Корпишь над делами, выколачиваешь деньгу по шестнадцать часов в сутки... по меньшей мере. И всякий раз диву даешься: как это мы все еще с ума не посходили!.. Спасибо, Пегги, поухаживайте за нами, пожалуйста.

Пегги, секретарша мистера Диммока, была хорошенькая, тихая, как мышка, девушка, до того похожая на благородную Элисон из Перадора, что никто, кроме ученого, не решился бы назвать это случайным совпадением.

— Спасибо, Пегги,— сказал Сэм, принимая от нее бокал.— Девушки, никто из вас не видел сегодня красно-желтого карлика?

— Нет,— отвечала Пегги с полной серьезностью.— А что, мистер Пенти? Вы потеряли карлика?

— Наоборот, никак от него не отвязусь.

— От чего вы никак не отвязетесь, Сэм? — спросил Диммок, когда Пегги вышла. Он засмеялся.— Мне почудилось, вы что-то сказали про красно-желтого карлика, но это я ослышался, правда?

— Нет, именно так я и сказал. Ну ладно, за процветание Уоллеби, Диммока, Пейли... и, если угодно, Тукса. Так вот, вчера, когда вы дали мне это задание, сел я за стол и задумался. Прекрасная дама... рыцари в латах... замки... король Артур и Круглый стол... драконы... поиски приключений... принцессы в башнях... сами знаете — замшелая чушь. И вдруг, словно в какой-то освещенной раме, я увидел девушку: на ней был средневековый наряд, и она улыбалась мне. Девушка исчезла не сразу, так что я успел сделать первый набросок. А потом, когда я уже работал красками и сомневался в оттенках, она показалась еще два раза, почти осязаемая и такая прелестная, как раз в те мгновения, когда больше всего была мне нужна.

— Я вижу, ты увлечен этой девушкой, Сэм,— заметила Энн.

— Конечно. Никогда еще так не увлекался. Эта девушка специально для меня создана.

— А ведь все одно воображение! — задумчиво проговорил Диммок.

— Пожалуй,— отозвался Сэм,— но что такое воображение? Ни один человек нам этого не скажет, во всяком случае, ни один из тех, кто сам наделен хоть капелькой воображения. Ну и вот, просидев полночи в надежде увидеть ее еще раз, я проснулся утром с ощущением, что сегодня тридцать первое июня...

Диммок резко прервал его:

— Сэм, вы знаете, я вам не только хозяин, но и друг. Согласны вы сделать мне маленькое одолжение?

— Конечно, Д. Д.

— Прекрасно.— Диммок наклонился к микрофону.— Пегги, доктор Джарвис еще у мистера Пейли? Да? Тогда попросите его зайти ко мне.— Он поглядел на Энн и Фила.— Вам обоим лучше уйти. Дело касается только Сэма, меня и его. Ах да, Энн... пока вы здесь... у меня тут где-то были образцы «Дамы»...— Он принялся шарить в столе и вытащил несколько пар отличных нейлоновых чулок.— Вот, задрапируйте-ка Сэмов эскиз, чтобы нам точно знать, как это все komponуется, не забывает ли рисунок изделие, ну и так далее...

— «Дама» это купит,— заявила Энн, делая вокруг рисунка чулочную рамку.— Но поговорить с ними придется крупно. Главное дело — Мэгги Роджерс. Она помешана на парижском «Вог»... Ну, пошли, Фил.

— Энн, лапочка,— начал Фил, когда они двинулись к выходу.— Я не в восторге от нашего эскиза для «Маминоного пусика». Минни и Джеф его не вытянули...

Оставшись наедине, Сэм и Диммок взглянули друг другу в глаза.

— А доктор-то к чему? — спросил Сэм.

— Да вы не беспокойтесь, он вас быстренько осмотрит — и все. А вообще он малый первый сорт. Между прочим, консультирует в компании «Ваше здоровье». Вот, верно, и он. Войдите!

Доктор Джарвис был как две капли воды похож на магистра Джарви из Перадора. Единственное отличие состояло в том, что вместо долгополой черной мантии он носил кургузый черный пиджак и брюки в полоску.

— Приветствую вас, доктор Джарвис,— сказал Диммок.— Знакомьтесь: Сэм Пенти, один из наших лучших художников. У него что-то неладно со сном. Какие-то видения — девушки, карлики. И потом, он думает, будто сегодня тридцать первое июня.

— Ну и что из того? — проворчал Сэм.— Я совершенно здоров.

— Мистер Пенти,— сказал доктор, приближаясь,— мой опыт свидетельствует, что совершенно здоровы лишь очень немногие, хотя многие склонны воображать, будто совершенно здоровы. А вы, надо полагать, относитесь к типу людей с повышенной деятельностью воображения...

— Относится, доктор, относится,— подтвердил Диммок.

— Ну-с, мистер Пенти, позвольте... И не глядите так хмуро.

Он сосчитал у Сэма пульс, пощупал ему лоб, оттянул книзу веко, посмотрел язык и заставил своего пациента сказать «а-а-а». Сам он то и дело приговаривал «хм-хм».

— Эйдетизм,— сказал доктор Джарвис,— связанный, вероятно, с гиперфункцией щитовидной железы и неустойчивым общим обменом, влекущим за собою дефицит йода и кальция. Быть может, в недавнем прошлом имело место воздействие коры надпочечников на кальциевый обмен, нарушившее нормальную функцию паращитовидных желез. Не исключены почечные расстройства... бессонница... чрезмерная возбудимость функции эйдетической образной памяти, вызванная главным образом гиперфункцией паращитовидных желез и гиперфункцией щитовидной железы, иначе говоря — известным нарушением щитовидно-паращитовидного равновесия, что ведет к устойчивой объективации образов эйдетического воображения, галлюцинациям...

— Верно, доктор! — торжествуяше вскричал Диммок.— Галлюцинации! Именно это его и мучает. Ну а можете вы ему что-нибудь такое дать, как-то наладить все это?

— Я попрошу моего аптекаря прислать глюконат кальция и витамин «Д» в таблетках — пусть принимает три раза в день. Приготовим микстуру с уротропином, хинной кислотой и теоброминном — принимать два раза в день. Хорошо

еще микстуру с бромом — на ночь и утром. Не злоупотреблять алкоголем и поменьше углеводов.

— Ясно, Сэм? Ну, доктор, блеск! Попали в самую точку! Огромное вам спасибо!

— Рад быть полезным,— ответил доктор Джарвис.— Всего доброго, джентльмены.— И он вышел, чтобы быть полезным где-нибудь в другом месте.

— Он все наладит,— сказал Диммок.— Готов держать пари, Сэм, через день-другой никаких видений и в помине не будет.

— Да я не против видений. Наоборот.

— Но ведь вы же знаете, чем кончают люди, которые видят то, чего не видят другие?

— Знаю,— ответил Сэм.— Они попадают в Национальную галерею¹.

Диммок принялся перебирать бумаги у себя на столе.

— Нет, я хочу сказать, те, которые думают, будто сегодня тридцать первое июня... вы меня сперва озадачили, Сэм, не скрою... и те, которые ни с того ни с сего начинают расспрашивать про красно-желтых карликов — штаны в обтяжку.— Он говорил, не поднимая глаз от стола. А если бы он их поднял, то увидел бы, что карлик Грумет, в красно-желтом камзоле и штанах в обтяжку, появился в его кабинете, но только не из-за двери, а скорее всего вылез из шкафа.— Ведь здравый смысл гласит, что никаких красно-желтых карликов здесь нет... да и на что они нам, ума не приложу!.. И что все это одно воображение...

Тут Сэм прервал его.

— Тсс! — прошипел он, указывая на карлика, который уморительно кривлялся, скалил зубы и тыкал пальцем в его сторону.

— Мать честная! — заревел Диммок.— Эй... ты!

Помахав напоследок Сэму, карлик с озорной ухмылкой схватил рисунок и чулки, опрометью бросился к шкафу, юркнул в него и исчез.

— Он утащил мой рисунок,— сердито сказал Сэм.— Эй! Эй!

¹ Знаменитая картинная галерея в Лондоне. (Примеч. пер.)

— Держи его! — закричал Диммок, выскочив из-за стола. — Держи!

Они настежь распахнули дверцы шкафа, но там были только тесные ряды книг и папок с бумагами, а карлик исчез бесследно.

Диммок растерянно посмотрел на Сэма:

— Отсюда он не мог улизнуть.

— Нет, мог. И улизнул. Думаю, что он и вошел через этот шкаф.

— Хватит, Сэм, — сказал Диммок с раздражением. — У меня уже и так голова кругом пошла.

Он стал давить на кнопки звонков у себя на столе, и в кабинете снова появились Энн и Фил. На их лицах была написана тревога.

— Я ухожу, — твердо объявил Сэм. — И сегодня, тридцать первого июня — да-да, тридцать первого! — возвращаться не намерен.

— Что?.. Вы домой, Сэм? — спросил Диммок.

— Нет, в заведение по соседству — знаете, «Вороной конь» на Пикок-Плейс... пока доберусь, его как раз откroют. И будь я на вашем месте — на вашем, Д. Д., и на вашем, Энн и Фил, — я б махнул рукой на работу. Сегодня дурной день.

И Сэм выбежал из кабинета.

— Д. Д., — начала Энн укоризненно, — не надо было отпускать Сэма, пока мы не решили окончательно насчет «Прекрасной дамы». Где его рисунок? — Она огляделась по сторонам. — Смотрите-ка, Д. Д., он, должно быть, унес его.

— Нет, не унес.

— Но его нет, Д. Д., значит, кто-то его унес.

Фил скривил губы в бледном подобии усмешки:

— Может быть, красно-желтый карлик, лапочка.

Диммок не обращал на них никакого внимания.

— Пегги, принесите мне две таблетки аспирина и стакан воды.

— Брось паясничать, Фил, — сказала Энн строго. — Это дело, а не игрушки. Д. Д., унес кто-нибудь рисунок?

— Да.— Диммок говорил очень медленно, с трудом выдавливая слова и тяжело дыша.— Красно-желтый карлик. Схватил его и нырнул вон в тот шкаф.

Энн улыбнулась, но в улыбке ее был укор.

— Ну, Д. Д., пожалуйста...

Последовал взрыв.

— Говорю вам,— во всю мочь заорал Диммок,— красно-желтый карлик уволок этот рисунок! Он нырнул... ах, чтоб тебя!

Опять загрохотали пневматические дрели, и Диммок, разом онемев, в ярости отшвырнул бумаги и забарабанил пальцами по столу.

Глава третья ДВА ВОЛШЕБНИКА

В Ковровом покое замка короля Мелиота сидели Мелисента и Нинет, делая вид, будто слушают игру Лэмисона на лютне. (А где же Элисон? Уж не спешит ли, в образе секретарши Пегги, к Диммоку с двумя таблетками аспирина и стаканом воды?) Лэмисон закончил свой номер замысловатым аккордом и несколькими фальшивыми нотами, потом встал и поклонился.

— Благодарю вас, Лэмисон,— снисходительно промолвила Мелисента.— Очень мило... но мы, к сожалению, не в духе. Можете идти.

Нинет бросила на него суровый взгляд:

— И постарайтесь выучить «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

Едва Лэмисон вышел, Мелисента сказала капризно:

— Кому он нужен, этот «Черный рыцарь»? Или любого другого цвета, какого хотите! До смерти надоели рыцари!

— Я и сама миллион раз это говорила.

— И вечно этот дурацкий лязг, гром, звон! Вечно им то пристегивают что-нибудь, то отстегивают. Чушь какая!

— И не говорите,— сказала Нинет.— Я себе все ногти обломала, когда помогала расстегивать сэра Мариса на Астолатском турнире. А потом он целый день говорил про

геральдику, все говорил и говорил, и все про геральдику — я чуть не взывала. Нет, мне куда больше нравятся чародеи.

— Ну, чародеи-то всем нравятся, Нинет, дорогая моя.

— Нет, я хочу сказать — профессионалы, настоящие волшебники.

Мелисента поморщилась:

— Они все такие старые...

— Да, но искусный волшебник, если очень его попросить, будет выглядеть на столько лет, на сколько вы захотите.

— Я знаю... И все-таки я бы чувствовала, что на самом деле он старый и плесенью припахивает...

— Вы только об одном и думаете — о своем Сэме.

— Все твержу себе, что не надо думать,— грустно сказала Мелисента.— Вчера было так чудесно! А сегодня... что там могло случиться?

— Нельзя ждать событий — надо самим их устраивать,— объявила Нинет.

— Но с моей помощью, сударыни, не так ли? К вашим услугам, высокороднейшая принцесса.

Тот, кто произнес эти слова, стоял перед ними, возникнув, по-видимому, из пустоты. Он был высок и хорош собой, в весьма, однако, зловещем стиле — нос у него был длинный, острый, усы и бородака иссиня-черные. На нем было роскошное колдовское облачение со знаками Зодиака, вышитыми золотой и серебряной канителью. У него был тот слишком тщательный выговор, который на любом языке звучит несколько по-иностранному.

— Магистр Мальгрим,— произнесла Мелисента в истинно королевской манере,— вы не должны были появляться так внезапно. Мы не давали вам на то своего соизволения. Нинет, это магистр Мальгрим, новый волшебник, он прибыл от короля Марка. Леди Нинет.

Он поклонился, и Нинет ответила ему улыбкой.

— Как вы это сделали, магистр Мальгрим?

— Очень просто: я был невидим,— сказал чародей любезно-снисходительным тоном.— Метод простой и быстрый, принят теперь почти повсеместно. В наше время только уж очень старомодные волшебники и маги по-прежнему

предпочитают превращения. Например, мой дядя. Он непременно желал меня сопровождать, но решил войти в замок и подняться сюда в обличье бурой крысы... Кажется, его еще нет? Ну что ж, это подтверждает мою точку зрения... Метод рискованный, медленный и примитивный.

— Надеюсь, к нам он в обличье бурой крысы не войдет? — сказала Мелисента.

— Как знать, дядя способен на озорство, — отозвался Мальгрим, — и к тому же обожает пускать пыль в глаза. Кстати, его зовут Марлаграм. Волшебник старой Мерлиновой школы.

Нинет, которая все время глядела на него с нескрываемым восхищением, теперь воскликнула:

— Магистр Мальгрим, вы меня просто очаровали!

— Чаровать — моя профессия, леди Нинет. Но если вы относите свое замечание к моим личным достоинствам — я польщен, я счастлив. — Он улыбнулся и отвесил поклон. — А теперь, принцесса Мелисента, я должен просить вас вернуть мне мое зеркало. Оно при вас? Ах, вот оно... будьте добры... И не надо так огорчаться, умоляю вас. Его сила быстро иссякает, если один и тот же человек пользуется им слишком часто. Вы, должно быть, и сами в этом убедились.

Мелисента сразу повеселела.

— Тогда, может быть, Сэм все-таки думает обо мне и сегодня, только это несчастное зеркало его не показывает! Но где же карлик Грумет? Нашел он Сэма? Ну говорите же, магистр Мальгрим, говорите!

Он пожал плечами, вытянул руку и раздвинул веером пальцы — все в сугубо неанглийском стиле, — а потом величественно возвестил:

— Вы слишком торопитесь, высокородная принцесса. Не забывайте — мне было отказано в должности Придворного мага и Штатного волшебника королевства Перадор. А между тем благодаря моей могущественной и на редкость искусной помощи карлик Грумет вернулся с прекрасными и удивительными дарами.

— От Сэма? Какое счастье! Но где же он? — Мелисента чуть не приплясывала от нетерпения.

— В самом деле, где он? Не сомневаюсь, что один из ваших штатных придворных волшебников мог бы доставить вам необходимые сведения.

— Вы же отлично знаете — у нас при дворе вообще нет волшебников!

— Мелисента, дорогая, — сказала Нинет, — с ним нельзя разговаривать в таком высокомерном тоне. Он слишком, слишком умен. — Она призывно улыбнулась Мальгриму, и волшебник выразил свою признательность поклоном.

— Хорошо, чего же вы хотите, магистр Мальгрим? — спросила Мелисента.

Прирожденный интриган и заговорщик, Мальгрим не колебался и не раздумывал ни секунды.

— Много лет назад, когда ваш отец был еще юным рыцарем, Мерлин подарил ему золотую брошь. Говоря вполне откровенно, я бы ее похитил, если б мог. Но ни один из даров Мерлина похитить невозможно. Вы или ваш отец должны вручить ее мне сами, по доброй воле. Поклянитесь мне выполнить это условие, и я исполню ваше желание. Однако, прежде чем вы хотя бы краешком глаза увидите карлика и дары, которые он принес, я должен услышать вашу клятву.

Мелисента колебалась, не зная, что ответить, как вдруг чей-то голос прокричал:

— Обождите! Обождите! Никаких клятв!

Посреди Коврового покоя появился маленький старичок. Он хихикал, бормотал что-то невнятное и подпрыгивал на месте. Девушки взвизгнули. Мальгрим почернел от ярости. Это был, конечно, его дядюшка Марлаграм. С длинной бородой, в потрепанном платье, он несколько не напоминал своего великолепного племянника и, как видно, был представителем древней породы простоватых, неотесанных колдунов — тех, что сродни троллям, гномам и эльфам. Но, несмотря на свой древний вид, это был весьма живой старый колдун, так и кипевший поистине дьяволической энергией. То и дело он раздражался пронзительным кудахтающим хихиканьем, и впредь в нашем рассказе мы так и будем передавать этот звук — «хи-хи-хи!», хоть это и не совсем удачно.

— Мой дядя,— проговорил Мальgrim с холодным отвращением,— магистр Марлаграм.

— Не трудитесь объяснять мне, кто эти барышни, племянник. Знаю, знаю... хи-хи-хи! — Он вытянул длинный и очень грязный палец.— Вы — принцесса Мелисента... славный, сочный, лакомый кусочек, м-да... эх, будь мне снова только девяносто, не дожидаться бы вам с Сэмом от меня подмоги... я бы сам за вами приударил... хи-хи-хи!

— Вы противный старикашка,— сказала Мелисента, впрочем, без особого неудовольствия.

— Совершенно верно, девочка, так оно и есть,— весело отозвался Марлаграм.— Но к тому же я еще очень-очень-очень умный, и вы скоро в этом убедитесь. Хи-хи-хи! — Тут он указал пальцем на Нинет и подошел к ней поближе.— А вот это — зловредная девка... ох и язва же ты, просто беда!.. И что за будущее тебя ждет — штучки-дрючки, фигли-мигли, шуры-муры!

— Что ж, я к этому готова,— сказала Нинет ледяным тоном.

Неугомонный старикашка так и запрыгал.

— И дело уже на мази, и штучки-дрючки, и фигли-мигли, и шуры-муры — все уже у самого порога! Хи-хи-хи!

— Пыль в глаза пускает,— холодно произнес Мальgrim.— Вечно одно и то же. До чего же, однако, безвкусно и нудно. Всю нашу корпорацию дискредитирует.— Он погрозил дяде пальцем.— Говорил я вам, что буду здесь первым, и вот, пожалуйста, обставил вас по малой мере минут на десять.

— Ах, чтоб тебя! Пришлось задержаться внизу — так, одно веселенькое дельце.— Теперь старикашка глядел на Мелисенту, и его глаза под включенными бровями поблескивали, словно стеклышки в пыли под колючей изгородью.— Видите, моя дорогая, что он затеял? Хочет вас убедить, будто его дядя устарел. Но я знаю целую кучу таких проделок, какие ему и невдомек. Я ведь выслуживал свой срок у Мерлина еще до того, как этот молодчик на свет появился... Хи-хи-хи! Вы ждете карлика Грумета, верно?

— Да! — нетерпеливо воскликнула Мелисента.— Где он?

— Он будет здесь,— поспешил вмешаться Мальгрим,— как только вы дадите мне клятву...

Но дядя резко оборвал его:

— Не верьте ему, не верьте, моя дорогая! Не достать ему карлика... хи-хи-хи! Руки короткие.

— Дядя, это невыносимо! — не выдержал Мальгрим.— Я предупреждал вас, просил не вмешиваться...

— Хи-хи-хи!

— Хотите помериться со мной силами, старый глупец?

— Хочу, хочу, хочу! Хи-хи-хи! Спортивное состязание... всего один раунд... по Мерлиновой системе... победитель доставит принцессу к Сэму.

— Быть по сему! — возвестил Мальгрим, величественно выпрямляясь.— Итак, повелеваю вам...

Девушки испуганно взвизгнули и отпрянули от чародеев, которые теперь пристально глядели друг на друга сквозь зловещие сумерки, внезапно залившие залу.

— Валяй, малыш, повелевай! — завопил Марлаграм, продолжая скакать и дурачиться.— Командуй, пока башка не отвалится.

Мальгрим был ужасен — ужасны были его слова на каком-то колдовском наречии.

— Вартагракка, Марлаграм, о террарма вава марвагриста Демогоргоп!

Сумерки сгустились в черную мглу, грянул гром, сверкнула молния, удушливо запахло серой. Девушки, судорожно вцепившись друг в дружку, прижались к стене.

Но если Мальгрим был величествен, то не менее величественным — и в том же самом стиле — явил себя его старый дядя.

— Вартагракка, Мальгрим! — проревел он.— О терра марвина грудумагисторра Вельзевул!

Вслед за тем раздался оглушительный раскат грома и сверкнула молния, ослепившая обеих девушек. Когда наконец они оправились от страха и смятения и открыли глаза, то увидели, что мгла рассеялась, а вместе с нею бесследно исчез и Мальгрим. Старый Марлаграм, оставшись в одиночестве, скалил зубы и кудахтал.

— Все кончено,— объявил он им.— Ну что это вы так испугались, мои дорогие? Мальгрим провалился — и поделом ему. Слишком уж надутый, что твой индюк... и никакого уважения к старшим.

— Но что здесь произошло? — Мелисента еще не могла совладать со своим изумлением.— Я ничего не понимаю, магистр Марлаграм.

— Все очень просто, моя дорогая. Хи-хи-хи! Теперь я беру вас под присмотр и опеку. И не ставлю никаких условий, не прошу никаких клятв... заметьте это. Вы доверяете мне, а я доверяю вам. Добрые старые правила... Так ежели вам нужен этот Сэм, я вас к нему доставлю, где бы он ни был. Хи-хи-хи! Но сперва вы желаете видеть карлика, верно? Грумет! — позвал он.— Грумет! Грумет! Сюда, малыш, сюда, сюда!

В Ковровом покое внезапно посветлело, резко просвистал ветер — и вот Грумет уже перед ними. В руках у него рисунок и чулки, он скалит зубы и уморительно кривляется.

— О, Грумет! — ахнула Мелисента.— Ты его видел? И что это ты принес? Это Сэм написал мой портрет? Ах, поглядите... поглядите, Нинет... изумительно, правда?

Нинет поглядела:

— Нос не такой.

— Нет, такой! — возмущенно сказала Мелисента.— Вы просто завидуете. Нос — прелесть. Чудесный портрет. Какой молодец Сэм! А это что такое? Чулки? Ах, да вы только поглядите... Боже ты мой!

На этот раз Нинет была восхищена не меньше принцессы:

— Они такие... такие... такие прозрачные! Наверно, это колдовство.

— Я должна их примерить.

— А я?

— Нет, Нинет, пока не перестанете завидовать...

— Ну, довольно,— сказал Марлаграм.— Хотите увидеть этого Сэма?

— Конечно! Вы сказали, что доставите меня к нему.

— Тогда приготовьтесь. Мы отправимся через час. Ни раньше, ни позже. Чтобы разыскать этого Сэма, мне нужно

часок поработать. Он ведь не в двух шагах отсюда, сами понимаете... во всяком случае, не то, что обычно имеют в виду, когда говорят «в двух шагах». В пространстве — может быть, но не во времени. Одним словом, мне нужен час, чтобы решить эту задачу... А потом — в путь... Хи-хи-хи! Грумет, ты останешься здесь, малыш. А я пошел.

И, озаренный ярким светом, он исчез под свист ветра.

— Простите, Нинет,— сказала Мелисента, готовясь унести свои сокровища,— но придется вам остаться здесь. Вы никогда не испытывали к Сэму искреннего расположения, и я вижу, что лучше вас отстранить.

С этими словами она поспешно удалилась.

Нинет с омерзением посмотрела на Грумета, сидевшего на корточках у колонны.

— Если бы ты хоть говорить умел, дурачок несчастный! Что, разве и в самом деле так уж трудно найти этого субъекта по имени Сэм?

Карлик выразительно закивал.

— Без колдовства, видно, не обойтись, а?

Карлик не менее выразительно кивнул еще раз.

— Не то чтоб он мне был нужен, нет, конечно. Я нахожу всю эту затею просто смехотворной. Но я не стану молча терпеть подобное обхождение. Я не позволю себя отстранить, будто какую-нибудь пешку... Ах, если бы только магистр Мальгрим не дал так легко уложить себя на обе лопатки...

— Простите, леди Нинет,— сказал Мальгрим, на глазах у Нинет выходя из-за колонны.— Я должен внести небольшую поправку. Я действительно был на волосок от поражения. Но все дело в том, что мой дядя — а ведь он как-никак колдун опытный, со стажем,— приготовился к поединку, а я — нет. Зато теперь мой ход...

— Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Можете.— Мальгрим подошел ближе и понизил голос, теперь у него был вид заправского заговорщика.— Как только принцесса с моим дядей отбудут, приготовьтесь встретить Сэма.

— Сэма? Да ведь они его ищут.

— Но они его не найдут. А почему? Да потому, что я найду его первый. Ха-ха! Они будут искать его там, а я тем временем перенесу его сюда. И, когда он появится, вы его примете и займете. Итак, будьте готовы.

— Магистр Мальгрим! — восторженно воскликнула Нинет. — Я преклоняюсь перед вами!

— Вы мне льстите, леди Нинет, — возразил Мальгрим в лучшей великосветской манере. — А теперь, если позволите, мне надо прочесть мысли этого человечка. Поди сюда, Грумет. — Он пристально посмотрел на карлика, словно читая плохо оттиснутую страницу, потом повернулся к Нинет. — Помните, что вам надлежит делать, леди Нинет.

— Будьте покойны. Сэма я беру на себя.

— Тогда мы отправляемся.

Он положил руку карлику на плечо. Неведомо откуда налетел ветер и просвистал сквозь внезапно вспыхнувший свет. Чародей и карлик исчезли.

Прежде чем обдумать вопрос, в каком наряде ей встречать Сэма, Нинет позволила себе коротенькую передышку и горячо поздравила саму себя с успехом. Она почувствовала, что сейчас изречет чеканный афоризм.

— Заговор, — с наслаждением сказала она, — поднимает голову.

Глава четвертая В «ВОРОНОМ КОНЕ»

«Вороной конь» на Пикок-Плейс — крохотный оазис в пустыне из кирпича и штукатурки, что простирается между станцией метро «Саут-Кенсингтон» и Фулхэм-роуд. В то утро в тихом маленьком баре «Вороной конь», закрытом для непосвященных, было особенно мирно и тихо — здесь не было ни души, кроме толстого пожилого посетителя и тощей пожилой буфетчицы. Их беседа над пинтой смеси легкого пива с горьким, стоявшей перед посетителем, была довольно обычной в этих стенах, но отнюдь не являла собой образец природной смекалки, народной философии

и меткой критики существующих порядков, которыми искони славится английская пивная.

— Нет,— говорила тощая буфетчица с полнейшим безразличием,— он заходил во вторник — мистер Сандерсон, значит.

Толстяк обдумал это сообщение.

— Гм-м. А мне сказал — в среду.

— Может, и в среду,— поразмыслив, согласилась буфетчица.— А все-таки, сдастся мне, во вторник.

Толстяк был тоже человек учтивый.

— Может, он обчелся, когда сказал «в среду»?

— Что правда, то правда,— отозвалась буфетчица.

Последовало долгое молчание. Где-то тихо тикали часы. Луч солнца заблудился между бутылками с ликером над головой у буфетчицы.

— Но разве я не могла ошибиться, когда сказала «во вторник»?

— Что правда, то правда,— сказал толстяк. Он прислушался к жужжанию огромной синей мухи, словно у той могло быть особое суждение касательно действий мистера Сандерсона.— Как ни верти — все равно: либо вторник, либо же среда.

— Что правда, то правда,— сказала женщина.

В бар влетел Сэм Пенти:

— Доброе утро! Доброе утро!

— Утро доброе,— равнодушным голосом сказала женщина за стойкой.— Погодка-то опять разгулялась.

— Да-да, разгулялась. Будьте добры, двойной джин и стакан горького.— Буфетчица отвернулась от стойки, чтобы налить пиво и джин, а Сэм поглядел на толстяка, который уставился в свою кружку с таким вниманием, словно рассчитывал обнаружить на дне мистера Сандерсона.— Да что там, второго такого тридцать первого июня и не припомню. А вы?

— И я тоже,— сказал толстяк. Но вдруг забеспокоился, извлек из кармана записную книжку, насупившись, принялся ее изучать и наконец бросил подозрительный взгляд на Сэма, который в этот миг получил свой заказ и расплачивался.

— Спасибо,— сказал Сэм буфетчице.— Ну а как у вас... вообще?

— Да все тихо-спокойно,— отвечала она.— А только, сдается мне, мистер Сандерсон заходил к нам во вторник.

— А я и не спорю,— с величайшей горячностью заверил ее толстяк.— Но мне он сказал — в среду.

— Что правда, то правда,— согласилась женщина. И, немного подумав, добавила: — Но ведь он мог перепутать, как вы думаете?

— Мог.— Толстяк допил свою смесь.— А только и вы могли ошибиться, когда сказали, что был, дескать, во вторник,— нет, что ли?

— Что правда, то правда. Может, оно и по-вашему — в среду.

— Ежели только не во вторник,— мрачно подытожил толстяк.— Ну, мне пора. Адью.

— Пока, до свиданья!

— Всего лучшего,— весело сказал Сэм вслед толстяку. Он проглотил джин и пригубил пиво.

— Тихо-спокойно всю неделю,— уныло протянула буфетчица.

— А когда же все-таки приходил мистер Сандерсон?

— Вы думаете, во вторник?

— Угу...

— Или, может, в среду,— прибавила женщина задумчиво.

— Угу, угу...

— А вы его знаете, мистера Сандерсона?

— Нет.

— И я тоже, знаю только, что он букмекер,— сердито бросила буфетчица.— Сроду его не видела, да и видеть не желаю. Вы, кажется, хотели что-то сказать?

В этот миг какой-то человек ворвался в бар так стремительно, будто вскочил в вагон отходящего поезда.

— Здрасьте, здрастьте! — крикнул он.— Два двойных шотландских, детка... А ну, живо!

Это был высокий и грузный мужчина в слишком ярком и слишком тесном для него костюме. Красное, заросшее

щетиной лицо напоминало переспелую ягоду крыжовника. Пока буфетчица отмеряла ему виски, он повернулся к Сэму:

— А вам что заказать, сэр?

У него был голос и повадки человека, который в любое время дня и ночи не то чтобы совсем пьян, но и не совсем трезв.

— Спасибо, пока ничего. У меня — вот. — Сэм показал на свой стакан.

— Ну, тогда действуйте сами, старик, не стесняйтесь. Когда-нибудь занимались плоскодонками?

Сэм сказал, что не занимался.

— И не ввязывайтесь. Это черт знает что. Теперь вот с конца апреля все накачиваюсь да накачиваюсь... все больше в «Корнуолле». Ну и заведение, чтоб ему провалиться! Вы обо мне слышали? Капитан Планкет.

— Кажется, нет, — сказал Сэм.

— Бросьте, старик! Помните то кино, насчет рыбы, которая лазает по деревьям? Кто к нему говорит вступление? Пэт Планкет — старый шкипер. Так это я и есть! Спросите где хотите, кого хотите — вам все скажут: «Как же, как же, шкипер Планкет — миляга старик». — Он швырнул на стойку десять шиллингов. — Спасибо, детка. Сдачу оставь себе. — И единым духом опорожнил рюмку.

Сэм поглядел на него:

— Да кто же эти «все»? Кто именно скажет: «Шкипер Планкет — миляга старик»?

Планкет торжествующе повернулся к буфетчице:

— Вот вам, пожалуйста! Что я говорил? Конечно, он меня знает. Меня всякий знает. Какое сегодня число?

— Тридцать первое июня, — без колебаний ответил Сэм.

— И со временем тоже зарез, — сказал Планкет. — Мне бы сейчас в Генуе быть — вот где. У меня там восемьдесят ящиков тухлого яичного порошка. Перекупил у одного парня в Барселоне. Парень был под мухой. Я тоже. Куда, к черту, девать тухлый яичный порошок?

— Сделать из него тухлую яичницу — так, наверно, — сказал Сэм задумчиво. — Знаете, что вам нужно? Хорошая реклама, вот что. «КАК?! ВЫ ВСЕ ЕЩЕ ЕДИТЕ ЯИЧНИЦУ БЕЗ ТУХЛИНКИ?!» Что-нибудь в таком роде. Попро-

буйте обратиться к мистеру Диммоку из агентства «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс». Тукса можете не считать.

— Спасибо за идею, старина. Что скажете насчет половинной доли в заброшенном маяке у португальского берега?

— Готов взять верхнюю половину,— сказал Сэм.— Только как можно дешевле.

— Черкните мне пару слов недельки через две. На адрес Олбенского спортивного клуба — Олд-Комптон-стрит. Знаете этот клуб, старина?

— Нет, старина.

— Пакостная дыра. Как, вы сказали, вас зовут?

— А я не говорил. Но меня зовут Пенти, Сэм Пенти.

— Ну да, ну да. Знавал вашего брата в Найроби.

— У меня нет братьев.

— Значит, это был еще кто-нибудь,— сказал Планкет.— До чего же, однако, тесен наш мир, дьявольски тесен, судите сами! — Он опорожнил вторую рюмку.— Где у вас телефон, детка?

— В коридоре с другой стороны зала. Вам придется выйти и зайти в другую дверь.

— Кто-нибудь знает номер Панамской миссии? Никто? Ну да ладно.— Он двинулся было к двери, но вдруг круто повернулся и поманил к себе Сэма.— Что вы думаете насчет такого дельца, старина? Я имею третью долю в ансамбле электрических гитар — если все будет ладно, он прибывает из Венесуэлы в следующий четверг. И вот позавчера вечером встречаю в «Полперро» одного парня — ну, где-то он уже малость поддал,— и он предлагает мне в обмен на эту третью долю тридцать процентов акций одной компании, которая выпускает сардины в масле. Вы парень гвоздь — так что скажете, а?

— Я не люблю сардины в масле,— сказал Сэм.— Но, говоря по правде, электрические гитары я тоже не люблю. Да, кстати, а что бы вы сказали, если бы у вас перед глазами вертелся карлик в красно-желтом камзоле и штанах в обтяжку?

Планкет не выразил ни малейшего изумления.

— А, это тот, что вас разыскивает?

Сэм опешил.

— Вы хотите сказать, что он здесь?

— Был за дверью минутку назад. Ну, я мигом. Не уходите.

Едва Планкет вышел, стало так пусто, словно бар закрылся. Сэм смотрел на буфетчицу, буфетчица смотрела в пустоту.

— Тихо-спокойно, а? — сказал Сэм.

— Что правда, то правда,— сказала женщина.

Рассеянно озираясь, Сэм бросил взгляд на дверь и вдруг увидел, что она отворяется. В проеме показались голова и плечи карлика, который узнал его, ухмыльнулся во весь рот и сразу исчез.

— Послушайте,— сказал Сэм с волнением,— вы видели карлика в красно-желтом наряде?

— Когда? — спросила женщина.

— Только что. Когда открылась дверь.

— Видела, как дверь распахнулась, а больше ничего.

— Ладно, уговорили,— сдался Сэм.— Но я выпью еще один двойной джин и еще стакан пива. Будьте добры.

Поставив пиво и джин на стойку, буфетчица сказала:

— Вы, наверно, думаете — я дура?

Это замечание застигло Сэма врасплох.

— Нет, не то чтобы... конечно... но...

— Нет, думаете,— отрезала буфетчица.— Ну, так вот что я вам скажу. Если б я силком не заставила себя стать душой, я на этой работе через неделю и вправду бы спятила. С вас четыре шиллинга десять пенсов.

Человек, который появился в эту минуту, выглядел весьма импозантно, но довольно нелепо. В своем черно-белом великолепии он мог сойти за старомодного фокусника, готовящегося к выходу. Когда Сэм встретился с ним взглядом, он улыбнулся и сказал:

— Доброе утро, Сэм.

— О... привет.— Сэм попытался скрыть свое удивление.— Обождите-ка... По-моему, мы встречались на какой-то вечеринке у Наташи... Вы, кажется, из театрального мира... Не иллюзионист, а?

— Как тонко замечено, Сэм. Вот именно — иллюзионист. А зовут меня Мальгрим.— Он обернулся к женщине за стойкой и указал на бутылку.— Мне вон ту, зеленую.

— Мятный ликер? Но не всю же бутылку?

— Если позволите,— он указал на большую серебряную кружку, украшавшую полку с напитками,— я вылью ее сюда. Нужно заплатить, разумеется.

Он извлек толстую пачку бумажек и небрежно бросил их на стойку.

— Эй, поосторожней!..— крикнула женщина, снимая бутылку мятного ликера и кружку.

— Пусть они у вас не залеживаются,— предупредил Мальгрим, выливая ликер в кружку.— Скоро они превратятся в сухие листья. Но пока тридцать первое не кончилось, все будет в порядке.

— Что? Тридцать первое? — переспросил Сэм.— А карлика снаружи вы видели?

— Видел. Его зовут Грумет. Он сейчас у меня на службе.

— Ах вот как! — Сэм был в негодовании.— Да будет вам известно, что он утащил мой рисунок!

— Да, да... портрет принцессы Мелисенты. Что ж, она его видела... пришла в восторг... и жаждет познакомиться с вами, Сэм. Вот зачем я сюда и явился.— Он поднял кружку.— Мое почтение и наилучшие пожелания, Сэм.

— Скажите ему хоть вы,— взмолилась буфетчица, теперь уж не на шутку встревоженная.— Ведь он сейчас совсем окосеет! Легкое ли дело — целая бутылка мятного ликера!

— Прекрасно освежает,— заявил Мальгрим, выцедив кружку до дна.— Итак, Сэм... мне бы хотелось по возможности обойти стороной профессиональные мелочи, но... насколько близко вы знакомы с проблемой пространств высшего порядка?

— Совсем незнаком. Кто такая принцесса Мелисента?

— Попробуем представить себе Вселенную шести измерений,— сказал Мальгрим.— Первые три — это длина, ширина и высота, три остальные можно определить так: первое — сфера внимания и материального действия, вто-

рое — сфера памяти, третье — сфера воображения. Вы следите за моей мыслью?

— Нет,— ответил Сэм.— А что вы имели в виду, когда сказали, что принцесса хочет со мной познакомиться и что за этим вы сюда и явились?

— Все созданное воображением должно существовать где-то во Вселенной.

— Что правда, то правда,— сказала женщина за стойкой.

— Вы, верно, думаете, Сэм, что принцесса Мелисента — личность воображаемая.

— М-м-м... с одной стороны, конечно,— сказал Сэм осторожно,— но с другой стороны...

— Вы совершенно правы,— улыбнулся Мальгрим.— Потому что, разумеется, и то и другое верно. И поскольку она убеждена, что ее жизнь — реальность, она, естественно, полагает, что вы должны быть вне реальности, как, разумеется, полагаю и я...

— Минутку! — Сэм был возмущен до глубины души.— Вы что же, хотите сказать, что эта наша жизнь — ненастоящая, нереальная?

— Разумеется. Это дикая мешанина из снов, кошмаров, пустых фантазий и мимолетных обольщений. Но, разумеется, ваш мир существует... и вы существуете в нем... и вы, разумеется, тоже, моя любезная леди.

— Премного благодарна,— сказала буфетчица.— А то я уж было забеспокоилась.

— А при чем тут мой рисунок? — спросил Сэм подозрительно.

— Пока ни при чем. Пока я объясняю вам, как можно — конечно зная секрет — попасть из нашего мира в ваш и наоборот. Я перехожу из подлинной, реальной жизни в воображаемую — и встречаю вас. Если же вы отправитесь вместе со мною (а я надеюсь, вы сделаете это в самое ближайшее время), тогда уж вы перейдете из подлинной жизни в воображаемую, чтобы встретиться там с принцессой. Какая из двух этих жизней реальная, какая воображаемая — зависит от позиции наблюдателя. Не погрешив против истины, можно сказать, что обе реальные и обе воображаемые.

— А как насчет карлика — его куда отнести?..

— В данный момент — ни к той и ни к другой: я только что послал его домой, и он в пути.

Дверь стремительно распахнулась. Это вернулся старый шкипер, капитан Планкет.

— Вот и он, — пробормотала женщина. — Только его здесь не хватало.

— Два двойных шотландских, детка! А вам двоим что?

— Спасибо, ничего. Мы уже выпили, — сказал Сэм. — Капитан Планкет, мистер Мальгрим, иллюзионист.

— Ну как же! — сказал Планкет, с воодушевлением пожимая Мальгриму руку. — Не сразу вас признал. Видел вас в Клубе диких. А еще помнится — в театре, в Холборне. Дивный номер!.. Получи десять шиллингов, детка. Сдачу оставь себе. Ну, будем!

— Вы послали карлика домой? — обратился Сэм к Мальгриму. — Но куда же именно?

— В королевство Перадор.

— Не могу сказать, чтобы знал такое королевство, — вмешался Планкет, — но знал одного парня, которого звали Перадор. У него было по шесть пальцев на каждой руке. И этим самым рукам он не давал ни минуты покоя. Ребята, бывало, до обалдения доходят, как возьмутся считать его пальцы.

— Перадор? — медленно переспросил Сэм. — Это напоминает мне что-то из легенд о короле Артуре. А если так оно и есть, как можно туда отправиться?

— В третьей сфере, — невозмутимо произнес Мальгрим, — есть времена параллельные, времена конвергентные и дивергентные и времена, взаимно переплетающиеся.

— Оно и видно, — сказал Планкет. — Кстати, о времени: могу свести вас с одним парнем, он прячет у себя на моторной яхте, в запасном баке, сорок дюжин швейцарских часов. Боятся выгрузить на берег. Горячка парень! — Он опорожнил вторую рюмку. — Может, закусим вместе, а? В «Троке» или еще где-нибудь. Я угощаю.

Мальгрим строго посмотрел на него и покачал головой:

— Нам с Сэмом нужно в Перадор.

— Да он уже черт-те сколько лет как закрылся, старина, если это вы про то самое заведение. Толкнитесь-ка лучше в «Трок». И уж, во всяком случае, вы, конечно, не бросите старого милягу Планкета одного?

— Бросим,— сказал Мальгрим.

— Невозможно, старина.— Он обнял Сэма за плечи.— Мы с Сэмом оба по уши увязли в яичном порошке и португальском маяке. Хотите попытать счастья в старом «Перадоре» — ради Бога, я готов, хотя ставлю десять против одного, что кончим мы все равно в «Троке». Но куда Сэм, туда и я.

— Только запомните: вся ответственность за последствия ложится на вас,— резко сказал Мальгрим.

— Старый шкипер Планкет никогда не отказывался от...

— Тихо!

Неведомо откуда налетел ветер, засвистал и сдул стену напроць. С ревом ринулся он по туннелю, открывшемуся на том месте, где прежде была стена. И трое крупных, плотного сложения мужчин исчезли. Последнее, что осталось в памяти буфетчицы, вслед за тем потерявшей сознание, был голос фокусника: «Добро пожаловать в Перадор, джентльмены!»

Она только успела плеснуть себе коньяку, как в бар вошли Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит, оба высокие и элегантные, энергичные и оживленные.

— Доброе утро! — сказала Энн приветливо.

— Доброе утро! — сказал Филип столь же приветливо.

Женщина за стойкой сделала героическое усилие.

— Здрасьте,— сказала она. И медленно, с натугой продолжала: — Погодка... опять... разгулялась.

— О да, конечно! — откликнулся Филип.— У вас все ладно, тихо, не правда ли?

— Что правда, то правда.— Женщина закрыла глаза.

— Видите ли, мы ищем приятеля,— сказала Энн, источая чарующую улыбку совершенно попусту, ибо глаза буфетчицы были закрыты.

— Он сказал, что пойдет сюда,— подхватил Филип.

— Мистер Сэм Пенти...

— Вы его видели сегодня утром?

Женщина открыла глаза.

— Да. Он был здесь.

— Ах, какая радость, прекрасно! — сказал Филип, чувствуя, что следует как-то ободрить бедняжку.

— Итак, не могли бы вы нам сообщить, что с ним произошло? — Энн говорила отчетливо, словно обращалась к умственно отсталому ребенку или к иностранцу.

— Подойдите поближе, — сказала женщина чуть слышно. — Мне только что было совсем худо.

— Ах, какое несчастье, как это ужасно! — вздохнул Филип.

— Пожалуйста, не напрягайтесь, — сказала Энн, придвинувшись ближе.

— Да нет уж, придется, — промолвила женщина, по-видимому собираясь с силами. — Уж хотите верьте, хотите нет...

— Ну что вы... конечно, мы вам верим...

— Он и еще двое полоумных — все втроем унесли. Что-то у них там такое... какая-то принцесса... португальский маяк... шесть пальцев и швейцарские часы...

— Простите, — вставил Филип, — у вас получается не совсем ясно...

— Но это не важно, — возразила Энн. — Вы только скажите нам, куда они пошли.

Буфетчица трясущейся рукой указала на стену:

— Честное благородное слово... Вот сюда. Прошли сквозь стенку, а я так и остолбенела.

Энн и Филип взглянули на стену, взглянули на женщину за стойкой, взглянули друг на друга.

— Назад в контору, Фил, — сказала Энн. — И вряд ли Д. Д. будет доволен.

Глава пятая КАК ЗАВЕРШИЛОСЬ УТРО МИСТЕРА ДИММОКА

И в самом деле, мистер Диммок был недоволен всем на свете. Примерно в то время, когда Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит возвращались из «Вороного коня»,

он звонил по телефону в «Жуй-да-плюй». Пневматические дрели грохотали что было мочи. Если бы Диммок оторвался от трубки хоть на миг и трезво оценил ситуацию, он сообразил бы, что, говоря по телефону, нет никакой необходимости перекрикивать шум дрелей. Между тем он так неистово орал в аппарат, что «Жуй-да-плюй» не мог разобрать ни слова. Но мистер Диммок считал, что виною всему дрели, которые заглушают его голос, и потому кричал еще громче.

— Я смотрел сегодня утром эскиз... Я говорю, смотрел эскиз сегодня утром... Но я сказал, что он не годится... Не го-дит-ся-а... для ваших пакетов — ни к черту... Я говорю, для пакетов... Да о чем я, по-вашему, с вами толкую? Что? Какие ракеты? Рекламные пакеты должны быть нацелены на покупателя... Я говорю, долж-ны быть на-це-ле-ны на по-купа-те-ля-а... Да не ракеты! Стану я звонить вам насчет ракет! Я говорю, с чего вдруг я стану звонить насчет ракет! О Господи Боже мой... Я позвоню вам позже... я го-во-рю, по-зво-ню поз-же-е...

Он положил трубку и обтер носовым платком взмокший лоб. На столе были сэндвичи и стакан молока. С рассеянным и озабоченным видом мистер Диммок отхлебнул из стакана и откусил краешек сэндвича, все еще с невольным подозрением поглядывая на большой шкаф у противоположной стены.

Он был ничем не примечателен, этот шкаф,— самый обыкновенный конторский шкаф для книг и бумаг, который лучше всего ставить так, чтобы его вообще не было видно, и тем не менее мистеру Диммоку чудилось, будто шкаф над ним насмехается.

И тут он заметил крысу. Это была большая бурая крыса, и вышла она из шкафа, хотя трудно было понять, как именно, ибо дверцы не отворились. Она отбежала от стены на шаг-другой, присела на задние лапки, взглянула на мистера Диммока и затем издала странный звук, нечто вроде «хи-хи-хи».

Это было уже слишком! В бешенстве Диммок вскочил и швырнул в крысу блокнотом, но промахнулся шага на

два, не меньше. Крыса снова пропищала свое «хи-хи-хи» и шмыгнула обратно в шкаф.

— Пегги! — закричал мистер Диммок в микрофон. — Сюда! Живо!

Он откусил кусок другого сэндвича, но хлеб показался ему противным, отдающим крысой.

— Пегги, — начал он возмущенно, — в конторе появились крысы!

— Какие крысы? Канцелярские? Да, у нас их две, и они наносят ущерб фирме...

— Да не канцелярские, а настоящие! Я только что видел крысу. Она выскочила из шкафа.

— О! Мистер Диммок... не может быть!

— Говорят вам — выскочила из шкафа! — кричал Диммок. — Здоровенная, жирная, бурая крыса, наглая, как сто чертей. Стояла вот здесь и смеялась мне в глаза. Я запустил в нее блокнотом и промахнулся, и она опять засмеялась. А потом удрала обратно в шкаф. Ну, что скажете?

Пегги сокрушенно покачала головой:

— Скажу, что нужно бы вам пойти домой, мистер Диммок.

— Домой? При чем здесь мой дом?

— Здоровье дороже всего, мистер Диммок.

— Не спорю, но какое отношение это имеет к крысам?

— Мне кажется, вам не следует оставаться в конторе и заниматься делами через силу, мистер Диммок. Я знаю, какой вы добросовестный, — мы все знаем, — но ведь дела — это еще не все в жизни. Разрешите мне вызвать машину и позвонить миссис Диммок.

— Нет, не разрешаю! — сердито сказал Диммок. — Подумаешь — увидел крысу!

— Да не в крысе дело, — сказала Пегги, и в голосе ее зазвучали, а в глазах заблестели слезы. — Вы говорили, что видели карлика.

— Ну и что? Да, я видел карлика!

— И вы говорили, что он тоже ушел в шкаф...

— Довольно, Пегги, — заявил Диммок, внезапно возносясь на высоту своего служебного положения. — Занимайтесь своим делом, а мне предоставьте заниматься моим.

— Хорошо, мистер Диммок.

Она повернулась к двери.

— И скажите там, чтобы в следующий раз мне не приносили сэндвичи, которые вкусом напоминают опилки.

Она остановилась на пороге, обернулась и с упреком взглянула на шефа.

— О, мистер Диммок... дело не в сэндвичах... дело в вас...

Как только девушка скрылась, он подошел к шкафу и с опаской отворил дверцы. Все было как прежде: между книгами и папками, тесными рядами выстроившимися на полках, не оставалось даже щели для крысы. Задумчиво осмотрев шкаф, Диммок медленно вернулся к своему столу. В одну руку он взял стакан молока, в другую — неначатый сэндвич, повернулся к окну и стал смотреть на улицу. Молодые загорелые бесы с пневматическими дрелями, все такие здоровые и довольные, сгрудившись тесной кучкой, перемигивались и готовились к очередной попытке стереть весь квартал с лица земли.

Но тут внимание мистера Диммока привлек шум в комнате. Очень красивая девушка, одетая в какой-то средневековый костюм, стояла посреди его кабинета и улыбалась ему весело и выжидательно. У Диммока мелькнула мысль, что девушка, возможно, тоже вышла из шкафа, но он поспешно прогнал эту дурацкую догадку.

— Ну, это еще что? — спросил он не слишком любезно.

— Это я, — она обворожительно улыбнулась. — Кто вы такой?

— Поскольку это мой кабинет, надо бы, собственно, мне спрашивать, кто вы такая. Но раз вы новенькая, я вам отвечу. Я — мистер Диммок, один из директоров фирмы. И хотя вы прекрасно смотрите, моя дорогая, вы должны сами понять, что мы не можем разрешить натурщицам в костюмах разгуливать где им вздумается. А иначе получится форменный бедлам.

— А что такое бедлам?

— Ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Что вам здесь надо?

— Я ишу Сэма.

— А-а, «Чулоч прекрасной дамы», — протянул Диммок с невыразимым облегчением. — Да, Сэм был здесь, а потом ушел. Но я уже послал за ним Энн Датон-Свифт и Филипа Спенсер-Смита, так что, надо надеяться, он не заставит себя ждать. Как только он вернется, вы будете снова ему позировать.

— Мне кажется, я люблю Сэма, — мечтательно сказала девушка.

— Не вы первая, так что не принимайте это близко к сердцу. Как вас зовут, дорогая?

— Принцесса Мелисента.

— Ну что ж, — сказал Диммок, — ничего удивительного. В прошлом году у нас работала внучка русской великой княгини. И итальянская *contessa*¹. Из вас, аристократок, выходят неплохие натурщицы... Воспитание, наверно...

— Не понимаю, о чем вы... — начала Мелисента, но тут загрохотали дрели, и она в ужасе зажала уши руками.

— Забыл предупредить вас, дорогая моя, — сказал Диммок, когда грохот смолк, — но это всего-навсего пневматические дрели.

— Зачем вы завели такие ужасные штуки? — с упреком воскликнула Мелисента. — У нас, во всамделишной жизни, их нет.

— В какой жизни?

— Во всамделишной. Вы видели магистра Марлаграма, волшебника?

— Понятия не имею, кто это. Зато я видел большую бурую крысу, и, если только я не окончательно спятил — она пищала: «Хи-хи-хи!»

— Это и был магистр Марлаграм. Он сказал, что обернется крысой, перед тем как к вам войти.

Диммок уставился на девушку и задышал тяжело и шумно.

— Одну минутку, принцесса, извините! — Он проговорил в микрофон: — Пегги, вы мне нужны... немедленно. — Потом снова поднял глаза. — Когда моя секретарша войдет,

¹ Графиня (ит.).

скажите ей то, что сейчас сказали мне. Она считает, что мне надо ехать домой и лечь в постель.

— Вы больны? — спросила Мелисента, подходя ближе и глядя на него с сочувствием. — У вас доброе лицо, но грустное. Может, действительно вам лучше поехать домой и лечь в постель.

— Ненавижу валяться в постели! — Диммок посмотрел на Пегги, которая в этот миг вошла в кабинет. — Пегги, это принцесса... э-э-э... Мелисента, она позирует Сэму. Ну-ка, принцесса, повторите Пегги то, что вы сейчас сказали мне, — насчет этого магистра, как его там...

— Элисон, — промолвила Мелисента, широко раскрыв глаза, — как вы сюда попали?

— Простите, но как вы узнали, что мое второе имя Элисон? А-а, вы, должно быть, та девушка, о которой мне говорила кузина Одри. Но сюда вы напрасно пришли. Кстати, нос у вас немножко... у вас есть крем-пуф?

— Крем-пуф?

Пегги достала пудреницу и открыла ее.

— Ах, какая прелесть! — воскликнула Мелисента в упоении. — Никогда не видела ничего лучше во всамделишной жизни! Мне непременно нужно раздобыть такую же, прежде чем вернется Сэм.

— Я покажу вам, куда ходим мы, девушки, — сказала Пегги, уводя ее.

Диммок проводил их оторопелым взглядом, а потом принялся вытягивать один за другим ящики стола, пока наконец не нашел флягу. Плеснув из нее в стакан с молоком, он стал прихлебывать смесь, все еще бросая подозрительные взгляды на шкаф. Он как раз допил стакан, когда в кабинет плечом к плечу вступили Энн Датон-Свифт и Филип Спенсер-Смит.

— Ну как, нашли Сэма?

— Нет, Д. Д., — сказал Фил. — Мы были в «Вороном коне» — это такое заведение по соседству с его домом — и не нашли там никого, кроме полоумной буфетчицы.

Энн фыркнула:

— Она сказала, что Сэм ушел сквозь стенку...

—...искать какую-то принцессу на каком-то португальском маяке,— подхватил Фил со смехом.

— Верно, Д. Д., это ее слова, мы ничего не сочиняем.

— Тут пришла Сэмова натурщица,— сказал Диммок.— В полном параде. Очень миленькая девушка, между прочим. Говорит, что она принцесса...— Зазвонил телефон.— Диммок слушает... Спенсер-Смит? Да, здесь.— Он протянул Филипу трубку.— Телевидение. Вот пустобрехи!

— Спенсер-Смит слушает... Да? Что-что она? Но я же вас предупреждал: надо приготовить еще одну девушку...— Мрачно выслушивая оправдания, летевшие с противоположного конца провода, он вдруг увидел в дверях кабинета Мелисенту и сразу просиял.— Я знаю... знаю... но ведь вы обращаетесь ко мне в последнюю минуту... Ну хорошо, у меня есть кое-кто на примете. Пока ничего не меняйте, ребята.— Он положил трубку и посмотрел на Диммока.— Д. Д., горю со страшной силой, SOS! Можно, я возьму эту Сэмову натурщицу? Ладно? — Он повернулся к Мелисенте.— Есть классная телеработенка — легонькая, одно удовольствие... возьметесь, детка?

— О чем вы говорите?

— Сейчас некогда объяснять, детка. Расскажу по дороге.

— А я увижу Сэма?

— Вряд ли. Но вполне возможно, что он вас увидит и услышит. Скорее, лапочка!

У порога Мелисента обернулась и сказала Диммоку:

— Если снова придет волшебник, магистр Марлаграм, объясните ему, где я. И, пожалуйста, не думайте, будто с ним нельзя разговаривать по-человечески оттого, что он обернулся бурой крысой.

Энн посмотрела ей вслед, потом растерянно уставилась на Диммока:

— Д. Д., что она сказала?

Диммок отвечал, с трудом подавляя ярость:

— Вы что, не можете понять простейшей, совершенно недвусмысленной просьбы, Энн? Она сказала, что я должен поговорить с магистром Марлаграмом, волшебником, хотя он обернулся бурой крысой. И не вздумайте со мной спорить! — закричал он.— Оставим эту тему — и точка!

— Хорошо, хорошо,— сказала Энн.— Но откуда она взялась, эта девушка?

— Из шкафа! — И, видя, что Энн собирается открыть рот, Диммок закричал: — Я же сказал «оставим эту тему», сказал или нет? Так вот, когда я говорю «оставим» — это значит «оставим»! — Он поглядел на стол и вдруг заметил что-то новое.— А это еще кто сделал? — Он схватил громадный календарь и швырнул его через всю комнату; календарь упал лицевой стороной вверх; на листке значилось — июнь, 31-е.

В этот миг вошла Пегги:

— Приехала миссис Диммок, чтобы забрать вас домой. И доктор Джарвис сейчас придет осмотреть вас, мистер Диммок.

— Ох, обалдеть можно! — Зазвонил телефон, и мистер Диммок в полнейшем отчаянии схватил трубку.— Кто?.. «Мамин пусик»? Слышать больше не могу о нашем дерьме! Осточертело! Понятно? — Он с грохотом бросил трубку.

— Д. Д., Господь с вами! — закричала Энн в смятении.— Ведь это один из наших лучших заказчиков!

— Он не в себе, мисс Датон-Свифт,— сказала Пегги.— Я уверена, что доктор Джарвис...

— Ах, чтоб тебя! — Уже насилу сдерживаясь, Диммок забарабанил пальцами по столу.— Будет когда-нибудь всему этому конец или...

— Хи-хи-хи!

— Слышали?

— Что-то пискнуло,— сказала Энн.— Но, честное слово, Д. Д., нам придется объяснить «Маминому пусику»...

— Тихо! Вот... слушайте!

— Хи-хи-хи!

— Пожалуйста, мистер Диммок, снимите воротничок,— сказала Пегги.— А если бы вы еще туфли сняли и прилегали...

— Да замолчите вы!

Диммок побагровел. Поднявшись из-за стола, он озираясь, как затравленный бык.

— А ну, загляните в шкаф,— произнес писклявый голос.— Хи-хи-хи!

— Да, я загляну, разрази меня Бог! — заревел Диммок. Он выбежал из-за стола и бесследно исчез в шкафу.

— За ним! Скорее! — дико вскрикнула Пегги. — Нельзя отпускать его одного в таком состоянии! Быстрее!

— Итак, мистер Диммок... — важно начал доктор Джарвис, входя в кабинет. — Что это? Что я слышу?

Но увидел лишь, как Энн Датон-Свифт вслед за Пегги исчезла в шкафу. Он помедлил мгновение, потом величаво двинулся через всю комнату к шкафу и распахнул дверцы. Однако узрел лишь полки, до отказа набитые книгами и папками. И услышал после минутного замешательства лишь сотрясающий землю хор пневматических дрелей.

Глава шестая СЭМ В БЕДЕ

Вспоминая впоследствии путь от Пикок-Плейс до Перадора, Сэм решил, что это было похоже на очень быстрое путешествие и вместе с тем на пробуждение от сна. По дороге (если только можно было назвать это дорогой!) он потерял обоих своих спутников — и Мальгрима, и шкипера Планкета — и теперь без особого воодушевления взбирался вверх по длинной лестнице какого-то замка. Вдобавок Сэм любил днем основательно подкрепиться — не сандвичем и салатиком, как большинство из нас, но чем-нибудь вроде пудинга с мясом и почками и пирога с вареньем, — а с тех пор, как он наскоро позавтракал, прошло уже несколько часов, и он сильно проголодался. Нет, разумеется, он всей душой желал найти прелестную принцессу Мелисенту, но это не значило, что он и думать позабыл о ланкаширском рагу, ирландской тушеной баранине с луком, вареной говядине и клецках. Однако ничем таким и не пахло. На верхней площадке лестницы кто-то играл на лютне, и так как Сэм явился без приглашения, он счел своим долгом остановиться и послушать.

— Большое спасибо, — сказал он. — Сыграйте еще что-нибудь, хорошо?

Музыкант поднялся, улыбнулся, поклонился.

— Простите... минутку,— продолжал Сэм.— Я тут как-то вечером, совсем недавно, услышал по радио одну вещичу... вы ее, наверно, знаете... Как это... ах да, вот: «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

— Фуй! — сердито скривился музыкант. Он подхватил свою лютню и пошел прочь, не глядя на Сэма.

— Вы сказали «фуй»? — крикнул Сэм ему вслед.— Я много раз видел это слово в книгах, но никогда его не слышал.

Оставшись в одиночестве, Сэм решил, что, пожалуй, стоит обследовать башню, в которой он находится,— хотя бы для того, чтобы забыть о голоде. Раздвигая изъеденные молью занавеси, он нос к носу столкнулся с очаровательной рыжей дамой в изумрудно-зеленом платье. Ее улыбка была как разукрашенное цветными лампочками «Добро пожаловать!».

— Каково изволит здравствовать светлый государь мой,— начала она,— после столь многих испытаний?

Сэм не ударил в грязь лицом:

— Прекрасная госпожа... э-э... Я грядущего урона не понес... но... э-э... преисполнен изумления.

— Светлый государь мой, коль скоро ищите вы приключений и тштитесь выказать и засвидетельствовать вашу доблесть, должно вам быть готовым преисполниться изумления многажды.

Сэм изнемогал:

— Благородная девица... э-э... вы глаголете истину. Э-э... ваше имя... э-э...

— Я леди Нинет.— Она присела, пряча улыбку.— И в моем роду много высоких властителей и знатных дам.

— Прекрасная леди Нинет,— сказал Сэм, окончательно потерявшись,— меня зовут Сэм... а семейство мое зовется Пенти. И род у меня, сказать по правде, не Бог весть какой...

— И держать такие речи не Бог весть как умеете, верно, Сэм?

— Стало быть, можно говорить и попросту? Ох, гора с плеч! Кстати, леди Нинет, вы были так любезны, что спро-

сили меня, как я себя чувствую. Должен признаться, я голоден как волк.

— Не сомневаюсь,— сказала Нинет.— Все готово. Пожалуйста сюда. Я и сама проголодалась, Сэм. Я знала, что вы должны скоро прибыть, и ждала вас. Разве не мило с моей стороны?

— Еще бы, леди Нинет! Как раз это я и хотел сказать. Бог ты мой, какой стол!

Еды было наготовлено человек на десять, хотя предназначалась она, по всей очевидности, только для двоих.

— Боюсь, что ничего особенного вы здесь не найдете — не было времени заказать,— сказала Нинет небрежно.— Но, может, возьмете холодного лебедя или павлина, кусочек вот этого дворца из миндаля в меду? И гусиный паштет, должно быть, очень недурен.

— Грандиозный завтрак!

— Садитесь, Сэм. Налить вам вина? Положите себе гусяного паштета.

Несколько минут Сэм сосредоточенно жевал и глотал, а потом почувствовал, что пришло время задать вопрос другой своей сотрапезнице.

— Кстати, Нинет, в каком мы с вами веке?

— В каком веке?

— Ну да. Кто вами правит?

— Великий король Артур, конечно.

— Ах да... Артуровы времена. Самые что ни на есть легендарные... Наверно, все это еще в ходу — всякие там рыцари, волшебники, драконы, великаны...

Нинет изумленно на него поглядела:

— Ну разумеется. Все как обычно. А вашим мифическим королевством кто правит, Сэм?

Сэм пустился в объяснения:

— Номинально — королева Елизавета Вторая. А фактически — исполкомы консервативной и лейбористской партий, Конгресс тред-юнионов, Федерация британских промышленников, Фабианское общество, «Группа Боу»¹.

¹ Общество молодых консерваторов. (Примеч. пер.)

Нинет неудержимо расхохоталась и даже пролила вино на жареного лебедя.

— Сэм, миленький, остановитесь, довольно! Я ведь понимаю, вы все это выдумали. А теперь шутки в сторону и давайте поговорим как два добрых заговорщика. Мне ужасно хочется знать, как магистр Мальгрим вас сюда доставил. Он просил, чтобы я приготовилась принять вас, Сэм, и с той поры я его больше не видела.

— Что ж... все это произошло почти молниеносно,— сказал Сэм.— У меня чуть-чуть закружилась голова, но оно и понятно — как-никак одним махом из «Вороного коня» в Перадор,— а потом я вижу, что Мальгрим куда-то исчез и вместе с ним — один чужак, некий капитан Планкет; он увязался за нами — возьми его, да и только. Понятия не имею, куда они делись. Если не считать какого-то малого с лютней, который на меня обиделся, вы, леди Нинет, первый человек, с кем я здесь перемолвился словом.

Она покосилась на него изумрудным глазом.

— И довольно милый человек, не правда ли, Сэм?

— Еще бы, прелестный! — Он помедлил в нерешительности.— Но... м-м-м... там у нас шла речь о принцессе Мелисенте.

— О-о, Сэм! — В ее голосе звучало разочарование.

— Пожалуйста, простите, я, кажется, сказал что-то не то.

— Вы ведь не сноб, Сэм?

— Нисколько! — Он виновато улыбнулся.— Но со слов Мальгрима я понял, что девушка, которую я рисовал,— принцесса Мелисента... Ну и... вы сами понимаете, Нинет... ее-то я и ишу.

— Значит, она, на ваш взгляд, красивее меня? — спросила Нинет высокомерно.— Мне кажется...

— Нет, нет, не будем больше к этому возвращаться. Собственно говоря, я ее толком и не разглядел... не то что вас... а уж вы-то, спору нет, на редкость соблазнительная девочка... прошу прощения!

— Не за что. Я слушаю вас с большим удовольствием. Еще вина, Сэм?

Она снова наполнила его чашу.

— Спасибо, Нинет,— сказал Сэм, у которого уже зашумело в голове.— Обе вы девушки что надо. Только разного типа. Но все-таки я хочу найти принцессу Мелисенту.

— Она дура,— сказала Нинет.

— Может, мне как раз дура и нужна.— Сэм улыбнулся ей и отхлебнул изрядный глоток вина — красного, чуть терпкого, совсем недурного.

— Не болтайте ерунды! — Она строго на него посмотрела.— А я умная и совершенно безнравственная.

Сэм не нашелся что ответить на такого рода признание, и потому промолчал. Молчание продолжалось с полминуты.

Потом Нинет наклонилась вперед:

— Вы знаете Макбетов?

— Я знаю про Макбетов,— сказал Сэм.

— У меня есть в Шотландии кузина, которая близко с ними знакома. Всего несколько лет назад Макбеты были ничем — простыми солдафонами. А поглядите-ка на них теперь! И все она! У нее крепкий ум... решимость... энергия.

— Дайте срок,— сказал Сэм зловеще.

— Конечно. Шотландию вы мне подарить не можете. Но и здесь умные и безнравственные женщины умеют снять сливки. Поглядите на фею Моргану, Джиневру, королеву Оркнейскую... Да, для настоящего заговора годятся только умные женщины и волшебники.

— В нашем мире,— сказал Сэм,— заговоры больше не нужны. Мы и без заговоров все в лучшем виде разрушим и развалим — на то у нас есть наука и прогресс. Но объясните мне подробнее насчет волшебников — я не совсем понимаю, что тут с ними за история.

— О, история замечательная,— начала Нинет.— У нас их двое: Мальгрим — тот, с которым я заодно,— и его старый дядя Марлаграм. Марлаграм и увел Мелисенту искать вас.

— Тогда зачем я сюда попал?

— Видите ли, какое дело, Мальгрим ужасно ловкий и в свой черед обставил дядю: прежде чем бедняжка Мелисента успела вас найти, он притащил вас сюда. И теперь вы здесь, а она там.

— И оба не в том мире, в каком нужно,— возмущенно сказал Сэм.— По-моему, это уж слишком!

В этот миг раздался голос герольда:

— Его королевское величество Мелиот — король Перадора, высокий повелитель Бергамора, Марралора и Парлота, властелин Лансингтона, Нижних Мхов и Трех Мостов!

Загремели трубы, и вошел, вернее, вбежал король Мелиот. Его сопровождали престарелый советник, Мальгрим в своем роскошном черно-серебряном, расшитом знаками Зодиака наряде и двое солдат. Король выглядел так, будто, слишком плотно закусив и выпив слишком много вина, он потом заснул, но выспаться ему не дали и теперь он ничего толком не соображает и настроен хуже некуда. Рассмотреть его как следует Сэму не удалось.

— Что здесь происходит? — закричал король. Он показал на Сэма: — Это что за тип? Хотя нет, потом расскажете. Где наш карлик — вот что главное!

— Здесь, государь,— сказала Нинет.— Магистр Мальгрим, волшебник, доставил его назад.

— А, тот самый тип... Мы ему не доверяем.— Теперь король показал на Мальгрима: — А это что за тип?

— Я и есть магистр Мальгрим, ваше величество.

— Фу-ты, пропасть, перепутал! Но мы все поставим на место, можете не сомневаться! — рявкнул король.

— Боже, благослови нашего доброго короля Мелиота! — воскликнул престарелый советник тонким, дребезжащим голоском.— Гип-гип...

— Урра-а! — дружно подхватили двое солдат. По всему было видно, что подхватывать им приходится слишком часто.

— Ладно, ладно, хватит.— Король свирепо глянул на Сэма и показал на него пальцем: — Ну, так что же это за тип?

— Он не принадлежит к числу ваших подданных, государь,— сообщил престарелый советник.

— Сами видим,— резко возразил король.— Одет черт знает как. Наверно, один из этих лайонесских или камелиардских голодранцев, а? Явился без доклада. Верительных грамот не представил. А теперь угощается за наш счет, да

ты смотри, как пышно.— Он впился глазами в стол, потом подошел поближе.— Этот гусиный паштет припасен для нашего королевского стола! Спрашивается, как он сюда попал? Нет, это просто адово наваждение! Какой-то тип явился неизвестно откуда... без верительных грамот... даже платья пристойного на нем нет... а его накачивают нашим лучшим вином и закармливают нашим лучшим гусиным паштетом! Да кто он такой?

— Опасный молодой человек, ваше величество,— сказал Мальгрим вкрадчиво.— Он разыскивает принцессу Мелисенту. Это тот человек, которого она видела в моем волшебном зеркале... Сэм.

— Сэм? Да ведь она сказала, что его на самом деле не существует. Мифологический персонаж, сказочный, фольклорный — так мы поняли. Нет, это, видно, кто-то другой. Как вас зовут?

— Сэм. И я тот самый тип, о котором она говорила. Мы любим друг друга. Вернее, надеюсь, что она тоже. Я-то, во всяком случае, ее люблю.

Это заявление привело короля Мелиота в ярость.

— Нагло смотрит нам прямо в лицо... непристойно одет... набил брюхо нашим лучшим паштетом... а теперь еще толкует нам, что влюбился в нашу единственную дочь! А, прах побери, у нас кровь закипает в жилах!

— Может быть, последует какое-нибудь официальное представление со стороны...— начал престарелый советник.

— Вздор! Мелисента! Мелисента! — закричал король. Ответа не было, и он обратился к Нинет: — Где она?

— Ее здесь нет, государь. Она отправилась искать его... Сэма.

— Ах вот оно что, искать?! Ну так сообщите ей от нашего имени, где она может его найти. В самой что ни на есть глубокой нашей темнице! Эй, люди, уведите его. А если попробует бежать, всыпьте ему так, чтобы у него отпала охота бегать!

После короткой схватки двое солдат скрутили и поволокли Сэма. Когда они скрылись, король огляделся по сторонам и сгрэб со стола гусиный паштет.

— Погодите, мы вас так взгреем за этот гусиный паштет, что своих не узнаете,— сказал он Нинет.— Слышите вы о нем не в последний раз, моя милая. Но видите — в самый что ни на есть распоследний!

И, отхватив громадный кусок паштета, король выбежал из залы, а за ним, трепеща, поспешил престарелый советник.

— Садитесь и выпейте вина, магистр Мальгрим,— сказала Нинет, улыбаясь волшебнику.— До чего же мне это нравится!.. Я хочу сказать — роль заговорщицы. И вы действовали поразительно ловко.

— Да, верно, чистая работа,— кивнул Мальгрим, принимая вино из рук Нинет.— Впрочем, и дядюшку Марлаграма не следует недооценивать. Но пока у меня преимущество по меньшей мере в один ход. Сэм — здесь, в самой глубокой темнице. Она — там.

— Еще в Сэмовом мире? Восхитительно!

— Да, и очень скоро ее выпустят в эфир.

— А что это такое, магистр Мальгрим?

— Есть у них такое колдовство. Тоска смертная. Мы с дядей ни за что не поставили бы свое имя под такой нудной бессмыслицей. Думаю, что эфир доставит Мелисенте столько же удовольствия, сколько Сэму — темница. Ха-ха!

Нинет бросила на него восхищенный взгляд:

— Ах, до чего ж вы безнравственный!

Глава седьмая МЕЛИСЕНТА В ЭФИРЕ

Бэртон Чидлуорт, ведущий в телевизионной передаче «Дискуссия у вас на экране», не сводил тревожного взгляда со своих часов.

— Ну как, все в порядке? — спросил Филип Спенсер-Смит.— Хотя вполне возможно, что у девушки, которую я привез, язык подвешен не так уж ловко. Это я признаю. Зато внешность великолепная. Ничего не скажешь.

— Я за нее и не беспокоюсь,— отвечал Чидлуорт.— Но наш деревенский типаж, Джозия Хуки, до сих пор не явился,

а через десять минут нас выпустят в эфир. Он и прежде запаздывал (и, уж конечно, всегда приходил под мухой), однако чтобы прийти совсем впритирку — такого еще не бывало. А, будь он неладен! Я с самого начала не хотел включать его в передачу, но Руперт и Нэнси настояли: без деревенского типажа нам, говорят, никак нельзя. Эй, что вам тут нужно?

Маленький старичок с длинной бородой, в холщовом фартуке и с вилами в руках ринулся к ним с такой непонятной стремительностью, что можно было подумать, будто он просто дурачится.

— Не будет вам нынче Джозии Хуки, сударь,— объявил он, и голос его был исполнен ликующего злорадства.— Заместо его, стало быть, мы. Хи-хи-хи! А звать нас Марлаграм. Мы тоже из деревни — сами видите. Хи-хи-хи!

— Нет, не вижу,— сказал Бэртон Чидлуорт.— В этом наряде вы больше всего похожи на захудалого статиста из гастрольной бригады номер два, которая давала на днях «Жену фермера». Да вы на самом деле из деревни или, может, с последних страниц «Рампы»?

— Сударь ты мой, вот те крест! — завопил Марлаграм.— Сроду из деревни не выезжал! А сейчас готов услужить, коли позволите. Хи-хи-хи!

И он кинулся к принцессе, которая горячо его приветствовала.

— Я — человек с тонкой интуицией,— сказал Чидлуорт мрачно.— И что-то подсказывает мне, Спенсер-Смит, старина, что «Дискуссия на экране» сегодня с треском провалится. Миссис Шайни бормочет, как индюшка. Бедняга Тед Гиззард путается в длинных словах. Ваша прелестная белокурая молчаливица, наверно, рта не раскроет. А теперь еще этот король троллей на нашу голову! Надо бы снять с него фартук и отобрать вилы. Сдается мне, ему на самом деле года двадцать два и он только что получил свою первую роль в «Драматическом театре». Чарли! — крикнул он.— Мы рассаживаемся по местам.

Миссис Шайни была дородная и глупая дама с большим носом и бюстом. Тед Гиззард был тощий и упрямый субъект, до того поднаторевший в суконном языке речей и докладов, что на обыкновенном английском языке изъяснялся уже с

трудом. Филип глядел, как все четверо занимают свои места по обе стороны от Бэртона Чидлуорта — принцесса рядом с Тедом Гиззардом, а Марлаграм рядом с миссис Шайни,— и на душе у него тоже заскребли кошки. Правда, на вид девушка неотразима, но в том, что она до сих пор говорила, особого ума не видно. А этот коротышка Марлаграм, хоть ему уж, наверно, никак не меньше восьмидесяти, все только подмигивает, трясет головой, хихикает да потирает руки — этакий жизнерадостный маразматик!

— Добрый день! — сказал Чидлуорт, улыбаясь миллиону с четвертью домашних хозяек (не считая бесчисленных школьников, больных корью и свинкой).— Приглашаем вас снова принять участие в «Дискуссии у вас на экране». Справа от меня — давняя и популярная участница наших передач миссис Шайни. Как всем вам известно, миссис Шайни — председатель Гильдии домашних хозяек и хранительниц домашнего очага. Рядом с нею, на месте, обычно принадлежащем Джозии Хуки, который не совсем здоров, мистер... э-э... Марлаграм, готовый осветить интересующие нас вопросы в сельскохозяйственном аспекте, иначе говоря, с точки зрения деревни. Слева от меня — еще один давний и не менее популярный участник наших передач Тед Гиззард. Тед Гиззард пользуется широкой известностью в тред-юнионистском движении: он генеральный секретарь профсоюза клепальщиков-паяльщиков и лудильщиков-точильщиков. А рядом с ним — еще одно новое для вас лицо... на редкость приятное добавление к нашей компании (я думаю, мои слова не вызовут возражений)... принцесса Мелисента, ныне успешно подвигающаяся в Лондоне в качестве натурщи.

— Нет, я просто ишу Сэма,— решительно объявила Мелисента.— Где он?

— После скажу, девочка,— ответил Марлаграм.— Хи-хи-хи!

— Да-да,— поспешил вмешаться Чидлуорт,— это чрезвычайно интересная проблема, и я надеюсь, мы еще вернемся к ней. А теперь, миссис Шайни... первый вопрос к вам. Одна из постоянных телезрительниц спрашивает: «Ка-

кие новые возможности следовало бы открыть перед женщиной?» Пожалуйста, миссис Шайни.

— Я буду говорить как домохозяйка и хранительница домашнего очага,— сказала миссис Шайни с неопишуемой важностью,— ибо вам известно, что я возглавляю Гильдию домохозяек и хранительниц домашнего очага, самое крупное и самое влиятельное объединение домохозяек и хранительниц домашнего очага в нашей стране. Итак, как домохозяйка и хранительница домашнего очага, я отвечаю: все без изъятия новые возможности должны быть предложены и открыты женщине, и главным образом в ее качествах домохозяйки и хранительницы домашнего очага.

— Прекрасно,— сказал Чидлуорт.— Большое спасибо, миссис Шайни. А теперь — Тед Гиззард.

— Резервируя свое суждение по поводу проблем, не являющихся предметом данной дискуссии,— начал Гиззард чрезвычайно медленно,— я думаю, что мог бы высказаться по этому частному вопросу без всякого предубеждения...

— Давай, шуруй! — закричал Марлаграм.

—...без всякого предубеждения, разумеется,— продолжал Гиззард,— и в то же время беря на себя смелость говорить не только от лица клепальщиков-паяльщиков и лудильщиков-точильщиков, но и от имени всего тред-юнионистского движения в целом — в том виде, в каком оно существует на текущий момент. Итак, вот мое мнение — впрочем, я еще не до конца уверен, выскажу ли я его... Или нет,— выскажу: и да и нет — принимая в расчет неоспоримый факт, что вместе с обстоятельствами меняется и существо дела.

— Замечательно! Благодарю вас, Тед Гиззард. Ну а каково суждение деревни, как относится к этому важному вопросу сельское население, мистер Марлаграм?

— Молоко-яички-мед, раз-два-три-четыре-пять, цап-царап да хватъ-похватъ, хлев-подойник-маслобойня, гуси-гуси, га-га-га, загоняй скорей корову, ну-ка, выгони быка.— Марлаграм сыпал словами с фантастической быстротой, лицо его было серьезно и задумчиво.— В общем — нет, другой раз — да, особенно в апреле и сентябре, но по пятницам — избави Бог!

— Понятно,— сказал Чидлуорт, хотя ему, разумеется, ничего не было понятно.— Принцесса Мелисента, ваша очередь: о каких новых возможностях думаете вы?

— Я думаю о Сэме,— твердо сказала Мелисента.

— Его только что сунули в темницу,— сказал Марлаграм.

— В темницу?

— В самую что ни на есть глубокую... Хи-хи-хи! Но не тревожьтесь, все обойдется.

— Господин ведущий,— начала миссис Шайни,— надо отметить...

— Да-да... чрезвычайно интересно,— в полном смятении покивал Чидлуорт.— Вы хотите сказать, Мелисента, что Сэм даст вам новые возможности?

— Не смейте называть меня Мелисентой,— оборвала его принцесса.— Вы не входите в круг моих друзей.

— Как домохозяйка,— сказала миссис Шайни,— и как председательница...

— Не вмешивайтесь! — резко заявила Мелисента.— Магистр Марлаграм, вы уверены, что Сэм в темнице?

— К порядку ведения, господин Чидлуорт,— возгласил Тед Гиззард.— Насколько я могу судить, стоящий на повестке дня вопрос ни в коей мере не предполагает замены общего частностями и безличного личностями...

— Да, конечно, мы учтем ваше замечание,— поспешил откликнуться Чидлуорт.— Но теперь...

— Опять-таки к порядку ведения, мистер Чидлуорт,— взял слово Марлаграм.— Насколько я могу судить — хи-хи-хи! — сексуальная возбудимость несовместима с неограниченными возможностями психического склада, благоприятствующими сложным и обильным словоизлияниям.

— Не уловил вашу мысль,— сказал Гиззард.

— Каковы ваши первые впечатления от Лондона, принцесса Мелисента? — спросил Чидлуорт, вытирая пот со лба.

— Если он невсамделишный,— сказала Мелисента серьезно и убежденно,— и вы все это сами придумали, почему он у вас такой ужасно безобразный и шумный и почему

все люди такие озабоченные, или сердитые, или грустные? Или, может, все это — одно наваждение?

— Простите... как?

— Наваждение.

— Я тридцать лет участвую в тред-юнионистском движении, — сказал Гиззард, — и, насколько я могу судить...

— Ох, да замолчите вы! — Мелисента повернула голову и увидела, что кресло Марлаграма опустело. Большая бурая крыса трусцой бежала по полу. — Магистр Марлаграм, магистр Марлаграм, куда же вы?

— Перемолвиться словечком с Сэмом. Хи-хи-хи!

— Возьмите меня с собой.

— Потом, моя девочка. Будьте в «Вороном коне» около шести. Хи-хи-хи!

— Хи-хи-хи! — отчаянным эхом отозвался Чидлуорт, почувствовавший (и не без оснований), что дискуссия вышла из-под его контроля. — Чрезвычайно, чрезвычайно интересно... и мы, конечно, пожелаем им всем удачи, удачи и еще раз удачи.

— Разумеется, — подтвердил Гиззард.

— А теперь следующий вопрос. Наша телезрительница из Сэрбитона желает знать, не станет ли женщин в ближайшем будущем значительно больше, чем мужчин, и если да, то как именно это случится. Миссис Шайни, прошу вас.

— Говоря как домохозяйка, — сказала миссис Шайни, — а также от имени многих тысяч британских домохозяек, каждая из которых испытывает живое и глубокое чувство ответственности за наше ближайшее будущее, я отвечаю: возможно — да, а возможно — и нет, но каким именно образом — сказать трудно. Вы согласны со мною, мистер Гиззард?

— Да — в ограниченном смысле и нет — в менее ограниченном и гораздо более широком смысле, хотя, заметьте, я бы не хотел высказываться категорически и безапелляционно. Но у нас в тред-юнионистском движении...

— По-моему, это глупости, — сказала Мелисента, поднимаясь с места. — Я ухожу. Прощайте.

По пути обратно в контору Филип Спенсер-Смит без передышки втолковывал Мелисенте, что ее поведение во время передачи, по всей видимости, закроет перед «Уоллеби, Диммоком, Пейли и Туксом» двери телестудии на ближайшие два года. Но все мысли Мелисенты были заняты Сэмом, брошенным в темницу, и она даже не пыталась делать вид, будто слушает его. Филип сказал, что, прежде чем сообщить о случившемся Диммоку, он переговорит с Энн Датон-Свифт. Но Энн на месте не было, и где она — никто не знал. Пегги тоже на месте не было, и где она — никто не знал. А в довершение ко всему Диммок ушел, и никто не видел когда.

— Ну, это уж слишком,— сказал Филип Мелисенте.— Сперва Сэм...

— Я знаю, где Сэм,— промолвила Мелисента печально.— Он в темнице, у нас в Перадоре. Вы разве не слышали, что говорила та крыса? Это ведь был магистр Марлаграм.

— Да, но, видно, мне это не запомнилось,— осторожно сказал Филип.— Интересно, здесь ли еще доктор Джарвис.

Но, как выяснилось, доктор Джарвис сперва что-то долго и бессвязно объяснял насчет шкафа, а потом отправился на прием к одному из коллег в психиатрическую клинику.

— Вам придется повести меня в «Вороного коня»,— сказала Мелисента.

— Ради Бога,— кивнул Филип.— Как только там откроют, лапочка. Но вам незачем ходить так далеко, если вы просто хотите выпить.

— Нет, я не хочу выпить. Я хочу к Сэму.

— Но ведь вы сами сказали, что он у вас в темнице, хоть я и ума не приложу, как это понимать.

— Если я не пойду в «Вороного коня», я не смогу увидеться с Сэмом в темнице...

— Ах, пропади оно все пропадом, прекратите вы когда-нибудь или нет? — закричал Филип, швыряя эскиз рекламного плаката для «Маминого пусика» в дальний угол комнаты.

Мелисента разрыдалась.

Глава восьмая

СЭМ В ТЕМНИЦЕ

Темница и впрямь была самая что ни на есть глубокая. Сперва двое солдат спустились с Сэмом на обычную глубину, потом отворили какую-то дверь чуть не в фут толщиной, столкнули нового узника вниз по осклизлым каменным ступеням и замкнули за ним дверь. Скучный свет проникал через единственное крохотное оконце, пробитое высоко под потолком и совершенно недосыгаемое. Это была мерзкая дыра. Здесь стоял тот характерный унылый запах, какой идет от старых журналов, сваленных в кучу где-нибудь на чердаке. Сэм присаживался то на сырой обомшелый камень, то на третью снизу ступеньку лестницы. Из темного угла, обследовать который у него не было ни малейшего желания, доносился стук падающих капель и странные чавкающие звуки, наводившие на мысль о каких-то живых существах. В общем, веселого мало. К сожалению, этот вывод он сделал уже в течение первых двух минут, а за последующие час-полтора ни к каким новым выводам ему прийти не удалось. Он закурил так плотно и выпил так много, что в любом мало-мальски пристойном месте наверняка бы заснул, но здесь, в подземелье, было очень уж мокро и пакостно. Поэтому он только зевал и бранился.

Наконец дверь у него над головой отворилась, пропустив полоску света. Двое солдат, по-видимому весьма довольные собою, спустились по лестнице.

— Хлеб,— объявил первый солдат, подавая Сэму хлебец.

— Вода,— сказал второй, протягивая кувшин.

— Вот на чем тебе придется посидеть, приятель.

И оба загоготали. Сэм поглядел на них с отвращением:

— Ничего тут смешного нет.

— Да мы просто шутим, приятель,— сказал первый солдат.— Это твой паек по темничному уставу. Но мы с Фредом — золотые парни, правда, Фред?

— Истинная правда, Джек.

— Гляди-ка, что мы для тебя спроворили на кухне, приятель.— Он достал пакет, доверху набитый ломтями го-

вядиныи ветчины и горбушками пирога.— Действуй. Спасибо говорить не обязательно.

— А ну, навались, браток,— сказал второй солдат, тот, которого звали Фред.

— Нет, спасибо,— ответил Сэм.

— Да ты что? — удивился Джек.— Такой харч, а он нос воротит.

— Свиныя ты неблагодарная,— сказал Фред.

— А мы-то думали, ты все глаза себе от счастья выплачешь, как увидишь эдакую благодать, правда, Фред? Ну, давай, начинай. Вот гляди, какой шикарный кусок ростбифа с кровью...

— Простите, ребята, но я не могу есть.

— Брось ты это, браток,— сказал Фред с укором.— Хуже отчаяния ничего не бывает. А тебе надо беречь силы.

— Истинная правда,— кивнул Джек.— Месяц-другой — и ты выйдешь. Вполне может случиться, поверь моему опыту. Так что не стесняйся, глотай-ка все это поживее.

— Да не могу я, ведь я только-только из-за стола, целую гору всякой всячины слопал. Вы сами видели... вернее, видели, что осталось. Я понимаю, вы с лучшими намерениями, но посудите сами...

— Что ты, браток! Да ежели б мы умели судить, сейчас бы в суд побежали.

Сверху донесся громкий возглас: «Дорогу сэру Шкиперу — новому капитану королевской стражи!» Ужасающе воинственная фигура — в полном латном уборе, в шлеме с опущенным забралом, с исполинским мечом в руке,— лязгая и бряцая, спустилась по ступеням. Двое солдат с величайшим трудом вытянулись по стойке «смирно».

— Проваливайте,— сказал вновь прибывший.

— А куда провалишься? Глубже некуда, капитан.— Оба солдата оглушительно загоготали.— Неплохо сказано, правда, Фред?

— В толк не возьму, как это ты все придумываешь, Джек!

— Вы слышали приказ? — страшным голосом заревел капитан.— Эй, вы, слюнтяи, свиные рыла, курицыны дети,

что же мне — отсечь вам уши, открутить носы, искрошить мизинцы на котлеты?

— Никак нет, капитан!

И солдаты кинулись вверх по лестнице.

Грозный начальник снял шлем, и перед Сэмом предстал Планкет, старый шкипер, замученный жарой и духотой. Он прильнул к кувшину и долго от него не отрывался.

— Адски жарко в этих латах, старик.

— Так это вы — новый капитан королевской стражи, Планкет?

— До поры до времени, старик. Надо было что-то придумать, отвечать с ходу, ну, вот я и словчил, как сумел. Но это только трамплин.

— Вы лучше посмотрите, до чего же я здорово словчил.

— Все знаю, Сэм, старина. За дочкой приударил, так, что ли? Ненадежное дело. Я рассказывал, что со мной было в Бангкоке? Как-нибудь выдам тебе эту историю со всеми подробностями. Да, здесь не разгуляешься.

Сэм возмутился до глубины души:

— Не разгуляешься! Вы только поглядите на эту дыру!

— Случались переплеты и почище. Однажды нас было двенадцать лбов, а каморка — меньше этой... В Тетуане было дело... Но ты не беспокойся. Я тебя быстро отсюда вытащу. Нынче вечером я ужинаю у короля Мелиота и что-нибудь устрою. Ставлю десять против одного, что он упьется.

— А я — сто против одного, что и вы упьетесь, шкипер.

— Собственно говоря, — сказал Планкет задумчиво, — я пью беспрерывно с того самого времени, как Эдуард Восьмой отрекся от престола. Но этого короля я беру на себя. Мы с ним уже друзья — водой не разольешь.

— Ловко вы это устроили, шкипер. Почему он вас не разнес за то, что вы одеты черт знает как?

— А потому, что я успел увести чьи-то латы, старик. Когда мы с ним встретились, он и спрашивает: ты, мол, из Камелота? «Да», — говорю. «Привез сообщение, что конференция отменяется?» — «Да», — говорю. Тогда он спрашивает, как там король Артур. Ну, статую я видел, вот и отвечаю, что, дескать, король цел и невредим, весь брон-

зовый и знай себе смеется. Потом я отрекомендовался капитаном королевской стражи — для короля Мелиота это была полная неожиданность. А в общем, он неплохой малый, только, по-моему, скряга страшный. О тебе слышать не может: ты, говорит, слопал его любимый паштет. Особенно на этой работенке не разживешься, но, сам понимаешь, другого выхода нет. Кстати, старик, ты знаешь такого — Диммока? Он занимается рекламой.

— Знаю, это мой хозяин. А что?

— Он здесь, старина.

— Диммок?! Он-то как сюда попал?

— Толкует про какую-то крысу, про какой-то шкаф. Ему чертовски повезло, что мы с ним встретились. А то он совсем растерялся. Для рекламного агента не Бог весть какой хваткий малый. Я его спрятал у себя в комнате.

Наверху раздался шум. Планкет мгновенно вскочил и свирепо заорал на Сэма:

— Знай, проходимец, бесстыжие твои глаза, ты просидишь здесь столько, сколько будет угодно его величеству!

— Сэр Шкипер! — Это был король Мелиот, он глядел на них сверху. — Сэр Шкипер!

— Иду, государь, иду! — отозвался Планкет. Затем прошептал: — Не вешай носа, старик. Скоро я тебя вытащу. — Потом, чтобы услышал король, снова зарычал: — Поделом тебе, негодяй!.. Иду, государь, иду!

Примерно с четверть часа после ухода Планкета Сэм чувствовал себя уже не таким несчастным, потом затхлый мрак темницы снова стал нагонять на него тоску. Поэтому он испытал скорее облегчение, чем страх, когда услышал пронзительное хихиканье в самом темном углу своей тюрьмы, а вслед за тем неожиданно увидел маленького старичка с длинной бородой.

— Ну, вот я и здесь, мой мальчик. Хи-хи-хи!

— Это я и сам вижу, но кто вы такой?

— Магистр Марлаграм, твой волшебник, волшебник принцессы Мелисенты.

— Какая наглость! — негодующе воскликнул Сэм. — Мой волшебник! Да вы поглядите, что со мной случилось!

Почему вы дали Мальгриму утащить меня сюда, так что мы с принцессой разминулись? И что вы сделали с нею?

— С нею все в порядке, мой милый, об этом можешь не беспокоиться,— сказал Марлаграм, располагаясь поудобнее для дружеской беседы.— А что до Мальгрима, моего племянника,— да, ловко он сыграл нынче утром, ничего не скажешь. Хи-хи-хи! Прилежный паренек... и шустрый, да-а. Ведь я его сам когда-то учил... Все было бы в порядке, да меня срочно вызвали в Шотландию. Старые мои приятельницы, три ведьмы...

— По делу Макбета, что ли?

— Кто это проболтался? — сердито спросил Марлаграм.

— Потом расскажу. Но послушайте, мистер Марлаграм, вот вы здесь сидите, рассказываете мне, какой ловкий у вас племянник, а к чему все это? Я, конечно, понимаю: семейная гордость... Но если вы не можете нам помочь, если чувствуете, что вас обскакали, так прямо и скажите.

Старый волшебник бросил на него свирепый взгляд.

— Обскакали! Что за глупости! Не считая Мерлина (а он уже вышел в отставку), отсюда и до самых Оркнейских островов нет волшебника лучше меня.

— Ну, тогда, должно быть, у вас сегодня выходной,— угрюмо сказал Сэм.

— Выходной! Обскакали! Давай-давай, мой милый. Еще одно такое слово — и выбирайся из этой темницы сам, как сумеешь.

— Мистер Марлаграм, я приношу вам свои извинения. Кстати, как вы сюда проникли? Нельзя ли мне выйти тем же путем?..

— Нельзя! — резко оборвал его Марлаграм.— Ни тебе, ни кому другому, не причастному к нашей профессии. Ты что думаешь, мой милый, мы даром двадцать лет в подмастерьях ходим? Ну ладно, давай наведем ясность в кое-каких вопросах. Во-первых, принцесса Мелисента... Ах, какой славный, лакомый кусочек... Хи-хи-хи!

— Смените-ка пластинку. Прямо наводите ясность — и все.

— Когда я ушел, она играла в какую-то идиотскую игру, а вокруг нее горели какие-то плошки. Там я ее и оставил,

а в шесть у нас назначена встреча в «Вороном коне», и я перенесу ее назад. Потерпи немножко — скоро ты ее увидишь.

— Хорошо. А кто-нибудь из вас может вызволить меня отсюда?

— Я могу. Собственно говоря, мог бы и сейчас.

— Ну так за чем же дело стало?

— А за тем, что я люблю работать по порядку, а не как придется, мой милый. Ты художник или, по крайней мере, называешься художником, стало быть, должен меня понять. Я ведь тоже в своем роде художник. Коль скоро я берусь вызволить тебя отсюда, я хочу иметь в руках четкий план и держать в голове четыре, а то и пять ближайших ходов. А Мальгрим, хоть он и ловкий малый, как раз на этом спотыкается. Удачный и быстрый ход или два, вот как нынче утром, — на это он мастер, но он импровизатор, и ничего больше, а на импровизации далеко не уедешь. Я люблю составить план, где все предусмотрено заранее.

— И какой же у вас план?

— А уж это не твоя забота, мой милый.

— Помилосердствуйте! — вскричал Сэм. — Как же не моя? Да я здесь влип хуже некуда.

— Но ведь ты герой, храбрец, верно?

— Нет, не верно, — сказал Сэм. — Будь я герой, я бы не служил у Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса. Между прочим, Диммок здесь.

— Знаю... хи-хи-хи! Диммок входит в план.

— Что же это все-таки за план?

— Я его еще дорабатываю. До скорого, мой мальчик.

И волшебник исчез. Из темного угла донеслось последнее замирающее «хи-хи-хи».

Хоть Сэм и поворчал немного, настроение у него заметно исправилось. Он медленно набил свою трубку, о которой не вспоминал целое утро. Но тут обнаружилось, что у него нет спичек. Сперва он решил было подняться по лестнице, постучать в дверь и попросить кремль и трут, потом сообразил, что это покажется странным. Он попробовал с нежностью и умилением думать о Мелисенте, но убедился, что не в состоянии даже отдаленно припом-

нить, какова она с виду. Вместо Мелисенты ему отчетливо представлялась дрянная скульпторша по имени Мойя Фезерингерст, которую он уже много лет терпеть не мог.

Глава девятая СНОВА В «ВОРОНОМ КОНЕ»

В баре «Вороной конь» было очень тихо, и толстяк, взяв обычную смесь легкого пива с горьким, сказал об этом буфетчице. Не получив ответа, он повторил:

— Все тихо-спокойно, говорю.

— А я ничего не говорю.— Буфетчица зажмурилась и плотно сжала губы.

— Это почему же?

— После того, что случилось нынче утром, не могу.— Она открыла глаза и опасливо поглядела на дальнюю стену.

Толстяк довольно долго раздумывал над ее словами. Потом наконец нашелся:

— А что такое случилось нынче утром?

— Не надо вопросов,— сказала она.— Тогда и вранья не услышите.

— Что правда, то правда,— согласился толстяк.

Буфетчица долго молчала, потом впилась в него взглядом, и наконец ее прорвало:

— Мой брат Альберт говорит, он видел такое однажды в парке Финсбери. Электричество и зеркала, говорит, вот и все.

— Что видел?

— Загадочное исчезновение,— мрачно сказала она.

— Так это оно и было нынче утром?

— Оно самое. На этом самом месте.

— А кто же исчез?

— Ах, лучше не спрашивайте...

— Что правда, то правда,— поспешно согласился толстяк.

Он отхлебнул пива, подумал немного, потом рискнул высказать суждение:

— А погодка-то разгулялась.

— А вы чего ждали? — сказала буфетчица. — Нет уж, тридцать первого июня иначе и не бывает.

Толстяк поглядел на нее с недоверием, но она ответила прямым, простодушным взглядом. Тогда он вынул из кармана книжечку с календарем, тревожно заглянул в нее, потом снова с недоверием уставился на буфетчицу. Взгляд ее был все так же чист и простодушен. Они уже готовы были все начать сначала, как вдруг появился Мальгрим в том же самом наряде, что и утром, энергичный и властный.

— Свят-свят-свят! — ахнула буфетчица.

— Добрый вечер, мадам. Двенадцать бокалов бенедиктина с холодным молоком, и, пожалуйста, поживее.

— Бенедиктин с холодным молоком? Смесь? Двенадцать бокалов?

— Вот именно, двенадцать, — сказал Мальгрим. — Потом, возможно, понадобится еще. Здесь соберется бактериологическая секция нашего медицинского конгресса. Я жду делегатов с минуты на минуту.

— Эй, послушайте, — сказала буфетчица, глядя на него во все глаза, — ведь это вы приходили сюда нынче утром, выпили целую бутылку мятного ликера, а потом вышли сквозь стенку?

— Да, я, — охотно согласился Мальгрим. — Ну и что из этого?

— Что из этого! — Она бросила на него отчаянный взгляд, тихонько застонала и отошла к другому концу стойки...

— Сдается мне, — сказал толстяк, — она сегодня что-то не в себе.

— Да и вы тоже, друг мой.

— То есть как?

— Ну-ка, взгляните на мой палец! — сказал Мальгрим.

Он проговорил это так властно, поднимая палец все выше и выше, что толстяк не посмел ослушаться. Секунд через двадцать толстяк застыл в неподвижности, подняв глаза вверх, — бесчувственный, словно восковая фигура. Мальгрим больше не обращал на него никакого внимания и занялся стеной. Он чертил на ней какие-то знаки и бормотал заклинания. Снаружи завыл ветер, стена раздвигалась.

нулась, но за ней, торжествующе хихикая, стоял старый Марлаграм.

— Хи-хи-хи! Что, мой мальчик, не ожидал?

— Эффектный трюк, дядюшка, но, как всегда, дешевый,— сказал Мальгрим.— Видно, и впрямь пора вам бросать серьезную работу. Для детских утренников, конечно, еще сойдет...

— Вот я тебе покажу детские утренники, наглый щенок! — объявил Марлаграм, делая шаг вперед.— Да не вздумай просить помощи у Агизикке, у Бултурвзасоса или у кого-нибудь еще из этой компании, потому что сегодня я их всех заключил в магический пентаэдр, хи-хи-хи!

— Знаю,— сказал Мальгрим презрительно.— Не так уж трудно было догадаться, милейший дядюшка. Но и я времени даром не терял, сразу обратился к Акибеку и Беркаяку. Хотите помериться силами? Нет. Так я и знал. Где уж там, ведь у вас ни настоящей стратегии, ни цельного плана. Теперь-то вы поняли, что у меня преимущество в целый ход?

— Нет, мой мальчик.

— Ну как же! Если вы вернетесь в Перадор и оставите меня здесь, я встречусь с принцессой Мелисентой.

— И не подумаю, мой мальчик.

— Превосходно. В таком случае вы остаетесь здесь, а я возвращаюсь в Перадор, и опять-таки я в выигрыше. Чистая работа, ничего не скажешь. Помяните мое слово, брошь Мерлина достанется мне.

И он двинулся к зияющему проему в стене.

— Но тебе не закрыть за собой стену,— сказал Марлаграм.— Вот попробуй.

— И пробовать не стану. Пустое дело. Все равно я в выигрыше, как ни кинь,— сказал Мальгрим и вышел через стену.

— Похоже на то,— пробормотал старик.— Неглупый малый, хотя слишком самоуверен. Ладно, мы еще посмотрим.

Он стал быстро расхаживать по комнате и, наткнувшись на остолбеневшего толстяка, небрежно отодвинул его, точно стул. Тем временем на стойке появился поднос с две-

надцатью бокалами. Вслед за тем из-под стойки на четвереньках выползла ошалевшая буфетчица. Она поднялась на ноги и устоялась сперва на Марлаграма, потом на толстяка, потом на проем в стене.

— Свят-свят-свят! — Женщина закрыла глаза, но, вспомнив о своем служебном долге, снова открыла их и поглядела на Марлаграма. — Послушайте, вы можете выпить двенадцать бокалов бенедиктина с молоком?

— Нет, — ответил Марлаграм. — В рот не беру молока.

— Ну, тогда до свиданья! — чуть слышно сказала буфетчица, потом, спотыкаясь, прошла сквозь стену и унеслась в Перадор.

Старый волшебник хлопнул толстяка по плечу, приказал ему: «Проснись!» — а сам пролез под стойкой и появился по другую ее сторону. Толстяк поглядел на него, потом зажмурился.

— Что-то у меня с глазами неладно, — сказал толстяк. — Послушайте, а куда девалась Куини?

— Это ты о буфетчице? Хи-хи-хи! Завтра утром у нее будет по горло дел на перадорском турнире, хоть сама она, конечно, об этом еще и не подозревает. А твои глаза... да разве ими что-нибудь увидишь?

— То есть как это?

— Да ты уж сколько лет как мертвец, — сказал Марлаграм. — Выпьешь чего-нибудь?

— Легкого с горьким, — уныло ответил толстяк.

— Ты себя губишь, хи-хи-хи! Нет, пинта драконовой крови — вот что пойдет тебе впрок. Держи!

Совсем обалдевший толстяк вдруг увидел у себя в руках большую кружку, до краев наполненную темно-красной жидкостью.

— Да куда мне столько! Небось опять что-нибудь новенькое для нас припасли? Не забывают они про нас. Интересно, что там.

— Кто это «они»? — сурово спросил Марлаграм.

— Ну... сами знаете...

— Ничего я не знаю. И ты тоже ничего не знаешь. А теперь выпей и оживи. А то куда ни плюнь — одни мерт-

вяки: тыкаются повсюду, высматривают, нет ли где свободной могилы.

— Ну что ж, я выпью.

— Давно пора. А как хлебнешь драконовой крови, скажешь, какое сегодня число.

Толстяк отхлебнул большой глоток темно-красной жидкости. Глаза у него полезли на лоб, но он сразу же так и расплылся в блаженной улыбке.

— А ведь вы правы, ей-богу. И Куини тоже, и тот малый — художник, что был тут нынче утром. Сегодня и впрямь тридцать первое июня.

— Вот так-то лучше,— одобрительно сказал Марлаграм.

— Я вам еще не рассказывал, как все это вышло?..— начал толстяк.

— Нет, не рассказывал — хи-хи-хи! — и не расскажешь. Кто это еще там?

Филип Спенсер-Смит, входя с Мелисентой в бар, все еще хныкал:

— Лапочка, вы, конечно, прелесть, и, может быть, вы с Сэмом, как говорится, созданы друг для друга, но что факт, то факт: из-за вас я рассорился с телебоссами по крайней мере года на два...

— А, магистр Марлаграм, вы здесь, как я рада! — вскричала Мелисента.— Я хочу скорее вернуться во всамделишную жизнь.

— Через минуту отбываем, хи-хи-хи!

— Здесь подают драконову кровь,— сказал толстяк Филипу,— так вот, хлебните глоток, очень рекомендую. Тогда вам все будет трын-трава, даже если телевидение на порог вас больше не пустит. Эй, шеф, еще две пинты драконовой, пожалуйста.— Он с восхищением поглядел на Мелисенту.— Вот каких девочек видишь, когда выпьешь драконовой крови! А если пить только легкое пиво, то вокруг — одни мымы, сами зеленые, бледнющие, волосы будто ваксой намазаны... Спасибо. Может, выпьете за компанию?

— Некогда,— сказал Марлаграм.— Через пятнадцать секунд отбываю.

— М-да,— сказал Филип неуверенно.— Попробовать, что ли? Ваше здоровье!

— Всех благ! — сказал толстяк.

Они выпили.

— Пожалуй, похоже на «Кровавую Мэри», только позабористей, — сказал Филип. И вдруг вытарашил глаза от изумления. Ни принцессы Мелисенты, ни Марлаграма, ни проема в стене — как не бывало. — Э-э... что это... э-э... позвольте... как это... — Озираясь, он промычал еще что-то столь же нечленораздельное, потом вопросительно взглянул на толстяка.

— А погодка-то разгулялась, — радостно сообщил толстяк.

— Нет, правда?

— А вы чего ждали? Сами понимаете — тридцать первого июня иначе не бывает.

Филип допил драконову кровь.

— А ты Герберта Пейли из фирмы «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс», часом, не знаешь? — услышал он свой голос. — Вот уж подонок так подонок, еще почище Тукса, это я тебе как друг говорю. Ну что, старик, может, еще по одной?

Глава десятая КОРОЛЬ МЕЛИОТ ПОСЛЕ ОБЕДА

Король Мелиот, отпустив всех слуг, кроме виночерпия, сидел с капитаном Планкетом и Диммоком в своем малом покое, что при банкетной зале. Они плотно пообедали и теперь совершали столь обильное возлияние, что виночерпий едва поспевал наполнять чаши. То и дело они разражались хохотом, захлебываясь и брызгая слюной, и лица их становились все краснее. Каждый разыгрывал из себя свойского малого, как это часто бывает с мужчинами средних лет, которые выпили лишнего и гонят прочь мысль о том, что утро все-таки наступит.

— А мы вот знаем один анекдот — животики надорвешь, — говорил король. — Про то, как в Камелоте встретились три странствующих торговца. Один — англичанин, другой — шотландец, а третий — ирландец. — Король так и

покатился со смеху.— Мы что-то запаматовали, чем там дело кончилось, ну ничего, при случае вспомним и докажем... Виночерпий!

— Кстати,— сказал Планкет,— я как раз кое-что вспомнил, ваше величество.

— И мы тоже,— сказал король, указывая на Диммока и хмурия брови.— Вот уже второй такой тип попадаетеся нам сегодня — одет черт знает как. А тот, первый, сидит в темнице. Хотел жениться на нашей дочери. Неслыханная наглость!

— Я как раз вспомнил,— сказал Планкет,— что у нас с Диммоком есть один план.

— А кто это — Диммок? — спросил король.

— Это я, ваше величество.

— Ты непристойно одет, Диммок. И не заставляй нас повторять это дважды. Так что, ты говоришь, у тебя есть, сэр Шкипер?

— План, ваше величество... проект... предложение... идея! У нас будет куча денег.

— Куча денег? Где же она?

— В нашей идее, государь.

— Мы в этом не уверены,— сказал король.— Мы в ней ничего такого не видим. Вот разве этот Диммок объяснит нам толковее. Кстати, где он?

— Я здесь, ваше величество. Я — Диммок.

— Так это ты? — Король покачал головой.— Ну что может из этого выйти? Нет уж, мы отвергли сотни идей, получше вашей. Она слишком чахлая, крепости в ней нет. Виночерпий! Налей. Налей, говорят тебе! Вот в этом винце крепость есть, а в вашем плане — нет. В чем вся и разница.

Он поднял чашу и осоловело поглядел на нее.

— Играйте,— шепнул Диммок Планкету.— Я пас.

— Ваше величество,— начал Планкет торжественно,— позвольте мне выпить за ваше здоровье и счастье, а также за дальнейшее процветание вашего королевства Перадор.

И он выпил с видом столь же торжественным.

— Отлично сказано, сэр Шкипер, и мы премного тебе благодарны. Однако справедливость требует признать, что

наше королевство сейчас отнюдь не процветает. Советники говорят, что казна почти пуста.

— Но, ваше величество, мы с Диммоком будем счастливы отвалить вам кучу денег, и не одну...

— Ты-то — возможно, сэр Шкипер, но Диммок? Если и у него есть такое желание, пусть придет и скажет сам.

— Но ведь это же я — Диммок!

Король неодобрительно покосился на него:

— Ты одет черт знает как. Уже второго такого сегодня встречаю. И не смей соваться, когда тебя не спрашивают. Так о чем, бишь, мы, сэр Шкипер? Ах да... у вас должен быть план.

— Он у нас есть, ваше величество.

— Так бы сразу и сказал! Какой толк ходить вокруг да около?.. Виночерпий!

— Диммок, объясните нашу идею. Ваше величество, Диммок изложит вам план.

— Давно пора,— сказал король, косясь на Диммока.

— Так вот, ваше величество,— сказал Диммок.— Там, где я живу, все хотят поехать куда-нибудь.

— Что-то не верится,— проворчал король.— Этак там у вас скоро не останется ни души.

— Я хотел сказать — поехать на время, в отпуск.

— Просто чтобы переменить обстановку,— добавил Планкет,— да отдохнуть от своего великолепного образа жизни...

— Люди копят деньги, чтобы побывать в других странах...

— И мы считаем, что самые богатые должны ехать сюда, в Перадор...

— Организованный туризм! — горячо воскликнул Диммок.— Они приедут полюбоваться замками. Поглядеть рыцарей. Поглядеть драконов.

— Конечно, тут не обойтись без одного из ваших волшебников,— сказал Планкет.— Нужно будет обеспечить транспорт для переброски туристов.

— Тогда деньги так и посыплются,— сказал Диммок.

— Куда — в нашу королевскую казну? Ах, нет? Ну, ясное дело.— Король покачал головой, и взгляд его стал еще суровее.

— Ваше величество могли бы войти в правление и приобрести солидный пакет директорских акций.

— Правление? Акции? Не понимаю, о чем вы толкуете,— сказал король Мелиот с неудовольствием.— Где же эта ваша куча денег?

— Важно, чтобы деньги потекли в страну,— сказал Планкет.

— А там вы сделаете то же, что наши правители. Как только у людей появятся деньги, вы высосете их с помощью налогов,— сказал Диммок.

— Налоги? Вздор! Там выжмешь золотой, здесь — медяк... Знаем мы эти налоги. Тьфу!

— Но по нашему плану,— сказал Диммок,— вы получаете половину прибылей... или даже три четверти.

— Введите налог на замки,— сказал Планкет.— Военный налог, налог на содержание правительственного аппарата. Пусть платят за то, что у них есть крыша над головой. Обложите налогом одежду и постели. Пути и дороги...

— И воздух, которым они дышат, тоже? — Король сардонически захохотал.

— Это оригинально,— сказал Диммок.— Богатая идея. Стоит попробовать.

Король Мелиот, охваченный внезапной яростью, с трудом встал на ноги.

— Стоит попробовать! Богатая идея! Эй, вы, алчные, подлые пройдохи! Вот мы сейчас прикажем высечь вас — да как вы только осмелились явиться к нам с таким предложением?.. Виночерпий, стражу! Живо! Знайте, мошенники: людей здесь вешали, рубили на куски, четвертовали за преступления куда менее опасные, чем то, на которое вы толкаете нас. Никогда мы не обошлись бы так гнусно и жестоко даже с язычниками-людоедами, даже с одно-глазыми пигмеями! Ни один государь в христианском мире не стал бы слушать такие мерзкие речи — да что там! Другой на моем месте просто вышиб бы из вас мозги.

Вошли два солдата, Джек и Фред.

— Взять этих злодеев! — закричал король. — А если окажут сопротивление — рубите их.

— Как, ваше величество, зарубить нашего капитана?

— Он вам больше не капитан. Он злодей и бродяга, как и тот, второй. Уведите их.

— Слушаюсь, ваше величество, — сказал Джек, но вид у него был неуверенный. — Тоже в темницу?

Король Мелиот колебался.

— Ну, вот что... дайте нам подумать.

В этот миг вошли Мальгрим и Нинет — разумеется, не случайно, ведь у Мальгрима все шло по плану. Он очень гордился — и не без основания — тем, что так точно укладывается в график.

— Ваше величество, — сказал волшебник вкрадчиво, — позвольте мне дать вам совет.

— А ты кто такой, черт тебя побери? Ах да, ты чародей. Все суешь свой нос куда не следует. Смотри не перестарайся... — Тут он заметил Нинет, которая улыбалась ему. — Нинет, где наша дочь?

— Я вам все объясню, государь, как только мы останемся наедине, — сказала она сладким как мед голоском. — Но вот магистр Мальгрим...

— Ваше величество, умоляю, дозвоьте мне использовать этих преступников на благо нашего искусства и науки.

— Хочешь их во что-нибудь превратить, а? — сказал король. — Недурная мысль. Но это вовсе не значит, что я оставляю тебя при дворе, понял? А теперь ступайте. Виночерпий, проводи их. Тебя заменит леди Нинет.

— Я буду счастлива, государь. — Нинет нежно улыбнулась.

Король проводил их взглядом, потом в изнеможении опустился на свое высокое кресло.

— Налейте-ка мне вина, Нинет. И себе тоже, моя крошка. — Отхлебнув добрый глоток из чаши, которую девушка ему подала, он вдруг загремел: — Ни минуты покоя! Король Артур вызывает нас в Камелот, потом отменяет свое повеление и присылает этого сукина кота, сэра Шкипера. Наша дочь тронулась умом, а теперь и вовсе исчезла. Влю-

билась в какую-то мифическую личность. Невесть откуда поналезли всякие типы — одеты черт знает как. Волшебники то появляются, то исчезнут, даже позволения не спросят. Не могу я с ними со всеми сладить. Должно быть, старею.

— Помилуйте, государь, вы в расцвете лет.

— Верно, для своих лет я молодец.

— Вы просто устали, и потом, здесь так жарко,— промолвила Нинет, подходя ближе.— Вы позволите, государь? — И она обтерла королю лоб своим платком, а потом провела по нему своей нежной ручкой.

— Ладно, ладно,— сказал король, притворяясь, будто ему безразличны эти знаки внимания.— Но где же все-таки наша дочь?

— Это долгая история...— начала Нинет.

— Ну, тогда не нужно,— сказал король.— Расскажешь как-нибудь в другой раз.

— Она очень своевольная, государь. Она отправилась в другой мир искать этого человека. Скоро она возвратится, и с ней дядя магистра Мальгрима — тоже волшебник, ужасный старик, его зовут Марлаграм.

— Как? Старый Марлаграм? Тот, что все верещит «хи-хи-хи»? Так он еще жив? Мы знавали его при Мерлине, давненько дело было. Он, конечно, гораздо старше нас.

— Думается мне, он старше всех на свете,— сказала Нинет.

— А нам он, наверно, дал бы лет тридцать. Ну, сорок от силы.

— Разумеется, государь. Как говорила моя тетушка колдунья, кто молод душой — молод и телом.

— Вот как? Нужно будет это запомнить. Жаль, что нам это не пришло в голову раньше. На редкость умная женщина была твоя тетушка, а какая свежесть мысли! Я всегда это говорил, даже когда ее судили. Налей-ка мне еще, девочка. Будь вместо виночерпия.

— Вот было бы хорошо, государь,— сказала Нинет, поднося ему чашу,— если бы кто-нибудь, ну, скажем, магистр Мальгрим, избавил вас от скучных повседневных забот. Я

знаю, какой вы добросовестный, но нельзя же все делать самолично. Это уж слишком.

— Да, в самом деле слишком! — воскликнул сердитый голос, заставивший их вздрогнуть. Это была Мелисента.

Следом за ней вошел Марлаграм.

Растерянность короля сменилась гневом.

— Не смей разговаривать с нами таким тоном! Где ты была? А это кто такой?

Марлаграм ничуть не смутился.

— Хи-хи-хи! Неужто вы не помните меня, король Мелиот?

— Теперь вспомнил. «Хи-хи-хи»! Ну, вот что, Марлаграм, убирайся-ка ты отсюда подобру-поздорову, — сказал король. — Хватит с меня твоего племянника, который все время лезет куда не надо.

— Он малый неглупый, — хихикнул старик, — только ужасный пакостник. Ловкий интриган, но уж больно самонадеян, сами увидите.

— Мой Сэм все еще в темнице? — спросила Мелисента.

— Какой там еще твой! — сердито оборвал ее король. — Но он действительно в темнице и там останется.

— Ах, отец, молю вас, сжальтесь.

— И вот что, юная леди, хватит с нас твоих выходок и капризов. Завтра после турнира мы объявим, что ты выходишь замуж.

— Никогда! Только за Сэма!

— Мы пока сами не знаем, кто твой жених, это еще надо решить. Но замуж ты выйдешь, даже если придется держать тебя взаперти на хлебе и воде.

— Не выйду, не выйду, не выйду!

— Выйдешь! — вскричал король. — Такова наша королевская воля. Леди Нинет и магистр Марлаграм, будьте свидетелями.

Мелисента повернулась к старому волшебнику:

— Помните ту брошь, которую просил Мальгрим?

— А как же! Хи-хи-хи! Ведь мы оба за ней охотимся.

— Если вы мне сейчас поможете, она ваша, — нетерпеливо сказала Мелисента.

— Идет! — сказал Марлаграм с нескрываемой радостью. — И заметьте, я ее у вас не просил, хи-хи-хи!

— Нам угодно, чтоб ты перестал хихикать, — сказал король. — И что это за идиотский бред насчет какой-то брошки? Как бы там ни было, можете нам поверить...

— Остановись, король Мелиот!

Старый волшебник, весь внезапно преобразившись, величественно поднял руку. Вместо мягкого вечернего света вокруг разлилось зеленое сияние, словно замок очутился под водой. Издалека донесся раскат грома. Женщины испуганно взвизгнули.

— Ну, вот что, Марлаграм, пожалуйста, без этих мерлинских штук, — неуверенно произнес король. — Они уже давным-давно вышли из моды, мой милый. Так что ты полегче!

Марлаграм заговорил, и зеленый свет перешел в зловещий багрянец.

— Мелиот, король Перадора! Прозрение, дарованное мне властью Соломоновой печати, отныне нисходит на меня. Две грозные опасности надвигаются на твой замок. Одна из них — никому не ведомый Красный рыцарь: на завтрашнем турнире он бросит вызов всем и победит всех, кроме одного. А другая — свирепый, всепожирающий дракон, он и сейчас уже рычит и изрыгает пламя в лесу под холмом. Только тому, кто победит Красного рыцаря, суждено одолеть дракона. Ему же суждено жениться на принцессе.

— Ну, ясно, ясно, — сказал король. — В такой ситуации это самое разумное. Но, любезный магистр Марлаграм, уверен ли ты насчет Красного рыцаря и дракона? Нет ли здесь какой-нибудь ошибки?

— Ошибки? — воскликнул Марлаграм, и его лицо озарилось в темноте зловещим сиянием, а борода затрепетала, словно язык зеленого пламени. — Как! Ты посмел усомниться в истинности прозрения... в Соломоновой печати?

Грянул страшный удар грома, ослепительно сверкнула молния.

— Нет, нет, нет! — закричал король, вконец перепугавшись. — Ты прав! Это вполне разумно. Мы даем тебе слово...

Он огляделся. В комнате снова стоял мягкий вечерний свет, но волшебника как не бывало.

— Хи-хи-хи! Все идет как по маслу! — Торжествующий голос донесся неведомо откуда. — А ведь это всего-навсего одна из штучек старика Мерлина! Давным-давно вышла из моды, так ведь? Хи-хи-хи!

Хихиканье замерло вдали.

— Кажется, исчез, — сказал король с явным облегчением. — Нинет, налей-ка мне вина. Последнюю на дорожку. Нет, мы всегда говорили: с волшебниками старой школы — если только они в форме — никто не сравнится. Эксцентрично, дорого, довольно сумбурно — это все так, зато точно знаешь, что тебя ждет.

— И что же нас ждет? — спросила Нинет, поднося ему чашу.

— Кровожадный Красный рыцарь и ненасытный свирепый дракон, — ответил король беспечно. — Ты скажешь, что это многовато, и будешь недалеко от истины. А теперь мы, пожалуй, засядем за черновик нашего завтрашнего воззвания.

Глава одиннадцатая ВСТРЕЧА В ТЕМНИЦЕ

В подземелье было теперь так темно, что два солдата, Джек и Фред, неся Сэму ужин, захватили с собой факелы. Джек поставил миску около Сэма.

— На этот раз мы принесли тебе похлебку для подкрепления сил.

— И еще хлеба, — сказал Фред.

— С этим хлебом ты хлебнешь горя, — сострил Джек. — Каково, Фред?

— Ой, Джек, ты меня уморишь!

— Где сэр Шкипер, ваш капитан? — спросил Сэм.

— Этому сукину сэру солоно пришлось, — ответил Джек. — Сперва мы его арестовали, взяли под стражу, а потом он вместе со вторым молодчиком попал в лапы к волшебнику.

— Так что он, может, уже превратил их в пару такс,— сказал Фред.

— Собачья жизнь, приятель! — подхватил Джек со смехом.— Слышь, Фред, шуточки-то у меня сами собой так и сыплются.

— Ты голова, Джек!

— А ты как думал, Фред! Ну, где же кандалы и цепи?

— Кандалы? — заволновался Сэм.— Это еще зачем?

— Так положено, браток, понял? — сказал Фред.— Мы вроде бы укрываем тебя на ночь одеяльцем.

— Да ты их и не почувствуешь, приятель,— сказал Джек, заковывая его в цепи.— Ну, как похлебка?

— Жуть! — ответил Сэм.— Из чего ее у вас варят — из наконечника для стрел, что ли?

— Больно уж ты привередлив, браток, в этом твоя беда,— сказал Фред, помогая товарищу.— Мы для тебя стараемся; из кожи вон лезем — и вот благодарность.

— Да, брат, живем-то ведь только раз,— сказал Джек, проверяя, надежно ли закован узник.— А глядишь, немножко доброты — и человек чувствует себя по-другому. Мы с Фредом золотые парни, запомни это, приятель! Ну вот! Я ж тебе говорил — ты и не почувствуешь.

— Да тут добрых четыреста фунтов железа! — завопил Сэм.

— И вовсе не четыреста, приятель. Ты преувеличиваешь. Я так думаю, тут всего фунтов триста.

— Самое большее — двести пятьдесят,— сказал Фред.— А тебе не доводилось бывать в Карлеонской темнице? Поглядел бы, какие там кандалы! Помнишь, Джек, как мы с тобой служили в конвое? Мы еще тогда сцепились с двумя оружейниками.

— А потом вместе пошли в кабачок мед пить! — подхватил Джек.— И по дороге я вышиб мозги двум стражникам. Тебе доводилось когда-нибудь надрызгаться медом, приятель? Крепкое зелье! Ну, теперь, кажется, все в порядке. И чтоб ты не подумал, будто мы на тебя сердимся, приятель, оставляю тебе этот факел. Я воткну его вот сюда, в гнездо. Спокойной ночи.

— Приятных снов,— пожелал Фред.

Они стали подниматься по лестнице.

— А вы не дадите мне одеяла или еще чего-нибудь укрыться? — крикнул Сэм им вдогонку.

— Как? В такую теплую ночь? Ну, это ты, браток, хватил.

Сэм проглотил еще ложку похлебки. Ужас, да и только! Сплошной перец. Во рту у него горело, и кусок не лез в горло. Через несколько минут он услышал, как дверь наверху снова отворилась и по лестнице бегом спустился старый Марлаграм.

— Вот я и вернулся, мой мальчик. Хи-хи-хи! А вот настоящий ужин.

— Как мне благодарить вас, магистр Марлаграм!

— Лучшее вино из подвалов короля Мелиота и его любимый паштет. Хи-хи-хи!

— Если он об этом пронюхает, нам несдобровать, — сказал Сэм. — Знаете, что было, когда я отведал его за завтраком? — И он принялся уплетать паштет, сделав перед тем добрый глоток вина. — Вы, конечно, вернулись вместе с принцессой Мелисентой?

— Да-да, она здесь. Мы с ней уже обо всем столковались. Она получает то, что хочет. И я тоже получаю то, что хочу. Все так хорошо устроилось — лучше не надо.

— Для вас — может быть. Но мне это никак не по вкусу.

— Ах, не по вкусу, мой мальчик?

— Простите... это я про паштет... Но что же будет со мной?

— А чего бы ты хотел? — И, не дав Сэму ответить, Марлаграм продолжал: — Ну ладно, послушай меня. Не забывай, что вот уже больше пятидесяти лет основное мое занятие — исполнение желаний. Большинство людей не получает того, чего хочет, а все потому, что сами не знают, чего хотят. Как исполнять желания, если их нет? Ну а ты, дружок, знаешь, чего хочешь?

— Да, — ответил Сэм, отрываясь от огромной чаши.

— Вот счастливчик! Хи-хи-хи! Хочешь стать королем Перадора?

— Боже сохрани! — ужаснулся Сэм. — Само собой, первым делом я хочу выбраться из этой проклятой темницы.

Потом хочу жениться на Мелисенте, послать ко всем чертям Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса и писать акварельные пейзажи, в том мире или в этом — все равно, а на досуге удить рыбу.

— И ты не жаждешь власти?

— Нет. Хочу только писать акварели и ловить форель.

— И богатства не жаждешь?

— А куда мне его девать?

— Да ты просто рожден, чтобы сидеть в темнице. Хи-хи-хи! Но почему ты хочешь жениться на принцессе Мелисенте? Разве мало у вас там девушек, хорошеньких, умненьких, честных, интересных, прелестных, самых что ни на есть расчудесных? Хи-хи-хи! Зачем же было забираться в такую даль, в самый Перадор?

— Минутку,— промычал Сэм с полным ртом.— Прежде чем отвечать, надо выпить.— Он взял чашу обеими руками.— Ф-фу! Этак я в два счета захмелею. Я хочу жениться на Мелисенте, потому что, мне кажется, я нашел в ней два поразительных достоинства, каких прежде не встречал ни в ком: она совсем особенная и удивительно милая. Улыбающаяся принцесса — вот о чем мечтает всякий мужчина. Но один Бог знает, что Мелисента нашла во мне.

— Да, Бог это знает,— сказала Мелисента, спускаясь по лестнице.— И я тоже, Сэм, милый, но ни он, ни я никогда тебе не скажем.

— Она слышала каждое твое слово, мой мальчик. Хи-хи-хи!

— Ах, бедняжка ты мой!.. Какие страшные цепи... и эта темница...

— Хи-хи-хи!

Мелисента в бешенстве повернулась к Марлаграму:

— Извольте сейчас же прекратить это дурацкое кудахтанье, освободите бедного Сэма от цепей и выведите его отсюда. Надеюсь, вы это можете? Иначе я сейчас же побегу наверх за напильником.

— Бесполезно,— сказал Сэм.— Чтобы распилить цепи, понадобится пропасть времени.

— Ну? — Она бросила на волшебника вызывающий взгляд.

— Вообще-то могу, — сказал он. — Хотя цепи — штука довольно хитрая, а я давно не практиковался. Ну ладно, тихо! — Он задумался. — Это должно подействовать. Эне бене рее, квинтер минтер жес! Готово.

И в самом деле, цепи с лязгом упали на пол. Сэм был свободен, он обнял и поцеловал Мелисенту, потом пожал руку Марлаграму.

— Замечательно, магистр Марлаграм! — сказала Мелисента. — Нужно будет запомнить: эне-бене-рее, квинтер-минтер-жес!

— Я знаю это с детства, — сказал Сэм, — но никогда не подозревал, что так можно освободиться от цепей.

— Понравился тебе ужин, милый?

— Да, любимая. Но что же дальше?

— Вот уж тут магистр Марлаграм доказал, что он очень, очень умный! — горячо воскликнула Мелисента.

— Учтите к тому же, что мой племянник — малый не промах, он поспел сюда раньше меня, и у него было преимущество в целый ход.

— Понимаешь, милый, — продолжала Мелисента, — мой отец заявил, что я во что бы то ни стало должна выйти замуж. Он ведь такой непреклонный. А магистр Марлаграм предсказал, что на завтрашний турнир прибудет грозный Красный рыцарь и бросит вызов всем-всем.

— А еще здесь объявится лютый дракон, — сообщил Марлаграм, облизываясь от удовольствия. — Он, наверно, уже где-нибудь здесь, хи-хи-хи!

Мелисента поглядела на Сэма:

— Так вот, отец согласен, чтобы тот, кто победит их обоих, стал моим мужем. И конечно, это будешь ты, милый.

— Храни тебя Бог, радость моя.

— Ведь правда, магистр Марлаграм устроил все очень ловко и умно?

— Вы еще и половины не знаете, — сказал старый волшебник. — Теперь уж я в выигрыше против племянничка, и будьте спокойны, я этим воспользовался, хи-хи-хи! Заставил его работать на меня, а он ничего и не подозревает.

— Клянусь Богом, шикарно! Вы великий волшебник! — Сэм рассмеялся, сам не зная почему. Он чувствовал приятную легкость в голове.— Значит, завтра я появлюсь с таким видом, будто победил грозного Красного рыцаря и свирепого дракона. Блеск! — Он снова засмеялся.— Что ж, если вы поднатаскаете меня — объясните, что говорить и как держаться,— я сумею прикинуться не хуже всякого другого.

— Постой, милый...

— Прости, я, кажется, разошелся не в меру. Легко на сердце!

И он поднял чашу.

— Понимаешь, милый, прикидываться тебе не придется.

Сэм подошел к ней поближе, расплескивая вино.

— Как? Ты хочешь сказать, что Красный рыцарь и дракон существуют на самом деле?

— Ну конечно, милый.

— Тебе только нужно их победить, вот и все,— сказал Марлаграм.— Бац, хлоп, бах, трах-тарарах, хи-хи-хи!

Сэм поглядел на него, потом на Мелисенту:

— Но... послушайте... есть же у вас сердце...

— В том-то и дело, дорогой. У меня есть сердце. Ты очень мило сказал, что каждый мужчина мечтает об улыбающейся принцессе, мне так приятно было это слышать, и я не сомневаюсь, что это правда, но тот, кто женится на принцессе, непременно должен доказать, что он герой.

— А если он не герой?

— К чему говорить об этом? Ты-то ведь герой. Иначе тебя здесь не было бы, милый.

Сэм сказал неуверенно:

— Может быть, оно и верно... в известной степени... Только не забывай, мне здесь у вас все так непривычно. У меня нет никакого опыта борьбы с Красными рыцарями и драконами.

— Тем больше мужества от тебя потребуется, мой милый.

— Возможно,— произнес Сэм с тоской.— Но... э-э... нельзя ли раздобыть... ну, скажем, плащ-невидимку... или заколдованное копьё, или какой-нибудь волшебный меч из тех, что разят без промаха,— словом, как-нибудь помочь герою?

— Это ты хорошо придумал, Сэм, милый. Как вы полагаете, магистр Марлаграм?

— Боюсь, что ничего не выйдет, хи-хи-хи! Мы поздно спохватились. А в наши дни все это стоит больших денег.

— Ну ладно,— сказал Сэм, стараясь скрыть свое разочарование.— А как насчет какого-нибудь массового колдовства, чтоб никто толком не знал, что происходит?

— Но ведь тогда никто не будет знать, что ты герой,— сказал Марлаграм.

— А если ты не герой, Сэм, милый, то не сможешь на мне жениться.

— Да, не смогу,— сказал Сэм мрачно.— Но ведь я не смогу на тебе жениться и в том случае, если меня проткнет копьем Красный рыцарь или сожрет дракон, правда?

— Что-то я не вижу в тебе боевого духа, дружок,— с упреком промолвил Марлаграм..

— Да нет же, он совсем не то хотел сказать! — воскликнула Мелисента.— А все эта ужасная темница! Ты больше не останешься здесь ни минуты, милый. Мы поместим тебя у помощника главного оружейника.

— Он и сам там будет — хи-хи-хи! — но только простоит всю ночь в углу. Я внушил ему, что он булава.

— Ты сегодня хорошо выступишься, милый.

— Я бы спал куда лучше, если б и мне внушили, что я булава.— И следом за Марлаграмом и Мелисентой Сэм стал подниматься по лестнице.— Когда начало турнира?

— В шесть,— сказала Мелисента, обернувшись.

Сэм пришел в ужас.

— В шесть утра поединок с Красным рыцарем! Да в такую рань я не могу сразиться даже с яичницей.

Он вышел из темницы, одолеваемый мрачными предчувствиями, которые отравили ему всю радость освобождения.

Глава двенадцатая

СЭМ И КРАСНЫЙ РЫЦАРЬ

Сэм сидел один в шатре, раскинутом у самого турнирного поля. Шатер был великолепен, богато разукрашен и пестрел геральдическими щитами, но Сэму было не до всей этой роскоши. Он сидел на скамье, надев на себя только поножи. Остальные части латного убора — шлем, щит и меч — валялись на земле у его ног. В шатре было два входа, завешенных пологам, свободно ниспадавшими до земли. Вместе со сверкающими солнечными стрелами в шатер с турнирного поля врвался разноголосый шум — звуки труб, голоса герольдов, бряцание оружия, крики, смех и рев зрителей, и Сэм так и видел перед собой кровожадную, падкую до сенсаций толпу.

Вдруг рев стал громче. Сэм поднял голову: четверо слуг, войдя с залитого солнцем поля, пронесли через шатер огромного и сильно помятого рыцаря — безгласного и, видимо, уже бездыханного. Они несли его на пункт первой помощи, расположенный под королевской ложей. Это была уже четвертая жертва Красного рыцаря. Снова затрубили трубы, но прежде чем герольды, которые вполне могли бы провозглашать тосты на обедах в Сити, успели открыть рот, Сэм поспешно задернул полог. Вернувшись к своей скамье, он увидел, что у противоположного входа стоит Лэмисон с лютней.

— Ее высочество принцесса Мелисента, — сказал Лэмисон, — желает молвить тебе... слово.

— Что ж, — мрачно сказал Сэм, подходя к нему вплотную, — я тоже желаю молвить ей слово, и, возможно, это будет последнее слово в моей жизни.

Лэмисон приподнял полог, пропуская Сэма, однако сам остался в шатре.

— Ступай, болван, — ехидно прошипел он вслед Сэму. — «Черный рыцарь взял мое сердце в полон» — на-ка вот, выкуси! Сдается мне, что сегодня Красный рыцарь вырвет из тебя печенку и возьмет ее в полон.

Покуда он тешился этой мыслью, появились Мальгрим и Нинет. Они несли узел с оружием и доспехами, с виду похожими на те, что Сэм оставил на полу.

— Вот спасибо, Лэмисон,— сказала Нинет.— Это-то нам и нужно.

Лэмисон, который был не в духе, иронически поклонился ей и вышел.

— Ну-с, дорогая Нинет,— сказал Мальгрим, очень довольный собой,— сейчас мы заменим превосходные латы, щит и шлем, которые принцесса раздобыла для Сэма,— и он указал на грудку доспехов на земле,— вот этим стандартным хламом, в свое время опробованным Камелотской королевской комиссией по проверке лат и оружия.

— Чудесно, милый,— просияла Нинет, и они принялись перекладывать весь этот скобяной товар.

— Это только одна из моих безобидных шуток, дорогая Нинет. Давайте свалим это оборудование вон там, в углу, и чем-нибудь накроем — слишком оно тяжелое, чтоб с ним таскаться.

— Вот я помогаю вам и все восхищаюсь,— пылко сказала Нинет.— Вы так брызжете блестящими, оригинальными идеями... все время плетутся восхитительные козни, а именно этого всегда жаждала моя душа. Еще что-нибудь нужно, милый?

— Да,— кивнул Мальгрим.— Останьтесь здесь и уговорите его выпить кружку «Оригинального турнирного» — оно, дескать, придаст ему мужества.

Нинет была в восторге.

— А вы пришлете ему какое-нибудь ужасное пойло?

— Да, у него появится слабость в коленях и головокружение,— сказал Мальгрим, уходя.— Ха-ха!

Нинет скромно присела на скамью, где ее и застал Сэм, вернувшийся в шатер еще мрачнее прежнего.

— Ах, Сэм, отчего вы так печальны?

— Лэмисон сказал, что Мелисента хочет поговорить со мной,— ответил Сэм.— Но меня даже не пустили в королевскую ложу — говорят, я одет черт-те как. Видно, Лэмисон меня морочил.

— Я никогда ему не доверяла, Сэм. Кстати, не помочь ли вам надеть доспехи?

— Признаться, я хотел бы, чтоб кто-нибудь мне помог, но только не вы.

— Сэм, дорогой, вы мне не доверяете?

— Конечно нет, дорогая. Не такой уж я все-таки осел.

— Ах, как вы несправедливы! У меня теперь пропала всякая охота рассказывать вам об особом турнирном пиве.

— О турнирном пиве? — В голосе Сэма зазвучала слабая надежда.

— Да, его варят специально для участников турнира. Впрочем, мне незачем вам его предлагать...

— Безусловно...

— А может быть, все-таки попросить буфетчицу подать...

— Буфетчицу? Нет здесь никакой буфетчицы.

— Есть, уверяю вас, — сказала Нинет, выходя из шатра. — Я сейчас ее пришлю.

Оставшись один, Сэм принялся осматривать свои доспехи и оружие. Он легонько пнул шлем ногой и, к своему удивлению, оставил на нем вмятину. Тогда он решил испытать меч, но тут через шатер пронесли еще одного окровавленного и бесчувственного рыцаря. Оправившись от нового потрясения, Сэм согнул меч — вместо того чтобы распрямиться, меч так и остался согнутым. В отчаянии молодой человек оперся на копье и тотчас же услышал громкий треск. Подпрыгнув, он вскочил на панцирь и чуть было не расколол его надвое. Тогда Сэм вернулся на свою скамью, прихрамывая и проклиная всю эту идиотскую затею.

Так он и сидел, стиснув ладонями виски, когда вошла буфетчица из «Вороного коня», неся оловянную кружку.

— Одна кружка турнирного пива, — сказала она своим обычным безжизненным голосом.

— Спасибо, — сказал Сэм, беря кружку. — А, это вы?

— Что правда, то правда. И погодка опять разгулялась.

— Уж лучше бы пошел дождь. Ну ладно, надеюсь, пиво мне поможет. — И он единым духом осушил кружку. — Забористое пиво. Бутылочное или бочковое?

— Ах, не спрашивайте меня, мистер Пенти. Мне дал его этот чернобородый фокусник и велел отнести вам.

— Мальгрим? — Сэм в ужасе уставился на нее.

— Он самый. Да что с вами? Вам плохо?

— Пока не знаю,— сказал Сэм со страхом.— Кстати, вы не видели капитана Планкета, старого шкипера, помните, того самого, что всегда брал двойные порции шотландского виски?

— Нет. А разве он здесь?

— Во всяком случае, был здесь.

— Я видела мистера Сандерсона,— таинственно сказала буфетчица.— Он ставит на Красного рыцаря десять против одного. Говорят, от этого Красного рыцаря нет спасения.

В шатер заглянул солдат Джек:

— Приготовься, приятель. Сейчас твой выход.

Когда ухмыляющееся лицо Джека исчезло, Сэм застонал.

— Пожалуйста, помогите мне надеть доспехи,— попросил он буфетчицу.

Она удивленно уставилась на него:

— Неужели вы хотите драться с этим рыцарем?

— Приходится.

— Боже мой! Я понятия не имею, что куда надевается, но постараюсь, как смогу. Боюсь только, мне никак не справиться.— Помогая ему застегивать пряжки и крючки, буфетчица продолжала: — Не больно-то они толстые и тяжелые, эти ваши доспехи, правда? И очень даже тонкие, я так скажу. Могли бы приготовить вам что-нибудь получше, ежели хотите знать мое мнение. Вы ведь здесь все-таки редкий гость, не из завсегдатаев. А я-то думала, эти доспехи весят целые тонны.

— Так и было, когда я их сюда принес.

— Может, их кто подменил? Как вы себя чувствуете?

— Ужасно.

— Бледный вы какой. На вашем месте я бы не стала там задерживаться.

— Да я и не собираюсь. Скажите, не найдется у вас таблетки-другой аспирина?

— Вот беда, ни одной не осталось.— Она сочувственно поглядела на него и вдруг закудаhtала: — Ах ты, ах ты, вам бы лечь надо и не ходить никуда.

— Ничего, я скоро лягу.

Джек снова заглянул в шатер:

— Ты как предпочитаешь сражаться, приятель,— конный или пеший?

— Пеший,— мрачно сказал Сэм.

— Правильно. Падать не так страшно будет. Ну, друг, осталась одна минута, а там — марш! И не вешай носа!

Сэм попробовал пройтись в своих доспехах и несколько раз взмахнул согнутым мечом.

— Видала я такое на картинках,— сообщила буфетчица.— А только не по душе мне это. То ли дело ковбои или индейцы... или, скажем, гангстеры в ночных клубах. Правда, тут есть на что поглядеть, и если вам нравится...

— Какое там нравится,— сказал Сэм, пытаясь выпрямить меч.

Снаружи донесся громовой призыв:

— Сэр Сэм!

— Иду,— откликнулся Сэм жалким голосом.

— Зато потом вас посвятят в рыцари, верно? Ну, желаю удачи, милоч, да не забудьте: Англия пребудет вовеки — не пропадет, значит.

— Спасибо,— сказал Сэм. Он хотел было гордо выпятить грудь, но накололся на какую-то пряжку и, застонав, вышел из шатра.

Его встретили возгласами одобрения, улюлюканьем, смехом.

Буфетчица, глядевшая в шелку, вдруг услышала позади себя быстрые шаги. Это была принцесса Мелисента. Вне себя от волнения, она со всех ног вбежала в шатер.

— Скажи, уже начали? Я думала, ни капельки не буду волноваться, а теперь взглянуть и то страшно. Ты мне все рассказывай. Что там происходит?

Буфетчица снова поглядела в шелку:

— Кружат друг около дружки, милочка. Ого, да этот Красный рыцарь — здоровенный дядька. Раза в два пок-

рупнеебедняги Сэма. Связался черт с младенцем! Ого, началось! Господи!

Мелисента, услышав бряцание мечей и доспехов, быстро проговорила:

— Магистр Марлаграм сказал мне, что они не будут биться насмерть. Он обещал придумать какое-нибудь колдовство.

— Тогда ему не мешало бы поторопиться,— сказала буфетчица, глядя в щелку.

— Кто побеждает?

— А то вы не знаете, милочка! Наш приятель, почитай, уже на том свете. Судья должен бы их разнять. Красный рыцарь все насаждает, насаждает. Ого, вот так удар!

— Ах, я этого не вынесу! Я должна найти Марлаграма!

Теперь даже буфетчица пришла в волнение.

— Они все ближе, все ближе к шатру! Ай, Сэм поскользнулся! Нет, он не упал! Красный рыцарь опять насаждает. Они все ближе...

Мелисента бросилась к другому выходу с криком:

— Магистр Марлаграм, где вы? Магистр Марлаграм!

Не переставая кричать, она выбежала из шатра.

Бряцание становилось все громче, и буфетчица отпрянула. Первым появился Сэм, он пятился шаг за шагом, отчаянно отражая сокрушительные удары Красного рыцаря, который наступал на него, огромный и страшный, в огненно-красных доспехах, с огненно-рыжей бородой и волосами, выбившимися из-под шлема. Но как только Красный рыцарь очутился в шатре и увидел буфетчицу, он сразу остановился.

— Две кружки турнирного,— сказал он.

— Сию минуту, сэр, две кружки турнирного,— повторила буфетчица и побежала в другой конец шатра.

В шатер заглянули было солдаты Джек и Фред, но Красный рыцарь ринулся на них, размахивая мечом.

— Вон отсюда! — заревел он.— Вон, мошенники, распросукины дети, или я из ваших кишок колбас наделаю!

Он плотно задернул полог, сел на скамью и, отстегнув верхние пряжки, снял, к удивлению Сэма, не только шлем, но вместе с ним и голову. Из воротника рубашки, словно восходящее солнце, выглянуло лицо капитана Планкета, старого шкипера.

— Садись, старик, — сказал Планкет. — Только нужно все время бряцать оружием, а то они могут поинтересоваться, что тут происходит. Знай колоти мечом по доспехам. Вот так!

И он принялся бить по латам.

Сэм еще не оправился от удивления:

— Но послушай, шкипер, как это... ты... и вдруг Красный рыцарь?

— Колдовство, старик. Вчера вечером меня превратил в рыцаря этот малыш Мальгрим. Чистая работка. С минуту назад я и впрямь чувствовал себя Красным рыцарем — готов был вышибить дух из кого угодно. А потом что-то произошло: не то прибавилось колдовства, не то убавилось... Хочешь верь, хочешь нет, а голова, которую я только что снял, была моей собственной, куда мы не вошли в шатер. А потом я понял, что могу снять ее, и снова стал старым шкипером — как нельзя более кстати.

— Да, но как же, ведь я должен тебя убить!

Сэм все еще не мог опомниться.

— Ну, это мы устроим. Я так думаю, эта голова для того и предназначена. Предоставь все мне, старичок. Только не забывай бряцать мечом.

— А меня тут, как назло, опоили каким-то зельем, до того голова кружится...

— То-то я смотрю, ты скверно выглядишь, старик. А тебя никогда не пытались опоить на Золотом Берегу? Со мной раз было дело. Три недели не мог на ноги подняться, а две недели мне все казалось, будто у меня из пяток сосет кровь здоровенный паук. Они там, конечно, все колдуны. Не хуже здешних... А, вот и ты, детка.

— Погодка-то снова разгулялась, — сказала буфетчица, подходя с двумя кружками.

— Спасибо, детка.

— Мне не надо,— сказал Сэм.

— Поставь вторую кружку вон там, детка,— велел Планкет.— А если хочешь, выпей сама.

— Нет уж, увольте,— проговорила она чопорно.— В рот не беру спиртного, кроме джина с перцем — иной раз, от живота.

— Лучшее средство от живота — «Вальпараисо Маньяна»,— сообщил ей Планкет.— Три порции — целую лошадь переваришь. Ставлю десять против одного, после этого и сам станешь здоровее лошади. Ну что ж, хватанем?

— На здоровье,— сказала буфетчица, глядя, как старый шкипер допивает кружку. Она не сводила с него глаз.— Да, на вас не напасешься.

Планкет не обратил на ее слова никакого внимания.

— А теперь, детка, придется тебе нам помочь. Сэм-то на ногах не стоит. Сэм, старик, постарайся, продержись еще минуту-другую. А ты помоги мне снять доспехи. Вот умница.— Оба они взялись за дело, но тут Планкет сказал: — А бой-то ведь надо продолжать. Придется опять завести эту волюнку с Красным рыцарем.— И он взревел голосом Красного рыцаря: — Сдавайся, пигмей несчастный! Сдавайся!

Сэм крикнул, собрав все силы:

— Ни за что! Ни за что!

— Громче, старик, этак они тебя не услышат.— И он снова взревел голосом Красного рыцаря: — Сдавайся, тебе говорят!

Сэм слабо откликнулся:

— Нет, ни за что! — И тут же застонал: — А, дьявол, у меня голова раскалывается!

— А теперь вот что, детка,— сказал Планкет,— возьми-ка этот меч и лупи им по доспехам, а я покуда малость передохну и что-нибудь придумаю.— Сбросив латы и взяв в каждую руку по кружке, он подошел к выходу из шатра и рявкнул голосом Красного рыцаря: — Не смей сюда соваться, не то башку оторву!

Сэм, немного придя в себя, спросил:

— А что с Диммоком, шкипер?

— Понятия не имею, старик. Мальгрим сперва превратил меня в Красного рыцаря, а уж потом взялся за Диммока.— Он взглянул на буфетчицу, которая усердно колотила мечом по панцирю.— Не устала, детка?

— Самую малость. Зато развлечение.— Она вдруг стала озираться по сторонам, заслышав знакомое «хи-хи-хи».— Это тот фокусник, что постарше. Здорово действует на нервы, правда?

— Ну, Сэм, старик, возьми себя в руки — хоть на полминуты.

Сэм, пошатываясь, с трудом встал со скамьи.

— Постараюсь. Что нужно делать?

— Сейчас ты покажешь им эту голову. А ты, Вайолет, как только они на нее полюбуются, хватай ее и беги со всех ног.

— Меня зовут Куини.

— Ну да, Куини, верно. Так вот, Куини, детка, ты убежишь с этой головой.

— Да куда же?

— А куда хочешь. Хотя бы в дамскую уборную.

— Меня туда с ней не пустят.

— Не спорь, Куини, детка. Времени нет. А теперь, Сэм, старик, вот тебе меч и голова. Когда я отдерну полог, подними ее повыше и потрясай мечом. Итак, сцена смерти Красного рыцаря. Приготовились! — Он взял у Куини свой меч, грохнул им по панцирю и закричал голосом Красного рыцаря: — Пощади! Пощади меня, сэр Сэм! О-о-о-о! — И швырнул меч на землю.— А теперь валяйте, друзья! — Он подтолкнул Куини к выходу, отдернул полог и закричал:

— Он сразил меня! Сразил!

— Сэм победил! — завизжала Куини.— Сэм победил!

Сэм, высоко подняв голову Красного рыцаря, размахивал мечом. Ликующая толпа хлынула в шатер. Планкет подхватил покачнувшегося Сэма, а голову перебросил Куини, которая пустилась бежать с ней, словно на баскетбольной площадке.

— Сэр Сэм невредим! — возвестил Планкет.— Пустяковая царапина. Но отойдите же, не теснитесь, ему нечем дышать.

Прибежала Мелисента.

— Ах, Сэм, милый! — вскричала она, обнимая его. — Это было изумительно... Ты не ранен, скажи?

— Нет, дорогая, — ответил он, еле ворочая языком. — Просто кружится голова, вот и все.

— Ты крепкий парень! — сказал король Мелиот. — А теперь можешь передохнуть часок-другой. Дракон в лесу, под стенами замка, но он спит. Лучше его пока не будить.

Сэм судорожно глотнул воздух и, теряя сознание, рухнул на колени.

— Ах да, тебя ведь надо посвятить в рыцари, — сказал король, не отличавшийся сообразительностью. Он коснулся своим мечом плеча Сэма, и Сэм, потеряв равновесие, растянулся плашмя.

— Встань, сэр Сэм.

Но Сэм остался неподвижен.

— Встань, сэр Сэм, тебе говорят!

— Ах, отец, бросьте свои глупости! — воскликнула Мелисента, опускаясь на колени около Сэма. — А вы, мужчины, помогите поднять его.

Четверо мужчин по приказу Мелисенты вынесли Сэма из шатра. Король Мелиот, капитан Планкет и разные перадорские сановники, боясь пропустить что-нибудь интересное, последовали за ними, но толпа осталась у шатра.

— Ну, друзья! — крикнул мистер Сандерсон. — Фаворит проиграл, и я выплачиваю вдсятеро за сэра Сэма. Кому же привалило счастье?

— Мне, мистер Сандерсон, — сказала буфетчица, подавая свой билетик.

— Правильно, Куини, твое счастье. — И он протянул ей мешок денег. — А теперь, друзья, вот вам прекрасный случай вернуть проигрыш. Одиннадцать против двух на дракона. Ставлю одиннадцать против двух, что сэр Сэм будет побежден! Прекрасный случай поддержать героя, не упускайте же его на этот раз! Одиннадцать против двух на дракона!

И дело пошло бойко.

Глава тринадцатая ДРАКОНОГРАФИЯ

Сэм, отдыхавший в маленьком шатре за королевской ложей, только что играючи съел два завтрака, как вдруг вошла Мелисента вместе со своим отцом. Она несла истрепанный плащ и не менее истрепанную рукописную книгу.

— Как ты себя чувствуешь, сэр Сэм? — спросил король.

— Лучше, ваше величество. Но хвастаться пока нечем.

— Дракон еще спит, хотя скоро проснется. Так что, мой мальчик, если ты намерен с ним сражаться, будь наготове.

— Но, отец, — запротестовала Мелисента, — нужно сперва все ему объяснить. Вы же обещали...

— Да, мы обещали. Так вот как обстоят дела, милейший. Ты теперь, сэр Сэм, победитель Красного рыцаря, и, разумеется, в темницу тебя больше не посадят. Ты свободен. Если захочешь, дадим тебе письмо к королю Артуру. У тебя будут все возможности, — если пожелаешь отправиться на поиски приключений или вызволить из беды какую-нибудь девицу, поставим тебя первым на очередь.

— Никакой девицы он вызволять не будет, — объявила Мелисента. — Знаем мы этих девиц.

— Благодарю вас, государь, — сказал Сэм. — Но я уж лучше останусь здесь, в Перадоре. Вы, кажется, хотели что-то сказать о драконе?

— Сейчас все скажем, — промолвил король. — Выбирай сам. Решай. Не хочешь драться с драконом — не надо. Можешь идти на все четыре стороны. Но тогда не видать тебе нашей дочери. Не победишь дракона — не женишься на Мелисенте.

— Придется тебе выбирать, Сэм, — с волнением сказала Мелисента.

— Понимаю, — сказал Сэм задумчиво. — А какой он... э-э... этот самый дракон? Может, он не очень большой?

— Как бы не так! — воскликнул король Мелиот с жаром, который показался Сэму излишним. — Дракон — первый сорт! Мы видели его только издали, но как будто зверюга

великолепный. И уж конечно, злой как черт. Словом, дракон что надо. Даже в глубоком сне изрыгал клубы дыма. Лучшего дракона и желать нечего.

— Да я и не желаю,— сказал несчастный Сэм.— Видишь ли, Мелисента, любовь моя, я не умею сражаться с драконами. Я сроду и не видел-то ни одного.

— Да, Сэм.— Она печально взглянула на него.— Тебе понадобится все твое мужество. И может быть, я не стою этого.

— Но ведь ты так вовсе не думаешь, правда?

— Честно говоря, нет, мой милый. На девушке, которая может так подумать, не стоило бы жениться.

— Ну ладно. Я попробую.

— О, Сэм!

— Молодчина,— сказал король Мелиот.— Между прочим, зрителей на поединок не пустят. Никакой публики.

— И то слава Богу.

— Такое теперь правило. В последний раз, когда пустили публику, человек пятьдесят были изувечены. Когда крупный дракон, вроде этого, по-настоящему рассвирепеет...

— Отец, прошу вас, не надо! — взмолилась Мелисента.

— В книгах я читал,— сказал Сэм с тоской,— что у драконоборцев обыкновенно бывает какое-нибудь волшебное снаряжение, плащ-невидимка например.

— Вот он, пожалуйста.— И Мелисента показала ему пестрый, но изношенный до дыр плащ, который принесла с собой. Она расстелила его так, чтобы все дыры были видны.— Гляди, как его побила моль. Конечно, в тех местах, где дыры, ты будешь виден. Но, по крайней мере, это может сбить дракона с толку.

— Что ж, это лучше, чем ничего,— сказал Сэм с надеждой.— Пусть я буду невидим хоть отчасти.

Мелисента переглянулась с отцом.

— Сэм, милый, к сожалению, тут есть одно осложнение... Отец, скажите ему.

— По правде говоря, мой мальчик, мы не совсем уверены в этом плаще,— бодро заявил король.— Он уже столько лет валяется в кладовке. Дело ясное, это плащ драко-

ноборца. Но такие плащи бывают двух родов, и какой вот этот, мы не помним. Есть плащ, который делает человека невидимым для дракона. Но есть и другой плащ, особой расцветки, чтобы распалаять в драконе ярость.

— И вы не помните, какой это плащ? — Сэм был возмущен.

— Увы, нет, милый,— промолвила Мелисента.— Ужасно досадно, правда? Но ведь тут одни дыры, и, может, дракон не так уж расвиореует...

— Плащ не поидет,— твердо сказал Сэм.— Обойдусь без плаща. Нет ли у вас чего-нибудь еще?

Она показала ему старинную рукописную книгу, которую тоже принесла с собой.

— Вот. Здесь собраны древние наставления, как нужно вести себя с драконами разных видов. Довольно мудреные правила, к сожалению.

— Ну, уж это придется вам двоим разбираться,— предупредил король.— У вас глаза помоложе.

Мелисента села рядом с Сэмом, а книгу положила посередине.

— Так вот, мы знаем, что этот дракон свирепый...

— И огромный,— мрачно добавил Сэм.— Ищи там, где говорится про крупные разновидности.

Мелисента перевернула несколько страниц.

— Здесь сказано, что если дракон мечехвостый, то, когда он бросится на тебя, нужно припасть к земле и отползти влево. Запомнишь, милый?

— Вряд ли. И потом, откуда нам знать, что это мече-хвостый? А если нет, тогда что?

Мелисента стала читать дальше.

— Здесь написано, что, если дракон копьеохвостый с желтым крестом на брюхе, припадать к земле не нужно, а, наоборот, рекомендуется высоко подпрыгнуть вправо.

— Возможно,— сказал Сэм со злостью.— Но не могу же я спросить у дракона, есть у него на брюхе желтый крест или нет! Что, если я прыгну вправо, когда надо ползти влево? Спектакль будет окончен!

— А если дракон рогохвостый, ты просто должен все время бегать от него. Так здесь написано.

— Да-да. Но как, черт дери, я узнаю, рогохвостый это дракон, или копьехвостый с желтым крестом, или мече-хвостый? Я думал, что есть драконы и все — единого образца. А тут целая уйма разновидностей.

— Мы видели его только издалека,— сказал король Мелиот,— и нам сдается, что он мечехвостый. Но лучше все-таки на это не полагаться.

— А на что же мне полагаться?

— Уж это ты решай своим умом, мой мальчик. Ах да, мы чуть не забыли: у нашего главного оружейника есть для тебя специальный меч — разумеется, двуручный. Простой меч такого громадного дракона не возьмет. А теперь прими мои наилучшие пожелания, сэр Сэм. И помни: если убедишься, что дракон мечехвостый,— ползи влево, как только он на тебя бросится.

— Благодарю вас, государь. Лучше уж я обращусь к способу, рекомендованному для рогохвостых драконов, и буду все время бегать. Впрочем, оставьте мне книгу.

— Ах, Сэм, мне вдруг стало так страшно,— сказала Мелисента.

— И мне тоже. Послушай: «Если у чудища широкий рыбий хвост с красными отметинами, при первом его скачке лучше всего высоко подпрыгнуть». Ага, тут еще примечание: «Однако некоторые из означенных рыбохвостых драконов порой коварно прыгают вверх и своими чудовищными передними лапами...» Какой ужас!

Король Мелиот, уже вышедший из шатра, нетерпеливо покашливал. Мелисента торопливо поцеловала Сэма.

— Я старалась найти магистра Марлаграма, милый, но он куда-то исчез.

— Постарайся еще, любовь моя. Ищи, пока не найдешь,— горячо попросил ее Сэм.— Больше всего на свете нам сейчас нужен волшебник.

Когда она ушла, Сэм закрыл глаза, тщетно пытаясь успокоиться. Что же это за дракон — мечехвостый, копьехвостый, рогохвостый или рыбохвостый? Или какой-нибудь еще из десятка разных прочих чудищ, которых он найдет на страницах этой проклятой книги? Он открыл

глаза и увидел главного оружейника — тот протягивал ему огромный меч, больше его самого.

— Любо-дорого глядеть,— сказал главный оружейник.— Тяжеловат, зато какой острый! Волос можно рассечь на лету.

— Да, но мне незачем рассекать волос,— пожал плечами Сэм.— Меня интересует другое: можно ли им рассечь дракона?

— Как бы вам сказать,— ответил главный оружейник.— И да и нет. Если дракон мечехвостый или копьехвостый, тогда можно. Но если вам попадется рогахвостый или рыбыхвостый...

— Ну ладно, хватит,— сказал Сэм с тоской.

— И опять же,— продолжал оружейник,— взять хоть клинохвостого или свирепого исполинского винтохвостого дракона...

Но Сэм заткнул уши.

Глава четырнадцатая ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН»

Представьте себе чудесную лесную поляну в разгар лета — и вот она перед вами. Посреди поляны на мшистом камне непринужденно расселся капитан Планкет. Он курил сигару и присматривал за драконом. Огромная голова чудища виднелась между сикоморой и дубом. Дракон все еще спал; глаза его были закрыты, но из ноздрей то и дело вырывались клубы дыма.

Неподалеку от дракона на поляну выходила узкая тропа. На этой тропе, грязные и усталые, появились Энн Датон-Свифт и секретарша Пегги. Завидев их, Планкет вскочил с камня и расплылся в улыбке.

— Доброе утро,— сказала Энн Датон-Свифт.

— Доброе утро, уважаемые дамы.

— Воображаю, на кого мы похожи. Ах, это было ужасно! Проплутали вчера весь день до поздней ночи, хоть и видели вдали замок...

— Я же говорила, нужно было свернуть налево,— сказала Пегги.

— Мы переночевали в сарае, а потом заблудились в этом лесу.— Энн с любопытством поглядела на Планкета, чей костюм представлял собой смесь современного и средневекового стилей.— Скажите, вы из наших или из ихних?

— Смотря по тому, кто вы сами,— ответил Планкет.

— Энн Датон-Свифт из рекламного агентства «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс».

— А я — Пегги, секретарша мистера Диммока.

— Ну, в таком случае я из ваших. Позвольте представиться — капитан Планкет, старый шкипер.

— А ведь я вас знаю! — обрадованно воскликнула Энн.— Вы тот замечательный человек, который сделал кино про лазающую рыбу.

Не менее обрадованный Планкет непременно пожелал пожать ей руку.

— Я не сомневался, что встречу хоть кого-нибудь, кто видел это кино. И вот пожалуйста, и к тому же такая девушка. Да это просто чудо!

— И в самом деле чудо, что мы встретились именно здесь. Я давно хотела сказать вам, как мне понравилось ваше кино. А что, та рыба и вправду залезла на дерево?

— Вроде бы да, а вроде бы и нет. Я вам потом расскажу...

Пегги с некоторым нетерпением слушала этот обмен любезностями и теперь сердито вмешалась в разговор:

— Мистер Диммок здесь?

— Был здесь,— сказал Планкет.— Вчера вечером мы с ним пропустили вместе не один стаканчик, а потом с нами приключилась неприятность и он куда-то исчез. Видно, тут не без колдовства.

— Потрясающе! — воскликнула Энн.— А здесь и вправду есть колдуны?

— Сколько угодно,— сказал Планкет.— Не далее как сегодня утром я был здоровенным Красным рыцарем, ростом добрых семь футов, весь оброс рыжей бородой и впрямь чувствовал себя рыцарем. Рубил на турнире всех подряд. А насчет Диммока я постараюсь разузнать, как только будет покончено с этим драконом.

— Так, значит, здесь есть дракон? — подозрительно спросила Пегги. — Где же он?

— Тут, на поляне. Мы с ним как раз мирно покуривали, когда вы подошли. Глядите, вон он.

И Планкет указал на дракона пальцем.

— Ах, Боже мой! — Энн испугалась. — А я-то думала, их не бывает.

— Здесь бывают. Здесь ведь все по-другому. Но вы не бойтесь. Дракон еще спит и, надо думать, не проснется до тех пор, пока Сэм не будет готов сразиться с ним.

— Сэм Пенти?

— Да. Между прочим, он теперь сэр Сэм.

— Ах, значит, и тут не обошлось без Сэма! — воскликнула Пегги с досадой. — Я так и знала. Одно слово — художник. У нас с ним больше хлопот, чем со всеми остальными, вместе взятыми. Ведь он должен бы сейчас не покладая рук работать на Уоллеби, Диммока, Пейли и Тукса, а не сражаться с драконами. У него отпуск только в сентябре.

— Капитан Планкет, — сказала Энн кокетливо, — умоляю, скажите нам, что здесь положено осмотреть туристам? Вероятно, замок?

— Конечно. Я укажу вам дорогу. — Он показал девушкам на другую тропу. — Идите все прямо до первого поворота налево и как раз упретесь в замок. Я бы вас проводил, да нужно присмотреть за драконом, куда Сэма нет.

— Ах, как я вам благодарна, — сказала Энн, улыбаясь шкиперу. А когда они отошли немного, она сказала Пегги нарочито громко: — Ужасно милый, правда?

— Не нахожу! — отрезала Пегги.

Планкет снова уселся на свой камень, зажег погасшую сигару и снова задымил вместе с драконом. Через несколько минут появился Сэм, уже изрядно уставший, со старинной книгой под мышкой, волоча за собой длиннющий меч.

— Добрый день, шкипер! Я еле ноги таскаю. А где дракон?

— Вон он, старик. Видишь? Еще дрыхнет. Наверно, плотно позавтракал кем-нибудь. А тебе, я вижу, худо?

— Да. Какой... э-э... какой он, этот дракон?

— Не стану скрывать от тебя, старина, здоровенный зверюга и злющий. Оборудован по всем правилам, разве только кухонной плиты не хватает. Гляди-ка.

Сэм взглянул на дракона.

— Пожалуй, у него и плита есть,— сказал он мрачно.

Он сел и открыл древнюю книгу.

— Нашел время читать, старик!

— Это книга наставлений для драконоборцев, король где-то раскопал ее для меня,— объяснил Сэм, листая страницы.— Ей-богу, мне кажется, старикан впадает в детство.

— Единственный король, которого я знал близко,— это Ум-Дунга-Слоо с Берега Слоновой Кости. Всучил ему двести пятьдесят будильников и пять граммофонов. Из них играл только один.

— Поговорим лучше о драконе,— сказал Сэм с беспокойством.— Как по-твоему, какой он — мечехвостый, копьехвостый с желтым крестом на брюхе, рогохвостый или же рыбехвостый с красными отметинами?

— Понятия не имею, старина. Ты, конечно, как знаешь, но я не собираюсь подходить близко и осматривать его хвост.

— И я не собираюсь,— сказал Сэм, снова уткнувшись в книгу.

Планкет поглядел на дракона. Густые клубы дыма все чаще вырывались из его ноздрей.

— Он, кажется, разводит пары.

— Боже! — Сэм в отчаянии поднял голову от книги.

Планкет крепко пожал ему руку.

— Ну, желаю успеха, старик. Рад бы помочь тебе, да сам знаешь, это против правил. Я буду тут, поблизости, вон на той тропе. Счастливо, старик.

Убедившись, что дракон на него не смотрит, Сэм попробовал раз-другой взмахнуть двуручным мечом и понял, что это нелегкое дело. Теперь дракон изрыгал дым без передышки и пыхтел, как рассерженный паровоз. Сэм подошел ближе, чтобы поглядеть на него, но сразу попятился.

— Эй! — Это был Планкет, вернувшийся на поляну.— Что, уже началось? — спросил шкипер громким шепотом.

— Нет еще. Но он пыхтит как паровоз.

— Тебе придется бросить ему вызов, старик. Такое правило.

— Молчал бы уж насчет правил.

— Сэм, старик, ты не волнуйся. Ну, теперь уж, пожалуй, дело за тобой.

— Воображаю, как прозвучит этот вызов — смех один.

Сэм кое-как совладал с собой, крепко сжал рукоять меча и подошел к дракону почти вплотную.

— Послушай,— начал он громко, хотя и с дрожью в голосе,— я вызываю тебя... э-э... на поединок. Но ведь драться насмерть не обязательно, как по-твоему?

Дракон открыл желтоватый глаз величиной с глубокую тарелку. Сэм попятился.

— Ну, что скажешь? Несколько дружеских раундов — и будет, а? Такая разминка пойдет тебе на пользу. Ты слишком много куришь. Но помни — я бросаю тебе вызов, чтобы потом не вышло недоразумения.

— Сэм,— сказал дракон,— бросьте.

— Бросить? — Сэм был поражен.

— Ну да, ведь это я.

— То есть как это — ты?

— Это я, Диммок.

— Диммок? Что же вы делаете в брюхе у дракона?

— Я не в брюхе у дракона,— сказал Диммок с раздражением.— Я и есть дракон.

— Откуда же вы тогда знаете, что вы Диммок?

— Знаю, и все тут. Откуда вы знаете, что вы — Сэм Пенти? И не думайте, что быть драконом — такое уж удовольствие: это все равно как если у тебя изжога от макушки до самых пяток.— Он закашлялся.— А к тому же — жара, дым...

— Как же это получилось?

— Волшебник Мальгрим заколдовал меня. Сперва он превратил шкипера в Красного рыцаря, а потом меня — в дракона.

— Но погодите,— сказал Сэм.— Ведь я должен вас убить, чтобы жениться на Мелисенте!

— Не валяйте дурака, Сэм,— поспешно сказал Диммок.— Мы с вами всегда были друзьями. Ни к одному из

наших художников я не относился лучше, чем к вам. Если вы считаете, что заслужили прибавки, я охотно поставлю этот вопрос перед правлением фирмы...

— Погодите,— сказал Сэм.— Прежде всего я не намерен возвращаться на службу. А вы в таком виде все равно не можете поставить вопрос перед правлением, верно ведь? Спрашивается, что же мне теперь делать? Я поклялся бросить вызов дракону...

— Но при чем здесь я? Ступайте найдите настоящего дракона.

— Нет, вы и есть тот дракон, которого я должен одолеть. О других речи не было.

— Ладно, Сэм. Но ведь если вы устроите так, что меня расколдуют — или как это здесь называется — и я снова стану самим собой, а дракон исчезнет, какая, собственно, разница? Так что ступайте разыщите этого волшебника или второго, старика. Если нужно, я готов предложить одному из них место в правлении. По всей форме. Кажется, Пегги здесь? Я как будто слышал ее голос.— Он разинул чудовищную пасть и позвал: — Пегги! Пегги!

Кто-то промчался во весь дух по лесу. Конечно же это была Пегги с блокнотом в руке. При виде дракона она несколько не удивилась, предоставив удивляться бедняге Сэму.

— Слушаю вас, мистер Диммок.

— Я продиктую вам письмо мистеру Пейли. «Дорогой Герберт! Место, откуда я пишу тебе, называется Перадор. Со мной случилась здесь маленькая неприятность...» — Он замолчал, видя, что Сэм не двигается, а Планкет, выйдя из леса, направляется к ним.— Ну, чего глаза вылупили, Сэм?

— Если бы вы увидели дракона, диктующего письмо секретарше, вы бы тоже вылупили глаза,— ответил Сэм.

— Ступайте-ка разыщите этих волшебников. Это не только в моих интересах, но и в ваших. Шкипер, помогите ему.

— Так, значит, это Диммок! — воскликнул Планкет.— Скажи, старик, ты и вправду чувствуешь себя драконом?

— Чувствовал до сих пор. И это было здорово противно, но теперь все прошло. Так вот, шкипер, вы с Сэмом должны устроить, чтоб меня расколдовали.

— Попробуем, старик. Только нельзя, чтобы ты торчал здесь, на поляне, и диктовал письма. Все ждут, что Сэм тебя изничтожит. Придется тебе спрятаться в лесу, покуда ты еще дракон.

— Ладно. Главное, вы поскорее.

— Кстати,— сказал Сэм.— Поскольку это может иметь научное значение... Вы случайно не знаете, какой вы дракон? Ну, скажем, мечехвостый или копьехвостый...

— Я свирепый исполинский винтохвостый дракон,— сказал Диммок не без гордости.

— Надо будет поглядеть про них в книге,— пробормотал Сэм.— Ну так вот, мы, конечно, сделаем все возможное, но, ей-богу, нельзя вам лежать здесь все утро и диктовать письма... Пошли, шкипер.

— Ступайте, ступайте. Так на чем мы остановились, Пегги?

— «...Со мной случилась здесь маленькая неприятность...» — повторила Пегги.

— Поставьте тут точку. Дальше: «Но, если мне повезет, все может обернуться к лучшему. Здесь есть волшебники, и не исключено, что один из них пожелает войти в правление; в этом случае надо будет, как мы не раз говорили, выставить вон старика Уоллеби, а заодно, видимо, избавиться и от Тукса...» Ну, чего вам еще?

Он бросил яростный взгляд на Сэма и Планкета, которые снова появились на поляне.

— Не гляди на нас так, старик,— сказал Планкет.— Ты забыл, что у тебя глаза как прожекторы.

— Мне нужно кончить письмо. Чего вам, ребята?

— Да вот не знаю, как быть с мечом, Диммок,— виновато произнес Сэм.— Ведь, если я вас убил, меч должен быть обогретен драконовой кровью. И ставлю десять против одного, что это особая кровь, старый Мелиот узнает ее с первого взгляда.

— Факт,— сказал Планкет.— Так что ты должен нам помочь, старик. Легкий надрез или два...

Может быть, Диммок просто хотел возразить, но это был поистине драконов рык, его наверняка слышали наверху, в замке, и, вероятно, вообразили, что чудище уже в агонии.

— Не отвливай, старик, это нечестно,— сказал Планкет с укоризной.— И не рычи так больше. Ужасно воняет серой.

— Ну, тогда сделайте где-нибудь маленькую царапину,— сказал Диммок.

— Ничего не выйдет,— покачал головой Сэм.— Судите сами. Ведь это все равно что пытаться поцарапать броню танка. Нужен глубокий надрез.

— Ну-ка, дайте сюда этот меч,— сказал Диммок, потеряв терпение. Своей огромной лапой он поднес меч к пасти, отхватил лезвие почти по самую рукоять и швырнул обломок к ногам Сэма.— Если уж это их не убедит, значит, их не убедишь ничем!

— Признаться, старик,— сказал Планкет,— я рад, что ты — Диммок. Теперь мы знаем всю эту механику, и если есть здесь человек, который слышать не хочет про драконов, так это капитан Планкет.

— Да уйдите вы, наконец... На чем мы остановились, Пегги? Ах да, на Туксе. «Для нового дела, которое я задумал, Тукс никак не подходит, у него нет ни предприимчивости, ни настоящего размаха. Можно было бы взять на испытательный срок одного из волшебников и поручить ему финансовые операции и налоговые дела фирмы».

— Железный малый,— сказал Планкет Сэму, когда они ушли с поляны.— Только тут он, кажется, малость пережал. Надо бы полегче. Кстати, старина, расскажи-ка мне об этой Энн Датон-Свифт.

Глава пятнадцатая

СЛИШКОМ МНОГО НЕОЖИДАННОСТЕЙ

— Признаться,— сказала Энн Датон-Свифт Планкету,— я, как говорится, в колдовских делах ни бум-бум. Объясните, пожалуйста, дорогой шкипер, что тут было?

— Сию секунду, детка. Мальгрим примчался сюда, увидел, что Диммока и меня сцапали по приказу короля Мелиота, и выпросил у него разрешение взять нас в работу...

— То есть заколдовать вас?

— Вот именно. Меня превратил в Красного рыцаря, а Диммока — в дракона. И надо отдать ему справедливость — чистая была работка. Но старый Марлаграм — с виду-то он совсем развалина, а на самом деле малый не промах — тут же явился, хихикая как полоумный, и побил Мальгримова туза.

— Только без этих карточных словечек, дорогой шкипер. Ненавижу бридж.

— Я тоже,— кивнул Планкет.— Ничего не признаю, кроме покера. А говорил я вам... или... Ладно, как-нибудь в другой раз. Так вот, старый Марлаграм предсказал, что Перадору будут грозить две опасности — лютый Красный рыцарь и дракон, ну, король и согласился, что тот, кто их победит, женится на его дочери. А это значило, что дело в шляпе, Сэм может не беспокоиться.

— Так вот почему здесь так торжественно празднуют этот, как бишь его? Никогда не слыхала раньше этого слова... ах да, сговор. А Сэм очень мил в своем наряде, правда?

— Да, король немного помешан на костюмах, но сегодня и он не скажет, что Сэм одет черт знает как. Все по-перадорски!

Сэм, стоявший перед королем в ожидании Мелисенты, был в коротком плаще, камзоле и штанах в обтяжку. Правая штанина у него была зеленая, как незрелое яблоко, а левая — белая в зеленую полоску, камзол был нежно-розовый, а плащ — темно-зеленый.

— Будь у него ляжки потолще,— заметил Планкет,— ни дать ни взять актриса на мужских ролях в пантомиме. Должен вам сказать... Нет, лучше потом, дело терпит.

— Интересно, в чем будет Мелисента? — задумчиво промолвила мисс Датон-Свифт.

— Что бы там ни было, а она заставляет себя ждать. Старый Мелиот теряет терпение. Поглядите на него. Еще

минута — и он взорвется, а уж тогда кто-нибудь непременно угодит за решетку.

— Я не вижу ни одного волшебника,— сказала Энн, оглядывая переполненную банкетную залу.

— Наверно, заняты где-нибудь еще. Но глядите... что это там?

Главный герольд, неправильно истолковав нетерпеливый взгляд короля, начал:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Его королевское величество Мелиот, король Перадора, повелитель Бергамора, Марралора и Парлота...

— Нет! Нет! Нет! — взревел король.— Погодите начинать! Где наша дочь? Где эта несносная девчонка? Эй, кто-нибудь, ведите ее сюда. И если она еще не закончила свой туалет — все равно ведите! Мы больше не можем ждать.

Сэм уже давно не находил себе места, а тут он заметил, что среди фрейлин, которые, подобрав юбки, со всех ног побежали разыскивать Мелисенту, Нинет не было. Не было видно и Мальгрима.

А вдруг они замыслили что-нибудь недоброе? Марлаграм, конечно, знает, в чем дело, но его тоже нет.

— Несите факелы,— приказал король. Было уже поздно, и за окнами почти стемнело.

Фрейлины прибежали назад, размахивая руками и визжа:

— Ваше величество, ваше величество, принцессы Мелисенты нигде нет! Она исчезла!

— Исчезла? Вздор! Обыщите замок. Обшарьте все.— Король Мелиот повернулся к своим советникам.— До чего ж похожа на мать! Сначала так и рвалась выйти замуж за этого типа, а теперь, когда мы дали свое согласие, исчезла перед самым сговором. Ну вылитая мать!

— Государь,— внушительно начал главный советник,— я всегда считал, что женщины...

— И мы тоже, и мы тоже! — прервал его король.— Но найдите ее, найдите, обшарьте весь замок. А где волшебник? Если не можете найти нашу дочь, найдите хоть кого-нибудь из волшебников.

Сэм подошел к Планкету и Энн Датон-Свифт:

— Вы не видели старого Марлаграма? Нет? Ну, тогда все мы погорели, можете мне поверить. Десять против одного, что Мальгрим и Нинет снова что-то затеяли. Марлаграм! — крикнул он. — Где вы? Что с Мелисентой? Как мне ее найти?

— Ступай в темницу, в самый дальний угол. — Голос, тихий, но отчетливый, донесся словно издалика.

— Это вы, Марлаграм?

— Хи-хи-хи!

— Старик, ну ясно же, это он, — сказал Планкет. — Давай иди в темницу.

— Только смотри, Сэм, не испорть свой чудесный костюм, — сказала Энн.

— Да пропади он пропадом! Мне нужен факел. Ну, до скорого.

С факелом в руке Сэм протолкался через толпу, бурлившую вокруг него, бегом спустился по длинной лестнице и, задыхаясь, влетел в темницу. Торопясь пробраться в дальний угол, он забыл, какой здесь скользкий пол, шлепнулся на спину и, болтая ногами в воздухе, заскользил куда-то вниз. С ревом налетел ветер. Вокруг были огни, шум, толпы людей. Он с трудом поднялся на ноги в своем родимом мире — лучшем из миров, с позволения сказать. Встать ему помогли две девушки.

— Вот, Эдна, та самая расцветка, о которой я тебе говорила, — сказала одна из них. — Зеленая. Правда, миленькая?

— Где я? — спросил Сэм. — Что здесь происходит?

— Бросьте, кого вы хотите одурачить? Да еще в этом костюме!

— Он, наверно, из павильона консервированного горошка, — сказала Эдна. — Такой павильон в виде средневекового замка, помнишь?

— Послушайте, никого я не хочу одурачить. Наверно, когда я упал, у меня отшибло память. Где я и что тут такое? Похоже на «Олимпию»¹.

¹ Выставочный зал в Лондоне.

— Непременно наберу себе такой материи,— сказала Эдна.— Так вот, если вы действительно все позабыли, это выставка консервированных и свежемороженых продуктов тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

— Большое спасибо,— сказал Сэм.— А теперь мне нужно разыскать одну мою знакомую. Раз я здесь, значит, и она должна быть где-то поблизости. Привет!

К его облегчению, костюм не привлекал особого внимания, если не считать улыбок нескольких девушек и кривых усмешек мужчин. Сэм задержался у палатки, где пухлая женщина демонстрировала моментальное приготовление сбитой яичницы по методу миссис Милкин. Как только она, перевернув сковороду, выложила дымящуюся яичницу на тарелку, шестеро зрителей, собравшихся у палатки, начали расходиться. Пухлая женщина неприязненно поглядела им вслед.

— Не знаю, как вам здесь понравилось,— сказала она Сэму, принимая его за одного из своих,— а только, по мне, они хуже дохлых кошек. Все говорили: «Вот погодите, приедем в Лондон». Ну, вот мы и в Лондоне, верно? Нет уж, лучше Манчестер и Бирмингем. Заелись они здесь, вот что. Не хотите ли закусить, дружок?

— С удовольствием,— сказал Сэм.— Я голоден.

— Тогда сделайте одолжение, съешьте вот это. Каждую минуту может подойти наш коммерческий директор, так пусть думает, будто кто-то пробовал яичницу.

Сэм взял вилку, а женщина тем временем круто посолила и поперчила свою стряпню. Когда она протянула ему тарелку, на лице у него, должно быть, отразилось сомнение.

— Берите, яичница не так уж плоха. Правда, жидковата и малость припахивает, но у нас бывало и похуже. Если хотите запить, у меня под прилавком есть бутылка пива, только пейте быстро.

— А кто эта миссис Милкин?

— У нее фабрика яичного порошка в Нью-Джерси, дружок. Да еще вторая такая же строится в Портленде, штат Орегон. Сейчас достану пиво.

— Я ишу свою девушку,— сказал Сэм, расправившись с яичницей и быстро проглотив пиво.— Ее зовут Мелисен-

та. Она блондинка — не крашенная, а настоящая — и потрясающе красивая...

— Вот здорово!

— Она должна быть в средневековом костюме, как и я. Вы ее не видели?

— Сегодня за весь вечер я не видела ни одного симпатичного человека, дружок. — И она обратилась к женщине, которая в палатке напротив рекламировала консервированный омлет: — Что это с ними сегодня? Куда они все тащатся? Ах да, на конкурс тортов из полуфабрикатов. — Она повернулась к Сэму: — Вы бы лучше поищите ее на конкурсе тортов, дружок. Ваша девушка, верно, где-нибудь там.

За павильонами у помоста с занавесом и двумя громкоговорителями по бокам толпился народ. Стоя поодаль, у самых павильонов, Сэм мог лишь смутно разглядеть четырех девушек на помосте, должно быть участниц конкурса; против них сидели в непринужденных позах еще человек пять-шесть, вероятно жюри. Телевизионные камеры поворачивались во все стороны; из громкоговорителей сыпались милые шуточки, вроде сообщения о том, что наступил судный день; то и дело раздавались дурацкие аплодисменты, без которых не обходится ни одно подобное зрелище. Голос распорядителя показался Сэму знакомым. Нет, это просто невероятно! Но сомневаться не приходилось — это был... Мальгрим.

— А теперь леди Нинет объявит решение жюри, — говорил он. — Леди Нинет, прошу вас.

И конечно, снова аплодисменты.

Нинет словно всю жизнь только этим и занималась. Она держалась и говорила именно так, как требуется.

— Дорогие друзья, авторитетное жюри поручило мне огласить свое решение. Мы все до глубины души восхищены новым небывалым подъемом нашего кондитерского искусства и рады сообщить вам, что первая премия единогласно присуждена Мелисенте Перадор!

Снова аплодисменты.

— Благодарю вас, леди Нинет! — сказал Мальгрим. — Итак, по единогласному решению жюри, Мелисента Пе-

радор объявляется Королевой Ореховых Тортов тысяча девятьсот шестьдесят первого года!

Приветственные крики, аплодисменты, свистки и рев фанфар, который изобразили три гвардейских трубача.

Остолбеневший Сэм увидел, как Мелисенту, которая двигалась словно во сне, подтолкнули к микрофону.

— Поздравляем вас, Мелисента. Вы — Королева Ореховых Тортов тысяча девятьсот шестьдесят первого года. А теперь скажите, чего бы вы хотели.

— Вы знаете, что я хочу,— сказала Мелисента.— Я хочу к Сэму.

— Я здесь! — крикнул Сэм и рванулся вперед.

Но тут по воле злой судьбы дорогу ему преградил павильон замороженных рыбных филе Фергюсона.

— Эй, куда тебя несет? — крикнул выскочивший из-за прилавка здоровенный грубый субъект, вероятно рыбак с траулера.— Погляди лучше, какие филе.

— Пустите! — Сэм оттолкнул его.

И тут они сцепились. Палатка качалась, куски замороженного филе градом сыпались Сэму на голову. Сэм уже подумывал о том, что неплохо бы врезать этому наглецу хороший хук левой, как вдруг сзади его схватили за руки, кто-то огрел его по голове, и он потерял сознание.

— А теперь, когда вам стало лучше,— говорил полицейский инспектор,— попробуем начать сначала. Только, пожалуйста, без глупостей насчет всяких принцесс и драконов. Ваша фамилия?

— Альгрим,— сказал Сэм. На столе перед ним стояла чашка чаю. Видимо, в этот час в полицейском участке разносили чай — перед каждым полисменом тоже стояла чашка.— М. Альгрим.

Он отхлебнул из чашки.

— Пожалуйста, полностью. Что означает М.?

— Морис.

— Так. Морис Альгрим. Адрес?

— Северо-Запад, 9, Мелиот-террас, 10,— ответил Сэм без запинки.

— Где работаете?

— Я наладчик электронных вычислительных машин. Это очень ответственная работа. Машины иногда делают грубые ошибки, даже если хорошо налажены, а если не налажены, то они вытворяют Бог знает что.

— Так же, как и вы, мистер Альгрим,— сурово произнес инспектор. У него было длинное худое лицо, а глаза сидели так близко к носу, что он походил на огромное насекомое или на существо с другой планеты.— А еще такой солидный человек. Что вы делали в этом костюме на выставке и зачем затеяли скандал?

— Это долгая история,— пробормотал Сэм, лихорадочно придумывая, что бы такое сказать,— боюсь, вам будет неинтересно.

— Ничего, когда надоест, я сам скажу.

Инспектор поглядел на своих подчиненных, ожидая, что они оценят его остроумие, и два молодых констебля хихикнули в свои чашки.

— Я одет так потому, что заменял своего двоюродного брата: он работает на выставке в павильоне консервированного горошка. Их в этом году одели в маскарадные костюмы. А на конкурс тортов я пошел, потому что в нем участвовала одна моя знакомая. Я увидел ее издали, и мне показалось, что ей дурно. Тогда я попробовал протиснуться поближе и крикнул, что я здесь. Вы ведь и сами на моем месте поступили бы так же, правда?

— Нет,— сказал инспектор.— Ну-с, а как началась драка?

— Я пробирался мимо павильона замороженного филе Фергюсона, а этот тип нагло схватил меня и спрашивает, куда меня несет, ну, мы с ним и сцепились. Но, заметьте, меня схватили за руки — меня, а не его! — и бацнули чем-то сзади, наверно мороженой треской, до сих пор голова гудит. Словом, насколько мне известно, только я один и пострадал.

— Да, насколько вам известно,— с расстановкой сказал инспектор. Судя по его тону, после этого побоища скончалось не менее полудюжины человек, в том числе женщины и дети.— Ведь могут быть вещи, которые вам не известны, не так ли, мистер Альгрим? Однако на этот раз вы

правы. Поскольку возмещения убытков с вас не требуют и служащие Фергюсона вообще нас не вызывали, а этот малый ничего толком объяснить не может, я вас отпускаю. Но смотрите, больше не впутывайтесь ни в какие истории, особенно когда на вас эти панталоны. До свидания, мистер Альгрим.

Когда Сэм вышел, его противник, похожий на рыбака с траулера, стоял на мостовой возле огромного лимузина. Внутри сидели еще двое мужчин, тоже похожие на рыбаков, и три толстые женщины. Все они громко орали и визгливо хохотали, предвкушая ночную пирушку.

— Рад, что тебя выпустили, дружище, — сказал противник Сэма, протягивая ему руку. — Надеюсь, ты не сердишься? Ну и хорошо, это в старом добром английском духе. Вот окажись у тебя нож, я бы сейчас глядел на тебя по-иному.

— А я бы глядел на тебя по-иному, если б взрезал тебе хук левой, — сказал Сэм. — Но меня схватили за руки.

— Хука я ждал и был наготове. А их я не просил вмешиваться, ясно? Ну да ладно, все обошлось.

— А как филе?

— Да это все муляжи. Дай я еще разок пожму твою руку, дружище. Тебе случайно не в Гримсби?

— Нет, спасибо. Ей-богу, в первый раз вижу человека, которого в Гримсби.

— Ну, так мы поехали. Счастливо, дружище.

Сэм видел, как бывший противник сел в машину к своим развеселым друзьям. Он подождал, пока лимузин скрылся из виду, а потом побрел, сам не зная куда. Было далеко за полночь, и во всем Лондоне окна были закрыты ставнями так плотно, что казалось, они не откроются уже никогда. Накапывало, в любую минуту мог хлынуть проливной дождь. Сэм чувствовал себя очень несчастным.

Вскоре ему стало совсем скверно. Перед ним тянулась Кромвел-роуд, бесконечная, словно жизнь, в конце которой тебя ждет либо пенсия и тоскливые поездки в Борнмут¹, либо смерть. У Сэма разламывалась от боли голова,

¹ Морской курорт на юге Англии. (Примеч. пер.)

и вдруг у него мелькнула ужасная мысль, что вовсе он не явился сюда из Перадора, чтобы найти Мелисенту, что никакой Мелисенты вообще нет и Перадора нет тоже, что все это ему только приснилось, померещилось с перепоя после слишком бурной ночи в «Вороном коне» или в Артистическом клубе в Челси. Должно быть, он просто-напросто слишком долго фантазировал над этим эскизом для «Чулка прекрасной дамы» — вот и все. Король Мелиот и оба волшебника, турнир на залитом солнцем поле и дракон на тенистой лесной поляне, даже сама Мелисента — все быстро побледнело в его памяти. Реальна была лишь эта тьма, этот дождь, эта бесконечная, унылая Кромвел-роуд. Он готов был заплакать.

Показалось такси. Соображая, наскребет ли он мелочи, Сэм хотел сунуть руку в карман штанов, но рука лишь скользнула по мокрой штанине. Ах да, камзол и штаны в обтяжку! Что ж это все-таки значит? Ведь он уже не в первый раз обнаруживает на себе маскарадный костюм.

Прежде чем он успел решить эту загадку, такси остановилось.

— Да ведь вы заняты,— разочарованно протянул Сэм.

— Пассажирка возражать не будет,— сказал шофер.— Хи-хи-хи!

— Марлаграм?

— Ах, милый, ну садись же скорей! — воскликнула Мелисента.— Боже, да ты весь промок.

— Но как... что... где... почему?..

— Куда прикажете, сэр? — спросил Марлаграм, чересчур усердно играя роль таксиста.

— Два раза вокруг парка, а потом напрямик в Перадор,— радостно сказал Сэм.

— Вокруг какого парка?

— Все равно.

Около Риджент-парка их остановил полисмен.

— Предъявите водительское удостоверение,— сказал он Марлаграму.

— Пожалуйста, хи-хи-хи! Но почему только одно? Вот вам пятьсот штук, приятель!.. А вы, влюбленные голубки, готовы отправиться в Перадор?

— ...И тут,— рассказывал потом полисмен сержанту, заглядывая в свой блокнот,— шофер швырнул мне целую кучу бумажек и исчез вместе с двумя пассажирами, а около меня осталась пустая машина, так что не было никакой возможности установить, кто ее вел и кто в ней ехал. Я говорю сущую правду, сержант, это так же верно, как то, что я сейчас стою перед вами. Ах да, чуть не забыл. Мне кажется, он сказал, что все они отправляются в Перадор.

— А теперь я скажу тебе, куда ты отправишься, малый, если будешь таким ротозеем...— начал сержант.

Но какое нам до них дело? Давайте-ка лучше и мы отправимся в Перадор.

Глава шестнадцатая СДЕЛКА С ВОЛШЕБНИКАМИ

В домике, где жили Марлаграм и Мальгрим, наступил час завтрака. Марлаграм вошел в маленькую столовую, сел и, как бы обращаясь к невидимому официанту, сказал:

— Тарелку овсянки, да поживей!

Тарелка — и довольно большая — мигом появилась на столе, и Марлаграм принялся есть, противно чавкая и роняя кашу себе на бороду. Его племянник Мальгрим пришел чуть попозже и, садясь за стол, с презрением взглянул на неопрятного старика.

Это нисколько не смутило Марлаграма.

— Съешь и ты тарелку овсянки, племянник.

— Ну нет, клянусь великим Вельзевулом! — Мальгрима передернуло.— Стану я есть эту пакость! — Он устремил пристальный, сосредоточенный взгляд в пустоту над столом.— Утку с зеленым горошком! И бутылку бордо.— Он подождал несколько минут, но безрезультатно.— Ты что, не слышал меня? Я хочу утку с зеленым горошком и бутылку бордо.

— Хи-хи-хи! — Марлаграм поднял ложку.— Тарелку овсянки, да поживей!

Перед Мальгримом тотчас появилась овсянка. Он вскочил и сказал сердито:

— Ну, дядюшка, это уж слишком! Мы ведь уговорились раз и навсегда: какие бы профессиональные приемы мы ни пускали в ход друг против друга, домашних дел это не должно касаться. Вы нарушили договор.

— А кто первый начал нарушать договоры? Ты, племянничек.

— Вы бы хоть кашу вытерли с бороды.

— Ну нет, не увиливай. Вчера вечером, когда король Мелиот назначил помолвку, ты проиграл, а я выиграл. Ты думал, племянник, у тебя преимущество в целый ход, хи-хи-хи! Примчался сюда, превратил одного из этих олухов в Красного рыцаря, другого — в дракона, а сам все время работал на меня и даже не подозревал об этом. Ведь верно?

— Да, признаться, тут вы все ловко устроили,— буркнул Мальгрим.— Видно, я недооценил вас. Но...

— Постой, племянник, я еще не кончил. И потом, ты — против всех правил — расстроил сговор, хитростью заманив бедняжку Мелисенту в другой мир. И только я подумал, что наконец-то можно немного передохнуть,— приходится опять лететь сломая голову и выбиваться из сил. Я даже прикинулся погонялой в повозке без лошади — уверен, тебе такое и не снилось. Ты играл нечестно и сам это знаешь. Чем же ты лучше какой-нибудь из подручных феи Морганы, этих мерзопакостных ведьм, они тоже играют без правил! Мне стыдно за тебя, племянничек. Так что или ты съешь овсянку — кстати, она тебе совсем не повредит,— или останешься без завтрака.

— Ну и прекрасно, я не голоден.

— И вот еще что, племянник. Как ты думаешь, куда запропастилась эта твоя Нинет, а? Хи-хи-хи! Ты, кажется, искал ее сегодня все утро?

— Так это вы, дядя...— сердито начал Мальгрим.

— Видел большое стадо гусей возле замка? — прервал его Марлаграм.— Хи-хи-хи! Ищи ее там.

Мальгрим снова вскочил со стула.

— Ах вы, бессовестный старый...

— Сядь, племянник. Там этих гусей сотни две или три — до ночи с ними провозишься. Я расколдую ее, как только

мы покончим с делом. И конечно, если ты мне поможешь расколдовать Диммока.

— Ха-ха! Так вы про него не забыли? Положение не из легких, а?

— Все было бы в порядке, племянник, не вмешайся ты снова вчера вечером. Из-за того, что Мелисенты вчера вечером не оказалось на месте, король Мелиот теперь гневается: нет, говорит, доказательств, что Сэм действительно убил дракона. А все из-за тебя. Словом, придется нам теперь заняться Диммоком, иначе дело не пойдет. Сюда как раз идут Сэм и капитан Планкет.

— Неужели? А вы откуда знаете?

— Как откуда? В конце концов, волшебник я или нет? Да и вообще тебе до меня далеко. Но зато, если у тебя будет сын или племянник, им будет далеко до тебя. Наша профессия — не для дураков, помни это. Вот почему в ней наблюдается регресс вместо прогресса. А стало быть, чем старше волшебник, тем выше он среди своих собратьев. Иначе и быть не может.

— Но вы понимаете, что это значит? — серьезно сказал Мальгрим. — Да ведь этак при неуклонном регрессе через несколько сот лет...

— Волшебники измельчают и превратятся в жалких дилетантов! — подхватил Марлаграм. — Да, к тому времени люди и верить перестанут в наше бывшее могущество. Но тут уж ничего не поделаешь. Регресс есть регресс... Входите, входите! — воскликнул он. Вошли Сэм и Планкет. — Садитесь, пожалуйста. Чего бы вы хотели выпить?

— Две двойные мальвазии, — сказал Планкет.

Марлаграм уставился в пустоту над столом.

— Две большие чаши мальвазии, живо!

Вино тотчас появилось.

— Вот это сервис, — сказал Планкет с восхищением. — А не могли бы вы раздобыть мне сигару, старик?

— Только не здесь, — сказал Марлаграм. — И не сейчас. Для этого должно пройти еще много сотен лет.

— Жаль. Ну что ж, ваше здоровье! — И, выпив чашу почти до дна, он продолжал: — Ну, Сэм, старина, выкладывай.

— Так вот,— сказал Сэм.— Все очень просто. Нужно расколдовать Диммока и сделать так, чтоб король поверил, будто я победил дракона. В конце концов, я ведь не знал, что дракон — Диммок, когда вызывал его на бой. Стало быть, не такой уж я обманщик.

— Ясное дело,— сказал Планкет.— Кому могло прийти в голову, что эта помесь паровоза с крокодилом — наш приятель Диммок? Ей-ей, Сэм держался молодцом, а раз так, значит, он молодец и есть. Но кто же в это поверит, если дракон болтается по соседству и диктует письма своей секретарше!

— Не тратьте слов понапрасну,— сказал Марлаграм.— Я хочу создать фирму, и мы уже столковались. Стало быть, мне не меньше, чем вам, нужен Диммок, а не дракон. Но все это совсем не так просто...

Он замолчал в нерешительности.

— Джентльмены,— сказал Мальгрим с самой изысканной улыбкой,— я объясню, почему мой дядя мнется и не решается договорить. Он не может без моей помощи вернуть Диммоку его прежний облик.

— Будь у меня побольше времени — вернул бы.

— Может быть. А может, и нет. Но время не терпит, дорогой дядюшка.

— Это правда,— сказал Сэм.— Дракону давно пора исчезнуть.

— А я помогу вам только в том случае, если вы примете мои условия,— продолжал Мальгрим невозмутимо.— Я хочу войти в правление новой компании. И кроме того, дядя, вы должны вызволить Нинет из гусяного стада.

— Ах, так вот она где! Ну и поделом ей! — сказал Сэм.— Ох уж эта Нинет! Да и вы тоже хороши! «Королева Ореховых Торгов тысяча девятьсот шестьдесят первого года!» Что за дурацкая выдумка!

— Да нет, просто шутка,— сказал Мальгрим.— Для разнообразия, чтобы как-то развлечься среди суровой действительности. Но вы слышали мои условия, джентльмены?

Сэм умоляюще поглядел на старого волшебника.

— Магистр Марлаграм, прошу вас...

Прежде чем он успел договорить, появилась Мелисента, словно по мановению волшебной палочки.

— Магистр Марлаграм,— сказала она,— вы нам помогали, и мы очень благодарны вам за это, но зачем же теперь все портить!

— Одну минутку,— произнес Марлаграм с тревогой.— Вы как сюда проникли?

— И я как раз хотел спросить то же самое,— сказал Мальгрим.

— Вы не могли войти сюда сами.

— И никто не может без нашего позволения. В конце концов, мы ведь волшебники.

— Так кто же вам помог?

Мелисента улыбнулась.

— Ну, если вас это интересует, в замок только что пришла моя троюродная сестра, а она — ученица феи Морганы.

— Что-о? — Марлаграм с Мальгримом разом подскочили и быстро заговорили, перебивая друг друга:

— Племянник, мы не потерпим здесь молодую колдунью...

— На последней конференции в Авалоне эта территория была отдана нам безраздельно...

— Но ты ведь знаешь женщин, племянник. Слушай, нам надо объясниться. Диммок, дракон, дела компании и все прочее...

— Правильно, дядя. И тогда станет ясно, кто имеет право колдовать на этой территории.

— Извините нас, мы ненадолго. Ну-ка, племянник, раз, два, три...

И они исчезли.

Мелисента засмеялась и села на стул.

— Я так и думала, что мне живо удастся их спровадить. Нет у меня никакой троюродной сестры, которая училась бы у феи Морганы. И вошла я сюда без всяких помех,— наверно, невидимый демон, который следит за домом, чем-нибудь расстроен сегодня. Ну разве я не умница, Сэм, милый?

— Да, Мелисента, дорогая,— сказал Сэм, который никак не мог прийти в себя от удивления.

— Понимаешь, старик, надо держать ухо востро, всякая женщина становится колдуньей, когда захочет,— сказал Планкет.— Ну ладно, давайте-ка испытаем этого невидимого демона.— Он пристально уставился в пустоту примерно в трех футах над столом и повелительным тоном проговорил: — Хочу еще большую чашу мальвазии.

Целая бутылка вина вылилась ему прямо на голову.

Откуда-то сверху раздался демонический хохот. Мелисента тоже приснула, а Планкет плевался и шипел от злости. Потом Мелисента серьезно поглядела на Сэма.

— Дорогой, как только эта история с драконом будет улажена и отец успокоится, нам придется решать, где устроим свадьбу, и потом, конечно, какой наряд мне надеть.

— Насчет наряда уж ты сама решай,— сказал ей Сэм.

— Не беспокойся, милый, я так и сделаю.

— А что до свадьбы,— продолжал Сэм,— так я думаю, пусть она будет вроде бы смешанной. Я хочу сказать, два мира так смешались, что на свадьбе должны быть гости из обоих.

— Вот это правильно, старина,— сказал Планкет, который уже успел вытереться.— Кстати, это пойдет на пользу новой компании.

— Какой компании? — спросила Мелисента.

— Это скучные деловые разговоры, дорогая. Дела представь нам.

На миг в комнате стало темно, все вокруг закачалось, и появились оба волшебника. Они тяжело дышали, но улыбались.

— Чистая работка. Хи-хи-хи! Диммок сейчас будет здесь. Мы оставили на поляне драконову голову, чтобы король Мелиот мог на нее полюбоваться. Он туда пойдет, Сэм. Это мы тоже устроили. Хи-хи-хи!

— А теперь я могу открыть вам,— сказала Мелисента,— что никакой колдуньи в замке нет. Я просто подшутила над вами. Но в чем дело? Отчего вы глядите на меня так, будто у меня нос блестит?

Марлаграм рассмеялся:

— Вы ошиблись всего на один день, принцесса. Молодая колдунья прибывает завтра.

— Она увидела Сэма в волшебном зеркале,— сказал Мальгрим многозначительно.

— Как? — Мелисента пришла в ужас. Она крепко схватила Сэма за руку.— В таком случае его она здесь не увидит. Но зато увидит меня, и если она вообразила, что может явиться сюда и...

Тут вошел Диммок, запыхавшийся, красный и взволнованный.

— Прошу прощения... принцесса Мелисента... джентльмены... Но знаете ли, когда вдруг перестаешь быть драконом и пулей вылетаешь из леса, это, скажу я вам...

— Пойдем, Сэм, милый,— промолвила Мелисента.— Тебе нужно поговорить с папой, а потом мы решим насчет свадьбы.

И она увела его.

— Ну-с, джентльмены,— сказал Диммок, садясь,— прежде чем перейти к делам, я бы не прочь выпить.

— Непременно,— кивнул Марлаграм.— Ну-ка...

— Обождите,— запротестовал Планкет,— лучше обойдемся без услуг невидимого демона. Он нечисто работает. Нет ли другого способа?

— Отчего же нет? — сказал Мальгрим и хлопнул в ладоши.

— Да, сэр? — сказала буфетчица, входя.— Что вам подать?

— Вот так-то лучше,— одобрил Планкет.— Два двойных шотландских, Куини. А погодка-то опять разгулялась, правда?

— При всем своем уважении к волшебникам,— сказал Планкет, когда буфетчица вышла,— я считаю, что и в колдовстве нужно знать меру. Я говорю — уберите своего невидимого домашнего демона. Я предлагаю — никакого колдовства в неурочное время. Куини нас вполне устраивает.

— Но ведь это тоже колдовство,— сказал Мальгрим небрежно.— Она уверена, что сидит в «Вороном коне», ждет, пока придет время открывать бар, и фантазирует. А может, она и впрямь фантазерка.

— Может, все мы фантазируем,— сказал Планкет.— Поневоле призадуматься, верно?

— Пустяки,— махнул рукой Марлаграм.— Поставьте бокалы на стол и ступайте,— обратился он к буфетчице, которая принесла виски.

Как только она вышла, Диммок спросил:

— Ну, кто будет председательствовать?

— Я,— сказал Марлаграм,— хи-хи-хи! Ведь я старше вас всех.

— Превосходно,— сказал Мальгрим.— Так вот, господин председатель, мои предложения. Господа Марлаграм и Мальгрим входят в правление новой компании, в которую преобразуется фирма «Уоллеби, Диммок, Пейли и Тукс». Уоллеби и Тукс выводятся из правления, и учредительские акции передаются Марлаграму и Мальгриму. Новая фирма будет именоваться «Марлаграм, Мальгрим, Диммок и Пейли»...

— Ну нет, господин председатель,— сказал Диммок с некоторым раздражением.— Я готов признать ваше старшинство, но меня слишком хорошо знают в рекламном мире, чтобы — при всех исключительных способностях мистера Мальгрима — мое имя стояло после его имени. Предлагаю, чтобы новое агентство именовалось «Марлаграм, Диммок, Мальгрим и Пейли».

— Согласен,— сказал Марлаграм.— Так что, я думаю, нечего и голосовать. Хи-хи-хи! И давайте назначим капитана Планкета главным управляющим нашего филиала — туристского агентства, которое будет именоваться «Марлаграм, Мальгрим и Диммок», идет?

— Идет,— кивнул Диммок.— Но как вы пронюхали об этой идее?

— Мы же все-таки волшебники,— сказал Мальгрим.

— Да,— сказал Планкет,— и с вами, ребята, мудрено будет запутать счета.

— И вот еще что, господа,— старый Марлаграм оживился,— все, что дадут Англия и Перадор, мы делим поровну. Но из прибылей с Шотландии и Оркнейских островов я претендую на семьдесят пять процентов. У меня там большие связи.

Мальгрим тоже оживился:

— А я не соглашусь меньше чем на шестьдесят пять процентов прибылей, которые даст Уэльс и еще Лайонесс.

— Но ведь такого места нет,— возразил Диммок.

— Нет, в этом мире есть.

— Нам будет нелегко его рекламировать в нашем мире.

— Напротив,— сказал Мальгрим,— побывать в краю, которого больше нет,— что может быть заманчивее!

— Правильно,— сказал Планкет.— Трехдневное путешествие в Лайонесс, полный пансион и осмотр всех достопримечательностей. Блеск!

— К порядку, к порядку, джентльмены! — воскликнул Марлаграм.— Так на чем мы остановились? Какой следующий вопрос на повестке дня?

— Господин председатель,— сказал Диммок,— скажу вам прямо, я не могу плодотворно работать без сигары.

— Не выйдет, старик,— покачал головой Планкет.— Я уже пробовал. Еще много сотен лет...

— Никогда не поверю, чтобы два первоклассных волшебника не смогли раздобыть нам парочку сигар.— И Диммок взглянул на волшебников.

— Что ж, попробуем,— милостиво согласился Марлаграм.— Ты готов, племянник? Тихо, друзья.

Волшебники закрыли глаза и что-то забормотали. Через несколько секунд на стол упали две небольшие черные сигары.

— Бразильские,— констатировал Планкет, осматривая сигару.— Что ж, видел я сигары получше, видел и похуже. Дайка огоньку, старик.

Скоро в комнате было полным-полно дыма, и дело пошло на лад.

Глава семнадцатая СВАДЕБНЫЙ ПИР

Свадьба Сэма и Мелисенты была, пожалуй, самой трудной задачей, какую спокон веку доводилось решать волшебникам: все оказалось таким трудным, что Марлаграму

с Мальгримом, хоть они и действовали заодно, пришлось просить помощи у феи Морганы. Нужно было по крайней мере на три часа соединить оба мира от кабинета Диммока до банкетной залы в замке короля Мелиота. Волшебники составили невиданно длинный стол, который протянулся из одного мира в другой. Современный его конец был сервирован довольно строго и небогато, гости, официанты и официантки — все только в черном и белом, а угощение скудное; зато перадорский конец стола буквально ломился от кабаньих грабов, жареных павлинов и лебедей, окороков, целых замков из миндаля в меду, кувшинов и чаш, причем платье гостей и даже слуг поражало пышностью и великолепием. Румяные перадорские слуги разливали по чашам галлоны вина и пива, весело смеялись всякой шутке, а на современном конце меланхолический официант и усталая, насуспенная официантка с нескрываемым отвращением наливали что-то бесцветное в маленькие рюмочки. Капитан Планкет, старый шкипер, предвидя столь существенную разницу, хлопотал для себя и для Энн Датон-Свифт приглашение сидеть на перадорском конце стола.

Невеста в белом парчовом наряде была прекрасна, как принцесса из волшебной сказки, что, кстати, нисколько не противоречило истине. У Сэма был удивленный вид, словно он все еще не мог понять, что же все-таки происходит. Король Мелиот был пьян, но милостиво и ласково улыбался незнакомым людям, одетым черт знает как.

Диммок, сжимая в руке толстую пачку исписанных на машинке листков, вот уже двадцать минут силился провозгласить тост за Перадор. Нелегко соединить трагический надрыв с бессвязным бормотанием, но Диммок, провозглашая тост, преуспел и в том и в другом, отчасти потому, что страницы были перепутаны, отчасти же из-за пневматических дрелей, которые все время прерывали его своим грохотом.

— И... э-э-э-э... заканчивая это краткое приветственное слово... поскольку я, конечно, никак не предполагал, что мне... э-э... выпадет счастье поднять этот тост... в заключение я... э-э... хочу заверить всех наших перадорских друзей...— Тут Диммок снова зашелестел своими страничка-

ми,—...что если когда-нибудь они захотят побывать у нас... мы, со своей стороны, будем счастливы... э-э... показать им все, что у нас есть... и объяснить как можно понятнее сущность всех этих... э-э... поразительных достижений, которые свидетельствуют... э-э... о прогрессе и торжестве великой современной цивилизации. Позвольте же мне...

Но тут пневматические дрели, видимо собравшись с силами, загрохотали снова. Диммок в бешенстве отшвырнул свои листки и опустился на стул. Дрели тотчас смолкли. Тогда он схватил листки и встал, но дрели опять загрохотали. Он сел, не в силах больше бороться, и дрели смолкли.

— От имени Перадора ответный тост произнесет магистр Марлаграм,— объявил король Мелиот.

Старый волшебник выскочил откуда-то снизу, словно чертик из шкатулки.

— Ваше величество, леди и джентльмены, хи-хи-хи! Выслушав получасовую речь нашего друга мистера Диммoka, я буду очень краток. Если он или другие наши друзья в его мире устанут от своего прогресса — хи-хи-хи! — и достижений цивилизации, если они захотят покоя и тишины, хорошей еды и вина, чистого воздуха, спокойной беседы, крепкого сна, захотят отдохнуть от радиации, которая пожирает мозг в их костях, мы со своей стороны сделаем все, что в наших слабых силах, чтобы они у нас не скучали. Бла-го-да-рю за вни-ма-ни-е, хи-хи-хи!

Марлаграм сел, все еще хихикая, и все зааплодировали, только Мальгрим поглядел на него неодобрительно.

— У вас на бороде желток и крошки пирога,— сказал он сурово.— И речь ваша никуда не годится — содержание убогое, да и стиль хромает. Увы, я разочарован. Ни одного каламбура!

— Тише, дорогой,— сказала Нинет.— Видите — король встал!

— Тост за здоровье невесты и жениха провозгласит капитан Планкет, если только он еще не упился вконец,— объявил король Мелиот.

Старый шкипер с помощью Энн Датон-Свифт неуверенно поднялся, уставился на нетронутую кабанью голову,

потом, выпучив глаза, оглядел собравшихся и громко откашлялся.

— Ваше величество, принцесса Мелисента, сэр Сэм, друзья! — начал он. — Я буду краток, так как кое-кто здесь, мне кажется, явно хватил лишку.

— Нет, что вы! — воскликнула буфетчица. — Что вы... ик-ик... ах, простите!

Заминка дала Планкету возможность слегка подкрепиться. Затем он устремил мутный взгляд в сторону невесты и жениха.

— Принцесса и Сэм говорят, что будут жить в обоих мирах. Что правда, то правда. Ловко придумано. Я сказал: ловко придумано, — повторил он, повысив голос, словно кто-то ему возражал, и сверкнул глазами, ни на кого не глядя. — Я тоже буду жить и тут и там. Я сказал: я тоже. Помню, сколько было болтовни о том, что есть, мол, только один мир. Нет. Нет, нет и нет! — Он погрозил кулаком Диммоку, Герберту Пейли, миссис Диммок, миссис Пейли, Филипу Спенсеру-Смиту и его знакомой по имени Пенелопа Дилл, которая прыснула со смеху. — Ничего смешного! Дело серьезное. Я говорю: есть два мира. И принцесса с Сэмом говорят то же. Есть, конечно, разница в один день. На этом конце стола — среда, а на том — вторник. Ну и что? Кого это волнует? Подумаешь — пусть даже будет две субботы на неделе и ни одного понедельника. Однажды в Коста-Рике я чуть не две недели кряду думал, что на дворе четверг, — отрастил бороду и почти что выучился играть на мандолине. Ладно, расскажу вам об этом как-нибудь в другой раз. — Он взял со стола кувшин и опорожнил его с громким бульканьем. — Ну вот, кажется, и все. Тост? Правильно!.. — Он нахмурился, с трудом ворочая языком. — А теперь пускай счастливая парочка пожелает счастья и всяческих благ всем нам. Итак — за наше здоровье!

Гости встали и выпили за новобрачных. Все аплодировали и кричали «ура», только Пенелопа Дилл все хихикала.

— К сожалению, я не привыкла говорить речи, — спокойно сказала Мелисента. — Поэтому, выражая вам обоим свою признательность и за любезный тост, и за то, как он был встречен, я попрошу ответить моего супруга.

— Благодарю, благодарю вас всех,— сказал Сэм, взглянув сначала на один, а потом на другой конец стола.— Я лучше всех сознаю, что не достоин руки и сердца прекрасной принцессы. Я не так уж умен. И не так уж храбр. Просто мне повезло. О себе могу сказать только одно: когда великий день настал, я сразу понял, хоть мне никто об этом и не говорил, что наконец-то наступило тридцать первое — славное тридцать первое июня.

Король Мелиот подождал, пока стихнет шум.

— А теперь,— сказал он с сомнением в голосе,— мистер Лэмисон споет нам под аккомпанемент лютни песню «Черный рыцарь взял мое сердце в полон».

Ну что ж, простимся, читатель.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Салун был вульгарен, с явной претензией на старинную романтичность. Инкрустированный стеклом потолок вспыхивал разноцветными огнями, выхватывая из темноты грубые лица. Нанесенный и истоптанный песок сбился в грязные кучи, местами обнажая бетонный пол.

Обшарпанная вывеска у входа гласила: «Дворец Грязного Джона. Мясо и удовольствия». И чуть ниже: «Чертovski хороший шашлык, лучший на Мизаре-2!» Однако толпу посетителей из широкого ассортимента предлагаемых удовольствий кулинария привлекала как раз менее всего. Тяжелые подносы официантов были заставлены кружками с пахучим, едким и крепким спиртным.

Сам Грязный Джон услужливо согнулся у своего лучшего столика и до нелепости тихим в этой бурлящей комнате голосом осведомился о качестве шашлыка из зара.

Маленький шуплый человечек оторвал взгляд от стола и, сосредоточенно жуя, кивнул.

Удовлетворенное, самодовольное выражение появилось на грубом лице Грязного Джона. Его большие, в шрамах руки затрепетали.

— В ту же минуту, как вы вошли, я понял: вот человек, который знает толк в пище. А уж когда вы предпочли угольную жаровню микроволновой, у меня рассеялись пос-

ледные сомнения. Дайте этим олухам хорошенько выпить,— он презрительно обвел рукой помещение,— и они сожрут такую дрянь, от которой отвернет нос и венерианская болотная собака!

— Здравый смысл,— спокойно произнес маленький человечек, пытаясь счистить пятно, появившееся на его старомодном сером костюме,— здравый смысл говорит, что самый лучший повар — самый толстый повар.

Все три сотни фунтов массивной плоти Грязного Джона затряслись в смехе.

— Здравый смысл,— загромычал он.— Всемогуший космос, вот чего не хватает нашей несчастной планете — здравого смысла!

— А еще — вкусной и полезной пищи,— добавил невзрачный человечек, перед тем как отправить в рот очередную порцию «чертовски хорошего шашлыка».

Лицо Грязного Джона неожиданно потемнело.

— Да-а,— протянул он и с внезапной яростью протер стол вонючей тряпкой, которую держал в руках.

В это время огни на потолке стали медленно гаснуть, и вскоре все заведение Грязного Джона погрузилось в темноту, кроме маленькой площадки в дальнем конце помещения. Здесь световые пятна мерцали и переплетались в такт медленному бою ритмичной музыки.

Комната на миг замерла, а потом наполнилась топотом сотен подкованных сапог. Судорожно, как бы против собственной воли, на освещенной площадке появилась женщина. Плавными, чувственными движениями она медленно кружилась по суживающейся спирали, пока, достигнув центра, не замерла — ноги сведены вместе, руки заведены назад, лицо с закрытыми глазами запрокинуто вверх. Одежда танцовщицы предназначалась скорее для того, чтобы разжечь любопытство, нежели что-то скрыть. Внезапно наступившая тишина была доказательством искреннего восхищения аудитории.

Вдруг входная дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возник высокий широкоплечий молодой человек.

— Помогите! — прохрипел он.— Ее похитили!

Несколько голов на бычьих шеях повернулись; несколько волосатых рук сделали грозный жест.

Молодой человек ввалился в комнату.

— Помогите!..— начал он снова.

Из нескольких глоток вырвался звериный рык. Тяжелая тарелка, метко запущенная в солнечное сплетение, заставила молодого человека упасть на стул за столиком.

— Здравый смысл,— произнес тихий, спокойный голос,— подсказывает, что тот, кто встанет между изголодавшимися мужчинами и предметами их вожделения, немало рискует. Хотите?

Невзрачный человечек указал на остатки шашлыка. Глаза пришельца медленно сфокусировались на мясе, залитом мрачно-кровавым светом. Он вздрогнул и покачал головой.

Угощающий пожал плечами и отправил в рот сочный кусок.

— Еда,— изрек он,— одно из немногих удовольствий, которые доступны на протяжении всей жизни.

Молодой человек постепенно осознал присутствие своего соседа. Его изумленный взгляд пробежал по отполированным черным ботинкам, совершенно неуместной тросточке, лежащему рядом старомодному котелку и наконец остановился на худошавом честном лице с невинными голубыми глазами.

— Во имя галактики! — пораженно воскликнул он.— Кто вы такой?

Невзрачный человечек молча достал из кармана бумажник и извлек визитную карточку, которую тут же озарила очередная вспышка света:

«Лунные властители. Мы боимся все!»

Малачи Джонс.

Откровенно эротическая музыка достигла своего пика, и танцовщица в экстазе задрожала. Как будто по велению таинственных звуков, она двигалась все быстрее и быстрее, пока наконец не забилась в умопомрачительном ритме.

Молодой человек невидящим взглядом смотрел на фигуру танцовщицы, смутно вырисовывающуюся сквозь дым

и мерцающий свет, затем вдруг спрятал лицо в руках, громко всхлипывая:

— Ужасно! Ужасно!

На этот раз никто не возмущился; все были поглощены тем, что происходило на сцене.

— Секс в той или иной его форме,— рассудительно произнес Малачи,— один из краеугольных камней всех видов искусства. Вы, по-моему, говорили что-то о девушке, когда вошли? — вежливо добавил он.

— Она пропала,— с надрывом простонал молодой человек, подняв голову.— Ее схватили заговорщики. А я сижу в этом... притоне, вместо того чтобы броситься на ее спасение!

— Мой дорогой друг! — ласково обратился Малачи.— Все приключения начинаются весьма заурядно. Об этом позаботилась приключенческая литература. Но кто эта молодая особа?

Глаза его собеседника подозрительно сузились.

— Откуда мне знать, что вы не один из них?

Малачи указал на карточку.

— Я агент страховой компании,— весомо заметил он.— Более того, я прибыл на Мизар-2 тем же кораблем, что и вы; и эта девушка тоже, насколько я понимаю. Очевидно, служащая Бюро внеземных дел?

— Откуда вы знаете?!

— Здравый смысл,— просто объяснил Малачи.— Всякая женщина, прибывающая на Мизар-2, либо жена удачливого поселенца, либо государственный чиновник. Ваш интерес к ней ставит первый вариант под сомнение.

— Вы правы,— душераздирающим голосом признался молодой человек.— А я — Ренд Риджуэй, второй помощник на «Квесте». Если Бюро проведает о нападении на его сотрудника, наверняка разразится война.

— Хм-м,— пробормотал Малачи, дожевывая шашлык.

Ренд начал вставать, но Малачи небрежно остановил его своей тросточкой и заставил сесть, указывая на представление. Оно достигло кульминации: танцовщица исходила потом и постепенно замедляла движения в такт музыке. Каждый ее жест говорил о том, что она готова отдаться

страсти. Сотни мужчин затаили дыхание и замерли, судорожно сжав руки.

Один из них поднялся, заревел как бык и слепо двинулся к сцене. Официант сделал ему подножку, и тот зарылся носом в песок. Когда он поднялся, Грязный Джон, двигаясь весьма быстро для человека подобной комплекции, с размаху ударил его кулаком. В комнате загудели: накаленные чувства требовали разрядки. У двери завязалась драка, и все обернулись в ту сторону.

— Здравый смысл,— бодро сказал Малачи,— говорит, что когда женщины помогают сто мужчин, она не может принадлежать ни одному из них. Кроме того, я вижу, наш выход затруднен... Ну-ка,— продолжил он, вручая Ренду тяжелую тарелку, на которой ранее покоился шашлык из зара,— посмотрим, как вы умеете кидать.

Ренд недоуменно взглянул на него, пожал плечами, повернулся и запустил тарелку в дальний конец комнаты. Она разбилась о голову какого-то здоровяка. Здоровяк заревел от боли и ярости, быстро повернулся и ударил соседа; тот полетел назад, сбивая людей и столики. Вся комната молниеносно взорвалась клубком рук и ног.

Малачи спокойно поднялся, надел котелок, придавший ему бесшабашно-удалой вид, повесил на руку тросточку и вышел из-за стола. Ренд нерешительно посмотрел ему вслед, затем перевел взгляд на толпу и испуганную танцующую, и тут драка докатилась до него.

Когда он наконец, в разорванном комбинезоне, в кровоподтеках, ссадинах и песке, выполз из подрагивающего дома, то увидел беспечно ждущего Малачи, щегольски опирающегося на тросточку.

— Где вы были? — укоризненно простонал Ренд.

— Здравый смысл,— произнес Малачи,— гласит, что лучшее место во время драки — вне ее.

Ренд снова застонал, потряс головой и поднялся на ноги.

— Во имя галактики, что вы вообще здесь делаете?!

— Представляю страховую компанию,— ответил Малачи, как будто это все объясняло.

— Вы можете продать уйму полисов,— морщась от боли, проговорил Ренд,— но на Мизаре-2 вам никогда не разбогатеть. Из-за всех драк и несчастных случаев, возникающих при попытках приспособить эту паршивую планету для житья, здесь самый высокий уровень смертности.

— Я отнюдь не продавец,— заверил Малачи.— Я должен следить, чтобы наши клиенты получали за свои деньги добротный товар. А месяц назад один из них застраховал на Мизаре-2 мир и порядок.

— В таком случае готовьтесь к выплате,— мрачно посоветовал Ренд.— Поселенцы и рабочие собираются устроить переворот. Я лишь надеюсь, что «Квест» успеет отсюда улететь. Если бы мы нашли Сандру, то есть мисс Джонсон, быстро...

— Знаю,— перебил Малачи.— Но наша компания всегда обеспечивает предмет страхового договора. Если клиент болен, мы достанем лучшего врача. Мистер Гордон Браун заплатил за мир, и он его получит.

Услышав имя, Ренд удивленно поднял брови:

— Но ведь он — один из главарей заговорщиков!

Из салуна выскочил мужчина и зигзагами помчался прочь, схватившись за голову, словно опасаясь ее потерять.

— Пожалуй, следует найти более уединенное место для разговора,— предложил Малачи.— Если мы собираемся сохранить мир, нужно разработать план действий.

Маленькая луна тускло освещала очертания космопорта и неуклюжие строения вокруг него. Малачи и Ренд зашли в большую мрачную чашу возле грунтовой дороги, ведущей в ближайший поселок. Малачи снял котелок, рукавом смахнул с него пыль и аккуратно положил на землю рядом с собой. Ренд рухнул с приглушенным стоном.

— Насколько я понимаю,— начал страховой агент,— поселенцам не нравится отношение Бюро.

— Знаете, как это бывает,— сказал Ренд.— Чего только им не наобещали десять лет назад, чтобы заманить сюда!.. А что на самом деле? Тяжелая работа, отвратительное снабжение, нехватка женщин...

— Здравый смысл,— задумчиво пробормотал Малачи,— говорит, что переворот лишен смысла, если он ничего не меняет.

— А? — откликнулся Ренд.— Что вы имеете в виду?

— Если колония все еще зависит от базовой планеты, то переворот не только бесполезен, но и просто глуп.

— Вероятно, так,— согласился Ренд.— Но что делать этим беднягам? Да и, по правде говоря, мне все равно. Если бы не Сандра, я бы сейчас спокойно спал на корабле. Или ел. Жаль, что вы не прихватили этого шашлыка.

— Прихватил.— Малачи вытащил из правого кармана объемистый пакет.— Когда я сказал Грязному Джону, что собираюсь прогуляться, он сам предложил взять что-нибудь в дорогу. Очень приятный человек. И лучший повар по эту сторону Канопуса.— Малачи вздохнул.— Изумительно готовит!

— О, я вам верю! — зарычал Ренд.— Давайте же!

Ренд содрал упаковку, постанывая от нетерпения, впил-ся в мясо и вдруг замер.

— Что я делаю? — горько посетовал он.— Как могу я думать о еде, когда Сандра томится в плену, может быть, умирает от голода?!

— Даже герои и влюбленные должны питаться,— нравоучительно заметил Малачи.— О чем весьма часто забывают авторы романов.

И Ренд жадно набросился на мясо, спеша доест, прежде чем его вновь одолеют угрызения совести.

Малачи ласково смотрел на него.

— Вот узнают у меня в конторе, как я ел шашлык из зара...— проговорил он.— Кстати, что это за «зар»?

— Большое плотоядное животное, хищник,— беззаботно ответил Ренд.

Малачи вскочил и стал нервно вглядываться в кустарник.

— Не волнуйтесь,— успокоил Ренд.— Они редко нападают на людей.

— Здравый смысл,— произнес Малачи с дрожью в голосе, которую он подавил с явным трудом,— говорит, что

человек, так наслаждающийся едой, как я, лучше любого другого может понять вкусы плотоядных.

— Сейчас важнее всего,— прочавкал Ренд, взмахнув куском мяса,— решить насущные дела. Как найти и освободить Сандру?

Малачи уселся на прежнее место и кивнул.

— Во-первых, надо найти штаб-квартиру заговорщиков. Кстати, именно там, скорее всего, держат мисс Джонсон.

— Придется возвращаться на корабль за подкреплением,— заметил Ренд.

— Нет,— решительно возразил Малачи.— Если об этом узнают, война неизбежна. Бюро не допустит, чтобы известное общественности похищение осталось безнаказанным. Кроме того, подкрепление у нас есть.— Он вытащил из левого кармана большую флягу.— Еще один дар Грязного Джона.

Фляжка несколько раз перешла из рук в руки, прежде чем что-нибудь было сказано.

— Тсс-с,— прошипел Малачи.— Слышите?

— Только вас,— ответил Ренд.

Вскоре ясно стали слышны приглушенные шаги.

— Кто,— прошептал Малачи,— может красться по дороге глухой ночью?

Ренд пожал плечами и вдруг побледнел.

— Заговорщики! — сообразил он.— Должно быть, собираются на тайную встречу.

Малачи кивнул.

— Во всех историях,— горячо зашептал Ренд,— одного из них захватывают и развязывают ему язык.

Малачи покачал головой и коротко перечислил свои возражения:

— Слишком долго, слишком шумно, незтично.

— Сейчас ли беспокоиться об этике! — возмутился Ренд.

Малачи поднялся, тщательно стряхнул с себя пыль, надел котелок, повесил на руку тросточку и жестом подозвал молодого человека.

— Здравый смысл,— прошептал он ему прямо в ухо,— говорит, что, если вы не знаете, куда надо идти, и не хотите спрашивать, лучше всего следовать за тем, кто это знает.

Так они и сделали.

— Долго ли еще? — взмолился Ренд.

Они шли уже около часа.

— Тсс-с,— прошипел Малачи.— Нас могут обнаружить!

— У меня болят ноги,— капризно пожаловался молодой человек.— В приключенческих романах...

Малачи молча вручил ему фляжку.

— Говорят, алкоголь помогает от ран,— проурчал Ренд.

— Если бы я знал, что вы так серьезно относитесь к медицине,— посетовал страховой агент,— то остался бы у Грязного Джона. На каждый мой глоток вы делаете три...— Малачи вдруг замолчал и склонил голову набок.— Слышите? — прошептал он.

— Не слышу,— честно признался молодой человек.

— Я тоже. Впереди нас никого нет.

— Ну и хорошо.

Ренд сел на обочину, снял левый ботинок и вытряс из него большой камень и несколько фунтов песка.

— Они, наверное, где-то свернули,— задумчиво предположил Малачи.

Громкий рев расколол ночную тишину.

— Что это? — с опаской поинтересовался Малачи.

— Зар,— небрежно бросил Ренд, вытряхивая правый ботинок.

— Поторопитесь. Надо вернуться по нашим следам.

Они прошли несколько сотен ярдов, когда Ренд вдруг ойкнул.

— Что случилось? — спросил Малачи.

— Ступать больно,— пожаловался молодой человек.— Я забыл ботинки.

Малачи вздохнул:

— Ладно, идите за ними.

Пятнадцать минут стояла полная тишина, прерываемая лишь рычанием зара.

— Ренд! — окликнул Малачи.

— Да! — донесся отчаянный голос.— Не могу найти!

— Тогда идите без них,— раздраженно велел Малачи.— Или будем ждать рассвета?

Проклятья и жалобы отметили продвижение Ренда по дороге.

— Героизм,— простонал он, добредя до Малачи,— вовсе не так привлекателен, каким его преподносят.

— Да, прелести героизма сильно преувеличены,— согласился Малачи.— Где-то здесь должна быть тропинка, которую мы проглядели. Вы смотрите по ту сторону дороги, а я буду смотреть по эту.

Вскоре трость Малачи нащупала проход в поредевшем кустарнике. В кромешной тьме мерцал вдали слабый огонек. Но едва путники свернули на тропинку, как Ренд громко вскрикнул и, схватившись за ногу, упал.

— Это ловушка,— судорожно проговорил он.— В землю вкопаны ножи. Вероятно, отравленные. Бросьте меня, Малачи, идите сами, ворвитесь в их гнездо, спасите Сандру и сохраните мир. У меня лишь одна просьба: скажите ей... я любил ее...

Малачи тем временем осмотрел босую ногу товарища, сделал что-то пальцами, и Ренд мученически застонал.

— Вот.— Малачи протянул ладонь.— Вот ваш отравленный нож.

— Это колючка,— недоверчиво произнес Ренд.

— Здравый смысл,— печально заключил Малачи,— говорит, что герой без ботинок хуже, чем герой без мозгов. Вставайте, нас ждут великие дела.

Несколько сотен ярдов они прошли без приключений. Затем молодой человек внезапно остановился и сжал руку Малачи.

— А охрана? — прошептал он.— Они наверняка выставили охрану!

— Зачем? — изумился Малачи.— Кого им остерегаться на Мизаре-2?

— Ну,— смущенно промямлил Ренд,— мало ли...

— Хотя, возможно, у дверей кто-нибудь стоит, чтобы не приходили незваные гости,— признал Малачи.— Пожалуй, нам лучше произвести разведку. Этот огонек уже недалеко.

Они сошли с тропинки и в полной темноте стали пробираться по бурелому. Неожиданно Ренд натолкнулся на каменную стену и следующие десять минут тихо, но изощренно ругался, потирая ушибленные колено и лоб.

— Хорошая стена,— уважительно произнес Малачи.— Я еле достаю тростью до ее верха. И там, кажется, торчит что-то острое.

— Становитесь мне на плечи,— решительно выпалил Ренд.— Я вас перекину.

Малачи пораженно уставился на него:

— С чего это я полезу на стену?

— Как же иначе нам туда попасть? — нетерпеливо воскликнул Ренд.— А что вы собираетесь делать — идти к передней двери, постучать, представиться и осведомиться, не угодно ли им что-нибудь застраховать?!

— Именно,— подтвердил Малачи.— Здравый смысл подсказывает, что лучший путь в дом лежит через дверь.

— Возможно, вы сумасшедший,— покачал головой Ренд.— Но я — нет!

Он начал рвать на куски свой уже подранный комбинезон и обматывать материей, словно бинтами, руки. Даже в милосердно тусклом свете заходящей луны он представлял собой поистине ужасное зрелище — черные кровоточащие ноги, едва прикрытые в верхней части какими-то лохмотьями, исцарапанная и перепачканная обнаженная грудь... Но решимость сквозила в каждом его движении, и в глазах горела отвага.

— Пожелайте мне удачи,— наконец прошептал он.

— Удачи,— лаконично отозвался Малачи.

Ренд подпрыгнул, схватился за край изгороди и медленно подтянулся. С многочисленными восклицаниями боли и мучения он ухитрился перекинуть свое тело и тяжело свалился по другую сторону стены.

Малачи Джонс стряхнул воображаемую пыль с одежды, поправил котелок и, тихо насвистывая, направился к дому.

В ночи гулко разнесся требовательный стук. Наконец дверь распахнулась, и на пороге возник привыкшийся здоровяк с угрюмым выражением лица.

— А это еще кто такой? — зарычал он.

Малачи церемонно протянул визитную карточку.

— Малачи Джонс,— с достоинством объявил он.— Представитель компании «Лунные властители. Мы стра-хуем все!».

Пока здоровяк пораженно разглядывал визитную карточ-ку, Малачи проскользнул мимо него.

— Так где встреча? — невзначай бросил он.

— Вверх по лестнице...— машинально ответил здоровяк и вдруг опомнился: — Куда?!

Он схватил Малачи за воротник и, как терьер крысу, поднял в воздух. Его выпученные, налитые кровью глаза вперились в невинные голубые глаза страхового агента.

— Я по делу,— как можно более авторитетно заявил Ма-лачи.

— По делу, по делу,— заревел бугай, тряся Малачи, пока с того не упал котелок.— Все твои дела снаружи!

Он размахнулся, как будто собираясь вышвырнуть по-сетителя за дверь.

Трость Малачи с гулким звуком пришла в соприкос-новение с черепом здоровяка. Потом Малачи поднялся, поправил одежду, заботливо почистил котелок и пере-шагнул через тело, загораживающее лестницу. Наверху он на секунду остановился, подошел к двери, из-за ко-торой доносились приглушенные голоса, и уверенно рас-пахнул ее.

— Кого там принесло, Пит?

Затем комната взорвалась криками, в которых преобла-дали требования удостоверить личность, вопросы проис-хождения и родства, а также указания избавиться от наг-леца. Постепенно к Малачи, ослепленному ярким светом, возвратилось зрение, и сквозь табачный дым он разглядел группу сердитых мужчин, расположившихся вокруг боль-шого стола.

— А, сопло тебе в дышло! — воскликнул кто-то.— Я знаю этого парня.

Малачи установил владельца голоса. Это был Грязный Джон.

— Дайте ему сказать,— продолжал Грязный Джон.— И если кто-нибудь поднимет на него руку, я сварю этого грешника на обед!

— Господа,— начал Малачи, выступая вперед,— я являюсь представителем страховой компании «Лунные власти», немало заинтересованной, кстати, в обсуждаемой здесь проблеме.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы хотим во что бы то ни стало сохранить на вашей планете мир и порядок.

— Как это мило с вашей стороны,— язвительно вставил кто-то.

Малачи повернулся в сторону говорящего и твердо кивнул:

— Уверяю вас, сэр. Для вас, возможно, это вопрос жизни и смерти, но для компании — вопрос долларов и центов.

Тот же человек, крупного телосложения мужчина, гневно воззвал к окружающим:

— Стоит ли обращать внимание на каких-то «Властителей»? Никто нам не поможет, кроме нас самих.

— Оба утверждения лживы,— отчеканил Малачи.— Вы, насколько я понимаю, мистер Гордон Браун?

Удивление, отразившееся на лице мужчины, явилось доказательством правильности догадки. Малачи повернулся к собранию:

— Мистер Браун, смею вас заверить, обращает внимание на «Властителей», так как застраховал у нас мир и порядок и получит десять миллионов долларов, если произойдет переворот. Что касается второго его утверждения, то компания готова оказать вам любую помощь.

В комнате наступила тишина. Некоторые холодно смотрели на Брауна. Наконец Грязный Джон кашлянул.

— Каково ваше предложение?

— Господа, здравый смысл говорит, что людям, внимательно прислушивающимся к голосу разума, редко не удастся найти приемлемое решение...

Через пятнадцать минут раздался шум, и в комнату приволокли еще более расцарапанного, побитого и несчастного Ренда.

— Этот бродяга ошивался возле дома,— доложил один из притащивших его мужчин.

— Он со мной,— извинился Малачи.— Большой романтик.

Ренда отпустили, и он тут же бесчувственной кучей свалился у стены, рядом с другой кучей, в сознании именовавшей себя Гордоном Брауном. Когда Ренд очнулся, Малачи наносил, что называется, последние штрихи.

— Но откуда мы знаем, что ваша компания действительно нам поможет? — спросил Грязный Джон.

— Господа! — воскликнул Малачи.— Репутация «Лунных властителей» говорит сама за себя.— Его глаза подернулись мечтательной поволокой.— Однажды, помню, мы сохранили империю, застраховав и обеспечив рождение наследника.

— Но это так... так...

— Просто? — подсказал Малачи.— Конечно. Здравый смысл гласит, что простейшее решение — самое лучшее решение.

Грязный Джон нерешительно оглядел своих единомышленников.

— Не знаю...— начал он, и тут Малачи прошептал ему что-то на ухо.

Выражение растерянности и ужаса отразилось на лице искусного кулинару. Он несколько раз быстро мигнул, а страховой агент подошел к вставшему на ноги Ренду.

— Вероятно, вы правы,— торопливо закончил Грязный Джон.

— Что вы ему сказали? — тихо спросил Ренд.

— Пригрозил сообщить всем, что танцовщица — его жена.

— Как вы узнали? — изумился молодой человек.

— А я и не узнавал,— ответил Малачи.— Просто здравый смысл...

— Хорошо, хорошо,— перебил Ренд.— Верю.

Постепенно, с сомнениями и раздумьями, заговорщики стали соглашаться.

— По крайней мере, попробуем,— рассудил один из них.— Что мы теряем?

Малачи воспользовался моментом, придвинулся к столу и достал ручку и бумагу.

— Если вы, господа, подпишете этот документ...

Один за другим они ставили свои подписи. Малачи по очереди пожал всем руки и поздравил с мудрым решением. Затем аккуратно сложил бумагу, убрал ее в карман, взял котелок и тросточку и направился к двери.

— Малачи! — жалобно воззвал Ренд.— А как же Сандра?

— Ах да,— спохватился страхового агент и повернулся.— По-моему, вы держите где-то здесь молодую женщину, мисс Джонсон. Мне кажется, лучше ее выпустить.

Бывшие заговорщики нерешительно переглянулись.

— Наш маленький приятель прав,— заявил Грязный Джон.

Когда Сандру ввели в комнату, она бросилась в объятия Ренда, издавая воркующие звуки и причитая над его пострадавшим телом, и предприняла попытки залечить царапины губами. Ренд, однако, решил, что для ее губ можно найти лучшее применение, и для этой цели эффективно использовал свои.

— Вся эта романтика и прочие сентиментальные бредни,— сухо произнес Малачи,— видимо, имеют свои привлекательные черты, но, с другой стороны, молодой человек не понимает толка в еде... Между прочим, Грязный Джон, не хотите отправиться со мной на Луну в качестве повара?

Грязный Джон с улыбкой покачал головой:

— Я дам вам рецепт. И даже подброшу замороженного зара.

Малачи облизал губы:

— Отлично!

Он снова повернулся к двери, пропустив вперед счастливую пару, и брезгливо пошевелил ногой кучу у стены.

— А этого типа доставьте в порт,— попросил он.— Мы привлечем его к суду за попытку мошенничества.

Уже снаружи Ренд смущенно обратился к Малачи:

— Как вы заставили их согласиться?

— Очень просто, мой мальчик,— ответил Малачи, поправляя котелок и небрежно вертя тросточкой.— Я гарантировал, что Мизар-2 будет исправно получать все необходимое. Здравый смысл говорит, что если причина волнений заключается в страхе оказаться отрезанным от источника снабжения, то сохранить мир поможет страховка всех припасов.

— О! — сказал Ренд и переключил свое внимание на другой объект ночных приключений.

— Здравый смысл...— снова начал Малачи.

Но, как и многие другие слова, его речь осталась неиспользованной.

НЕДЕЛЯ УЖАСОВ

— Хочешь, у тебя что-нибудь пропадет? — спросил свою маму Кларенс Уиллоби.

— Разве что раковина с грязной посудой... А как ты это сделаешь?

— Я построил «Исчезатель». Это совсем не трудно. Вырезаешь оба донца у жестянки от пива. Потом берешь два куска красного картона с дырочкой посерединке, приделываешь их к банке сверху и снизу. Смотришь в дырочку и мигаешь. И на что наведешь — исчезнет.

— Да ну?

— Только вот как сделать, чтобы это вернулось, я не очень-то знаю. Поэтому давай лучше попробуем на чем-нибудь еще. Посуда ведь денег стоит.

Мира Уиллоби лишний раз восхитилась умом своего девятилетнего сына. Какое благоразумие! Ей всю жизнь этого не хватало.

— А что, если попробовать на кошке Бланш Мэннерз? Вон она гуляет на улице. Кому она нужна, кроме хозяйки?

— Правильно.

Мальчик поднес свой «Исчезатель» к глазу и мигнул. Кошка исчезла с тротуара. Мать изумилась:

— Как это получается? Ты сам-то хоть знаешь?

— Конечно. Берешь жестянку, вырезаешь оба донца, приделываешь два куска картона. Потом мигаешь.

— Ну, Бог с ним. Забирай эту штуку и играй с ней на улице. А здесь смотри ничего не трогай. Дай мне подумать обо всем хорошенько.

Когда миссис Уиллоби осталась одна, ею овладели самые противоречивые чувства.

— Нет, положительно он вундеркинд. Ведь сколько есть взрослых, которые понятия не имеют о том, как сделать действующий «Исчезатель»! А Бланш Мэннерз, наверно, уж как-нибудь обойдется без кошки.

Кларенс остановился на углу у пивной «Позолоченный кран».

— Хотите, Нокомис, у вас что-нибудь пропадет?

— Нет, вот разве мое пузо.

— Но если оно пропадет насовсем, в вас будет дырка и вы истечете кровью.

— И то верно. Испробуй-ка лучше на пожарном кране.

Для всей округи наступил небывалый день. Из соседних кварталов сбежались дети; они играли на залитых водой улицах и в переполненных канавах, и если кто-нибудь утонул (а мы не утверждаем этого наверняка) в потоках воды (настоящее наводнение!), то немудрено. Пожарные машины (где это видано, чтоб их вызывали откачивать воду!) заливало выше колес. Повсюду сновали санитары и полицейские, мокрые до нитки и растерянные.

— Живая и мертвая вода! Кого побрызгать?! Кого побрызгать?! — выкрикала Кларисса Уиллоби.

— Да заткнись ты! — цыкали на нее санитары.

Бармен Нокомис из «Позолоченного крана» отозвал Кларенса в сторонку.

— Про этот твой фокус я никому ни гугу, так и знай, — сказал он.

— Вы не скажете, так и я не скажу, — отвечал Кларенс. Но полицейский Комсток что-то пронюхал.

— Тут должно быть какое-то объяснение — одно из семи. Это сделал кто-то из семи маленьких Уиллоби. Как — я не знаю. Даже если бульдозером этот кран своротить, и то от него что-нибудь останется. А все-таки это они, кто-то из них.

У полицейского Комстока был редкий нюх на темные дела. Вот он и разгуливал здесь в доках, на окраине, а не сидел начальником где-нибудь в центре города.

— Кларисса! — грозно окликнул ее полицейский Комсток.

— Живая и мертвая вода! А ну, кого побрызгать!.. — не унималась девочка.

— Известно тебе, что случилось с этим краном? — спросил ее полицейский.

— По-моему, здесь какое-то колдовство. Больше я пока ничего не знаю. Когда узнаю поточнее — скажу.

Клариссе было восемь лет, и ей повсюду чудилось колдовство.

— Гарольд, Клементина, Коринна, Джимми, Кирилл! — вызвал Комсток пятерых младших Уиллоби. — Известно вам, что случилось с этим краном?

— Тут вчера ходил один дяденька. Верно, он и стащил, — предположила Клементина.

— Да не было здесь никакого крана. Зря только шум подняли, — заметил Гарольд.

— Это дело будут слушать в ратуше, — сказала Коринна.

— Ну и пусть слушают, — отозвался Джимми. — А я не скажу!

— Ки-ри-лл!.. — взревел страшным голосом полицейский Комсток. Вышло действительно страшно. Он ведь и сам был напуган.

— Эники-беники! — сказал Кирилл. — Мне всего три года. Какой с меня спрос!

— Кларенс! — произнес Комсток.

Кларенс сглотнул слюну.

— Известно тебе, куда девался пожарный кран?

Кларенс так и просиял:

— Что вы, сэр! Понятия не имею.

Тут явилась группа ребят из водопроводной сети; они в мгновение ока отключили воду во всем районе и забили трубу.

— Доложишь об этом — ведь засмеют! — бросил один из них.

Полицейский Комсток ушел совсем расстроенный.

— Право, сейчас не до вашей кошки, мисс Мэннерз, — сказал он. — Ну откуда мне знать, где она? Тут пожарный кран пропал, а вы с кошкой!

— А по-моему, если отыщется кошка, пожарный кран тоже найдется, — вмешалась Кларисса. — Так мне, по крайней мере, кажется.

Оззи Марфи носил на макушке ермолку. Кларенс нацелил на нее «Исчезатель» и мигнул. Ермолки как не бывало, а по затылку Оззи потекла струйка крови.

— Я б на твоём месте кончил эту игру, — сказал Нокс-мис.

— Какую «игру»? — возмутился Кларенс. — Это же все-рьез!

Так началась неделя ужасов в доселе ничем не приметном районе. Со сквериков пропадали деревья; фонарные столбы исчезали с привычных мест. Уолли Уолдорф подкатил к воротам, вышел из машины, захлопнул дверцу — и машины как не бывало. Джордж Маллендорф шел по дорожке к дому; навстречу ему кинулся его пес Дружок и хотел лизнуть хозяина в лицо. Но едва пес подпрыгнул, как случилось невероятное: Дружок исчез, только еще минуту в удивленном воздухе звенел его лай. Но хуже всего обстояло дело с пожарными кранами. Наутро после пропажи первого крана был установлен новый. Через восемь минут он бесследно исчез, и опять началось наводнение. К полудню появился третий кран. Этот исчез в три минуты. Наутро поставили четвертый.

К месту происшествия прибыли: уполномоченный по водоснабжению, городской инженер, начальник полиции

с группой охраны общественного порядка, глава общества по борьбе с детской преступностью, ректор университета, мэр города, три господина из ФБР, фоторепортер из хроники, несколько видных ученых и толпа самых благонадежных горожан.

— Пусть теперь попробуют украсть кран,— сказал городской инженер.

— Пусть попробуют,— подхватил начальник полиции.

— Пусть по... Все! Уже! — только и успел произнести один из видных ученых.

Кран сгинул; все стояли мокрые как мыши.

— Во всяком случае, я получил сногшибательный кадр,— объявил фоторепортер.

Но тут же у всех на глазах исчез его аппарат со всеми принадлежностями.

— Отключите воду и перекройте трубу,— приказал уполномоченный по водоснабжению.— Нового крана не будет. На складе больше нет.

— Зарезали без ножа! — вскричал мэр.— Неужто и у Тэсса нет?!

— У Тэсса есть,— сказал маленький толстячок.— Я — Тэсс.

— Прошу всех в «Позолоченный кран», джентльмены,— сказал Нокомис.— Приглашаю вас отведать наш новый коктейль «Игра с огнем», и, ручаюсь, ваше настроение исправится. Напиток мы готовим из лучшей маисовой водки и жженого сахара, а воду берем из этой канавы. Вы первые попробуете наш коктейль.

«Позолоченный кран» процветал. Ведь как раз напротив его дверей пропадали краны и фонтанировала вода.

— Я придумала, как нам разбогатеть,— сказала через несколько дней маленькая Кларисса своему отцу, Тому Уиллоби.— Тут все говорят, что готовы хоть завтра продать за бесценок свои дома и перебраться в другой район. Так вот, достань побольше денег и купи все дома. Потом ты их продашь и станешь богачом.

— Я бы не дал за них и гроша. Три дома уже провалились в тартарары, и все, кроме нас, вынесли мебель во двор. Не ровен час, завтра тут будет пустырь.

— Вот и купи этот пустырь. И жди, когда вернутся дома.
— Дома?.. А они что же, вернутся?! Кажется, вы что-то знаете, милая барышня.
— По-моему, я почти догадалась. Только пока не скажу больше ни слова.

В роскошных, но неприбранных комнатах, где мог бы жить какой-нибудь запойный султан, собрались трое видных ученых.

— Мы столкнулись с явлением трансцендентного ряда. Оно опровергает мысль о квантовании пространства. И в некотором роде перечеркивает Боффа,— сказал профессор Великоф Вонк.

— Всякая прерывность непрерывного для нас трансцендентна,— заметил Арпад Аркабаранан.

— Да,— откликнулся Уилли Магкилли.— Подумать только, оказывается, нужна-то всего простая жестянка из-под пива и два кусочка картона. Мы в детстве брали для этого коробку от толокна и красную крайолу.

— Порой мне трудно уловить вашу мысль,— укоризненно произнес профессор Вонк.— Пожалуйста, говорите понятнее.

Люди как таковые не пропадали и не получали увечий, если не считать царапины на макушке Оззи Марфи и на мочках Кончиты, у которой прямо из ушей испарились безвкусные подвески, да еще оторванного или поврежденного пальца на руке одного из соседей (только взялся за ручку двери — глядь, а дома-то нет) и кончика ноги соседского мальчишки (этот бил по консервной банке, а банки и след простыл); всего было пролито с пол-литра крови и потерян неполный килограмм мяса.

Но тут на глазах у покупателей растворился в воздухе бакалейщик, мистер Бекл. Это были уже не шутки.

На квартиру к Уиллоби из центра города явились несколько замученных сыщиков. Самый замученный оказался

мэром. В былые дни он выглядел куда лучше, но ведь все эти страсти продолжались уже с неделю.

— Ходят нехорошие слухи, что семья ваша причастна к происходящему,— начал один из сыщиков.— Кто может нам что-нибудь сообщить?

— Я заварила эту кашу,— сказала Кларисса.— Только что тут такого нехорошего? Просто капельку таинственно. Но если вы хотите знать, в чем дело, допросите меня.

— Так это твоих рук дело? — спросил сыщик.

— Ну, так не допрашивают! — сказала Кларисса.

— Куда все это подевалось? — продолжал сыщик.

— И так тоже,— упорствовала девочка.

— Можешь ты все это вернуть?

— Конечно. Всякий может. Вы разве не можете?

— Не могу. А если ты можешь — возврати немедленно.

— Но для этого кое-что нужно. Дайте мне золотые часы и молоток. Потом сходите в аптеку и принесите лекарства. Еще мне нужен ярд черного бархата и фунт леденцов.

— Как, пойдет? — спросил один из сыщиков.

— Пойдет,— сказал мэр.— Что мы тут можем поделать? Дайте ей все, что она просит.

И ей принесли все, что она потребовала.

— Чего она лезет? — рассердился Кларенс.— Я один все устроил. И совсем она не знает, как возвратить пропавшее.

— Нет, знаю! — возмутилась Кларисса.— Да, это он все устроил. Но ведь как делать «Исчезатель», он прочел в моем дневнике. Будь он моим сыном, я б его высекла за то — не читай дневник своей младшей сестры. Вот что бывает, когда подобные вещи попадают в ненадежные руки!

Она положила на пол золотые часы мэра и нацелилась молотком:

— Надо чуточку обождать. Спешить нельзя. Еще не настало время.

Секундная стрелка обегала циферблат, и наступило мгновение, которому издревле был отведен свой черед. Кларисса с размаху ударила молотком по дорогим часам.

— Вот и все,— сказала она.— Конец вашим бедам. Смотрите, вон кошка Бланш Мэннерз гуляет там же, где неделю назад.

И действительно, по тротуару снова брела кошка.

— Теперь пойдемте к пивной и поглядим, как появится пожарный кран.

Ждать пришлось всего несколько минут. Кран возник неизвестно откуда и с лязгом занял свое место на улице — вот, мол, я здесь.

— Теперь слушайте! — вещала Кларисса.— Все, что исчезло, объявится вновь, едва минет семь суток со дня пропажи!

Так настал конец неделе ужасов. Вещи возвращались одна за другой.

— Как ты узнала, что они вернутся спустя неделю? — спросил девочку мэр.

— Так ведь Кларенс построил семидневный «Исчезатель». А можно построить девятидневный, тринадцати-дневный, двадцатисемидневный и даже одиннадцатилетний. Я хотела построить тринадцатидневный «Исчезатель», но для этого надо смазать картон кровью, взятой из сердца маленького мальчика, а Кирилл всякий раз поднимал вой, когда я пробовала сделать в нем дырочку.

— Неужели ты все это умеешь?

— Ну конечно. Только меня в дрожь бросает, как подумаю, что все это может попасть в неопытные руки.

— Меня тоже, Кларисса. А теперь скажи, для чего тебе понадобились лекарства?

— Варить снадобья.

— А черный бархат?

— Шить платья куклам.

— Ну а фунт леденцов?

— И как вы стали нашим мэром, когда не знаете таких вещей! Для чего мне сладости, как по-вашему?

— И последнее,— сказал мэр.— Зачем ты разбила мои золотые часы?

— А это чтоб было пострашнее,— ответила девочка.

ЧЕСТНОСТЬ — ЛУЧШАЯ ПОЛИТИКА

Тагобар Ларнимискулюс Верф, Боргакс Фенигвиснока. Длинное имя и важный титул, достойные уважения и восхищения. Титул этот значил примерно «Верховный Шериф, Адмирал Фенигвиснока», а Фенигвиснок был богатой и влиятельной планетой в Империи Дэл. Титул и имя выглядели внушительно на документах, а документов подписывать нужно было множество.

Сам Тагобар мог служить превосходным образчиком своей породы, воплощавшей силу и гордость. Как у черепах на Земле, у него был и наружный и внутренний скелет, хотя на этом сходство с черепахами заканчивалось. Внешне он походил на человека: нечто среднее между средневековым рыцарем в латах и коренастым регбистом, одетым для выхода на поле. Цвет у него был как у хорошо сваренного рака и на суставах наружного скелета переходил в густой багрянец. Одежда состояла только из коротенькой юбочки, расшитой причудливыми узорами и усыпанной сверкающими драгоценными камнями. Эмблема сана была выгравирована золотом на переднем и заднем панцирях — чтобы безошибочно узнавать адмирала и когда он входит, и когда выходит.

Словом, довольно внушительная личность, несмотря на рост всего пять футов два дюйма.

Как командир собственного звездолета «Верф», Тагобар должен был разыскивать и исследовать планеты, подходящие для колонизации народом дэл. И, примерный офицер, усердно занимался этим уже долгие годы, в точности следуя Общей Инструкции.

Дело стоило того. В свое время он нашел несколько неплохих планет, а эта была самым лакомым кусочком из всех.

Глядя на увеличительный экран, он удовлетворенно потер руки. Корабль плавно вращался по орбите высоко над новооткрытой планетой, экран был наведен на местность внизу. Никогда еще дэлы не посещали эту часть Галактики, и найти такую жемчужину практически сразу — огромная удача.

— Великолепная планета! — воскликнул Тагобар. — Восхитительная планета! Смотрите, какая зелень! А синева морей!.. — Он повернулся к лейтенанту Пельквешу: — Как ты думаешь? Разве не чудесно?

— Конечно, чудесно, Ваше Великолепие! — ответил Пельквеш. — Вы за нее получите еще одну награду.

Тагобар начал что-то говорить, но неожиданно осекся. Его руки рванулись к рычагам управления и вцепились в переключатели; мощные двигатели взревели от перегрузки, когда корабль повис неподвижно относительно планеты внизу. Пейзаж на увеличительном экране застыл.

Адмирал подрегулировал увеличение, и изображение начало расти.

— Вот!.. Пельквеш, что это такое?

Вопрос был чисто риторическим. Изображение, заслоняемое колеблющимися течениями в двухстах милях атмосферы, едва мерцало на экране, но нельзя было сомневаться в том, что это какой-то город.

— Чума его возьми! — проворчал Тагобар. — Планета занята. Города строят только разумные существа.

— Именно, — согласился лейтенант.

Оба они не знали, что делать. Лишь несколько раз за всю долгую историю дэлов были обнаружены разумные существа, но под владычеством Империи они постепенно

вымерли. Ни одна из этих рас, кстати, и не была особенно разумной.

— Придется запросить Общую Инструкцию,— сказал наконец Тагобар. Он перешел к другому экрану, включил его и начал набирать цифры кода.

Глубоко в недрах корабля медленно пробудился к жизни робот Общей Инструкции. В его обширной памяти хранились десять тысяч лет копившиеся и классифицировавшиеся факты. Десять тысяч лет опыта Империи, десять тысяч лет окончательных решений по каждому вопросу. Это было больше чем энциклопедия — это был образ жизни.

Робот по самым строгим правилам логики проверял свою память, пока не нашел ответ на запрос Тагобара; тогда он передал данные на экран.

— Гм-м,— произнес Тагобар.— Да. Общая Инструкция 333 953 216А, глава ММСМХІХ, параграф 402. «После обнаружения разумной или полумразумной жизни взять для изучения случайно выбранный образец. Избегать других контактов, пока образец не будет исследован согласно Психологической Директиве 659 В, раздел 888 077д, под руководством Главного психолога. Данные сверить с Общей Инструкцией. Если нечаянный контакт уже произошел, справиться в ОИ 472 678 R S, глава МММССХ, параграф 553. Образцы следует брать в соответствии...»

Он дочитал Общую Инструкцию и повернулся к лейтенанту:

— Пельквеш, готовьте вспомогательную лодку. Полетим за образцом. Я уведомя психолога Зендоплита, чтобы он приготовился.

Эд Магрудер глубоко вдохнул весенний воздух и закрыл глаза. Воздух был прекрасен, пропитан пряными ароматами и сочными запахами, хотя и чуждыми, но казавшимися почему-то родными — даже более родными, чем земные.

Город еще не спал, однако темнота наступала быстро. Эд любил вечерние прогулки, хотя бродить в полях после сумерек на Нью-Гавайи было до сих пор опасно. Здесь водились маленькие ночные твари, бесшумно порхающие

в воздухе и кусающие без предупреждения; водились и хищники покрупнее. Эд направился обратно к городку Нью-Хило, построенному на месте, где человек впервые ступил на новую планету.

Магрудер был биологом. За последние десять лет он обшарил с полдюжины миров, собирая образцы, тщательно анатомируя их и занося результаты в записные книжки. Медленно, звено за звеном составлял он схему — схему самой Жизни. У него было много предшественников, вплоть до Карла Линнея, но никто из них не понимал, чего не хватает. Естественно, им не с чем было сравнивать и сопоставлять результаты своих исследований, ведь земная жизнь в конечном счете однородна.

Из всех планет, какие Магрудер видел, Нью-Гавайи нравились ему особенно сильно. Это была единственная планета, кроме Земли, где человек мог ходить без всяких защитных одеяний,— по крайней мере, единственная из до сих пор открытых.

Эд услышал над головой слабый свист и взглянул вверх. Для ночных тварей еще рановато.

И тут он увидел, что это вовсе не ночная тварь, а какой-то шар вроде металлического, причем...

На поверхности шара вспыхнуло зеленоватое сияние, и для Эда Магрудера все исчезло.

Тагобар Верф бесстрастно смотрел, как лейтенант Пельквеш вносит бесчувственный образец в биологическое испытательное отделение. Образец был странного вида, настоящая пародия на живое существо: с мягкой кожей, вроде слизняка, розовато-смуглого цвета, с отвратительными плеснеподобными разрастаниями на голове и в других местах.

Биологи приняли образец, началась работа. Они взяли для исследования кусочки его кожи, немного крови, сняли показания электрических приборов с его мышц и нервов.

Зендоплит, Главный психолог, стоял рядом с командиром и наблюдал.

Для биологов это была Стандартная Процедура; они работали так же, как и со всяким другим поступавшим к ним образцом. Но перед Зендоплитом стояла задача посложнее — ему предстояло работать с мозгом разумного существа.

Впрочем, он не волновался: в Руководстве записано все. Тревожиться было не о чем.

Как и со всеми прочими образцами, следовало расшифровать Основную Схему Реакций. Каждый данный организм способен реагировать только определенным, очень большим, но ограниченным количеством способов, и эти способы можно свести к Основной Схеме. Чтобы уничтожить какую-нибудь породу существ, нужно лишь определить их Основную Схему и задать им задачу, которую они по этой схеме решить не смогут. Все очень просто, и все записано в Руководстве.

Тагобар повернулся к Зендоплиту:

— Вы действительно думаете, что он в состоянии научиться нашему языку?

— Зачаткам его, Ваше Великолепие,— ответил психолог.— Наш язык, в конце концов, очень сложен. Конечно, мы попытаемся обучить его по полной программе, хотя сомневаюсь, чтобы он мог усвоить значительную часть. Язык основан на логике, как основана на логике сама мысль. Некоторые из низших животных способны к зачаточной логике, однако большинство...

— Хорошо, делайте, что в ваших силах. Я лично допрошу его.

Зендоплит удивился:

— Но, Ваше Великолепие, все вопросы подробно записаны в Руководстве!

Тагобар Верф нахмурился:

— Я умею читать не хуже вас. Так как это первый образец полуразумной жизни, обнаруженный за последнюю тысячу лет, то, полагая, допрос должен проводить сам командир.

— Как вам угодно, Ваше Великолепие,— согласился Зендоплит.

Когда психологи закончили работать с Эдом Магрудером, его поместили в Языковой Бункер. На глаза ему установили световые прожекторы, сфокусированные на сетчатке, впрыснули в кровь специальную сыворотку, в уши вставили акустические устройства, к телу прикрепили различные электроды, на череп наложили тонкую проволочную сеть. Все это было сделано безукоризненно точно. Потом бункер закрыли, и был включен рубильник.

Магрудер смутно ощутил, что всплывает откуда-то из темноты. Вокруг него двигались странные омарообразные существа, а в уши ему нашептывались и набулькивались какие-то звуки.

Постепенно он начал понимать — его учили ассоциировать звуки с предметами и действиями.

Эд Магрудер сидел в маленькой комнатке, размером четыре на шесть футов, сидел голый как червь и смотрел сквозь прозрачную стену на шестерку чужаков, которых так часто видел в последнее время.

Он не имел никакого понятия о том, долго ли его учили языку; все было как в тумане.

«Ну вот,— подумал Магрудер,— я набрал немало хороших образцов, а теперь сам попал в образцы».

Он вспомнил о том, как поступал со своими образцами, и слегка вздрогнул.

«Ну да ладно, попался так попался. Остается только показать им, как нужно себя вести: сжать губы, выше голову, и все такое».

Одно из существ подошло к панели управления и нажало какую-то кнопку. Тотчас же Магрудеру стали слышны звуки из комнаты по ту сторону прозрачной стены.

Тагобар Верф взглянул на образец, потом на листок с вопросами у себя в руке.

— Психологи обучили вас нашему языку, не так ли? — холодно спросил он.

Образец заболтал головой вверх и вниз:

— Да. По принципу принудительного кормления.

— Очень хорошо. Я должен задать вам несколько вопросов; вы будете отвечать на них правду.

— Ну разумеется,— любезно согласился Магрудер.— Валийте.

— Мы можем узнать, когда вы лжете,— продолжал Тагобар.— Вам придется плохо, если вы будете говорить неправду. Так вот, как ваше имя?

— Теофилус К. Гассенпфеддер,— вкрадчиво произнес Магрудер.

Зендоплит взглянул на задрожавшую стрелку прибора и медленно покачал головой.

— Это ложь,— сказал Тагобар.

Образец кивнул:

— Ну конечно. Славная у вас машинка!

— Хорошо, что вы признаете высокие качества нашей аппаратуры,— мрачно произнес Тагобар.— Ну, так как же вас зовут?

— Эдвин Питер Сент-Джон Магрудер.

Психолог Зендоплит, следивший за стрелкой, кивнул.

— Прекрасно! — произнес Тагобар.— Итак, Эдвин...

— Эда будет достаточно,— сказал Магрудер.

Тагобар удивился:

— Достаточно — для чего?

— Чтобы называть меня.

Командир обернулся к психологу и пробормотал что-то. Зендоплит ответил тоже бормотанием. Тагобар снова обратился к образцу:

— Ваше имя Эд?

— Строго говоря, нет,— ответил Магрудер.

— Тогда почему мы должны называть вас так?

— Почему бы и нет? Другие называют,— пожал плечами Магрудер.

Тагобар вновь посоветовался с Зендоплитом и сказал:

— Хорошо, вернемся к этому вопросу позже. Итак... гм... Эд, как вы называете свою родную планету?

— Земля.

— А как называет себя ваша раса?

— Homo sapiens.

— Что это означает, если означает что-нибудь?

Магрудер подумал.

— Просто название,— произнес он.

Стрелка заколебалась.

— Опять ложь,— сказал Тагобар.

Магрудер усмехнулся:

— Я проверял... Действительно, машинка что надо!

Синяя, содержащая медь кровь прилила к шее и лицу Тагобара. Он потемнел от сдерживаемого гнева.

— Вы уже это говорили,— зловеще напомнил адмирал.

— Да-да. Так вот, если хотите знать, *Номо sapiens* означает «человек разумный».

В действительности он не сказал «человек разумный»: в языке дэлов нет точного аналога подобного выражения, и Магрудер сделал все, что мог, чтобы найти адекватную замену. В обратном переводе на английский это звучало бы приблизительно так: «Существа с великой силой мысли».

Когда Тагобар услышал это, глаза у него раскрылись шире, и он обернулся, чтобы взглянуть на Зендоплита. Психолог развел своими скорлупчатыми руками: стрелка не двинулась.

— Кажется, у вас там высокое мнение о себе,— произнес Тагобар, снова обращаясь к Магрудеру.

— Возможно,— ответил землянин.

Тагобар пожал плечами, заглянул в список и продолжил допрос. Некоторые вопросы казались Магрудеру бессмысленными, другие явно были частью психологической проверки.

Ясно было одно: детектор лжи был максималистом. Если Магрудер говорил чистую правду, стрелка не двигалась. Но стоило ему хоть чуточку солгать, как прибор зашкаливало.

Первые несколько лживых ответов прошли для Магрудера даром, но в конце концов Тагобар заявил:

— Вы лгали достаточно, Эд.

Он нажал кнопку, и на землянина обрушилась сокрушительная волна боли. Когда она схлынула, Магрудер почувствовал, что мышцы у него на животе превратились в узлы, что кулаки и зубы у него стиснуты, а по щекам

струятся слезы. Потом биолога охватила неудержимая тошнота и рвота.

Тагобар Верф брезгливо отвернулся:

— Отнесите его обратно в камеру и уберите здесь. Сильно ли он поврежден?

Зендоплит уже сверился с приборами:

— Думаю, что нет, Ваше Великолепие; вероятно, это легкий шок, и только. Однако на следующем допросе нам все равно придется его обследовать. Тогда мы узнаем на-верное.

Магрудер сидел на краю какой-то полки, которая могла служить низким столом или высокой кроватью. Сидеть было не очень удобно, но ничего другого в камере не имелось, а пол был еще тверже.

Вот уже несколько часов, как его перенесли сюда, а Эд все еще не мог опомниться. Эта гнусная машина делала больно! Он стиснул кулаки. До сих пор чувствуется спазм в животе, и...

И тут он понял, что спазм вызван вовсе не машиной. Судорожное напряжение объяснялось чудовищным, холодным как лед бешенством.

Магрудер подумал над этим с минуту, потом расхохотался. Вот он сидит дурак дураком и бесится так, что доводит себя до боли. А от этого ни ему, ни колонии никакой пользы.

Очевидно, что чужаки не замышляют ничего доброго, мягко выражаясь. Колония на Нью-Гаваи насчитывала шестьсот человек, и все жили в Нью-Хило, не считая нескольких разведывательных групп. Если пришельцы попробуют захватить планету, колонисты ни черта не смогут сделать. А что, если чужаки разыскали Землю?.. Магрудер не имел никакого представления о том, как корабль вооружен и какие у него размеры, но, по-видимому, это не маленькая скорлупка.

Он знал, что все зависит от него. Нужно что-то сделать. Что? Выйти из камеры и напасть на корабль?

Чепуха! Голый человек в пустой камере совершенно беспомошен. Но что же тогда?

Магрудер лег и стал размышлять.

Потом в двери приоткрылась панель, и за прозрачным квадратом проявилось красно-фиолетовое лицо.

— Вы, несомненно, голодны,— торжественно изрек чужак.— Анализ процессов в вашем организме показал, какая пища вам нужна. Вот, получите.

Из ниши в стене выдвинулся кувшин порядочных размеров; от него исходил странный аромат. Магрудер взял кувшин и заглянул внутрь. Там была желтовато-серая полупрозрачная жидкость, похожая на похлебку. Эд обмакнул в нее палец, попробовал на язык — вкусовые качества явно ниже нуля.

Магрудер догадывался, что она содержит десятка два различных аминокислот, с дюжину витаминов, пригоршню углеводов, несколько процентов других веществ. Что-то вроде псевдопротоплазмического супа — высокосбалансированная пища.

Нет ли в ней чего-нибудь вредного? Впрочем, вряд ли. Если чужаки захотят отравить его, им не понадобится прибегать к хитростям; кроме того, это наверняка та самая бурда, которой его кормили во время обучения языку.

Притворяясь перед самим собой, что это говяжий бульон, Магрудер выпил жидкость целиком. Надо надеяться, что, избавившись от чувства голода, он сможет думать лучше.

Так и получилось.

Меньше чем через час его снова взяли в допросную. На этот раз Магрудер твердо решил, что не позволит Тагобару нажимать на ту кнопочку.

«В конце концов,— рассуждал он,— мне может понадобиться солгать кому-нибудь и в будущем — если я выберусь отсюда. А судя по тому, как больно делает машина, после нескольких таких ударов вполне может выработаться условный рефлекс против лжи».

У него был план. Очень смутный и очень гибкий. Нужно попросту принимать то, что будет, полагаться на удачу и надеяться на лучшее.

Эд Магрудер сидел в кресле и ждал, чтобы стена снова стала прозрачной. По пути из камеры в допросную в голове метались смелые фантазии о бегстве, но Эд не был уверен, что сможет справиться с шестеркой панцирных чужаков сразу. Он не был даже уверен, что справится хотя бы с одним. Как одолеть противника, чья нервная система тебе вовсе неизвестна, а тело бронировано, словно паровой котел?

Стена сделалась прозрачной; за нею стоял чужак. Взглянув на панцирь, Магрудер по рисунку определил, что это то самое существо, которое допрашивало его раньше.

Он откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и стал ждать первого вопроса.

Тагобар Верф был в большом затруднении. Он тщательно сверил психологические данные с Общей Инструкцией, после того как психологи сверили их по Руководству. Результаты сверок ему решительно не понравились.

Общая Инструкция говорила только: «Раса такого типа никогда не встречалась в Галактике. В этом случае командир должен действовать согласно ОИ 234 511 006д, гл. ММСХ, параграф 666».

Просмотрев ссылку, адмирал посоветовался с Зендоплитом.

— Что вы об этом думаете? — спросил он. — И почему у вашей науки нет никаких ответов?

— Наука, Ваше Великолепие, — ответил Зендоплит, — это процесс получения и координирования сведений. У нас еще нет достаточных сведений, это верно, но мы их получим. Нам совершенно незачем впадать в панику; мы должны быть объективными, только объективными. — Он протянул Тагобару еще один печатный листок. — Вот вопросы, которые нужно задавать согласно Руководству по психологии.

Тагобар ощутил облегчение. Общая Инструкция гласила, что в подобной ситуации дальнейший ход событий зависит исключительно от его собственных решений.

Он включил поляризацию стены и взглянул на образец.

— Сейчас вы ответите на несколько вопросов отрицательно. Не важно, насколько правдивыми будут ответы, вы должны только отвечать «нет». Ясно?

— Нет,— ответил Магрудер.

Тагобар нахмурился. Инструкции были совершенно невусмысленными, однако что случилось с образцом? Неужели он глупее, чем казалось раньше?

— Он лжет,— сказал Зендоплит.

Адмиралу понадобилась добрая половина минуты, чтобы осмыслить происходящее, и тогда лицо у него неприятно потемнело. Но ничего не поделаешь, образец повиновался приказу.

Его Великолепие шумно втянул в себя воздух, медленно выдохнул и начал кротким голосом задавать вопросы:

— Ваше имя Эдвин?

— Нет.

— Вы живете на планете внизу?

— Нет.

— У вас шесть глаз?

— Нет.

Через пять минут подобной беседы Зендоплит произнес:

— Достаточно, Ваше Великолепие, все сходится; его нервная система болью не повреждена. Можно приступить к следующей группе вопросов.

— Теперь вы будете отвечать правду,— объявил Тагобар.— Если солжете, снова будете наказаны. Это вам ясно?

— Совершенно ясно,— ответил Эд Магрудер.

Хотя голос его звучал спокойно, Магрудер ощутил легкую дрожь. Отныне нужно обдумывать ответы тщательно и быстро. С другой стороны, ему самому не хотелось слишком медлить.

— Какова численность вашей расы?

— Несколько миллиардов.

В действительности — около четырех миллиардов, но на языке дэлов «несколько» было неясным обозначением для чисел свыше пяти, хотя и не обязательно таких.

— Знаете ли вы точную цифру?

— Нет,— ответил Магрудер. «Не с точностью до одного человека»,— подумал он.

Стрелка не дрогнула. Разумеется, разве он говорил неправду?

— Значит, вся ваша раса не живет на Земле? — спросил Тагобар, слегка отклоняясь от списка вопросов.— Не живет в одном городе?

Со вспышкой радости Магрудер увидел, какую чудесную ошибку совершил чужак, до сих пор не подозревавший, что у землян есть астронавтика. Когда он спросил о названии родной планеты, Эд ответил «Земля». Но чужак-то думал о Нью-Гавай!..

— О нет,— правдиво ответил Магрудер,— нас здесь только несколько тысяч.

«Здесь» означало, конечно, Нью-Гавай.

— Значит, большинство вашего народа бежало с Земли?

— Бежало с Земли? — возмущенно переспросил Магрудер.— Святое небо, конечно нет! Мы только колонизировали планеты; мы все управляемся одним центральным правительством.

— Сколько вас в каждой колонии? — Тагобар полностью отказался от списка вопросов.

— Не знаю в точности,— ответил Магрудер,— но ни на одной из колонизированных нами планет нет большего количества людей, чем на Земле.

Ошеломленный Тагобар немедленно отключился от допросной.

Зендоплит был расстроен.

— Вы допрашиваете не по Руководству,— жалобно сказал он.

— Знаю, знаю. Однако вы слышали, что заявило существо?

— Слышал,— уныло ответил психолог.

— Неужели это правда?

Зендоплит выпрямился во весь свой пятифутовый рост.

— Ваше Великолепие, вы можете отклоняться от Руководства, но я не позволю вам сомневаться в работе детектора. Реальность — это правда; значит, правда — это реальность. Детектор не ошибался с... с... одним словом, никогда!

— Да-да,— поспешно согласился Тагобар.— Только осознаете ли вы значение того, что он сказал? На его родной планете живет несколько тысяч обитателей; в колониях — меньше. А его раса насчитывает несколько миллиардов! Значит, они заняли около десяти миллионов планет!

— Я понимаю, что это звучит странно,— кивнул Зендоплит,— однако детектор никогда не лжет! — Тут он вспомнил, к кому обращается, и добавил: — Ваше Великолепие.

Адмирал не заметил нарушения этикета.

— Безусловно. Но, как вы сказали, тут есть что-то странное. Мы должны продолжить расследование.

Раздался голос Тагобара:

— Согласно нашим расчетам, в Галактике мало пригодных для жизни планет. Чем же объясняются ваши слова?

Быстро сориентировавшись, Магрудер подумал о Марсе, находящемся на расстоянии многих световых лет отсюда. Там долгое время существовала научная станция, но Марс чертовски далеко и непригоден для жизни.

— Мой народ,— осторожно произнес он,— способен жить на планетах, где климатические условия сильно отличаются от земных.

Не успел Тагобар спросить еще о чем-нибудь, как у землянина мелькнула новая мысль. Тысячедюймовый телескоп на Луне обнаружил с помощью спектроскопа крупные планеты в туманности Андромеды.

— Кроме того,— смело продолжил Эд,— мы нашли миры и в других галактиках.

Вот! Пусть пораскинут мозгами!

Звук исчез, и оба чужака повели оживленный спор. Когда звук появился, Тагобар резко сменил тему:

— Сколько у вас космических кораблей?

Магрудер раздумывал над этим целую долгую секунду. На Земле есть с десятков звездолетов — недостаточно, чтобы колонизировать десять миллионов планет. Он попался!

Нет! погоди! На Гавайи каждые полгода прилетает корабль с припасами. Но на Гавайи нет своих кораблей.

— Космических кораблей? — простодушно удивился Магрудер. — У нас их нет.

Тагобар Верф снова выключил звук и на этот раз даже сделал стену непрозрачной.

— Нет кораблей? Нет кораблей? Он лжет... я надеюсь? Зендоплит мрачно покачал головой:

— Это абсолютная правда.

— Но... но... но...

— Вспомните, как он назвал свою расу, — тихо произнес психолог.

Тагобар застыл потрясенно, медленно замигал и хриплым шепотом выдавил:

— ...существом с великой силой мысли.

— Вот именно, — подтвердил Зендоплит.

Магрудер долго сидел в допросной, ничего не видя и не слыша. Поняли они или нет? Не догадываются ли, куда он клонит? Ему хотелось грызть ногти, кусать руки, рвать волосы, но он заставил себя сидеть спокойно. До конца еще далеко.

Стена вдруг снова стала прозрачной.

— Верно ли, — спросил Тагобар, — что ваша раса способна передвигаться в пространстве единственно силой мысли?

На мгновение Магрудер был ошеломлен. Это превосходило самые смелые его надежды.

«Как человек ходит?» — подумал он.

— Верно, что, используя силы разума для управления физической энергией, — тщательно взвешивая каждое слово, произнес землянин, — мы способны передвигаться с места на место без помощи звездолетов или других подобных машин.

Тотчас же стену снова закрыли.

Тагобар медленно обернулся и взглянул на Зендоплита. Лицо психолога стало грязно-красным.

— Кажется, лучше будет созвать офицеров,— медленно произнес он.— Нам попало какое-то чудовище.

Минуты через три все двадцать офицеров огромного «Верфа» собрались в Кабинете психологии. Тагобар скомандовал «вольно» и затем обрисовал положение.

— Ну, что вы предлагаете?

Офицеры совсем не чувствовали себя вольно. Они выглядели напряженными, как тетива лука.

Первым заговорил лейтенант Пельквеш:

— Что сказано в Общей Инструкции, Ваше Великолепие?

— В Общей Инструкции сказано,— ответил Тагобар,— что мы должны в случае необходимости защищать свой корабль и свой народ. Способы для этого предоставлены на усмотрение командира.

Наступило довольно неловкое молчание. Потом лицо лейтенанта Пельквеша несколько прояснилось.

— Ваше Великолепие, давайте попросту сбросим на планету разрушительную бомбу!

Адмирал покачал головой:

— Я уже думал об этом. Если они могут передвигаться в пространстве одной силой мысли, то спасутся, а потом жестоко отомстят.

Все помрачнели.

— Погодите минутку! — воскликнул Пельквеш.— Раз он может передвигаться одной силой мысли, почему же он не ушел от нас?

Магрудер увидел, как стена становится прозрачной. Комната за нею была теперь полна чужаков. У микрофона стояла же самая пышная особа, явно большая шишка.

— Нам хочется знать,— раздался торжественный голос,— почему, будучи в состоянии уйти куда угодно, вы остались здесь? Почему вы не бежите от нас?

Опять необходимо быстро соображать.

— Невежливо со стороны гостя,— сказал Магрудер,— покидать хозяев, не окончив своего дела.

— Даже после того, как мы... гм... наказали вас?

— На мелкие неприятности можно не обращать внимания, особенно если хозяин действовал по глубочайшему неведению.

Чужаки посовещались и задали новый вопрос:

— Должны ли мы полагать, судя по вашим словам, что у вас нет на нас обиды?

— Кое-какая есть,— откровенно ответил Магрудер.— Однако лично с моей стороны и лишь на высокомерное обращение. Могу заверить вас, что мой народ в целом ничуть не обижается ни на ваш народ в целом, ни на кого-либо из вас в отдельности.

«Играй крупно, Эд,— сказал он себе.— Ты уже сбил их, надеюсь».

Снова споры за стеной.

— Вы говорите,— произнес Тагобар,— что ваш народ не обижен на нас. Откуда вы это знаете?

— Могу утверждать это смело,— ответил Магрудер.— Я знаю, без всякой тени сомнения, в точности, что каждый из моего народа думает о вас в эту самую минуту. Кроме того, разрешите напомнить вам, что мне пока еще не причинили вреда — им не на что сердиться. В конце концов, вас ведь еще не уничтожили.

Звук выключен. Снова горячие споры. Звук включен.

— Есть предположение,— сказал Тагобар,— что, несмотря на все обстоятельства, мы были вынуждены взять в качестве образца вас, и только вас. Есть предположение, что вы были посланы нам навстречу.

Ох, братья! Теперь нужно быть очень, очень осторожным!

— Я — только скромный представитель своей расы,— начал Магрудер, главным образом чтобы выиграть время. Но погодите! Разве он не внеземной биолог? — Однако,— с достоинством продолжил Эд,— моя профессия состоит в том, чтобы находить инопланетные существа. Я должен признать, что меня назначили на эту работу.

Тагобар, казалось, встревожился еще больше:

— Значит, вы знали о нашем прибытии?

Магрудер подумал секунду. Еще столетия назад было предсказано, что человечество в конце концов может встретиться с инопланетной расой.

— Мы давно уже знали, что вы придете,— спокойно сказал он.

Тагобар пришел в крайнее возбуждение:

— В таком случае вы должны знать, где в Галактике находится наша раса; вы должны знать, где находится наша планета.

Опять трудный вопрос. Магрудер взглянул сквозь стену на Тагобара и его подчиненных, столпившихся в комнате.

— Я знаю, где вы находитесь,— произнес он,— и я знаю в точности, где находится каждый из вас.

По ту сторону стены все разом вздрогнули, но Тагобар держался крепко.

— Где же мы расположены?

На секунду Магрудер подумал, что они выбили наконец почву у него из-под ног. А потом нашел самое лучшее объяснение. Он так долго старался увилить, что почти забыл о возможности прямого ответа.

Землянин с состраданием взглянул на Тагобара:

— Связь с помощью голоса слишком неудобна. Наша система координат будет вам совершенно непонятна, а вы не захотели обучить меня своей, если помните.

Это было сухой правдой; дэлы не настолько глупы, чтобы рассказывать образцу о своей системе координат: следы могли привести к их планете. И разумеется, Общая Инструкция запрещала выдавать лишнюю информацию.

После неслышных, но оживленных переговоров Тагобар задал следующий вопрос:

— Если вы находитесь в телепатическом контакте со своими товарищами, то можете ли читать и в наших мыслях?

Магрудер надменно взглянул на него.

— У меня, как и у моего народа, есть свои принципы. Мы не проникаем в чужой разум без приглашения.

— Значит, и весь ваш народ знает местонахождение нашей базы? — жалобно спросил командир чужаков.

Магрудер ответил безмятежно:

— Могу вас заверить, что каждый член моей расы на каждой из принадлежащих нам планет знает о вашей базе и ее местонахождении ровно столько же, сколько и я.

— Кажется невероятным,— сказал Тагобар через несколько минут,— что ваша раса до сих пор не имела контакта с нами. Наш народ очень древний и могучий, мы захватили планеты на доброй половине Галактики и все же ни разу даже не слышали о вас.

— Наша политика,— ответил Магрудер,— состоит в том, чтобы стараться не обнаруживать своего присутствия. Кроме того, у нас нет споров с вами, и мы не имели никакого желания отнимать у вас планеты. Только когда какая-нибудь раса становится неразумно воинственной, мы берем на себя труд показать ей свое могущество.

Эта была длинная речь, быть может, слишком длинная. Держался ли он строгой истины?

Одного взгляда на Зендоплита было достаточно. Главный психолог не отрывал своих черных бусинок-глаз от стрелки детектора во все время беседы и постепенно мрачнел по мере того, как прибор указывал ему на неизменную правдивость ответов.

Тагобар явно нервничал. Магрудер понемногу привыкал к чужакам и все более и более мог читать по их лицам. В конце концов, у него было большое преимущество: они сделали ошибку, обучив его своему языку.

— Значит,— нерешительно произнес Тагобар,— были другие расы... гм... которые вы покарали?

— За мою жизнь — нет,— ответил Магрудер. Он подумал о неандертальцах и добавил: — До меня была раса, бросившая нам вызов. Она не существует больше.

— За вашу жизнь? Какой же ваш возраст?

— Взгляните на ваш экран, на планету внизу,— торжественно произнес землянин.— Когда я родился, материки и моря на Земле были совсем другие. На Земле, на которой я родился, есть обширные полярные шапки; взгляните вниз, и вы их не увидите. Причем мы не сделали ничего, чтобы изменить планету под нами; все изменения на ней произошли путем длительного процесса геологической эволюции.

— Глик! — Этот странный звук вырвался у Тагобара как раз в тот момент, когда он выключал и звук, и стену.

«Совсем как старый фильм в кино,— подумал Магрудер.— Звука нет, и лента все время рвется».

Стена больше не делалась прозрачной. Вместо этого примерно через полчаса она беззвучно скользнула в сторону, открывая весь офицерский состав «Верфа», стоявший навытяжку.

«Вольно» стоял только Тагобар Ларнимискулюс Верф, Боргакс Фенигвиснока, и теперь его лицо казалось менее багровым, чем всегда.

— Эдвин Питер Сент-Джон Магрудер,— торжественно заговорил он,— в качестве командира этого корабля, Нобиля Великой Империи и представителя Императора, мы желаем предложить вам самое искреннее гостеприимство. Действуя под ошибочным впечатлением, будто вы представляете собою низшую форму жизни, мы обращались с вами недостойно и в этом смиренно просим у вас извинения.

— Не стоит,— холодно произнес Магрудер.— Теперь вам надо лишь опуститься на нашу планету, чтобы ваш народ и мой могли договориться, к полному взаимному удовлетворению... Вольно! — окинув их взглядом, добавил он повелительно.— И принесите мою одежду.

Что именно станется с кораблем и с чужаками, когда они приземлятся, Эд не знал; придется предоставить решение президенту планеты и правительству Земли. Но он не видел больших трудностей впереди.

Когда «Верф» опустился на поверхность планеты, его командир пододвинулся к землянину и смущенно спросил:

— Как вы думаете, понравимся ли мы вашему народу?

Магрудер бегло взглянул на детектор. Прибор был выключен.

— Понравитесь ли вы? Да в вас просто влюбятся!

Ему до тошноты надоело говорить правду.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ТИЛ

Американцев во всем мире считают сумасшедшими. Они обычно признают, что такое утверждение в основном справедливо, и как на источник заразы указывают на Калифорнию. Калифорнийцы упорно заявляют, что их плохая репутация ведет начало исключительно от поведения обитателей округа Лос-Анджелес. А те, если на них наседають, соглашаются с обвинением, но спешат пояснить: все дело в Голливуде. Мы тут ни при чем. Мы его не строили. Голливуд просто вырос на чистом месте.

Голливудцы не обижаются. Напротив, такая слава им по душе. Если вам интересно, они повезут вас в Лорел-каньон, где расселились все их буйнопомешанные. Каньонисты — мужчины в трусах и коричневоногие женщины, все время занятые постройкой и перестройкой своих сногшибательных, но неоконченных особняков, — не без презрения смотрят на туповатых граждан, сидящих в обыкновенных квартирах, и лелеют в душе тайную мысль, что они — и только они! — знают, как надо жить.

Улица Лукаут-Маунтейн — название ущелья, которое ответвляется от Лорел-каньона.

На Лукаут-Маунтейн жил дипломированный архитектор Квинтус Тил.

Архитектура Южной Калифорнии разнообразна. Горячие сосиски продают в сооружении, изображающем фигуру шенка, и под таким же названием¹. Для продажи мороженого в конических стаканчиках построен гигантский, оштукатуренный под цвет мороженого стакан, а неоновая реклама павильонов, похожих на консервные банки, вызывает с крыш: «Покупайте консервированный перец». Бензин, масло и бесплатные карты дорог вы можете получить под крыльями трехмоторных пассажирских самолетов. В самих же крыльях находятся описанные в проспектах комнаты отдыха. Чтобы вас развлечь, туда каждый час врываются посторонние лица и проверяют, все ли там в порядке. Эти выдумки могут поразить или позабавить туриста, но местные жители, разгуливающие с непокрытой головой под знаменитым полуденным солнцем Калифорнии, принимают подобные странности как нечто вполне естественное.

Квинтус Тил находил усилия своих коллег в области архитектуры робкими, неумелыми и худосочными.

— Что такое дом? — спросил Тил своего друга Гомера Бейли.

— Гм!.. В широком смысле, — осторожно начал Бейли, — я всегда смотрел на дом как на устройство, защищающее от дождя.

— Вздор! Ты, я вижу, не умнее других.

— Я не говорил, что мое определение исчерпывающее.

— Исчерпывающее! Оно даже не дает правильного направления. Если принять эту точку зрения, мы с таким же успехом могли бы сидеть на корточках в пещере. Но я тебя не виню, — великодушно продолжал Тил. — Ты не хуже фанфаронов, подвигающихся у нас в архитектуре. Даже модернисты — что они сделали? Сменили стиль свадебного торта на стиль бензозаправочной станции, убрали позолоту и наляпали хрома, а в душе остались такими же консерваторами, как, скажем, наши судьи. Нейтра, Шиндлер? Чего эти болваны добились? А Фрэнк Ллойд Райт? Достиг он чего-то такого, что было бы недоступно мне?

¹ Hot dogs — сосиски (англ.).

— Заказов,— лаконично ответил друг.

— А? Что ты сказал? — Тил на минуту потерял нить своей мысли, но быстро оправился.— Заказов! Верно. А почему? Потому, что я не смотрю на дом как на усовершенствованную пещеру. Я вижу в нем машину для житья, нечто находящееся в постоянном движении, живое и динамичное, меняющееся в зависимости от настроения жильцов, а не статичный гигантский гроб. Почему мы должны быть скованы застывшими представлениями предков? Любой дурак, понюхавший начертательной геометрии, может спроектировать обыкновенный дом. Разве статистическая геометрия Евклида — единственная геометрия? Разве можем мы полностью игнорировать теорию Пикаро — Вессио? А как насчет модульных систем? Я не говорю уж о плодотворных идеях стереохимии. Есть или нет в архитектуре место для трансформации, для гомоморфологии, для действенных конструкций?

— Провалиться мне, если я знаю,— ответил Бейли.— Я в этом понимаю не больше, чем в четвертом измерении.

— Что ж? Разве мы должны ограничивать свое творчество?.. Послушай! — Он осекся и уставился в пространство.— Гомер, мне кажется, ты высказал здравую мысль. В конце концов, почему не попробовать? Подумай о бесконечных возможностях сочленений и взаимосвязи в четырех измерениях. Какой дом, какой дом!..

Он стоял не шевелясь, и его бесцветные глаза навывкате задумчиво моргали.

Бейли протянул руку и потряс его за локоть:

— Проснись! Что ты там плетешь про четвертое измерение? Четвертое измерение — это время. И в него нельзя забивать гвозди.

Тил стряхнул с себя руку Бейли.

— Верно, верно! Четвертое измерение — время. Но я думаю о четвертом пространственном измерении, таком же, как длина, ширина и высота! Для экономии материалов и удобства расположения комнат нельзя придумать ничего лучше. Не говоря уже об экономии площади участка. Ты можешь поставить восьмикомнатный дом на участке, теперь занимаемом домом в одну комнату. Как тессеракт...

— Что это еще за тессеракт?

— Ты что, не учился в школе? Тессеракт — это гиперкуб, прямоугольное тело, имеющее четыре измерения, подобно тому как куб имеет три, а квадрат — два. Сейчас я тебе покажу.— Они сидели в квартире Тила. Он бросился на кухню, возвратился с коробкой зубочисток и высыпал их на стол, небрежно отодвинув в сторону рюмки и почти пустую бутылку джина.— Мне нужен пластилин. У меня было тут немного на прошлой неделе.— Он извлек комок жирной глины из ящика до предела заставленного письменного стола, который красовался в углу столовой.— Ну вот!

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас покажу.— Тил проворно отщипнул несколько кусочков пластилина и скатал их в шарики величиной с горошину. Затем он воткнул зубочистки в четыре шарика и слепил их в квадрат.— Вот видишь: это квадрат.

— Несомненно.

— Изготовим второй такой же квадрат, затем пустим в дело еще четыре зубочистки, и у нас будет куб.— Зубочистки образовали теперь скелет куба, углы которого были укреплены комочками пластилина.— Теперь мы сделаем еще один куб, точно такой же, как первый. Оба они составят две стороны тессеракта.

Бейли принялся помогать, скатывая шарики для второго куба. Но его отвлекло приятное ощущение податливой глины в руках, и он начал что-то лепить из нее.

— Посмотри,— сказал он и высоко поднял крошечную фигурку.— Цыганочка Роза Ли.

— Она больше похожа на Гаргантюа. Роза может привлечь тебя к ответственности. Ну, теперь смотри внимательно. Ты разъединяешь три зубочистки там, где они образуют угол, и, вставив между ними угол другого куба, снова слепляешь их пластилином. Затем ты берешь еще восемь зубочисток, соединяешь дно первого куба с дном второго куба наискось, а верхушку первого куба с верхушкой второго точно таким же образом.

Он проделал это очень быстро, пока давал пояснения.

— Что же это собой представляет? — опасливо спросил Бейли.

— Тессеракт. Его восемь кубов образуют стороны гиперкуба в четырех измерениях.

— А по-моему, это больше похоже на кошачью колыбельку — знаешь игру с веревочкой, надетой на пальцы? Кстати, у тебя только два куба. Где же еще шесть?

— Дополни остальные воображением. Рассмотрй верх первого куба в его соотношении с верхом второго. Это будет куб номер три. Затем — два нижних квадрата, далее — передние грани каждого куба, их задние грани, правые и левые — восемь кубов.

Он указал пальцем на каждый из них.

— Ага, вижу! Но это вовсе не кубы. Это, как их, черт... призмы: они не прямоугольные, у них стенки скошены.

— Ты просто их так видишь — в перспективе. Если ты рисуешь на бумаге куб, разве его боковые стороны не выходят косыми? Это перспектива. Если ты смотришь на четырехмерную фигуру из трехмерного пространства, конечно, она кажется тебе перекошенной. Но, как бы то ни было, все равно это кубы.

— Может, для тебя, дружище, а для меня они все перекошены.

Тил пропустил его возражение мимо ушей.

— Теперь считай, что это каркас восьмикомнатного дома. Нижний этаж занят одним большим помещением. Оно будет отведено для хозяйственных нужд и гаража. Во втором этаже с ним соединены гостиная, столовая, ванная, спальни и так далее. А наверху, с окнами на все четыре стороны, твой кабинет. Ну, как тебе нравится?

— Мне кажется, что ванная у тебя подвешена к потолку гостиной. Вообще эти комнаты перепутаны, как щупальца осьминога.

— Только в перспективе, только в перспективе! Подожди, я сделаю это по-иному, чтобы тебе было понятнее.

На этот раз Тил соорудил из зубочисток один куб, затем второй — из половинок зубочисток и расположил его точно в центре первого, соединив углы малого куба с углами

большого опять-таки посредством коротких кусочков зубочисток.

— Вот слушай! Большой куб — это нижний этаж, малый куб внутри — твой кабинет в верхнем этаже. Примыкающие к ним шесть кубов — жилые комнаты. Понятно?

Бейли долго присматривался к новой фигуре, потом покачал головой:

— Я по-прежнему вижу только два куба: большой и маленький внутри его. А остальные шесть штук в этот раз похожи уже не на призмы, а на пирамиды. Но это вовсе не кубы.

— Конечно, конечно, ты же видишь их в иной перспективе! Неужели тебе не ясно?

— Что ж, может быть. Но вот та комната, что внутри, вся окружена этими... как их... А ты как будто говорил, что у нее окна на все четыре стороны.

— Так оно и есть: это только кажется, будто она окружена. Тессерактовый дом тем и замечателен, что каждая комната ничем не заслонена, хотя каждая стена служит для двух комнат, а восьмикомнатный дом требует фундамента лишь для одной комнаты. Это революция в строительстве.

— Мягко сказано! Ты, милый мой, спятил. Такого дома тебе не построить. Комната, что внутри, так внутри и останется.

Тил поглядел на друга, едва сдерживаясь:

— Из-за таких субъектов, как ты, архитектура не может выйти из пеленок. Сколько квадратных сторон у куба?

— Шесть.

— Сколько из них внутри?

— Да ни одной. Все они снаружи.

— Отлично! Теперь слушай, у тессеракта восемь кубических сторон, и все они снаружи. Я разверну этот тессеракт, как ты мог бы развернуть кубическую картонную коробку, и он станет плоским. Тогда ты сможешь увидеть сразу все восемь кубов.

Работая с большой быстротой, он изготовил четыре куба и нагромодил их один на другой в виде малоустойчивой башни. Затем слепил еще четыре куба и соединил

их с внешними плоскостями второго снизу куба. Постройка немного закачалась, так как комочки пластилина слабо скрепляли ее, но устояла. Восемь кубов образовали перевернутый крест, точнее — двойной крест, так как четыре куба выступали в четырех направлениях.

— Теперь ты видишь? В основании — комната первого этажа, следующие шесть кубов — жилые комнаты, и на самом верху — твой кабинет.

Получившуюся фигуру Бейли рассматривал более снисходительно.

— Это я, по крайней мере, понимаю. Ты говоришь, это тоже тессеракт?

— Это тессеракт, развернутый в три измерения. Чтобы снова свернуть его, воткни верхний куб в нижний, сложи вот эти боковые кубы так, чтобы они сошлись с верхним, и готово дело! Складывать их ты, конечно, должен через четвертое измерение. Не деформируй ни одного куба и не складывай их один в другой.

Бейли продолжал изучать шаткий каркас.

— Послушай,— сказал он наконец,— почему бы тебе не отказаться от складывания этого курятника через четвертое измерение — все равно тебе этого не сделать! — и не построить взамен дом такого вида?

— Что ты болтаешь? Чего мне не сделать? Это простая математическая задача...

— Легче, легче, братец! Пусть я невежда в математике, но я знаю, что строители твоих планов не одобряют. Никакого четвертого измерения нет. Забудь о нем! Так распланированный дом может иметь свои преимущества.

Остановленный на всем скаку Тил стал разглядывать модель.

— Гм... Может быть, ты в чем-то и прав! Мы могли бы получить столько же комнат и сэкономить на площади участка. Кроме того, мы могли бы ориентировать средний крестообразный этаж на северо-восток, юго-восток и так далее. Тогда все комнаты получают свою долю солнечного света. Вертикальная ось очень удобна для прокладки системы центрального отопления. Пусть столовая у нас выходит на северо-восток, а кухня — на юго-восток. Во всех

комнатах будут большие панорамные окна. Прекрасно, Гомер, я берусь! Где ты хочешь строиться?

— Минутку, минутку! Я не говорил, что строить для меня будешь ты...

— Конечно, я! А кто же еще? Твоя жена хочет новый дом. Этим все сказано.

— Но миссис Бейли хочет дом в английском стиле восемнадцатого века.

— Взбредет же такое в голову! Женщины никогда не знают, чего хотят.

— Миссис Бейли знает.

— Какой-то допотопный архитекторишка внушил ей эту глупость. Она ездит в машине последнего выпуска, ведь так? Одевается по последней моде. Зачем же ей жить в доме восемнадцатого века? Мой дом будет даже не последнего, а завтрашнего выпуска — это дом будущего. О нем заговорит весь город.

— Ладно. Я потолкую с женой.

— Ничего подобного! Мы устроим ей сюрприз... Налей-ка еще стаканчик!

— Во всяком случае, сейчас рано еще приступить к делу. Мы с женой завтра уезжаем в Бейкерсфилд. Наша фирма должна вводить в действие новые скважины.

— Вздор! Все складывается как нельзя лучше. Когда твоя жена вернется, ее будет ждать сюрприз. Выпиши мне сейчас же чек и больше ни о чем не заботься.

— Не следовало бы мне принимать решение, не посоветовавшись с женой. Ей это не понравится.

— Послушай, кто в вашей семье мужчина?

Когда во второй бутылке осталось около половины, чек был подписан.

В Южной Калифорнии дела делаются быстро. Обыкновенные дома чаще всего строят за месяц. Под нетерпеливые понукания Тила тессерактовый дом что ни день головокружительно рос к небу, и его крестообразный второй этаж выпирал во все четыре стороны света. У Тила вначале были неприятности с инспекторами по поводу этих

четырёх выступающих комнат, но, пустив в дело прочные балки и гибкие банкноты, он убедил кого следовало в добротности сооружения.

Наутро после возвращения супругов Бейли в город Тил, как было условлено, подъехал к их резиденции. Он симпривизировал бравурную мелодию на своем двухголосом рожке. Голова Бейли высунулась из-за двери.

— Почему ты не звонишь?

— Слишком долгая канитель,— весело ответил Тил.— Я человек действия. Миссис Бейли готова?.. А, вот и миссис Бейли! С приездом, с приездом! Прошу в машину! У нас сюрприз для вас!

— Ты знаешь Тила, моя дорогая! — неуверенно вставил Бейли.

Миссис Бейли фыркнула:

— Слишком хорошо знаю! Поедем в нашей машине, Гомер.

— Пожалуйста, дорогая.

— Отличная мысль,— согласился Тил.— Ваша машина более мощная. Мы доедем скорее. Править буду я: я знаю дорогу.— Он взял у Бейли ключ, взобрался на сиденье водителя и запустил двигатель, прежде чем миссис Бейли успела мобилизовать свои силы.— Не беспокойтесь, править я умею! — заверил он миссис Бейли, поворачиваясь к ней и одновременно включая первую скорость. Свернув на бульвар Заката, он продолжал: — Энергия и власть над нею, динамический процесс — это ведь как раз моя стихия. У меня еще ни разу не было серьезной аварии.

— Первая будет и последней,— ядовито заметила миссис Бейли.— Прошу вас, смотрите вперед и следите за уличным движением.

Он попытался объяснить ей, что безопасность езды зависит не от зрения, а от интуитивной интеграции путей, скоростей и вероятностей, но Бейли остановил его:

— Где же дом, Квинтус?

— Дом? — подозрительно переспросила миссис Бейли.— О каком доме идет речь, Гомер? Ты что-то затеял, не сказав мне?

Тут Тил выступил в роли тонкого дипломата:

— Это действительно дом, миссис Бейли, и какой дом! Сюрприз вам от преданного мужа. Да. Сами увидите!

— Увижу,— мрачно подтвердила миссис Бейли.— В каком он стиле?

— Этот дом утверждает новый стиль. Он новее телевидения, новее завтрашнего дня. Его надо видеть, чтобы оценить. Кстати,— быстро продолжал Тил, предупреждая возражения,— вы почувствовали этой ночью толчки?

— Толчки? Какие толчки? Гомер, разве было земле-трясение?

— Очень слабое,— тараторил Тил,— около двух часов ночи. Если бы я спал, то ничего бы не заметил.

Миссис Бейли содрогнулась:

— Ах эта злосчастная Калифорния! Ты слышишь, Гомер? Мы могли погибнуть в кроватях и даже не заметить этого. Зачем я поддалась твоим уговорам и уехала из Айовы?

— Что ты, дорогая! — уныло запротестовал супруг.— Ведь это ты хотела переехать в Калифорнию. Тебе не нравилось в Де-Мойне.

— Пожалуйста, не спорь! — решительно заявила миссис Бейли.— Ты мужчина, ты должен предвидеть такие вещи. Подумать только: землетрясение!

— Как раз этого, миссис Бейли, вам не надо бояться в новом доме,— вмешался Тил.— Сейсмически он абсолютно устойчив. Каждая его часть находится в точном равновесии с любой из остальных.

— Надеюсь! А где ж этот дом?

— Сразу за поворотом. Вот уже виден плакат.

Он показал на дорожный знак в виде большущей стрелы, какими любят пользоваться спекулянты земельными участками. Буквы, слишком крупные и яркие даже для Южной Калифорнии, складывались в слова:

ДОМ БУДУЩЕГО

Колоссально — Изумительно — Революция
в зодчестве.

Посмотрите, как будут жить ваши внуки!

Архитектор К. ТИЛ

— Конечно, это будет убрано, как только вы вступите во владение,— поспешно сказал Тил, заметив гримасу на лице миссис Бейли.

Он обогнул угол и под визг тормозов остановил машину перед Домом Будущего.

— Ну вот!

Тил впился взором в супругов, ожидая, какова будет их реакция.

Бейли недоверчиво тарашил глаза, миссис Бейли смотрела с явным неодобрением.

Перед ними был обыкновенный кубический массив с дверями и окнами, но без каких-либо иных архитектурных деталей, если не считать украшением множество непонятных математических знаков.

— Слушай,— медленно произнес Бейли,— что ты тут нагородил?

Архитектор перевел взгляд на дом. Исчезла сумасшедшая башня с выступающими комнатами второго этажа. Ни следа не осталось от семи комнат над нижним этажом. Не осталось ничего, кроме единственной комнаты, опирающейся на фундамент.

— Мама родная! — завопил Тил.— Меня ограбили!

Он бросился к дому и обежал его кругом.

Но это не помогло. И спереди и сзади у сооружения был тот же вид. Семь комнат исчезли, словно их и не было.

Бейли подошел и взял Тила за рукав:

— Объясни! О каком ограблении ты говоришь? С чего это тебе пришло в голову построить этот ящик? Ведь мы договорились совсем о другом!

— Но я тут ни при чем! Я построил в точности то, что мы с тобой наметили: восьмикомнатный дом в виде развернутого тессеракта. Это саботаж! Происки завистников! Другие архитекторы города не хотели, чтобы я довел дело до конца. Они знали, что после этого вылетят в трубу.

— Когда ты был здесь в последний раз?

— Вчера во второй половине дня.

— И все было в порядке?

— Да. Садовники заканчивали работу.

Бейли огляделся. Кругом — безукоризненный, вылизанный ландшафт.

— Я не представляю себе, как стены и прочие части семи комнат можно было разобрать и увезти отсюда за одну ночь, не разрушив сада.

Тил тоже огляделся:

— Да, не похоже. Ничего не понимаю!

К ним подошла миссис Бейли:

— Ну что? Долго я буду сама себя занимать? Раз мы здесь, давайте все осмотрим. Но предупреждаю тебя, Гомер, мне этот дом не нравится.

— Что же, осмотрим,— согласился Тил. Он достал из кармана ключ и отпер входную дверь.— Может быть, мы обнаружим какие-нибудь улики.

Вестибюль оказался в полном порядке, скользящие перегородки, отделявшие его от гаража, были отодвинуты, что давало возможность обозреть все помещение.

— Здесь, кажется, все благополучно,— заметил Бейли.— Давайте поднимемся на крышу и попробуем сообразить, что произошло. Где лестница? Ее тоже украли?

— Нет, нет! — отверг это предположение Тил.— Смотрите.

Он нажал на кнопку под выключателем. В потолке откинулась панель, и вниз бесшумно спустилась легкая, изящная лестница. Ее несущие части были из матового серебристого дюралюминия, ступеньки — из прозрачного пластика.

Тил вертелся как мальчишка, успешно показавший карточный фокус. Миссис Бейли заметно оттаяла.

Лестница была очень красивая.

— Неплохо! — одобрил Бейли.— А все-таки эта лестница как будто никуда не ведет.

— Ах, ты об этом...— Тил проследил за его взглядом.— Когда вы поднимаетесь на верхние ступеньки, откидывается еще одна панель. Открытые лестничные колодцы — анахронизм. Пойдем!

Как он и предсказал, во время их подъема крышка лестницы открылась, они вошли, но не на крышу единственно уцелевшей комнаты, как ожидалось, нет, они те-

перь стояли в центральной из пяти комнат, составляющих второй этаж задуманного Тилом дома,— в холле.

Впервые за все время у Тила не нашлось что сказать. Бейли тоже молчал и только жевал сигару. Все было в полном порядке. Перед ними сквозь открытую дверь и полупрозрачную перегородку виднелась кухня, мечта повара, доведенное до совершенства произведение инженерного искусства. Монель-металл, большой кухонный стол, скрытое освещение, целесообразная расстановка всевозможных приспособлений. Налево гостей ожидала немного чопорная, но уютная и приветливая столовая. Мебель была расставлена как по шнуруку.

Тил, даже не повернув головы, уже знал, что гостиная и бар тоже заявят о своем вполне материальном, хотя и невозможном существовании.

— Да, нужно признать, что это чудесно,— одобрила миссис Бейли.— Для кухни я прямо не нахожу слов. А ведь по наружному виду дома ни за что не догадалась бы, что наверху окажется столько места. Конечно, придется внести кое-какие изменения. Например, вот этот секретер. Что, если мы переставим его сюда, а диванчик туда?..

— Помолчи, Матильда,— бесцеремонно прервал ее Бейли.— Как ты это объяснишь, Тил?

— Ну, знаешь, Гомер! Как можно...— не унималась миссис Бейли.

— Я сказал — помолчи! Ну, Тил?

Архитектор переминался с ноги на ногу.

— Боюсь что-либо сказать. Давайте поднимемся выше.

— Как?

— А вот так.

Он нажал еще одну кнопку. Копия, только в более темных тонах, того волшебного мостика, что помог им подняться из партера, открыла доступ к следующему этажу. Они взошли и по этой лестнице — миссис Бейли замыкала шествие, без усталости что-то доказывая,— и оказались в главной спальне, предназначенной для хозяев дома. Здесь шторы были опущены, как и внизу, но мягкое освещение включилось автоматически. Тил снова нажал кнопку, управлявшую движением еще одной выдвижной лестницы,

и они быстро поднялись в кабинет, помещавшийся в верхнем этаже.

— Послушай, Тил,— предложил Бейли, когда немного пришел в себя,— нельзя ли нам подняться на крышу над этой комнатой? Оттуда мы могли бы полюбоваться окрестностями.

— Конечно. Там устроена площадка для обзора.

Они поднялись по четвертой лестнице, но, когда находившаяся вверх крышка повернулась, чтобы пустить их наверх, они очутились не на крыше, а в комнате нижнего этажа, через которую вначале вошли в дом.

Лицо мистера Бейли приняло серый оттенок.

— Силы небесные! — воскликнул он.— Здесь колдуют духи. Прочь отсюда!

Схватив жену в охапку, он распахнул входную дверь и нырнул в нее.

Тил был слишком погружен в свои мысли, чтобы обратить внимание на их уход. Все это должно было иметь какое-то объяснение, и Тил заранее не верил в него. Но тут ему пришлось отвлечься от своих размышлений, так как где-то наверху раздались хриплые крики. Он спустил лестницу и взбежал наверх. В холле он обнаружил Бейли, скорчившегося над миссис Бейли, которая упала в обморок. Тил не растерялся, подошел к встроенному шкафчику с напитками в баре, налил небольшую рюмку коньяка и подал ее Бейли.

— Дай ей выпить. Она сразу придет в себя.

Бейли выпил коньяк.

— Я налил для миссис Бейли.

— Не придирайся,— огрызнулся Бейли.— Дай ей другую рюмку.

Тил из осторожности сначала выпил сам и лишь после этого вернулся с порцией, отмеренной для жены его клиента. Она как раз в эту минуту открыла глаза.

— Выпейте, миссис Бейли,— успокаивающе сказал он.— Вы почувствуете себя лучше.

— Я никогда не пью спиртного,— запротестовала она и разом осушила рюмку.

— Теперь скажите мне, что случилось,— попросил Тил.— Я думал, что вы с мужем ушли.

— Мы и ушли: вышли из двери и очутились в передней, на втором этаже.

— Что за вздор! Гм... подождите минутку!

Тил вышел в бар. Он увидел, что большое окно в конце комнаты открыто, и осторожно выглянул из него. Глазам его открылся не калифорнийский ландшафт, а комната нижнего этажа — или точное ее повторение. Тил ничего не сказал, а возвратился к лестнице и заглянул вниз, в пролет. Вестибюль все еще был на месте. Итак, он умудрился быть одновременно в двух разных местах, на двух разных уровнях.

Тил вернулся в холл, сел напротив Бейли в глубокое низкое кресло и, подтянув вверх костлявые колени, пылливо посмотрел на приятеля.

— Гомер,— сказал он,— ты знаешь, что произошло?

— Нет, не знаю. Но если я не узнаю в самое короткое время, тебе несдобровать!

— Гомер, это подтверждает мою теорию: дом — настоящий тессеракт.

— О чем он болтает, Гомер?

— Подожди, Матильда!.. Но ведь это смешно, Тил. Ты придумал какое-то озорство и до смерти напугал миссис Бейли. Я тоже разнервничался и хочу одного — выбраться отсюда, чтобы не видеть больше твоих проваливающихся крышек и других глупостей.

— Говори за себя, Гомер,— вмешалась миссис Бейли.— Я несколько не испугалась. Просто на минуту в глазах потемнело. Теперь уже все прошло. Это — сердце. В моей семье у всех сложение деликатное и нервы чувствительные. Так что же с этим тессе... или как там его? Объясните, мистер Тил. Ну же!

Несмотря на то что супруги непрерывно перебивали его, архитектор кое-как изложил теорию, которой следовал, когда строил дом.

— Я думаю, дело вот в чем, миссис Бейли,— продолжал он.— Дом, совершенно устойчивый в трех измерениях, оказался неустойчивым в четвертом. Я построил дом в виде

развернутого тессеракта. Но случилось что-то — толчок или боковое давление,— и он сложился в свою нормальную форму, да, сложился.— Внезапно Тил щелкнул пальцами.— Понял! Землетрясение!

— Земле-трясе-ние?

— Да-да! Тот слабый толчок, который был ночью. С точки зрения четвертого измерения, этот дом можно уподобить плоскости, поставленной на ребро. Маленький толчок — и он падает, складываясь по своим естественным сочленениям в устойчивую трехмерную фигуру.

— Помнится, ты хвастал, как надежен этот дом.

— Он и надежен — в трех измерениях.

— Я не считаю надежным дом, который рушится от самого слабого толчка.

— Но погляди же вокруг! — возмутился Тил.— Ничто не сдвинулось с места, все стекло цело. Вращение через четвертое измерение не может повредить трехмерной фигуре, как ты не можешь стряхнуть буквы с печатной страницы. Если бы ты прошлую ночь спал здесь, ты бы не проснулся.

— Вот этого я и боюсь. Кстати, предусмотрел ли твой великий гений, как нам выбраться из этой дурацкой ловушки?

— А? Да-да! Ты и миссис Бейли хотели выйти и очутились здесь? Но я уверен, что это несерьезно. Раз мы вошли, значит, сможем и выйти. Я попробую...

Архитектор вскочил и побежал вниз, даже не договорив. Он распахнул входную дверь, шагнул в нее и... оказался на другом конце холла.

— Тут и вправду какое-то небольшое осложнение,— признал Тил.— Чисто технический вопрос. Между прочим, мы всегда можем выйти через стеклянные двери.

Он отдернул в сторону длинные гардины, скрывавшие стеклянные двери в стене бара. И замер на месте.

— Гм! — произнес он.— Интересно! Оч-чень интересно!

— В чем дело? — поинтересовался Бейли, подходя к нему.

— А вот...

Дверь открывалась прямо в столовую, а вовсе не наружу.

Бейли попятился в дальний угол, где бар и столовая примыкали к холлу перпендикулярно друг другу.

— Но этого же не может быть,— прошептал он.— От этой двери до столовой шагов пятнадцать.

— Не в тессеракте,— поправил его Тил.— Смотри!

Он открыл стеклянную дверь и шагнул в нее, глядя через плечо и продолжая что-то говорить.

С точки зрения супругов Бейли, он просто ушел.

Но это только с точки зрения супругов Бейли. У самого Тила захватило дух, когда он прямо-таки врос в розовый куст под окнами. Осторожно выбравшись из него, он решил, что впредь при разбивке сада будет избегать растений с шипами.

Он стоял снаружи. Рядом с ним высился тяжеловесный массив дома. Очевидно, Тил упал с крыши.

Тил забежал за угол, распахнул входную дверь и бросился по лестнице вверх.

— Гомер! — кричал он.— Миссис Бейли! Я нашел выход. Увидев его, Бейли скорее рассердился, чем обрадовался.

— Что с тобой случилось?

— Я выпал. Я был снаружи дома. Вы можете проделать это так же легко: просто пройдите в эту стеклянную дверь. Но там растет розовый куст — остерегайтесь его. Может быть, придется построить еще одну лестницу.

— А как ты потом попал в дом?

— Через входную дверь.

— Тогда мы через нее и выйдем. Идем, дорогая!

Бейли решительно напялил шляпу и спустился по лестнице, ведя под руку жену.

Тил встретил их... в баре.

— Я мог бы предсказать, что у вас так ничего не получится! — объявил он.— А сделать надо вот что: насколько я понимаю, в четырехмерной фигуре трехмерный человек имеет на выбор две возможности, как только он пересечет какую-либо линию раздела, например стену или порог. Обычно он поворачивает под прямым углом через четвертое измерение, но сам при своей трехмерной сущности этого не чувствует. Вот, посмотрите!

Тил шагнул в ту дверь, через которую немного раньше выпал. Шагнул и очутился в столовой, где продолжал свои объяснения:

— Я следил за тем, куда я иду, и попал, куда хотел.— Он перешел обратно в холл.— В прошлый раз я не следил, двигался в трехмерном пространстве и выпал из дома. Очевидно, это вопрос подсознательной ориентации.

— Когда я выхожу за утренней газетой, я не хочу зависеть от подсознательной ориентации,— заметил Бейли.

— Тебе и не придется. Это станет автоматической привычкой. Теперь — как выйти из дома? Я попрошу вас, миссис Бейли, стать спиной к стеклянной двери. Если вы теперь прыгнете назад, я вполне уверен, что вы очутитесь в саду.

Лицо миссис Бейли красноречиво отразило ее мнение о Тиле и его предложении.

— Гомер Бейли,— пронзительным голосом позвала она,— ты, кажется, собираешься стоять здесь и слушать, как мне предлагают...

— Что вы, миссис Бейли,— попытался успокоить ее Тил,— мы можем обвязать вас веревкой и спустить самым...

— Выкинь это из головы, Тил,— оборвал его Бейли.— Надо найти другой способ. Ни миссис Бейли, ни я не можем прыгать.

Тил растерялся. Возникла недолгая пауза.

Бейли прервал ее:

— Тил, ты слышишь?

— Что слышу?

— Чьи-то голоса. Не думаешь ли ты, что в доме есть еще кто-то и что он морочит нам головы?

— Едва ли: единственный ключ у меня.

— Но это так,— подтвердила миссис Бейли.— Я слышу голоса с тех пор, как мы пришли сюда. Гомер, я больше не выдержу, сделай что-нибудь!

— Спокойнее, спокойнее, миссис Бейли! — пытался уговорить ее Тил.— Не волнуйтесь. В доме никого не может быть, но я все осмотрю, чтобы у вас не оставалось сомнений. Гомер, побудь здесь с миссис Бейли и последи за комнатами этого этажа.

Архитектор вышел из бара в вестибюль, а оттуда в кухню и спальню. Это прямым путем привело его обратно в бар. Другими словами, идя все время прямо, он возвратился к месту, откуда начал обход.

— Никого нет,— доложил Тил.— По пути я открывал все окна и двери, кроме этой.— Он подошел к стеклянной двери, расположенной напротив той, через которую недавно выпал, и отвернул гардины.

Он увидел четыре пустые комнаты, но в пятой спиной к нему стоял человек. Тил распахнул дверь и кинулся в нее, вопя:

— Ага, попался! Стой, ворюга!

Неизвестный, без сомнения, услышал его. Он мгновенно обратился в бегство. Приведя в дружное взаимодействие свои длиннющие конечности, Тил гнался за ним через гостиную, кухню, столовую, бар, из комнаты в комнату, но, несмотря на отчаянные усилия, ему все не удавалось сократить расстояние между собой и незнакомцем. Затем преследуемый проскочил через стеклянную дверь, уронив головной убор. Добежав до этого места, Тил нагнулся и поднял шляпу, радуясь случаю остановиться и перевести дух. Он опять находился в баре.

— Негодяй, кажется, удрал,— признался Тил.— Во всяком случае, у меня его шляпа. Может быть, по ней мы и опознаем этого человека.

Бейли взял шляпу, взглянул на нее, потом фыркнул и нахлобучил ее на голову Тила. Она подошла, как по мерке. Тил был ошеломлен. Он снял шляпу и осмотрел ее. На кожаной ленте внутри виднелись инициалы: «К.Т.» Это была его собственная шляпа.

По лицу Тила видно было, что он начинает что-то понимать.

Он вернулся к стеклянной двери и стал смотреть в глубь анфилады комнат, по которым преследовал таинственного незнакомца. И тут, к удивлению своих спутников, начал размахивать руками подобно семафору.

— Что ты делаешь? — спросил Бейли.

— Ступай сюда — и увидишь.

Супруги подошли к нему и, посмотрев в ту сторону, куда он указывал, увидели сквозь четыре комнаты спины трех фигур: двух мужских и одной женской. Более высокая и худощавая довольно глупо размахивала руками.

Миссис Бейли вскрикнула и опять упала в обморок.

Несколько минут спустя, когда она пришла в себя и немного успокоилась, Бейли и Тил подвели итоги.

— Тил,— сказал Бейли,— ругать тебя — значит зря тратить время. Взаимные обвинения бесполезны, и я уверен, что ты сам не ожидал ничего подобного. Но я думаю, ты понимаешь, в каком серьезном положении мы оказались. Как нам отсюда выбраться? Похоже, мы будем здесь торчать, пока не умрем с голоду. Каждая комната ведет в другую.

— Ну, не так все плохо. Ты знаешь, что я уже один раз выбрался.

— Да, но повторить этого, несмотря на все попытки, ты не можешь!

— Ну, мы еще не испробовали всех комнат. У нас в запасе кабинет.

— Ах да, кабинет! Мы, помнится, прошли через него, но задерживаться в нем не стали. Ты хочешь сказать, что, может быть, удастся выйти через его окна?

— Не создавай себе иллюзий. Если рассуждать математически, кабинет должен выходить в четыре боковые комнаты этого этажа. Впрочем, мы еще не поднимали штор. Давайте взглянем, что за этим окном. Беды от этого не будет.

— Дорогая, мне кажется, тебе лучше остаться здесь и отдохнуть.

— Остаться одной в этом ужасном ящике? Ни за что!..

Не успев договорить, миссис Бейли вскочила с кушетки, на которой восстанавливала силы.

Поднялись в верхний этаж.

— Это внутренняя комната, не так ли, Тил? — спросил Бейли, когда они прошли через хозяйскую спальню и начали взбираться в кабинет.— Я припоминаю, что на твоем чертеже он имел вид маленького куба в центре большого и был со всех сторон окружен другими помещениями.

— Совершенно верно,— согласился Тил.— Что ж, посмотрим. По-моему, окно тут выходит в кухню.

Дернув за шнур, он поднял жалюзи.

Предсказание не оправдалось. Всеми овладело сильнейшее головокружение, и они попадали на пол, беспомощно цепляясь за ковер, чтобы их не унесло в Неведомое.

— Закрой, закрой! — простонал Бейли.

Преодолев первобытный атавистический страх, Тил, шатаясь, снова подошел к окну, и ему удалось опустить жалюзи. Окно смотрело вниз, а не вперед, вниз с ужасающей высоты.

Миссис Бейли опять упала в обморок.

Тил отправился за коньяком, а Бейли пока тер супруге запястья. Когда она очнулась, Тил осторожно подошел к окну и поднял жалюзи на одну планочку. Упершись коленями в стену, он стал вглядываться в то, что открылось его глазам. Потом обернулся к Бейли:

— Иди посмотри, Гомер. Узнаешь?

— Не ходи туда, Гомер Бейли!

— Не бойся, Матильда, я буду осторожен.

Он присоединился к архитектору и выглянул.

— Ну, видишь? Это, безусловно, небоскреб Крайслера! А там Ист-ривер и Бруклин.— Они смотрели прямо вниз с вершины необычайно высокого здания. В тысяче футов под ними расстилался игрушечный, но очень оживленный город.— Насколько я могу сообразить, мы смотрим вниз с Эмпайр-Стейт-билдинг, с точки, находящейся над его башней,— продолжал Тил.

— Что это? Мираж?

— Не думаю. Картина слишком совершенна. Мне кажется, пространство здесь сложено пополам через четвертое измерение и мы смотрим вдоль складки.

— Ты хочешь сказать, что мы этого на самом деле не видим?

— Нет, безусловно, видим. Не знаю, что было бы, если бы мы вылезли из этого окна. Что до меня, то мне пробовать неохота. Но какой вид! Ах, друзья мои, какой вид! Попробуем другие окна.

К следующему окну они приблизились более осторожно. И не напрасно: им представилась картина еще более удивительная, еще более потрясающая разум, чем вид с опасной высоты небоскреба. Перед ними был обыкновенный морской вид, открытый океан и синее небо, но только океан был там, где полагалось быть небу, а небо — на месте океана. На этот раз они уже несколько подготовились к неожиданностям, однако при виде волн, катящихся у них над головами, их начала одолевать морская болезнь. Мужчины поспешили опустить жалюзи, прежде чем зрелище успело лишиться равновесия и без того взволнованную миссис Бейли.

Тил покосился на третье окно:

— Попробуем, что ли, Гомер?

— Гм... Да... Гм!.. Если мы не попробуем, у нас останется неприятный осадок. Но ты полегче!..

Тил поднял жалюзи на несколько дюймов. Он не увидел ничего, поднял еще немного — по-прежнему ничего. Он медленно поднял жалюзи до отказа. Супруги Бейли и Тил видели перед собой... ничто.

Ничто, отсутствие чего бы то ни было. Какого цвета ничто? Не дурите! Какой оно формы? Форма — атрибут чего-то. Это ничто не имело ни глубины, ни формы. Оно не было даже черным. Просто — ничто.

Бейли жевал сигару.

— Тил, что ты об этом думаешь?

Безмятежность Тила была поколеблена.

— Не знаю, Гомер, право, не знаю... Но считаю, что это окно надо заделать.— Он с минуту глядел на опущенные жалюзи.— Я думаю... Может быть, мы смотрели в такое место, где вовсе нет пространства. Мы заглянули за четырехмерный угол, а там не оказалось ничего.— Он потер глаза.— У меня разболелась голова.

Они помедлили, прежде чем приступить к четвертому окну. Подобно невскрытому письму, оно могло и не содержать дурных вестей. Сомнение оставляло надежду. Наконец неизвестность стала невыносимой, и Бейли, несмотря на протесты жены, сам потянул за шнур.

То, что они увидели, было не так страшно. Ландшафт уходил от них вдаль, с подъемом в правую сторону. В общем, местность лежала на таком уровне, что кабинет казался комнатой первого этажа. И все же картина была неприветливая.

Знойное солнце хлестало лучами землю с лимонно-желтого неба. Выгоревшая до бурого цвета равнина казалась бесплодной и не способной поддерживать жизнь. Но жизнь здесь все же была. Станные увечные деревья тянули к небу узловатые искривленные ветви. Маленькие пучки колючих листьев окаймляли эту уродливую поросль.

— Божественный день! — прошептал Бейли. — Но где это? Тил покачал головой, глаза его были полны смущения.

— Это выше моего понимания.

— На Земле нет ничего похожего. Скорей всего, это другая планета. Может быть, Марс.

— Бог его знает. Но может быть и хуже, Гомер! Я хочу сказать — хуже, чем другая планета!

— А? Что это значит?

— Все это может оказаться целиком вне нашего пространства. Я даже не уверен, наше ли это солнце. Что-то оно слишком яркое.

Миссис Бейли робко подошла к ним и теперь была во власти диковинного зрелища.

— Гомер, — тихо сказала она, — какие отвратительные деревья. Они пугают меня.

Он похлопал ее по руке.

Тил возился с оконным затвором.

— Что ты делаешь? — строго спросил Бейли.

— Собираюсь высунуть голову из окна. Хочу оглядеться, и, может быть, я что-нибудь пойму тогда.

— Ну... что ж! — нехотя согласился Бейли. — Но будь осторожен.

— Хорошо. — Тил чуть приоткрыл окно и потянул носом. — По крайней мере, воздух как воздух.

Он распахнул окно, но больше ничего не успел сделать, так как внимание его было отвлечено странным явлением: все здание начало сотрясаться от мелкой дрожи, у людей

такая дрожь обычно служит первым предвестником тошноты. Через две-три секунды она прекратилась.

— Землетрясение! — воскликнули все разом.

Миссис Бейли повисла на шее мужа.

Тил проглотил слюну. Он быстро оправился от испуга.

— Ничего худого не случится, миссис Бейли. Дом совершенно надежен. После толчка, который был ночью, можно, знаете ли, ожидать усадочных колебаний.

Не успел он придать лицу беспечное выражение, как толчок повторился. Но теперь это была не слабая дрожь, а настоящая морская качка.

В каждом калифорнийце, будь он местный житель или приезжий, глубоко сидит автоматический рефлекс: стоит начаться землетрясению, как человек мгновенно бросается из закрытого помещения на воздух. Самые примерные бойскауты, повинувшись этому рефлексу, отпихивают в сторону престарелых бабушек. Однако Тил и Бейли упали на спину миссис Бейли. Очевидно, она первая выскочила из окна. Впрочем, это еще не доказывает рыцарского благородства ее спутников. Скорее следует предположить, что она находилась в позе, особенно удобной для прыжка.

Они перевели дух, немного опомнились и очистили глаза от песка. И прежде всего испытали радость, почувствовав под ногами плотный песок пустыни. Потом Бейли заметил нечто, заставившее его вскочить на ноги и предупредившее словесный поток, который уже готов был хлынуть из уст миссис Бейли.

— Где же дом?

Дом исчез. Не было ни малейшего признака его существования. Здесь царило полное запустение. Именно этот вид открылся им из последнего окна. Тут не было ничего, кроме увечных, искривленных деревьев, желтого неба и солнца над головой, сверкавшего невыносимым блеском.

Бейли медленно огляделся, потом повернулся к архитектору:

— Ну, Тил?

В его голосе были зловещие нотки.

Тил безнадежно пожал плечами:

— Ничего не знаю. Не знаю даже, на Земле ли мы.

— Так или иначе, мы не можем оставаться здесь. Это верная смерть. В каком направлении нам лучше идти?

— Думаю, направление роли не играет, можно пойти в любую сторону. Будем ориентироваться по солнцу.

Они двинулись в путь и прошли не так уж много, когда миссис Бейли потребовала передышки. Остановились.

— Ну, что ты об этом думаешь? — театральным шепотом спросил у Бейли Тил.

— Котелок не варит... Скажи, ты ничего не слышишь?

Тил прислушался:

— Может быть... если это не плод воображения.

— Похоже на автомобиль. Слушай, в самом деле автомобиль!

Пройдя не больше ста шагов, они очутились на шоссе. Когда автомобиль приблизился, оказалось, что это старенький тарахтящий грузовичок. Им управлял какой-то фермер. Они подняли руки, и машина, скрежеща, остановилась.

— У нас авария. Не выручите?

— Конечно. Залезайте!

— Куда вы едете?

— В Лос-Анджелес!

— В Лос-Анджелес? А где мы сейчас?

— Вы забрались в самую глубь Национального заповедника Джошуа-три.

Обратный путь был уныл, как отступление французов из Москвы. Мистер и миссис Бейли сидели впереди, рядом с водителем, а Тил в кузове грузовичка подлетал на всех ухабах и старался как-нибудь защитить голову от солнца. Бейли попросил приветливого фермера дать крюк и подъехать к тессерактовому дому. Не то чтобы он или его жена жаждали вновь увидеть это жилище, но надо же было им забрать свою машину.

Наконец фермер свернул к тому месту, откуда начались их похождения. Но дома там больше не было.

Не было даже комнаты нижнего этажа. Она исчезла. Супруги Бейли, заинтересованные помимо собственной воли, побродили вокруг фундамента вместе с Тилом.

— Ну, а это ты понимаешь, Тил? — спросил Бейли.

— Несомненно, от последнего толчка дом провалился в другой сектор пространства. Теперь я вижу — надо было скрепить его анкерными связями с фундаментом.

— Тебе следовало еще многое сделать!

— В общем, я не вижу оснований для того, чтобы падать духом. Дом застрахован, а мы узнали поразительные вещи. Открываются широкие возможности, дружище, широкие возможности. Знаешь, мне сейчас пришла в голову поистине замечательная, поистине революционная идея дома, который...

Тил вовремя пригнул голову. Он всегда был человеком действия.

СТАНДАРТНЫЙ КОШМАР

Космический пилот Джонни Безик состоял на службе в компании «Эс-би-си эксплорейшис». Он исследовал подступы к скоплению Сиргона, в то время совершенной terra incognita.

Первые четыре планеты не показали ничего интересного. Безик приблизился к пятой, и начался стандартный кошмар.

Ожил корабельный громкоговоритель. Раздался низкий голос:

— Вы находитесь в окрестностях планеты Лорис. Очевидно, собираетесь произвести посадку?

— Верно, — подтвердил Джонни. — Как получилось, что вы говорите по-английски?

— Одна из наших вычислительных машин овладела языком на основе эмпирических данных, ставших доступными во время вашего приближения к планете.

— Ишь ты, недурно! — восхитился Джонни.

— Пустяки, — ответил голос. — Сейчас мы войдем в непосредственную связь с корабельным компьютером и введем параметры орбиты, скорость и другие сведения. Вы не возражаете?

— Конечно, ваяйте! — сказал Джонни. Он только что впервые в истории Земли вошел в контакт с иным разумом. Так всегда и начинался стандартный кошмар.

Рыжеволосый, низенький, кривоногий Джонни Чарлз Безик выполнял свою работу добросовестно, компетентно и механически. Он был тщеславен, чванлив, невежествен, сварлив и бесстрашен. Короче говоря, изумительно подходил для исследований глубокого космоса.

Лишь определенный тип человека может вынести умопомрачительную безбрежность пространства и грозящие шизофренией стрессы, вызванные опасностью неведомого. Тут нужен человек с огромным и незыблемым самомнением и воинственной самоуверенностью. Нужен кретин. Поэтому исследовательские корабли ведут люди, подобные Джонни, чье вопиющее самодовольство твердо опирается на безграничную самовлюбленность и поддерживается непоколебимым невежеством.

Таким психическим обликом обладали конкистадоры. Кортес и горстка головорезов покорили империю ацтеков только потому, что так и не осознали невозможности этого предприятия.

Джонни развалился в кресле и наблюдал, как приборы на пульте управления регистрировали изменение курса и скорости.

На видеоэкране появилась планета Лорис — голубая, зеленая, коричневая. Джонни Безик вот-вот встретит парней со своей улицы.

Чудесно, если эти парни, эти, выражаясь межгалактически, соседи — смышленные ребята. Но вовсе не так здорово, если они соображают намного лучше вас и при этом, возможно, сильнее, проворнее и более агрессивны. Подобным соседям может взбрести на ум сделать что-нибудь с вами. Разумеется, вовсе не обязательно будет так, но к чему кривить душой, мы живем в жестокой Вселенной, и извечный вопрос — это кто наверху.

Земля посылала экспедиции, исходя из расчета, что если «где-то там» кто-то есть, то лучше пусть мы найдем их, чем они свалятся нам на голову одним тихим воскресным утром. Сценарий стандартного земного кошмара всегда начинался контактом с чудовищной цивилизацией. Потом шли варианты.

Иногда инопланетяне оказывались высокоразвиты технически, иногда обладали невероятными психокинетическими способностями, иногда были глупы, но практически неуязвимы — ходячие растения, роящиеся насекомые и тому подобное. Обычно они были безжалостны и аморальны — не в пример хорошим земным парням.

Но это второстепенные детали. Лейтмотив кошмара постоянно одинаков: Земля вступает в контакт с чужой могущественной цивилизацией и они нас покоряют.

Безик вот-вот узнает ответ на единственный вопрос, который серьезно волнует Землю: они нас или мы их?

Пока он не решился делать ставки...

Воздухом Лориса можно дышать, а вода годна для питья. Обитатели Лориса — гуманоиды. Несмотря на мнение нобелевского лауреата Сержа Бонблата, будто бы вероятность этого — один к десяти в девяносто третьей степени.

Лорианцы при помощи гипнопедии преподавали Безику свой язык и показали ему главный город Атисс. Чем больше Джонни наблюдал, тем становился мрачнее. Лорианцы были приятными, уравновешенными и доброжелательными существами. За последние пять столетий их история не знала войн или восстаний. Рождаемость и смертность были надежно сбалансированы: население многочисленно, но всем хватало места и возможностей. Существовали расовые отличия, однако никаких расовых проблем. Технически высокоразвитые, лорианцы с успехом соблюдали чистоту окружающей среды и экологическое равновесие. Каждый занимался любимой творческой работой, в то время как весь тяжелый труд выполняли саморегулирующиеся механизмы.

В столице Атисс — гигантском городе с фантастически красивыми зданиями, башнями, дворцами — было все: базары, рестораны, парки, величественные скульптуры, кладбища, аттракционы, пирожковые, песочницы, даже прозрачная река. Все, что ни назови. И все бесплатно, включая пищу, одежду, жилье и развлечения. Каждый брал что хотел и отдавал что хотел, и каким-то образом это уравнивали-

валось. Поэтому на Лорисе обходились без денег, а при отсутствии денег отпадала нужда в банках, казначействах и хранилищах. Даже замки не требовались: все двери на Лорисе открывались и закрывались по обыкновенному мысленному приказу.

В политическом отношении правительство отражало единый коллективный разум лорианцев. И коллективный этот разум был спокойным, мудрым, благим. Между желаниями общественности и действиями правительства не существовало расхождений, не возникало и задержек.

Более того, чем внимательнее Джонни всматривался, тем больше ему казалось, что Лорис вовсе не имел никакого правительства. Пожалуй, ближе всех к образу правителя подходил некто Веерх, руководитель Бюро Проектирования Будущего. А Веерх никогда не отдавал распоряжений — лишь время от времени выпускал экономические, социальные и научные прогнозы.

Безик узнал все это за несколько дней. Ему помогал специально назначенный гид по имени Хелмис, ровесник Джонни. Поскольку он обладал умом, терпимостью, сметкой, добротой, неисчерпаемым юмором, самокритичностью и прозорливостью, то Джонни его на дух не выносил.

Размышляя на досуге в роскошном номере гостиницы, Джонни понял, что лорианцы настолько близки к воплощению человеческих идеалов безупречности, насколько можно ожидать. Казалось, они олицетворяют абсолютно все достоинства. Но это никак не противоречило стандартному земному кошмару. Своенравные земляне попросту не желают плясать под дудку инопланетян, даже самых добродетельных, даже ради благополучия самой Земли.

Безик ясно видел, что лорианцы не любят лезть на рожон: они домоседы, не домогаются чужих территорий, не хотят никого покорять, и само понятие «экспансия» им чуждо. Но с другой стороны, они не могли не сообразить, что если не предпринять что-нибудь по отношению к Земле, то Земля уж точно предпримет что-нибудь по отношению к ним и из кожи вон вылезет, пытаясь это сделать.

Возможно, правда, что никаких трудностей не возникнет вовсе. Возможно, у народа столь мудрого, доверчивого

и миролюбивого, как лорианцы, и в помине нет никакого оружия.

Но на следующий день, когда Хелмис предложил осмотреть Космический флот Древней Династии, Безик убедился в беспочвенности своих надежд.

Флоту было тысяча лет, и все семьдесят кораблей работали как отлаженные часы.

— Тормиш Второй, последний правитель Древней Династии, намеревался завоевать все обитаемые планеты,— пояснил Хелмис.— К счастью, наш народ созрел прежде, чем он успел начать исполнение своего замысла.

— Но корабли вы сохранили,— заметил Джонни.

Хелмис пожал плечами.

— Это памятник нашей прошлой безрассудности. Ну и, по правде сказать, если на нас вдруг все-таки нападут... попробуем отбиться.

— Думаю, небезуспешно,— промолвил Джонни. Он прикинул, что один такой корабль запросто справится со всем, что Земля сможет вывести в космос в ближайшие два столетия.

Такова была жизнь на Лорисе — точь-в-точь какой ей следовало быть по сценарию стандартного кошмара. Слишком хороша для правды. Идеальна. Ужасающе, отвратительно идеальна.

Но уж так ли она безупречна? Джонни в полной мере обладал свойственной землянам верой в то, что на каждое достоинство есть соответствующий порок. Сию мысль он обычно выражал следующим образом: «Где-то здесь должна быть лазейка». Даже в раю Господнем дела не могут идти гладко.

Безик наблюдал, критически взвешивал, сопоставлял.

У лорианцев была полиция. Их называли «наставниками», и вели они себя чрезвычайно вежливо. Но, по существу, были полицейскими.

Это указывало на существование преступников.

Хелмис развеял выводы Джонни:

— У нас, разумеется, есть отдельные случаи генетических отклонений от нормы, но вовсе нет преступного мира. Наставники занимаются скорее образованием, чем отправлением закона. Любой гражданин вправе поинтересоваться мнением наставника по каким-либо нюансам личного поведения. А уж если он ненароком нарушит закон, наставник на это укажет.

— А потом арестует?

— Нет! Гражданин извинится, и инцидент будет исчерпан.

— Но что, если гражданин нарушает закон снова и снова? Как тогда поступают наставники?

— Такого никогда не бывает.

— И все-таки?

— Наставники способны действовать эффективно при любых обстоятельствах.

— Больно они хлипкие,— сомнительно пробормотал Джонни.

Что-то мешало ему убедиться в правоте слов Хелмиса до конца. Скорее всего, он просто не мог позволить себя убедить. И все же... Дела на Лорисе шли. Шли потрясающе здорово. Они не шли потрясающе здорово только у Джонни Безика. Это потому, что он был землянином — иными словами, неуравновешенным дикарем. А еще потому, что Джонни с каждым днем становился все более мрачным и свирепым.

Кругом царили радость и совершенство. Наставники вели себя как скромные и деликатные девушки. На дорогах никогда не бывало пробок, никто не портил друг другу нервы. Миллионы автоматических систем доставляли в город жизненно важные продукты и вывозили отходы. Люди блаженствовали, наслаждались общением с окружающими и занимались искусством.

И все так благоразумны! Так дружелюбны! Так доброжелательны! Так красивы и умны!

Да, это был настоящий рай. Даже Джонни Безик не мог не признать этого. Его и без того дурное настроение портилось все больше и больше. Вам, вероятно, трудно это понять — если вы сами случайно не с Земли.

Оставьте такого, как Джонни, в месте, подобном Лорису,— и потом не расхлебаете неприятностей. Почти две недели Джонни держал себя в руках. Затем в один прекрасный день, сидя за рулем (автомобиль был на ручном управлении), он сделал левый поворот, не подав сигнала.

Машина сзади как раз увеличила скорость, собираясь обходить слева. Резкий поворот Джонни едва не привел к столкновению. Машины завертелись и остановились нос к носу. Джонни и другой водитель вылезли.

— Ну и ну, дружище!..— весело сказал водитель.— Мы едва не треснулись.

— Какое там треснулись, к чертовой матери! — рявкнул Джонни.— Ты меня подрезал.

Водитель доброжелательно рассмеялся:

— По-моему, нет. Хотя, разумеется, я признаю возможность...

— Послушай,— перебил Джонни.— Из-за твоей проклятой невнимательности мы оба могли отправиться на тот свет.

— Но вы, безусловно, находились впереди, а делать внезапный поворот...

Джонни резко подался вперед и угрожающе прорычал:

— Не городи чепухи, парень. Сколько раз повторять, что ты не прав?!

Водитель опять рассмеялся, пожалуй, с некоторой нервозностью.

— Я предлагаю вопрос виновности вынести на суд свидетелей,— кротко произнес он.— Убежден, что все эти стоящие здесь славные люди...

Джонни покачал головой.

— Мне не нужны никакие свидетели,— заявил он.— Я знаю, что произошло. Я знаю, что виноват ты.

— Похоже, вы совершенно уверены...

— Еще бы я не был уверен! — возмутился Джонни.— Я уверен, потому что знаю.

— Что ж, в таком случае...

— Ну?

— В таком случае,— молвил водитель,— мне остается лишь извиниться.

— Да уж, по меньшей мере,— сказал Джонни, величаво прошел к машине и умчался на недозволенной скорости.

После этого Безик почувствовал некоторое облегчение, но стал еще более непокорным и упрямым. Он был сыт по горло превосходством лорианцев, его тошнило от их рассудительности, от их добродетелей.

Он вернулся в номер с двумя бутылками бренди, выпускавшего в медицинских целях, пил и предавался мрачным раздумьям. Пришел советник по этике и указал, что поведение Джонни было вызывающим, невежливым и диким. Он изложил все в очень тактичной форме.

Джонни посоветовал ему убраться восвояси. Нельзя сказать, что Безик был особо безрассуден — для землянина. Оставь его в покое, дня через два он наверняка почувствовал бы раскаяние.

Советник продолжал выговаривать. Он рекомендовал лечение. Он даже настаивал на лечении: Джонни чересчур подвержен злости и агрессивному настроению, он являет угрозу для граждан.

Джонни велел советнику сгинуть. Советник отказался сгинуть и оставить проблему неразрешенной. Джонни решил проблему, вытолкав его за дверь.

Потрясенный советник поднялся на ноги и из-за двери поставил Джонни в известность, что до выяснения обстоятельств дела ему придется смириться с изоляцией.

— Только попробуйте,— многообещающе заявил Джонни.

— Вы не беспокойтесь,— обнадежил советник.— Это ненадолго и не будет связано с неприятными ощущениями. Мы осознаем культурные различия между нами. Но мы не можем допустить неконтролируемое и необоснованное насилие.

— Если вы не станете меня заводить, я не выйду из себя,— сказал Джонни.— Главное, не ерепеньтесь и не вздумайте меня запирать.

— Наши правила абсолютно ясны. Скоро сюда придет наставник. Я предлагаю вам с ним не спорить.

— Похоже, вы напрашиваетесь на неприятности,— заметил Джонни.— Ладно, малыш. Делайте, что считаете нужным. И я буду делать, что считаю нужным.

Советник удалился. Джонни пил и размышлял. Пришел наставник. Как официальный представитель закона, наставник ожидал от Джонни беспрекословного повиновения. Когда Джонни отказался, он был ошеломлен. Так не положено!.. Наставник ушел за новыми указаниями.

Джонни продолжал пить. Через час наставник вернулся и сообщил, что он наделен полномочиями увести Джонни силой, если потребуется.

— Это правда? — спросил Джонни.

— Да, так что не принуждайте меня...

Джонни вышвырнул его, тем самым избавив от необходимости применить силу.

Безик покинул номер на не совсем твердых ногах. Он знал, что нападение на наставника — тяжкий проступок. Так просто ему не выкрутиться. Он решил вернуться на корабль и убраться подобру-поздорову. Они, конечно, могут помешать взлету или уничтожить его в воздухе, но вряд ли станут утруждать себя, а наверняка будут только рады избавиться от неприятного гостя.

Безик достиг корабля без приключений. Вокруг сутились два десятка рабочих. Он сказал мастеру, что хочет немедленно взлететь. Тот был чрезвычайно расстроен, что не может услужить. Двигатель разобран, его прочищают и модернизируют — скромный дружеский дар лорианского народа.

— Дайте нам еще пять дней, и у вас будет самый быстрый корабль к западу от Ориона,— пообещал мастер.

— Чертовски мне это пригодится,— прорычал Джонни.— Послушайте, я страшно спешу. Не могли бы вы поставить мне двигатель поскорее?

— Работая круглосуточно и без перерывов на обед, мы постараемся управиться за три с половиной дня.

— Просто великолепно,— выдал Джонни.— Кто велел вам трогать мой корабль?

Мастер принес извинения. Джонни взбесился еще больше. Очередной акт бессмысленного насилия был предотвращен прибытием четырех наставников.

Безик оторвался от преследования в лабиринте извивающихся улочек, заблудился сам. Над ним возвышалась аркада. Сзади появились два наставника. Безик побежал по узким каменным коридорам. Вскоре путь ему преградила закрытая дверь.

Он приказал ей открыться. Дверь оставалась закрытой, очевидно по указанию наставников. В ярости Безик повторил приказ. Мысленная команда была столь сильна, что дверь с грохотом распахнулась, как и все прочие двери в непосредственном окружении. Джонни убежал от наставников и остановился перевести дыхание на замшелой мостовой.

Долго так продолжаться не может. Необходимо разработать план. Но какой план способен выручить одного землянина, преследуемого целой планетой лорианцев? Шансы слишком неравны, даже для конкистадора, каковым по духу был Джонни.

И вдруг, совершенно самостоятельно, Джонни родил идею, которую использовал Кортес и которая спасла шкуру Писарро.

Он решил найти здешнего правителя и пригрозить ему смертью, если его люди не успокоятся и не прислушаются к голосу разума.

У плана был только один изъян — этот народ не имел правителя. Самая нечеловеческая черта лорианцев. Тем не менее у них было несколько важных чиновников. Например, Веерх. Конечно, подобную шишку положено охранять. Однако обитатели сумасшедшего дома под названием Лорис, наверное, попросту не додумались до этого.

Дружелюбный прохожий сообщил ему адрес. До Бюро Проектирования Будущего оставалось четыре квартала, когда Безика остановил отряд из двадцати наставников. Они неуверенно потребовали, чтобы он сдавался.

Джонни пришло в голову, что, хотя в аресте людей заключается смысл их работы, производить его им наверняка приходилось впервые. В первую очередь это были

миролюбивые, рассудительные граждане, и лишь во вторую — полицейские.

— Кого вы хотите арестовать? — спросил он.

— Чужеземца по имени Джонни Безик, — ответил старший наставник.

— Я рад это слышать, — сказал Джонни. — Он причинил мне немало неприятностей.

— Но разве вы не...

Джонни рассмеялся:

— Не я ли тот опасный чужеземец? Мне жаль вас разочаровывать, но вынужден ответить отрицательно. Я знаю, однако, о нашем сходстве.

Наставники стали обсуждать создавшееся положение. Джонни продолжал:

— Послушайте, друзья, я родился вот в этом доме. Меня могут опознать двадцать человек, включая жену и четверых детей. Какие вам еще нужны доказательства?

Наставники снова засовещались.

— Более того, — не унимался Джонни, — неужели вы искренне полагаете, что я действительно опасный и неудержимый преступник? По-моему, здравый смысл должен подсказать вам...

Старший наставник извинился.

Джонни продолжил путь. От цели его отделял всего квартал, когда появилась новая группа наставников в сопровождении его бывшего гида, Хелмиса.

Они призвали Джонни сдаваться.

— У меня нет времени, — заявил Безик. — Ваши приказы отменены. Я уполномочен сейчас же открыть свою истинную личность.

— Мы знаем вашу истинную личность, — сказал Хелмис.

— Если б вы знали, мне не пришлось бы ее открывать, не так ли? Слушайте внимательно. Я лорианец, много лет назад обученный агрессивности для особого задания. Это задание теперь выполнено. Я вернулся — как планировалось — и провел несколько простейших тестов с целью проверки психологической атмосферы на Лорисе. Вам известны результаты. Они удручающи, с точки зрения вы-

живания расы. Я обязан немедленно обсудить эту проблему и другие высокие материи с Главным Проектировщиком Бюро Проектирования Будущего. Могу сообщить вам совершенно конфиденциально, что наше положение крайне серьезно и не оставляет времени на раздумья.

Сбитые с толку наставники попросили Джонни подтвердить свое заявление.

— Я же сказал, что дело не терпит промедления. С удовольствием все подтвердил бы — если бы было время.

— Сэр, без приказа не можем позволить вам уйти.

— В таком случае вероятная гибель нашей планеты лежит на вашей совести.

— Какое у вас звание, сэр? — спросил офицер-наставник.

— Выше, чем у вас, — быстро ответил Джонни.

Офицер пришел к решению:

— Что прикажете, сэр?

Джонни улыбнулся:

— Сохраняйте спокойствие. Пресекайте панику. Ждите дальнейших указаний.

Безик уверенно продолжил свой путь. Он достиг двери Бюро и приказал ей открыться. Дверь открылась. Он собирался пройти...

— Поднимите руки и отойдите от двери! — раздался жесткий голос сзади.

Безик обернулся и увидел группу из десяти наставников. Все десять были одеты в черное и держали оружие.

— Мы имеем право стрелять, — предупредил один из них. — Не пытайтесь нас обмануть. Нам приказано не обращать внимания на ваши слова и любой ценой произвести арест.

— Не имеет смысла убеждать вас, да?

— Никакого. Идите.

— Куда?

— Специально для вас мы открыли одну из древних тюрем. Вам будут созданы все условия. Судья займется вашим делом, учитывая инородство и низкий уровень культуры. Вы, безусловно, получите предупреждение и немедленно покинете Лорис.

— Это вовсе не плохо. Я в самом деле отделаюсь так легко?

— Нас в этом заверили,— сказал наставник.— Мы разумные и сострадательные люди. Ваше доблестное сопротивление высоко оценено.

— Благодарю.

— Но теперь с этим покончено. Вы пойдете с нами по доброй воле?

— Нет.

— Простите, не понимаю.

— Вы много чего не понимаете обо мне и землянах. Я намерен войти в эту дверь.

— Если попытаетесь, мы будем стрелять.

Существует единственный безошибочный способ отличить тип истинного конкистадора, настоящего берсерка, искреннего камикадзе или крестоносца от обычных людей. Обычные люди, столкнувшись с невероятной ситуацией, склонны к компромиссу, к выжиданию более благоприятных условий для схватки. Но только не Писарро, не Готфрид Бульонский, не Гарольд Гардрадас, не Джонни Безик. Они одарены великой глупостью. Или великой храбростью. Или и тем и другим вместе.

— Ладно,— сказал Джонни.— Стреляйте, черт с вами.

И вошел в дверь. Наставники не стреляли. Идя по коридорам Бюро Проектирования Будущего, Джонни слышал, как они спорили за его спиной.

Вскоре он оказался лицом к лицу с Веерхом, Главным Проектировщиком. Веерх был спокойным маленьким человечком с лицом престарелого эльфа.

— Здравствуйте,— сказал Главный Проектировщик.— Садитесь. Я закончил прогноз взаимоотношений между Землей и Лорисом.

— Оставьте его при себе,— посоветовал Джонни.— У меня есть парочка незатейливых просьб, которые, я уверен, вы с радостью выполните. Иначе...

— Полагаю, вам было бы интересно,— перебил Веерх,— что мы экстраполировали черты вашего народа и сравнили с нашими. Похоже, между нами неминуемо произойдет столкновение в борьбе за господство. Инициаторами, ес-

тественно, явитесь вы. Вы, земляне, попросту не успокойтесь, пока не выясните, кто здесь главный. Исход неизбежен, учитывая ваш уровень развития.

— Чтобы прийти к такому же выводу, мне не потребовались ни высокий пост, ни причудливый титул,— сказал Джонни.— Теперь слушайте...

— Я не закончил. С точки зрения развития техники, у вас нет ни единого шанса. Мы можем в два счета уничтожить любой ваш флот.

— Выходит, вам не о чем беспокоиться.

— Но техника не имеет такого значения, как психология. Вы, земляне, достаточно развиты и не будете бросаться на нас в лоб. Пойдут переговоры, угрозы, нарушения, снова переговоры, нападения, объяснения, вторжения, битвы и тому подобное. Мы не в состоянии делать вид, будто вас не существует, и отказываться сотрудничать с вами, желая найти более разумное и справедливое решение. Это так же невозможно для нас, как для вас — оставить нас в покое. Мы — прямые, безмятежные и честные люди. Ваш же народ агрессивен, неуравновешен и способен на поразительное коварство. Учитывая все обстоятельства, мы психологически не сможем вам противостоять.

— Гм-м, проклятье! — произнес Джонни.— Чертовски странно слышать такие слова. Наверное, глупо с моей стороны давать советы, но посудите сами, если вы все это понимаете, почему бы вам не приспособиться? Заставить себя стать такими, какими вам необходимо сейчас стать?

— Как вы? — спросил Веерх.

— Нет, я не смог приспособиться. Но я же в подметки не гожусь по уму вам, лорианцам.

— Ум тут ни при чем,— сказал Главный Проектировщик.— Никто не может мгновенно изменить свою культуру по собственному желанию. Но, положим, нам удастся переделать себя. Мы станем такими же, как вы. По правде говоря, нам это не понравится.

— Не могу вас винить,— признался Джонни.

— Предположим даже, совершится чудо и наш народ станет воинственным,— все равно мы не сможем за несколько лет достичь уровня, к которому вы шли тысячелетия

по пути агрессивного развития. Несмотря на превосходство в вооружении, мы, по всей вероятности, потерпим поражение, играя в вашу игру вашими же правилами.

Джонни моргнул. Он и сам об этом думал. Лорианцы просто чересчур доверчивы, чересчур наивны. Не составит труда, прикрываясь какими-нибудь мирными переговорами, внезапно захватить один из их кораблей. Может быть, два или три. Потом...

— Я вижу, вы пришли к тому же заключению,— заметил Веерх.

— Боюсь, вы правы,— сказал Джонни.— Мы действительно рвемся к первенству куда более рьяно, чем вы. Лорианцы слишком честные и милые люди и будут играть по правилам, даже если дело пойдет о жизни или смерти. А мы, земляне, не очень-то церемонимся и ради победы не побрезгуем ничем.

— Таковы результаты нашей экстраполяции,— заключил Веерх.— Так что мы решили просто-напросто сэкономить время и сейчас же сделать вас нашим главой.

— Что?!

— Мы хотим, чтобы вы нами правили.

— Лично я?

— Да. Лично вы.

— Это, конечно, шутка,— пробормотал Джонни.

— Тут совершенно не до шуток,— твердо сказал Веерх.— И мы, лорианцы, никогда не лжем. Я сообщил вам наш прогноз. Самое разумное — избавить себя от болезненных усилий и лишений и немедленно принять неизбежное. Вы согласны править нами?

— Чертовски лестное предложение,— проговорил Джонни.— Я вряд ли подхожу... Но какого дьявола?.. Тут вообще никто не подойдет... Ладно, придется заняться вашей планетой. Я буду милостивым правителем, потому что вы мне по душе.

— Благодарим вас,— сказал Веерх.— Вы убедитесь, что управлять нами легко, пока вы не требуете психологически невыполнимого. Но вот ваши соотечественники могут оказаться не такими покладистыми. Им это не понравится.

— Мягко говоря...— иронично усмехнулся Джонни.— Правительства Земли не знали такого потрясения за всю историю. Они в лепешку расшибутся, чтобы сместить меня и поставить одного из своих парней. Но ведь вы, лорианцы, меня поддержите?

— Вам известна наша натура. Мы не станем драться за вас, как не станем драться за себя. Мы будем подчиняться наделенному властью лицу.

— Пожалуй, большего ожидать нельзя,— произнес Джонни.— Мне видятся определенные сложности... Надо, вероятно, посоветоваться, создать организацию, прощупать обстановку в конгрессе...

Джонни замолчал.

— Нет, что-то не так... Я не до конца логичен. Дело сложнее, чем мне казалось. Я не все продумал.

— К сожалению, бессилен вам помочь,— сказал Главный Проектировщик.— Должен признаться, тут я ничего не понимаю.

Джонни нахмурился. Потер лоб. Почесал голову. Потом проговорил:

— Да... Что ж, мне ясно, что делать. А вам?

— Я полагаю, есть много разумных путей.

— Только один,— отчеканил Джонни.— Рано или поздно, я должен завоевать Землю. Иначе они завоюют меня. То есть нас. Разве не очевидно?

— Весьма вероятное предположение.

— Это сущая правда! Или я, или они.

После некоторого молчания Джонни продолжил:

— Мне такое и привидеться не могло. Меньше чем за две недели — от простого космонавта до императора могущественной планеты. А теперь мне предстоит покорить Землю, и к этой мысли я еще не привык. Впрочем, им будет только лучше. Мы принесем цивилизацию этим обезьянам, научим их, как надо жить. Пройдет время, и они нас возблагодарят.

— У вас есть приказания для меня? — спросил Веерх.

— Я желаю получить все сведения о флоте Древней Династии. Но раньше, пожалуй, надо провести коронацию.

Нет, сперва референдум, провозглашающий меня императором, а потом коронацию. Вы сможете все устроить?

— Я приступаю немедленно,— сказал Главный Проектировщик.

Так разразился наконец тот самый стандартный земной кошмар. Высокоразвитая инопланетная цивилизация вознамерилась насадить на Земле свою культуру. На Лорисе — иная ситуация. Лорианцы, прежде беззащитные, обрели воинственного командира и вскоре подыщут наемников для космического флота. Что не сулит Земле ничего хорошего, но вовсе не вредит Лорису.

Это, разумеется, неизбежно. Ибо лорианцы развиты и разумны. А в чем же цель истинного разума, как не в том, чтобы обладать истинно желаемым, но не принимать за него ошибочно обыкновенную тень...

МЕХАНИЧЕСКОЕ
ЭГО

Никлас Мартин оторвал взгляд от стола и посмотрел на робота.

— Я не стану спрашивать, что вам здесь нужно, — сказал он придушенным голосом. — Я понял. Идите и передайте Сен-Сиру: я согласен. Скажите, что я в восторге от того, что в фильме будет робот. Все остальное у нас уже есть. Но совершенно ясно, что камерная пьеса о сочельнике в селении рыбаков-португальцев на побережье Флориды никак обойтись без робота не может. Однако почему один, а не шесть? Скажите ему, что меньше чем на чертову дюжину роботов я не согласен. А теперь убирайтесь.

— Вашу мать звали Елена Глинская? — поинтересовался робот, пропуская тираду Мартина мимо ушей.

— Нет, — отрезал тот.

— А! Ну, так, значит, она была Большая Волосатая, — пробормотал робот.

Мартин снял ноги с письменного стола и медленно расправил плечи.

— Не волнуйтесь! — поспешно сказал робот. — Вас избрали для экологического эксперимента, только и всего. Это совсем не больно. Там, откуда я явился, роботы представляют собой одну из законных форм жизни, и вам незачем...

— Заткнитесь! — потребовал Мартин. — Тоже мне робот! Статист несчастный! На этот раз Сен-Сир зашел слишком далеко. — Он затрясся всем телом под влиянием какой-то сильной, но подавленной эмоции. Затем его взгляд упал на внутренний телефон, и, нажав на кнопку, Мартин потребовал: — Дайте мисс Эшби! Немедленно!

— Мне очень неприятно, — виновато сказал робот. — Может, я ошибся? Пороговые колебания нейронов всегда нарушают мою мнемоническую норму, когда я темпорирую. Ваша жизнь вступила в критическую фазу, не так ли?

Мартин тяжело задышал, и робот усмотрел в этом доказательство своей правоты.

— Вот именно, — объявил он. — Экологический дисбаланс приближается к пределу, смертельному для данной жизненной формы, если только... гм-гм... Либо на вас вот-вот наступит мамонт, вам на лицо наденут железную маску, вас прирежут илоты, либо... Наверное, мне следовало сойти пятьдесят лет назад, но мне показалось... Прошу извинения, всего хорошего, — поспешно добавил он, когда Мартин устремил на него яростный взгляд.

Робот приложил пальцы к своему, естественно, неподвижному рту и развел их от уголков в горизонтальном направлении, словно рисуя виноватую улыбку.

— Нет, вы не уйдете! — вскричал Мартин. — Стойте где стоите, чтобы у меня злость не остыла! И почему только я не могу осатанеть как следует и надолго? — закончил он жалобно, глядя на телефон.

— Вы уверены, что вашу мать звали не Елена Глинская? — спросил робот, приложив большой и указательный пальцы к номинальной переносице, отчего Мартину вдруг показалось, что его посетитель озабоченно нахмурился.

— Конечно, уверен! — рявкнул он.

— Так, значит, вы еще не женились? На Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Не женился и не женюсь! — отрезал Мартин и схватил трубку зазвонившего телефона.

— Это я, Ник! — раздался спокойный голос Эрики Эшби. — Что-нибудь случилось?

Мгновенно пламя ярости в глазах Мартина угасло и сменилось розовой нежностью. Последние несколько лет он отдавал Эрике, весьма энергичному литературному агенту, десять процентов своих гонораров. Кроме того, он изнывал от безнадежного желания отдать ей примерно фунт своего мяса — сердечную мышцу, если воспользоваться холодным научным термином. Но Мартин не воспользовался ни этим термином и никаким другим, ибо при любой попытке сделать Эрике предложение им овладевала робость и он начинал лепетать что-то про зеленые луга.

— Так в чем дело? Что-нибудь случилось? — повторила Эрика.

— Да.— Мартин глубоко вздохнул.— Может Сен-Сир заставить меня жениться на какой-то Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Замечательная у вас память! — печально вставил робот.— И у меня была такая же, пока я не начал темпорировать. Но даже радиоактивные нейроны не выдержат...

— Формально ты еще сохраняешь право на жизнь, свободу и так далее,— ответила Эрика.— Но сейчас я очень занята, Ник. Может быть, поговорим об этом, когда я приду?

— А когда?

— Разве тебе не передали, что я звонила? — вспыхнула Эрика.

— Конечно нет! — сердито крикнул Мартин.— Я уже давно подозреваю, что дозвониться ко мне можно только с разрешения Сен-Сира. Вдруг кто-нибудь тайком пошлет в мою темницу слово ободрения или даже напильник! — Его голос повеселел.— Думаешь устроить мне побег?

— Это возмутительно! — объявила Эрика.— В один прекрасный день Сен-Сир перегнет палку...

— Не перегнет, пока не может рассчитывать на Диди,— угрюмо сказал Мартин.

Киноккомпания «Вершина» скорее поставила бы фильм, пропагандирующий атеизм, чем рискнула бы обидеть свою несравненную кассовую звезду Диди Флеминг. Даже Толливер Уотт, единоличный владелец «Вершины», не спал

по ночам, потому что Сен-Сир не разрешал прелестной Диди подписать долгосрочный контракт.

— Тем не менее Уотт совсем не глуп,— сказала Эрика.— Я по-прежнему убеждена, что он согласится расторгнуть контракт, если только мы докажем ему, какое ты убыточное помещение капитала. Но времени у нас почти нет.

— Почему?

— Я не сказала тебе... Ах да! Конечно, ты не знаешь. Он завтра вечером уезжает в Париж.

Мартин застонал.

— Мне нет спасения,— произнес он.— На следующей неделе мой контракт будет автоматически продлен, и я уже никогда не вздохну свободно. Эрика, сделай что-нибудь!

— Попробую,— пообещала Эрика.— Об этом я и хочу с тобой поговорить... А! — вскрикнула она внезапно.— Теперь мне ясно, почему Сен-Сир не разрешил передать тебе, что я звонила. Он боится. Знаешь, Ник, что нам следует сделать?

— Пойти к Уотту,— уныло подсказал Ник.— Но, Эрика...

— Пойти к Уотту, когда он будет один,— подчеркнула Эрика.

— Сен-Сир этого не допустит.

— Именно. Конечно, Сен-Сир не хочет, чтобы мы поговорили с Уоттом с глазу на глаз,— а вдруг мы его убедим? Но все-таки мы должны это устроить. Один из нас будет говорить с Уоттом, а другой — отгонять Сен-Сира. Что ты предпочитаешь?

— Ни то, ни другое,— тотчас ответил Мартин.

— О, Ник! Одной мне это не по силам. Можно подумать, что ты боишься Сен-Сира.

— И боюсь!

— Глупости. Ну что он может тебе сделать?

— Он меня терроризирует. Непрерывно. Эрика, он говорит, что я прекрасно поддаюсь обработке. У тебя от этого кровь в жилах не стынет? Посмотри на всех писателей, которых он обработал!

— Я знаю. Неделю назад я видела одного из них на Май-стрит — он рылся в помойке. И ты тоже хочешь так кончить? Отстаивай же свои права!

— А! — робот радостно кивнул. — Так я и думал. Критическая фаза.

— Заткнись! — приказал Мартин. — Нет, Эрика, это я не тебе! Мне очень жаль.

— И мне тоже, — ядовито ответила Эрика. — На секунду я поверила, что у тебя появился характер.

— Будь я, например, Хемингуэем... — страдальческим голосом начал Мартин.

— Вы сказали — Хемингуэй? — спросил робот. — Значит, это эра Кинси — Хемингуэя? В таком случае я не ошибся. Вы — Никлас Мартин, мой следующий объект. Мартин... Мартин? Дайте подумать... Ах да! Тип Дизраэли. — Он со скрежетом потер лоб. — Бедные мои нейронные пороги! Теперь я вспомнил.

— Ник, ты меня слышишь? — осведомился в трубке голос Эрики. — Я сейчас же еду в студию. Соберись с силами. Мы затравим Сен-Сира в его берлоге и убедим Уотта, что из тебя никогда не выйдет приличного сценариста. Теперь...

— Но Сен-Сир ни за что не согласится, — перебил Мартин. — Он не признает слова «неудача». Он постоянно твердит это. Он сделает из меня сценариста или убьет.

— Помнишь, что случилось с Эдом Кассиди? — мрачно напомнила Эрика. — Сен-Сир не сделал из него сценариста.

— Верно. Бедный Эд! — вздрогнув, сказал Мартин.

— Ну хорошо, я еду. Что-нибудь еще?

«Да! — вскричал Мартин, набрав воздуха в легкие. — Да! Я безумно люблю тебя!»

Но слова эти остались у него в гортани. Несколько раз беззвучно открыв и закрыв рот, трусливый драматург стиснул зубы и предпринял новую попытку. Жалкий писк заколебал телефонную мембрану. Мартин уныло поник. Нет, никогда у него не хватит духу сделать предложение — даже маленькому, безобидному телефонному аппарату.

— Ты что-то сказал? — спросила Эрика. — Ну, пока.

— погоди! — вскрикнул Мартин, случайно взглянув на робота. Немота овладевала им только в определенных слу-

чаях, и теперь он поспешно продолжал: — Я забыл тебе сказать, Уотт и паршивец Сен-Сир только что наняли поддельного робота для «Анджелины Нозл»!

Но трубка молчала.

— Я не поддельный,— сказал робот обиженно.

Мартин съехался в кресле и устремил на своего гостя тусклый, безнадежный взгляд.

— Кинг-Конг тоже был не поддельный,— заметил он.— И не морочьте мне голову историями, которые продиктовал вам Сен-Сир. Я знаю, он старается меня деморализовать. И возможно, добьется своего. Только посмотрите, что он уже сделал из моей пьесы! Ну к чему там Фред Уоринг? На своем месте и Фред Уоринг хорош, я не спорю. Даже очень хорош. Но не в «Анджелине Нозл». Не в роли португальского шкипера рыбацкого судна! Вместо команды — его оркестр, а Дэн Дейли поет «Неаполь» Диди Флеминг, одетой в русалочий хвост...

Ошеломив себя этим перечнем, Мартин положил локти на стол, спрятал лицо в ладонях и, к своему ужасу, заметил, что начинает хихикать. Зазвонил телефон. Мартин, не меняя позы, нащупал трубку.

— Кто говорит? — Голос его дрожал.— Кто? Сен-Сир...

По проводу пронесся хриплый рык. Мартин выпрямился как ужаленный и стиснул трубку обеими руками.

— Послушайте! — возмутился он.— Дайте мне хоть раз договорить. Робот в «Анджелине Нозл» — это уж просто...

— Я не слышу, что вы бормочете,— ревел густой бас.— Дрянь мыслишка, что бы вы там ни предлагали. Немедленно в первый зал для просмотра вчерашних кусков. Сейчас же!

— Погодите!

Сен-Сир рыкнул, и телефон умолк. На миг руки Мартина сжали трубку, как горло врага. Что толку! Его собственное горло сжимала удавка, и Сен-Сир вот уже четвертый месяц затягивал ее все туже. Четвертый месяц... а не четвертый год? Вспоминая прошлое, Мартин едва мог поверить, что еще совсем недавно он был свободным человеком, известным драматургом, автором пьесы «Анджелина Нозл», гвоздя сезона. А потом явился Сен-Сир...

Режиссер в глубине души был снобом и любил накладывать лапу на гвозди сезона и на известных писателей. Кинокомпания «Вершина», рычал он на Мартина, ни на йоту не отклонится от пьесы и оставит за Мартином право окончательного одобрения сценария — при условии, что он подпишет контракт на три месяца в качестве соавтора сценария. Условия были настолько хороши, что казались сказкой, и справедливо.

Мартина погубил отчасти мелкий шрифт, а отчасти грипп, из-за которого Эрика Эшби как раз в это время попала в больницу. Под слоями юридического пустословия прятался пункт, обрекавший Мартина на пятилетнюю рабскую зависимость от кинокомпания «Вершина», коль таковая сочтет нужным продлить его контракт. И на следующей неделе, если справедливость не восторжествует, контракт будет продлен — это Мартин знал твердо.

— Я бы выпил чего-нибудь,— устало произнес Мартин и посмотрел на робота.— Будьте добры, подайте мне вон ту бутылку виски.

— Но я тут для того, чтобы провести эксперимент по оптимальной экологии,— возразил робот.

Мартин закрыл глаза и сказал умоляюще:

— Налейте мне виски, пожалуйста. А потом дайте рюмку прямо мне в руки, ладно? Это ведь не трудно. В конце концов, мы с вами все-таки люди.

— Да нет,— ответил робот, всовывая полный бокал в шарящие пальцы драматурга.

Мартин отпил. Потом открыл глаза и удивленно уставился на большой бокал для коктейлей — робот до краев налил его чистым виски. Мартин недоуменно взглянул на своего металлического собеседника.

— Вы, наверно, пьете как губка,— сказал он задумчиво.— Надо полагать, это укрепляет невосприимчивость к алкоголю. Валяйте, угощайтесь. Допивайте бутылку.

Робот прижал пальцы ко лбу над глазами и провел две вертикальные черты, словно вопросительно поднял брови.

— Валяйте,— настаивал Мартин.— Или вам совесть не позволяет пить мое виски?

— Как же я могу пить? — удивился робот. — Ведь я же робот. — В его голосе появилась тоскливая нотка. — А что при этом происходит? — поинтересовался он. — Это смазка или заправка горючим?

Мартин поглядел на свой бокал.

— Заправка горючим, — сказал он сухо. — Высокооктановым. Вы так вошли в роль? Ну, бросьте...

— А, принцип раздражения! — перебил робот. — Понимаю. Идея та же, что при ферментации мамонтового молока.

Мартин поперхнулся.

— А вы когда-нибудь пили ферментированное мамонтовое молоко? — осведомился он.

— Как же я могу пить? — повторил робот. — Но я видел, как его пили другие. — Он провел вертикальную черту между своими невидимыми бровями, что придало ему грустный вид. — Разумеется, мой мир совершенно функционален и функционально совершенен, и тем не менее темпорирование — весьма увлекательное... — Он оборвал фразу. — Впрочем, я зря трачу пространство-время. Так вот, мистер Мартин, не согласитесь ли вы...

— Ну, выпейте же, — сказал Мартин. — У меня припадок радушия. Давайте дернем по рюмочке. Ведь я вижу так мало радостей. А сейчас меня будут терроризировать. Если вам нельзя снять маску, я пошлю за соломинкой. Вы ведь можете на один глоток выйти из роли? Верно?

— Я был бы рад попробовать, — задумчиво сказал робот. — С тех пор как я увидел действие ферментированного мамонтового молока, мне захотелось и самому попробовать. Людям это, конечно, просто, но и технически это тоже не трудно, я теперь понял. Раздражение увеличивает частоту каппа-волн мозга, как при резком скачке напряжения, но поскольку электрического напряжения не существовало в дороботовую эпоху...

— А оно существовало, — заметил Мартин, делая новый глоток. — То есть я хочу сказать — существует. А это что, по-вашему, мамонт? — Он указал на настольную лампу.

Робот разинул рот.

— Это? — изумился он. — Но в таком случае... в таком случае все телефоны, динамо и лампы, которые я заметил в этой эре, приводятся в действие электричеством!

— А что же, по-вашему, могло приводить их в действие? — холодно спросил Мартин.

— Рабы, — ответил робот, внимательно осматривая лампу. Он включил свет, замигал и затем вывернул лампочку. — Напряжение, вы сказали?

— Не валяйте дурака, — посоветовал Мартин. — Вы переигрываете. Мне пора идти. Так будете вы пить или нет?

— Ну что ж, — согласился робот, — не хочу расстраивать компании. Это должно сработать.

И он сунул палец в пустой патрон. Раздался короткий треск, брызнули искры, робот вытащил палец.

— $F(t)$... — сказал он и слегка покачнулся. Затем его пальцы взметнулись к лицу и начертили улыбку, которая выражала приятное удивление. — $Fff(t)$! — сказал он и продолжал сипло: — $F(t)$ интеграл от плюс до минус бесконечности... А, деленное на n в степени e .

Мартин в ужасе вытаращил глаза. Он не знал, нужен ли здесь терапевт или психиатр, но не сомневался, что вызвать врача необходимо, и чем скорее, тем лучше. А может быть, и полицию. Статист в костюме робота был явно сумасшедший. Мартин застыл в нерешительности, ожидая, что его безумный гость вот-вот упадет мертвым или вцепится ему в горло.

Робот с легким позвякиванием причмокнул губами.

— Какая прелесть! — сказал он. — И даже переменный ток!

— В-в-вы не умерли? — дрожащим голосом осведомился Мартин.

— Я даже не жил, — пробормотал робот. — В том смысле, как вы это понимаете. И спасибо за рюмочку.

Мартин глядел на робота, пораженный дикой догадкой.

— Так, значит, — задохнулся он, — значит... вы — робот?!

— Конечно, я робот, — ответил его гость. — Какое медленное мышление у вас, дороботов. Мое мышление сейчас работает со скоростью света. — Он оглядел настольную лам-

пу с алкоголическим вождением.— $F(t)$... То есть, если бы вы сейчас подсчитали каппа-волны моего радиоатомного мозга, вы поразились бы, как увеличилась частота.— Он помолчал.— $F(t)$,— добавил он задумчиво.

Двигаясь медленно, как человек под водой, Мартин поднял бокал и глотнул виски. Затем опасливо взглянул на робота.

— $F(t)$...— сказал Мартин, умолк, вздрогнул и сделал большой глоток.— Я пьян,— продолжал он с судорожным облегчением.— Вот в чем дело. Ведь я чуть было не поверил...

— Ну, сначала никто не верит, что я робот,— заметил робот.— Я ведь появился на территории киностудии, где никому не кажусь подозрительным. Ивану Васильевичу я явлюсь в лаборатории алхимика, и он сделает вывод, что я механический человек. Что, впрочем, и верно. Далее в моем списке значится уйгур, ему я явлюсь в юрте шамана, и он решит, что я дьявол. Вопрос экологической логики — и только.

— Так, значит, вы — дьявол? — воскликнул Мартин, цепляясь за единственное правдоподобное объяснение.

— Да нет же, нет! Я робот! Как вы не понимаете?

— А я теперь даже не знаю, кто я такой,— сказал Мартин.— Может, я вовсе фавн, а вы — дитя человеческое! Помоему, от этого виски мне стало только хуже, и...

— Вас зовут Никлас Мартин,— терпеливо объяснил робот.— А меня ЭНИАК.

— Эньяк?

— ЭНИАК,— поправил робот, подчеркивая голосом, что все буквы заглавные.— ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

С этими словами он снял с металлического плеча сумку и принялся вытаскивать из нее бесконечную красную ленту, по виду шелковую, но отливавшую странным металлическим блеском. Когда примерно четверть мили ленты легло на пол, из сумки появился прозрачный хоккейный шлем. По бокам шлема блестели два красно-зеленых камня.

— Как вы видите, они ложатся прямо на темпоральные доли,— сообщил робот, указывая на камни.— Вы надеваете его на голову вот так...

— Нет, не надену,— Мартин проворно отдернул голову,— и вы мне его не наденете, друг мой. Мне не нравится эта штука. И особенно эти две красные стекляшки. Они похожи на глаза.

— Это искусственный экологизер,— успокоил его робот.— Просто у них высокая диэлектрическая постоянная. Нужно только изменить нормальные пороги нейронных контуров памяти — и все. Мышление базируется на памяти, как вам известно. Сила ваших ассоциаций — то есть эмоциональные индексы ваших воспоминаний — определяет ваши поступки и решения. А экологизер просто воздействует на электрическое напряжение вашего мозга так, что пороги изменяются.

— Только и всего? — подозрительно спросил Мартин.

— Ну-у... — уклончиво сказал робот.— Я не хотел об этом упоминать, но раз вы спрашиваете... Экологизер, кроме того, накладывает на ваш мозг типологическую матрицу. Но поскольку эта матрица с прототипа вашего характера, она просто позволяет вам наиболее полно использовать потенциальные способности, как наследственные, так и приобретенные. Она заставит вас реагировать на вашу среду именно таким образом, какой обеспечит вам максимум шансов выжить.

— Мне не обеспечит,— объявил Мартин твердо,— потому что на мою голову вы эту штуку не наденете.

Робот начертил растерянно поднятые брови.

— А! — начал он после паузы.— Я же вам ничего не объяснил! Все очень просто. Разве вы не хотите принять участие в весьма ценном социально-культурном эксперименте, поставленном ради блага всего человечества?

— Нет! — отрезал Мартин.

— Но ведь вы даже не знаете, о чем речь,— запричитал жалобно робот.— После моих подробных объяснений мне еще никто не отказывал. Кстати, вы хорошо меня понимаете?

Мартин засмеялся замогильным смехом.

— Как бы не так!

— Прекрасно,— с облегчением сказал робот.— Меня может подвести память. Перед тем как я начинаю темпорирование, мне приходится программировать столько языков! Санскрит очень прост, но русский язык эпохи средневековья весьма сложен, а уйгурский... Этот эксперимент должен способствовать установлению наиболее выгодной взаимосвязи между человеком и его средой. Наша цель — мгновенная адаптация, и мы надеемся достичь ее, сведя до минимума поправочный коэффициент между индивидом и средой. Другими словами — нужная реакция в нужный момент. Понятно?

— Нет, конечно! — возмутился Мартин.— Какой-то бред.

— Существует,— продолжал робот устало,— очень ограниченное число матриц-характеров, зависящих, во-первых, от расположения генов внутри хромосом, а во-вторых, от воздействия среды; поскольку элементы среды имеют тенденцию повторяться, то мы можем легко проследить основную организующую линию по временной шкале Кальдекуза. Вам не трудно следовать за ходом моей мысли?

— По временной шкале Кальдекуза — нет, не трудно,— сказал Мартин.

— Я всегда объясняю чрезвычайно понятно,— с некоторым самодовольством заметил робот и взмахнул кольцом красной ленты.

— Уберите от меня эту штуку! — раздраженно вскрикнул Мартин.— Я, конечно, пьян, но не настолько, чтобы совать голову неизвестно куда!

— Сунете,— отчеканил робот.— Мне еще никто не отказывал. И не спорьте со мной, а то вы меня собьете и мне придется принять еще одну рюмочку напряжения. И тогда я совсем собьюсь. Когда я темпорирую, мне и так хватает хлопот с памятью. Путешествие во времени всегда создает синаптический порог задержки, однако беда в том, что он очень варьируется. Вот почему я сперва спутал вас с Иваном. Но к нему я должен отправиться только после свидания с вами — я веду опыт хронологически, а тысяча

девятьсот пятьдесят второй год идет, разумеется, перед тысяча пятьсотсемидесятым.

— А вот и не идет,— сказал Мартин, поднося бокал к губам.— Даже в Голливуде тысяча девятьсот пятьдесят второй год не наступит перед тысяча пятьсот семидесятым.

— Я пользуюсь временной шкалой Кальдекуза,— объяснил робот.— Только для удобства. Ну как, нужен вам идеальный экологический коэффициент или нет? Потому что...— Тут он снова взмахнул красной лентой, заглянул в шлем, пристально посмотрел на Мартина и покачал головой.— Простите, боюсь, что из этого ничего не выйдет. У вас слишком маленькая голова. Вероятно, мозг невелик. Этот шлем рассчитан на размер восемь с половиной, но ваша голова слишком...

— Восемь с половиной — мой размер,— с достоинством возразил Мартин.

— Не может быть,— лукаво заспорил робот.— В этом случае шлем был бы вам впору, а он вам велик.

— Он мне впору,— сказал Мартин.

— До чего же трудно разговаривать с дороботами,— заметил ЭНИАК словно про себя.— Неразвитость, грубость, нелогичность. Стоит ли удивляться, что у них такие маленькие головы? Послушайте, мистер Мартин,— он словно обращался к глупому и упрямому ребенку,— попробуйте понять: размер этого шлема восемь с половиной; ваша голова, к несчастью, настолько мала, что шлем вам не впору...

— Черт побери! — в бешенстве крикнул Мартин, от досады и виски забывая про осторожность.— Он мне впору! Вот, смотрите! — Он схватил шлем и нахлобучил его на голову.— Сидит как влитой.

— Я ошибся,— признался робот, и его глаза так блеснули, что Мартин вдруг спохватился, поспешно сдернул шлем с головы и бросил его на стол. ЭНИАК неторопливо взял шлем, положил в сумку и принялся быстро свертывать ленту. Под недоумевающим взглядом Мартина он кончил укладывать ленту, застегнул сумку, вскинул ее на плечо и повернулся к двери.

— Всего хорошего,— распрощался робот,— и позвольте вас поблагодарить.

— За что? — свирепо спросил Мартин.

— За ваше любезное сотрудничество,— пояснил робот.

— Я не собираюсь с вами сотрудничать! — отрезал Мартин.— И не пытайтесь меня убедить. Можете оставить свой патентованный курс лечения при себе, а меня...

— Но ведь вы уже прошли курс экологической обработки,— невозмутимо ответил ЭНИАК.— Я вернусь вечером, чтобы возобновить заряд. Его хватает только на двенадцать часов.

— Что?!

ЭНИАК провел указательными пальцами от уголков рта, вычерчивая вежливую улыбку. Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Мартин хрипло пискнул, словно зарезанная свинья с кляпом во рту.

У него в голове что-то происходило.

Никлас Мартин чувствовал себя как человек, которого внезапно сунули под ледяной душ. Нет, не под ледяной — под горячий. И к тому же ароматичный. Ветер, бивший в открытое окно, нес с собой душную вонь — бензина, полыни, масляной краски и (из буфета в соседнем корпусе) бутербродов с ветчиной.

«Пьян,— думал Мартин с отчаянием,— я пьян или сошел с ума!»

Он вскочил и заметался по комнате, но тут же увидел щель в паркете и пошел по ней. «Если я смогу пройти по прямой,— рассуждал он,— значит, я не пьян... Я просто сошел с ума». Мысль эта была не слишком утешительна.

Он прекрасно прошел по щели. Он мог даже идти гораздо прямее щели, которая, как он теперь убедился, была чуть-чуть извилистой. Никогда еще он не двигался с такой уверенностью и легкостью. В результате своего опыта Мартин оказался в другом углу комнаты перед зеркалом, и когда он выпрямился, чтобы посмотреть на себя, хаос и смятение куда-то улетучились. Бешеная острота ощущений сгладилась и при-
тупилась.

Все было спокойно. Все было нормально.

Мартин посмотрел в глаза своему отражению.

Нет, все не было нормально.

Он трезв как стеклышко. Точно он пил не виски, а родниковую воду. Мартин наклонился к самому стеклу, пытаясь сквозь глаза заглянуть в глубину собственного мозга, ибо там происходило нечто поразительное. По всей поверхности его мозга начали двигаться крошечные заслонки — одни закрывались почти совсем, оставляя лишь крохотную щель, в которую выглядывали глаза-бусинки нейронов, другие с легким треском открывались, и быстрые паучки — остальные нейроны — бросались наутек, ища, где бы спрятаться.

Изменение порогов, положительной и отрицательной реакции конусов памяти, их ключевых эмоциональных индексов и ассоциаций... Ага! Робот!

Голова Мартина повернулась к закрытой двери. Но он остался стоять на месте. Выражение слепого ужаса на его лице начало медленно и незаметно для него меняться. Робот... может и подождать.

Машинально Мартин поднял руку, словно поправляя невидимый монокль. Позади зазвонил телефон. Мартин оглянулся.

Его губы презрительно искривились.

Изящным движением смахнув пылинку с лацкана пиджака, Мартин взял трубку, но ничего не сказал. Наступило долгое молчание. Затем хриплый голос взревел:

— Алло, алло, алло! Вы слушаете? Я с вами говорю, Мартин!

Мартин невозмутимо молчал.

— Вы заставляете меня ждать! — рычал голос. — Меня, Сен-Сира! Немедленно быть в зале! Просмотр начинается... Мартин! Вы меня слышите?

Мартин осторожно положил трубку на стол. Он повернулся к зеркалу, окинул себя критическим взглядом и нахмурился.

— Бледно, — пробормотал он. — Без сомнения, бледно. Не понимаю, зачем я купил этот галстук?

Его внимание отвлекла бормочущая трубка. Он поглядел на нее, а потом громко хлопнул в ладоши у самого микрофона. Из трубки донесся агонизирующий вопль.

— Прекрасно,— пробормотал Мартин, отворачиваясь.— Робот оказал мне большую услугу. Мне следовало бы понять это раньше. В конце концов, такая супермашина, как ЭНИ-АК, должна быть гораздо умнее человека, который всего лишь простая машина. Да,— прибавил он, выходя и сталкиваясь с Тони Ла-Мотта, которая снималась в одном из фильмов «Вершины».— Мужчина — это машина, а женщина...— Тут он бросил на мисс Ла-Мотта такой многозначительный и высокомерный взгляд, что она даже вздрогнула.— А женщина — игрушка,— закончил Мартин и направился к первому просмотровому залу, где ждали Сен-Сир и судьба.

Киностудия «Вершина» на каждый эпизод тратила в десять раз больше пленки, чем он занимал в фильме, побив таким образом рекорд «Метро-Голдвин-Мейер». Перед началом каждого съемочного дня эти груды целлулоидных лент просматривались в личном просмотровом зале Сен-Сира — небольшой роскошной комнате с откидными креслами и всевозможными другими удобствами. На первый взгляд там вовсе не было экрана. Если второй взгляд вы бросали на потолок, то обнаруживали экран именно там.

Когда Мартин вошел, ему стало ясно, что с экологией что-то не так. Исходя из теории, будто в дверях появится прежний Никлас Мартин, просмотровый зал, купавшийся в дорогостоящем комфорте изысканной самоуверенности, оказал ему ледяной прием. Ворс персидского ковра брезгливо съеживался под его святотатственными подошвами. Кресло, на которое он наткнулся в густом мраке, казалось, презрительно пожало спинкой. А три человека, сидевшие в зале, бросили на него взгляд, каким был бы испелен орангутанг, если бы он по нелепой случайности удостоился приглашения в Букингемский дворец.

Диди Флеминг (ее настоящую фамилию запомнить невозможно, не говоря уж о том, что в ней не было ни единой гласной) безмятежно возлежала в своем кресле, уютно задрав ножки, сложив прелестные руки и устремив взгляд

больших томных глаз на потолок, где Диди Флеминг в серебряных чешуйках цветной кинорусалки флегматично плавала в волнах жемчужного тумана.

Мартин в полутьме искал на ощупь свободное кресло. В его мозгу происходили странные вещи: крохотные заслонки продолжали открываться и закрываться, и он уже не чувствовал себя Никласом Марином. Кем же он чувствовал себя в таком случае?

Он на мгновение вспомнил нейроны, чьи глаза-бусинки, чудилось ему, выглядывали из его собственных глаз и заглядывали в них. Но было ли это на самом деле? Каким бы ярким ни казалось воспоминание, возможно, это была только иллюзия. Напрашивающийся ответ был изумительно прост и ужасно логичен. ЭНИАК Гамма Девианосто Третий объяснил ему, правда несколько смутно, в чем заключается его экологический эксперимент. Мартин просто получил оптимальную рефлекторную схему своего удачного прототипа, человека, который наиболее полно подчинил себе свою среду. И ЭНИАК среди путаных ссылок на другие прототипы, вроде Ивана (какого?) и безымянного уйгура, назвал ему имя этого человека.

Прототипом Мартина был Дизразли, граф Биконсфилд. Мартин живо вспомнил Джорджа Арлисса в этой роли. Умный, наглый, эксцентричный и в манере одеваться, и в манере держаться, пылкий, вкрадчивый, волевой, с плодовитым воображением...

— Нет-нет-нет,— сказала Диди с некоторым раздражением.— Осторожнее, Ник. Сядьте, пожалуйста, в другое кресло. На это я положила ноги.

— Т-т-т-т,— сказал Рауль Сен-Сир, выпячивая толстые губы и огромным пальцем указывая на скромный стул у стены.— Садитесь позади меня, Мартин. Да садитесь же, чтобы не мешать нам. И смотрите внимательно. Смотрите, как я творю великое из вашей дурацкой пьесы. Особенно заметьте, как замечательно я завершаю соло пятью нарастающими падениями в воду. Ритм — это все,— закончил он.— А теперь — ни звука.

Для человека, родившегося в крохотной балканской стране Миксо-Лидии, Рауль Сен-Сир сделал в Голливуде

поистине блистательную карьеру. В тысяча девятьсот тридцать девятом году Сен-Сир, напуганный приближением войны, эмигрировал в Америку, забрав с собой катушки снятого им миксо-лидийского фильма, название которого можно перевести примерно так: «Поры на крестьянском носу».

Благодаря этому фильму он заслужил репутацию великого кинорежиссера, хотя на самом деле неподражаемые световые эффекты в «Порах» объяснялись бедностью, а актеры показали игру, неведомую в анналах киноистории, потому, что были вдребезги пьяны. Однако критики сравнивали «Поры» с балетом и рьяно восхваляли красоту героини, ныне известной миру как Диди Флеминг.

Диди была столь невообразимо хороша, что по закону компенсации не могла не оказаться невообразимо глупой. Нейроны Диди не знали ничего. Ей доводилось слышать об эмоциях, и свирепый Сен-Сир умел заставить ее изобразить кое-какие из них, однако все другие режиссеры теряли рассудок, пытаясь преодолеть семантическую стену, за которой покоился разум Диди,— тихое зеркальное озеро дюйма в три глубиной. Сен-Сир просто рычал на нее. Этот бесхитростный первобытный подход был, по-видимому, единственным, который понимала прославленная звезда «Вершины».

Сен-Сир, властелин прекрасной безмозглой Диди, быстро очутился в высших сферах Голливуда. Он, без сомнения, был талантлив и одну картину мог бы сделать превосходно. Но этот шедевр Рауль отснял двадцать с лишним раз — постоянно с Диди в главной роли и постоянно совершенствуя свой феодальный метод режиссуры. А когда кто-нибудь пытался возражать, Сен-Сиру было достаточно пригрозить, что он перейдет в «Метро-Голдвин-Мейер» и заберет с собой покорную Диди (он не разрешал ей подписывать длительных контрактов, и для каждой картины с ней заключался новый). Даже Толливер Уотт склонял голову, когда Сен-Сир угрожал лишить «Вершину» Диди.

— Садитесь, Мартин,— сказал Толливер Уотт. Это был высокий худой человек с длинным лицом, похожий на лошадь, которая голодает, потому что из гордости не желает

есть сено. С неколебимым сознанием своего всемогущества он на миллиметр наклонил припудренную сединой голову, а на его лице промелькнуло недовольное выражение.— Будьте добры, коктейль,— сказал он.

Неизвестно откуда возник официант в белой курточке и бесшумно скользнул к нему с подносом. Как раз в ту секунду последняя заслонка в мозгу Мартина встала на свое место, и, подчиняясь импульсу, он протянул руку и взял с подноса запотевший бокал. Официант, не заметив этого, скользнул дальше и, склонившись, подал Уотту сверкающий поднос, на котором ничего не было. Уотт и официант оба уставились на поднос.

Затем их взгляды встретились.

— Слабоват,— отметил Мартин, ставя бокал на поднос.— Принесите мне, пожалуйста, другой. Я переориентируюсь для новой фазы с оптимальным уровнем,— сообщил он ошеломленному Уотту и, откинув кресло рядом с великим человеком, небрежно опустил в него. Как странно, что прежде на просмотрах он всегда бывал угнетен! Сейчас он чувствовал себя прекрасно. Непринужденно. Уверенно.

— Виски с содовой мистеру Мартину,— невозмутимо сказал Уотт.— И еще один коктейль мне.

— Ну-ну-ну! Мы начинаем! — нетерпеливо крикнул Сен-Сир.

Он что-то сказал в ручной микрофон, и тут же экран на потолке замерцал, зашелестел, и на нем замелькали отрывочные эпизоды — хор русалок, танцующих на хвостах, двигался по улицам рыбацкой деревушки во Флориде.

Чтобы постигнуть всю гнусность судьбы, уготованной Никласу Мартину, необходимо посмотреть хоть один фильм Сен-Сира. Мартину казалось, что мерзостнее этого на пленке не снималось ничего и никогда.

Он заметил, что Сен-Сир и Уотт недоумевающе поглядывают на него. В темноте Мартин поднял указательные пальцы и начертил роботообразную усмешку. Затем, испытывая упоительную уверенность в себе, закурил сигарету и расхохотался.

— Вы смеетесь? — немедленно вспыхнул Сен-Сир. — Вы не цените великого искусства? Что вы о нем знаете, а? Вы что — гений?

— Это, — проронил Мартин снисходительно, — мерзейший фильм, когда-либо заснятый на пленку. — В наступившей мертвой тишине он изящным движением стряхнул пепел и добавил: — С моей помощью вы еще можете не стать посмешищем всего континента. Этот фильм до последнего метра должен быть выброшен в корзину. Завтра рано поутру мы начнем все сначала и...

Уотт сказал негромко:

— Мы вполне способны сами сделать фильм из «Анжелины Нозэл», Мартин.

— Это художественно! — взревел Сен-Сир. — И принесет большие деньги!

— Деньги? Чушь! — коварно заметил Мартин и щедрым жестом стряхнул новую колбаску пепла. — Кого интересуют деньги? О них пусть думает «Вершина».

Уотт наклонился и, щурясь в полумраке, внимательно посмотрел на Мартина.

— Рауль, — сказал он, оглянувшись на Сен-Сира, — насколько мне известно, вы приводите своих... э... новых сценаристов в форму. На мой взгляд, это не...

— Да-да-да-да! — возбужденно крикнул Сен-Сир. — Я их привожу в форму! Горячечный припадок, а? Мартин, вы хорошо себе чувствуете? Голова у вас в порядке?

Мартин усмехнулся спокойно и уверенно.

— Не тревожьтесь, — объявил он. — Деньги, которые вы на меня расходуете, я возвращаю вам с процентами в виде престижа. Я все прекрасно понимаю. Наши конфиденциальные беседы, вероятно, известны Уотту?

— Какие еще конфиденциальные беседы? — прогрохотал Сен-Сир и побагровел.

— Ведь мы ничего не скрываем от Уотта, не так ли? — не моргнув глазом продолжал Мартин. — Вы наняли меня ради престижа, и престиж вам обеспечен, если только вы не станете зря разевать пасть. Благодаря мне имя Сен-Сира покроется славой. Конечно, это может сказаться на сборах, но подобная мелочь...

— Пджрэксл! — возопил Сен-Сир на своем родном языке и, восстав из кресла, взмахнул микрофоном, зажатым в огромной волосатой лапе.

Мартин ловко изогнулся и вырвал у него микрофон.

— Остановите показ! — распорядился он властно.

Все это было очень странно. Каким-то дальним уголком сознания он понимал, что при нормальных обстоятельствах никогда не посмел бы вести себя так, но в то же время был твердо убежден, что впервые его поведение стало по-настоящему нормальным. Он ощущал блаженный жар уверенности, что любой его поступок окажется правильным, во всяком случае пока не истекут двенадцать часов действия матрицы.

Экран нерешительно замигал и погас.

— Зажгите свет! — приказал Мартин невидимому духу, скрытому за микрофоном.

Комнату внезапно залил мягкий свет, и по выражению на лице Уотта и Сен-Сира Никлас понял, что оба они испытывают смутную и нарастающую тревогу. Ведь он дал им немалую пищу для размышлений, и не только это. Он попробовал вообразить, какие мысли сейчас теснятся в их мозгу, пробираясь через лабиринт подозрений, которые он так искусно посеял.

Мысли Сен-Сира отгадывались без труда. Миксолидиец облизнул губы — это было нелегкой задачей, — и его налитые кровью глаза обеспокоенно впились в Мартина. С чего это сценарист заговорил так уверенно? Что это значит? Какой тайный грех Сен-Сира он узнал, какую обнаружил ошибку в контракте, что осмеливается вести себя так нагло?

Толливер Уотт представлял проблему иного рода. Тайных грехов за ним, по-видимому, не водилось, однако и он как будто встревожился. Мартин сверлил взглядом гордое лошадиное лицо, выискивая скрытую слабость. Да, справиться с Уоттом будет потруднее, но он сумеет сделать и это.

— Последний подводный эпизод, — сказал он, возвращаясь к прежней теме, — это невообразимая чепуха. Его надо вырезать. Сцену будем снимать из-под воды.

— Молчать! — взревел Сен-Сир.

— Это единственный выход,— настаивал Мартин.— Иначе она окажется не в тон тому, что я написал теперь. Собственно говоря, я считаю, что весь фильм надо снимать из-под воды. Мы могли бы использовать приемы документального кино...

— Рауль,— внезапно сказал Уотт,— к чему он клонит?

— Он клонит, конечно, к тому, чтобы порвать свой контракт,— ответил Сен-Сир, наливаясь оливковым цветом.— Это скверный период, через который проходят все мои сценаристы, прежде чем я приведу их в форму. В Миксо-Лидии...

— А вы уверены, что сумеете привести его в форму? — спросил Уотт.

— Теперь это дело чести,— ответил Сен-Сир, сверля Мартина яростным взглядом.— Я потратил на этого человека почти три месяца и не намерен расходовать мое драгоценное время на другого. Просто он хочет, чтобы с ним расторгли контракт. Штучки, штулки, штулки.

— Это верно? — холодно спросил Уотт у Мартина.

— Уже нет,— ответил Мартин,— я передумал. Мой агент полагает, что мне нечего делать в «Вершине». Собственно говоря, она считает, что это плачевный мезальянс. Но мы впервые расходимся с ней во мнениях. Я начинаю видеть кое-какие возможности даже в той дряни, которой Сен-Сир уже столько лет кормит публику. Разумеется, я не могу творить чудеса. Зрители привыкли ожидать от «Вершины» помоев, и их даже приучили любить помои. Но мы постепенно перевоспитаем их — и начнем с этой картины. Я полагаю, что нам следует символизировать ее экзистенциалистскую безнадежность, завершив фильм четырьмястами метрами морского пейзажа — ничего, кроме огромных волнующихся протяженный океана,— закончил он со вкусом.

Огромное волнующее протяжение Рауля Сен-Сира поднялось с кресла и надвинулось на Мартина.

— Вон! Вон! — закричал он.— Назад в свой кабинет, ничтожество! Это приказываю я, Рауль Сен-Сир. Вон — иначе я раздеру тебя в клочки и...

Мартин быстро перебил режиссера. Голос его был спокоен, но он знал, что времени терять нельзя.

— Видите, Уотт? — спросил драматург громко, перехватив недоумевающий взгляд Уотта. — Он не дает мне сказать вам ни слова, — наверно, боится, как бы я не проговорился. Понятно, почему он гонит меня отсюда, — чувствует, что пахнет жареным.

Сен-Сир вне себя наклонился и занес кулак. Но тут вмешался Уотт. Возможно, сценарист и правда пытается избавиться от контракта. Однако за этим явно кроется и что-то другое. Слишком уж Мартин небрежен, слишком уверен в себе. Уотт решил разобраться во всем до конца.

— Тише, тише, Рауль, — потребовал он категорическим тоном. — Успокойтесь! Я говорю вам, успокойтесь. Вряд ли нас устроит, если Ник подаст на вас в суд за оскорбление действием. Ваш артистический темперамент иногда заставляет вас забываться. Успокойтесь, и послушаем, что скажет Ник.

— Держите с ним ухо востро, Толливер! — предостерегающе воскликнул Сен-Сир. — Они хитры, эти твари, хитры как крысы. От них всего можно...

Мартин величественным жестом поднес микрофон ко рту. Не обращая ни малейшего внимания на разъяренного режиссера, он сказал властно:

— Соедините меня с баром, пожалуйста! Да... Я хочу заказать коктейль. Совершенно особый. А... э... «Елену Глинскую».

— Здравствуйте, — раздался в дверях голос Эрики Эшби. — Ник, ты здесь? Можно мне войти?

При звуке ее голоса по спине Мартина забегали блаженные мурашки. С микрофоном в руке сценарист повернулся к ней, но, прежде чем он успел ответить, Сен-Сир взревел:

— Нет-нет-нет! Убирайтесь! Немедленно убирайтесь! Кто бы вы там ни были — вон!

Эрика — деловитая, хорошенькая, неутомимая — решительно вошла в зал и бросила на Мартина взгляд, выражавший долготерпеливую покорность судьбе. Она, несомненно, готовилась сражаться за двоих.

— Я здесь по делу,— холодно заявила она Сен-Сиру.— Вы не имеете права не допускать к автору его агента. Мы с Ником хотим поговорить с мистером Уоттом.

— А, моя прелесть, садитесь! — произнес Мартин громким, четким голосом и встал с кресла.— Добро пожаловать! Я заказываю себе коктейль. Не хотите ли чего-нибудь?

— Я не буду пить,— отрезала Эрика.— И ты не будешь. Сколько коктейлей ты уже выпил? Ник, если ты напился в такую минуту...

— И, пожалуйста, поскорее...— холодно приказал Мартин в микрофон.— Он мне нужен немедленно, вы поняли? Да, коктейль «Елена Глинская». Может быть, он вам не известен? В таком случае слушайте внимательно: возьмите самый большой бокал, а впрочем, лучше даже пуншевую чашу... Наполните ее до половины охлажденным пивом. Поняли? Добавьте три мерки мятного ликера...

— Ник, ты с ума сошел! — с отвращением воскликнула Эрика.

—...и шесть мерок меда,— безмятежно продолжал Мартин.— Размешайте, но не взбивайте. «Елену Глинскую» ни в коем случае взбивать нельзя. Хорошенько охладите...

— Мисс Эшби, мы очень заняты,— внушительно перебил его Сен-Сир, указывая на дверь.— Не сейчас. Извините. Вы мешаете. Немедленно уйдите.

— Пожалуйста, добавьте еще шесть мерок меду,— задумчиво произнес Мартин в микрофон.— И немедленно пришлите коктейль сюда. Если он будет здесь через шестьдесят секунд, вы получите премию. Договорились? Прекрасно. Я жду.

Он небрежно бросил микрофон Сен-Сиру.

Тем временем Эрика подобралась к Толливеру Уотту.

— Я только что говорила с Глорией Иден — она готова заключить с «Вершиной» контракт на один фильм, если я дам согласие. Но я дам согласие, только если вы расторгнете контракт с Никласом Мартином. Это мое последнее слово.

На лице Уотта отразилось приятное удивление.

— Мы, пожалуй, могли бы поладить,— ответил он тотчас же (Уотт был большим поклонником мисс Иден и

давно мечтал поставить с ней «Ярмарку тщеславия»).— Почему вы не привезли ее с собой? Тогда...

— Чушь! — завопил Сен-Сир.— Не обсуждайте этого, Толливер!

— Она в «Лагуне»,— объяснила Эрика.— Замолчите же, Сен-Сир. Я не намерена...

Но тут кто-то почтительно постучал в дверь. Мартин поспешил открыть ее и, как и ожидал, увидел официанта с подносом.

— Быстрая работа,— похвалил он снисходительно, принимая большую запотевшую чашу, окруженную кубиками льда.— Прелесть, не правда ли?

Раздавшиеся позади гулкие вопли Сен-Сира заглушили возможный ответ официанта, который получил от Мартина доллар и удалился, явно борясь с тошнотой.

— Нет-нет-нет-нет! — рычал Сен-Сир.— Толливер, мы можем получить Глорию и сохранить этого сценариста, хотя он никуда не годится, но я уже потратил три месяца, чтобы выдрессировать его в сен-сировском подходе. Предоставьте это мне. В Миксо-Лидии мы...

Хорошенький ротик Эрики открывался и закрывался, но рев режиссера заглушил ее голос. А в Голливуде было всем известно, что Сен-Сир может реветь так часами без передышки. Мартин вздохнул, поднял полную до краев чашу, изящно понюхал ее и попятился к своему креслу. Когда его каблук коснулся полированной ножки, он грациозно споткнулся и с необыкновенной ловкостью опрокинул «Елену Глинскую» — пиво, мед, мятный ликер и лед — на обширную грудь Сен-Сира.

Рык Сен-Сира сломал микрофон.

Мартин обдумал составные части новоявленного коктейля с большим тщанием. Тошнотворное пойло соединяло максимум элементов сырости, холода, липкости и вонючести.

Промокший Сен-Сир задрожал, как в ознобе, когда ледяной напиток обдал его ноги, и, выхватив платок, попробовал вытереться, но безуспешно. Носовой платок намертво прилип к брюкам, приклеенный к ним двенадцатью мерками меда. От режиссера разило мятой.

— Я предложил бы перейти в бар,— сказал Мартин, брезгливо сморщив нос.— Там, в отдельной кабине, мы могли бы продолжить наш разговор вдали от этого... слишком сильного благоухания мяты.

— В Миксо-Лидии,— задыхался Сен-Сир, надвигаясь на Мартина и чавкая башмаками,— в Миксо-Лидии мы бросали собакам... мы варили в масле, мы...

— А в следующий раз,— предупредил Мартин,— будьте любезны не толкать меня под локоть, когда я держу в руках «Елену Глинскую». Право же, это весьма неприятно.

Сен-Сир набрал воздуха в грудь, Сен-Сир выпрямился во весь свой гигантский рост... и снова поник. Он выглядел как полицейский эпохи немого кино после завершения очередной погони — и знал это. Если бы он сейчас убил Мартина, даже в такой развязке все равно отсутствовал бы элемент классической трагедии. Он сказался бы в невообразимом положении Гамлета, убивающего дядю кремовыми тортами.

— Ничего не делать, пока я не вернусь! — приказал он, бросил на Мартина последний свирепый взгляд и, оставляя за собой мокрые следы, захлопал к двери. Та с треском закрылась за ним, и на миг наступила тишина, только с потолка лилась тихая музыка, так как Диди уже распорядилась продолжать показ и теперь любовалась собственной прелестной фигурой, которая нежилась в пастельных волнах, пока они с Дэном Дейли пели дуэт о матросах, русалках и Атлантиде — ее далекой родине.

— А теперь,— объявил Мартин, с величавым достоинством поворачиваясь к Уотту, который растерянно смотрел на него,— я хотел бы поговорить с вами.

— Я не могу обсуждать вопросы, связанные с вашим контрактом, до возвращения Рауля,— быстро ответил Уотт.

— Чепуха,— сказал Мартин твердо.— С какой стати Сен-Сиру диктовать вам ваши решения? Без вас он не сумел бы снять ни одного кассового фильма, как бы ни старался... Нет, Эрика, не вмешивайся. Я сам этим займусь, прелесть моя.

Уотт встал.

— Извините, я не могу этого обсуждать,— сказал он.— Фильмы Сен-Сира приносят большие деньги, а вы неопыт...

— Потому-то я и вижу положение так ясно,— возразил Мартин.— Ваша беда в том, что вы проводите границу между артистическим гением и финансовым гением. Вы даже не замечаете, насколько необыкновенно то, как вы претворяете пластический материал человеческого сознания, создавая Идеального Зрителя. Вы — экологический гений, Толливер Уотт. Истинный художник контролирует свою среду, а вы с неподражаемым искусством истинного мастера преображаете огромную массу живого, дышащего человечества в единого Идеального Зрителя...

— Извините,— повторил Уотт, но уже не так резко.— У меня, право, нет времени... Э-э...

— Ваш гений слишком долго оставался непризнанным,— поспешно сказал Мартин, подпуская восхищения в свой золотой голос.— Вы считаете, что Сен-Сир вам равен, и в титрах стоит только его имя, а не ваше, но в глубине души должны же вы сознавать, что честь создания его картин наполовину принадлежит вам! Разве Фидия не интересовал коммерческий успех? А Микеланджело? Коммерческий успех — это просто другое название функционализма, а все великие художники создают функциональное искусство. Второстепенные детали на гениальных полотнах Рубенса дописывали его ученики, не так ли? Однако хвалу за них получил Рубенс, а не его наемники. Какой же из этого можно сделать вывод? Какой? — И тут Мартин, верно оценив психологию своего слушателя, умолк.

— Какой же? — спросил Уотт.

— Садитесь,— настойчиво сказал Мартин,— и я вам объясню. Фильмы Сен-Сира приносят доход, но именно вам они обязаны своей идеальной формой. Это вы, налагая матрицу своего характера на все и вся в «Вершине»...

Уотт медленно опустил в кресло. В его ушах властно гремели завораживающие взрывы дизраэлевского красноречия. Мартину удалось подцепить его на крючок. С непогрешимой меткостью он с первого же раза разгадал слабость Уотта: киномагнат вынужден был жить в среде про-

фессиональных художников, и его томило смутное ощущение, что способность приумножить капиталы чем-то постыдна. Дизраэли приходилось решать задачи потруднее. Он подчинял своей воле парламенты.

Уотт заколебался, пошатнулся — и пал. На это потребовалось всего десять минут. Через десять минут, опьянев от звонких похвал своим экономическим способностям, Уотт понял, что Сен-Сир — пусть и гений в своей области — не имеет права вмешиваться в планы экономического гения.

— С вашей широтой видения вы в состоянии охватить все возможности и безошибочно выбрать правильный путь,— убедительно доказывал Мартин.— Прекрасно. Вам нужна Глория Иден. Вы чувствуете — не так ли? — что от меня толку не добиться. Лишь гении умеют мгновенно менять свои планы... Когда будет готов документ, аннулирующий мой контракт?

— Что? — спросил Уотт, плавая в блаженном головокружении.— А, да... Аннулировать ваш контракт...

— Сен-Сир будет упорно цепляться за свои прошлые ошибки, пока «Вершина» не обанкротится,— сказал Мартин.— Только гений, подобный Толливеру Уотту, кует железо, пока оно горячо, когда ему представляется шанс обменять провал на успех — какого-то Мартина на единственную Иден.

— Гм-м,— сказал Уотт.— Да. Ну хорошо.— На его длинном лице появилось деловитое выражение.— Хорошо. Ваш контракт будет аннулирован после того, как мисс Иден подпишет свой.

— И снова вы тонко проанализировали самую сущность дела,— рассуждал вслух Мартин.— Мисс Иден еще ничего твердо не решила. Если вы предоставите убеждать ее человеку вроде Сен-Сира, например, то все будет испорчено... Эрика, твоя машина здесь? Как быстро сможешь ты отвезти Толливера Уотта в «Лагуну»? Он — единственный человек, который сумеет найти правильное решение для данной ситуации.

— Какой ситу... Ах да! Конечно, Ник! Мы отправляемся немедленно.

— Но...— начал Уотт.

Матрица Дизраэли разразилась риторическими периодами, от которых зазвенели стены. Златоуст играл на логике арпеджио и гаммы.

— Понимаю,— пробормотал оглушенный Уотт и покорно пошел к двери.— Да-да, конечно. Заходите вечером ко мне домой, Мартин. Как только получу подпись Иден, я распоряжусь, чтобы подготовили документ об аннулировании вашего контракта. Гм-м... Функциональный гений...— И, что-то блаженно лепеча, он вышел из зала.

Когда Эрика хотела последовать за ним, Мартин тронул ее за локоть:

— Одну минуту. Не позволяй ему вернуться в студию, пока контракт не будет аннулирован. Ведь Сен-Сир легко перекричит меня. Но он попался на крючок. Мы...

— Ник,— спросила Эрика, внимательно вглядываясь в его лицо,— что произошло?

— Расскажу вечером,— пообещал Мартин торопливо: уже донеслось отдаленное рыканье, предвещавшее приближение Сен-Сира.— Как выберется свободная минута, я ошеломя тебя. Знаешь ли ты, что я всю жизнь поклонялся тебе из почтительного далека? Но теперь увози Уотта от греха подальше. Быстрее!

Эрика успела только бросить на него изумленный взгляд, и Мартин вытолкнул ее из зала. Ему показалось, что к этому изумлению примешивается некоторая радость.

— Где Толливер? — Оглушительный рев Сен-Сира заставил Мартина поморщиться. Режиссер был недоволен, что брюки ему впору отыскиались только в костюмерной. Он счет это личным оскорблением.— Куда вы дели Толливера? — вопил он.

— Пожалуйста, говорите громче,— небрежно кинул Мартин.— Вас трудно расслышать.

— Диди! — загремел Сен-Сир, бешено поворачиваясь к прелестной звезде, которая по-прежнему восхищенно созерцала Диди на экране над своей головой.— Где Толливер?

Мартин вздрогнул. Он совсем забыл про Диди.

— Вы не знаете, верно, Диди? — быстро подсказал он.

— Заткнитесь! — распорядился Сен-Сир.— А ты отвечай мне, ах ты...— И он прибавил выразительное много-сложное слово на миксо-лидийском языке, которое возымело желанное действие.

Диди наморщила безупречный лобик:

— Толливер, кажется, ушел. У меня все это пугается с фильмом... Он пошел домой, чтобы встретиться с Ником Мартином,— разве нет?

— Но Мартин здесь! — взревел Сен-Сир.— Думай же, думай!

— А в эпизоде был документ, аннулирующий контракт? — рассеянно спросила Диди.

— Документ, аннулирующий контракт? — прорычал Сен-Сир.— Это еще что? Никогда я этого не допущу, никогда, никогда, никогда! Диди, отвечай мне: куда пошел Уотт?

— Он куда-то поехал с этой агентшей,— вспомнила Диди.— Или это тоже было в эпизоде?

— Но куда, куда, куда?

— В Атлантиду,— с легким торжеством объявила Диди.

— Нет! — закричал Сен-Сир.— Это фильм! Из Атлантиды была родом русалка, а не Уотт.

— Толливер не говорил, что он родом из Атлантиды,— невозмутимо прожурчала Диди.— Он сказал, что едет в Атлантиду. А потом вечером встретится у себя дома с Ником Мартином и аннулирует его контракт.

— Когда? — в ярости крикнул Сен-Сир.— Подумай, Диди! В котором часу он...

— Диди,— спросил Мартин с вкрадчивой настойчивостью,— вы ведь ничего не помните, верно?

Но Диди была настолько дефектна, что не поддавалась воздействию даже матрицы Дизраэли. Она только безмятежно улыбалась Мартину.

— Прочь с дороги, писака! — взревел Сен-Сир, надвигаясь на Мартина.— Твой контракт не будет аннулирован! Или ты думаешь, что можешь зря расходовать время Сен-Сира? Это тебе даром не пройдет. Я разделаюсь с тобой, как с Эдом Кассиди.

Мартин выпрямился и улыбнулся Сен-Сиру леденящей надменной улыбкой. Его пальцы играли воображаемым моноклем. Изящные периоды рвались с языка. Оставалось только загипнотизировать Сен-Сира, как он загипнотизировал Уотта. Он набрал в легкие побольше воздуха, собираясь распахнуть шлюзы своего красноречия.

И Сен-Сир, варвар, на которого лощеная элегантность не производила ни малейшего впечатления, ударил Мартина в челюсть.

Ничего подобного, разумеется, в английском парламенте произойти не могло.

Когда в этот вечер робот вошел в кабинет Мартина, он уверенным шагом направился к письменному столу, вывинтил лампочку, нажал на кнопку выключателя и сунул палец в патрон. Раздался треск, посыпались искры. ЭНИАК выдернул палец из патрона и яростно потряс металлической головой.

— Как мне это было нужно! — вздохнул он. — Весь день мотался по временной шкале Кальдекуза. Палеолит, неолит, техническая эра... Я даже не знаю, который теперь час. Ну, как протекает ваше приспособление к среде?

Мартин задумчиво потер подбородок.

— Скажите, — вздохнул он, — скажите, когда Дизраэли был премьер-министром, ему приходилось иметь дело с такой страной — Миксо-Лидией?

— Понятия не имею, — ответил робот. — А что?

— А то, что моя среда размахнулась и дала мне в челюсть, — лаконично объяснил Мартин.

— Значит, вы ее спровоцировали, — возразил ЭНИАК. — Кризис, сильный стресс всегда пробуждают в человеке доминантную черту его характера, а Дизраэли в первую очередь был храбр. В минуты кризиса его храбрость переходила в наглость, но он был достаточно умен и организовывал свою среду так, чтобы его наглость встретила отпор на том же семантическом уровне. Миксо-Лидия? Помнится, несколько миллионов лет назад она была населена гигантскими обезьянами с белой шерстью. Ах нет, вспомнил!

Это государство с застоявшейся феодальной системой, не так ли?

Мартин кивнул.

— Так же как и эта киностудия,— сказал робот.— Беда в том, что вы встретились с человеком, чье приспособление к среде совершеннее вашего. В этом все дело. Ваша киностудия только-только выходит из средневековья, и поэтому легко создается среда, максимально благоприятная для средневекового типа характера. Именно этот тип характера определял мрачные стороны средневековья. Вам же следует сменить эту среду на неотехническую, наиболее благоприятную для матрицы Дизраэли. В вашу эпоху феодализм сохраняется только в немногих окостеневших социальных ячейках, вроде этой киностудии, а потому вам будет лучше уйти куда-нибудь еще. Помериться силами с феодальным типом может только феодальный тип.

— Но я не могу уйти куда-нибудь еще! — пожаловался Мартин.— То есть пока мой контракт не будет расторгнут. Его должны были аннулировать сегодня вечером, однако Сен-Сир пронюхал, в чем дело, и ни перед чем не остановится, чтобы сохранить контракт. Если потребуется, он наставит мне еще один синяк. Меня ждет Уотт, но Сен-Сир уже поехал туда...

— Избавьте меня от ненужных подробностей,— поморщился робот.— Если этот Сен-Сир — средневековый тип, он спасует только перед ему подобной, но более сильной личностью.

— А как поступил бы в этом случае Дизраэли? — спросил Мартин.

— Дизраэли никогда не оказался бы в подобном положении,— холодно ответил робот.— Экологизер может обеспечить вам идеальный экологический коэффициент только вашего собственного типа, иначе максимальное приспособление не будет достигнуто. В России времен Ивана Дизраэли оказался бы неудачником.

— Может быть, вы объясните это подробнее? — задумчиво попросил Мартин.

— О, разумеется,— согласился робот и затараторил: — При принятии схемы хромосом прототипа все зависит от

порогово-временных реакций конусов памяти мозга. Сила активации нейронов обратно пропорциональна количественному фактору памяти. Только реальный опыт мог бы дать вам воспоминания Дизраэли, однако ваши реактивные пороги были изменены так, что восприятие и эмоциональные индексы приблизились к величинам, найденным для Дизраэли.

— А! — сказал Мартин. — Ну а как бы вы, например, взяли верх над средневековым паровым катком?

— Подключив мой портативный мозг к паровому катку значительно больших размеров, — исчерпывающе ответил ЭНИАК.

Мартин погрузился в задумчивость. Его рука поднялась, поправляя невидимый монокль, а в глазах у него засветилось плодовитое воображение.

— Вы упомянули Россию времен Ивана. Какой же это Иван? Случайно не...

— Иван Четвертый. И он был превосходно приспособлен к своей среде. Но это к делу не относится. Несомненно, для нашего эксперимента вы бесполезны. Однако мы стараемся определить средние статистические величины, и если вы наденете экологизер себе на...

— Это Иван Грозный, так ведь? — перебил Мартин. — Послушайте, а не могли бы вы наложить на мой мозг матрицу характера Ивана Грозного?

— Вам это ничего не даст, — отрезал робот. — Кроме того, у нашего эксперимента совсем другая цель. А теперь...

— Минуточку! Дизраэли не мог бы справиться со средневековым типом вроде Сен-Сира на своем семантическом уровне. Но если бы у меня были реактивные пороги Ивана Грозного, то я наверняка одержал бы верх. Хотя Сен-Сир, конечно, тяжелее меня, он все-таки чуть-чуть цивилизован... Погодите-ка! Он же на этом играет. До сих пор он имел дело лишь с людьми настолько цивилизованными, что они не могли пользоваться его методами. А если отплатить ему его собственной монетой, он не устоит. И лучше Ивана для этого никого не найти.

— Но вы не понимаете...

— Разве вся Россия не трепетала при одном имени Ивана?

— Да, Ро...

— Ну и прекрасно! — с торжеством перебил Мартин. — Вы наложите на мой мозг матрицу Ивана Грозного, и я разделаюсь с Сен-Сиром так, как это сделал бы Иван. Дизраэли был просто чересчур цивилизован. Хоть рост и вес имеют значение, характер куда важнее. Внешне я совсем не похож на Дизраэли, однако люди реагировали на меня так, словно я — сам Джордж Арлисс. Цивилизованный силач всегда побьет цивилизованного человека слабее себя. Сен-Сир еще ни разу не сталкивался с по-настоящему нецивилизованным человеком — таким, какой готов голыми руками вырвать сердце врага. — Мартин энергично кивнул. — Сен-Сира можно подавить на время — в этом я убедился. Но чтобы подавить его навсегда, потребуется кто-нибудь вроде Ивана.

— Если вы думаете, что я собираюсь наложить на вас матрицу Ивана, то вы ошибаетесь, — объявил робот.

— И убедить вас никак нельзя?

— Я, — объявил ЭНИАК, — семантически сбалансированный робот. Конечно, вы меня не убедите.

«Я-то, может быть, и нет, — подумал Мартин, — но вот Дизраэли... Гм-м! «Мужчина — это машина»... Дизраэли был просто создан для улецивания роботов. Даже люди были для него машинами. А что такое ЭНИАК?»

— Давайте обсудим это, — начал Мартин, рассеянно поддвигая лампу поближе к роботу.

И разверзлись золотые уста, некогда сотрясавшие империи...

— Вам это не понравится, — отупело сказал робот некоторое время спустя. — Иван не годится для... Ах, вы меня совсем запутали! Вам нужно приложить глаз к... — Он начал вытаскивать из сумки шлем и четверть мили красной ленты.

— Подвяжем-ка серые клеточки моего досточтимого мозга! — сказал Мартин, опьянев от собственной риторики. — Надевайте его мне на голову. Вот так. И не забудьте — Иван Грозный. Я покажу Сен-Сиру Миксо-Лидию!

— Коэффициент зависит столько же от среды, сколько и от наследственности,— бормотал робот, нахлобучивая шлем на Мартина.— Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности, полученной через Елену Глинскую... Ну вот!

Он снял шлем с головы Мартина.

— Ничего не происходит,— сообщил Мартин.— Никакой разницы.

— Потребуется несколько минут. Ведь теперь это совсем иная схема характера, чем ваша. Радуйтесь жизни, пока можете. Вы скоро познакомитесь с Ивано-эффектом.— Робот вскинул сумку на плечо и нерешительно пошел к двери.

— Стойте,— тревожно окликнул его Мартин.— А вы уверены?

— Помолчите. Я что-то забыл. Какую-то формальность, до того вы меня запутали. Ну, ничего, вспомню после — или раньше, в зависимости от того, где буду находиться. Увидимся через двенадцать часов... если увидимся!

Робот ушел. Мартин для проверки потряс головой. Затем встал и направился за роботом к двери. Но ЭНИАК исчез бесследно — только в середине коридора опадал маленький смерч пыли.

В голове Мартина что-то происходило...

Позади зазвонил телефон. Мартин ахнул от ужаса. С неожиданной, невероятной, жуткой, абсолютной уверенностью он понял, кто звонит.

Убийцы!!!

— Да, мистер Мартин,— раздался в трубке голос дворецкого Толливера Уотта.— Мисс Эшби здесь. Сейчас она совещается с мистером Уоттом и мистером Сен-Сиром, но я передам ей ваше поручение. Вы задержались, и она должна захватить за вами... куда?

— В чулан на втором этаже сценарного корпуса,— дрожащим голосом ответил Мартин.— Рядом с другими чуланами нет телефонов с достаточно длинным шнуром, и я не мог взять с собой аппарат. Боюсь, что и здесь грозит

опасность. Мне что-то не нравится выражение метлы слева от меня.

— Сэр?..

— А вы уверены, что вы действительно дворецкий Толливера Уотта? — нервно спросил Мартин.

— Совершенно уверен, мистер... э... Мартин.

— Да, я мистер Мартин! — вскричал Мартин вызывающим, полным ужаса голосом. — По всем законам Божеским и человеческим я — мистер Мартин! И мистером Мартином я останусь, как бы ни пытались мятежные собаки низложить меня с места, которое принадлежит мне по праву.

— Да, сэр. Вы сказали — в чулане, сэр?

— Да, в чулане. И немедленно. Но поклянитесь не говорить об этом никому, кроме мисс Эшби, как бы вам ни угрожали. Я буду вам защитой.

— Да, сэр. Больше ничего?

— Больше ничего. Скажите мисс Эшби, чтобы она поторопилась. А теперь повесьте трубку. Нас могли подслушивать. У меня есть враги.

В трубке щелкнуло. Мартин положил ее на рычаг и опасно оглядел чулан. Он внушал себе, что его страхи нелепы. Ведь ему нечего бояться, верно? Правда, тесные стены чулана грозно смыкались вокруг него, а потолок спускался все ниже...

В панике Мартин выскочил из чулана, перевел дух и расправил плечи.

— Ч-ч-чего бояться? — спросил он себя. — Никто и не боится!

Насвистывая, Мартин пошел через холл к лестнице, но на полпути агорафобия взяла верх, и сценарист уже не мог совладать с собой. Он нырнул к себе в кабинет и тихо потел от страха во мраке, пока не собрался с духом, чтобы зажечь лампу.

Его взгляд привлекла «Британская энциклопедия» в стеклянном шкафу. С бесшумной поспешностью Мартин снял том «Иберия — Лорд» и начал его листать.

Что-то явно было очень и очень не так. Правда, робот предупреждал, что Мартину не понравится быть Иваном

Грозным. А вдруг это была вовсе не матрица Ивана? Может, робот по ошибке наложил на него чью-то другую матрицу — матрицу отъявленного труса? Мартин судорожно листал шуршащие страницы. Иван... Иван... А, вот оно!

Сын Елены Глинской... Женат на Анастасии Захарьиной-Кошкиной... В частной жизни творил неслыханные гнусности... Удивительная память, колоссальная энергия... Припадки дикой ярости... Большие природные способности, политическое провидение, предвосхитил идеи Петра Великого... Мартин покачал головой.

Но тут он прочел следующую строку, и у него перехватило дыхание.

«Иван жил в атмосфере вечных подозрений и в каждом своем приближенном видел возможного изменника».

— Совсем как я,— пробормотал Мартин.— Но... Но Иван ведь не был трусом... Я не понимаю.

Коэффициент, сказал робот, зависит от среды так же, как и от наследственности. Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности.

Мартин со свистом втянул воздух. Среда вносит существенную поправку. Возможно, Иван Четвертый был по натуре трусом, но благодаря наследственности и среде эта черта не получила явного развития.

Иван был царем всея Руси.

Дайте трусу ружье, и, хотя он не перестанет быть трусом, эта черта будет проявляться совсем по-другому. Он может повести себя как вспыльчивый и воинственный тиран. Вот почему Иван экологически преуспевал — в своей особой среде. Он не подвергался стрессу, который выдвинул бы на первый план доминантную черту его характера. Подобно Дизраэли, он умел контролировать свою среду и устранять причины, которые вызывали бы стресс.

Мартин позеленел.

Затем он вспомнил про Эрику. Удастся ли ей как-нибудь отвлечь Сен-Сира, пока он будет добиваться от Уотта расторжения контракта? Если он сумеет избежать кризиса, то сможет держать свои нервы в узде, но... ведь повсюду убийцы!

Эрика уже едет в студию... Мартин судорожно сглотнул.

Он встретит ее за воротами студии. Чулан был ненадежным убежищем. Его могли поймать там, как крысу...

— Ерунда,— сказал себе Мартин с трепетной твердостью.— Это не я, и все тут. Надо взять себя в-в-в руки — и т-только. Давай, давай, взбодрись.

Однако он вышел из кабинета и спустился по лестнице с величайшей осторожностью. Как знать... Если кругом одни враги...

Трясаясь от страха, матрица Ивана Грозного прокралась к воротам студии.

Такси быстро ехало в Бел-Эйр.

— Зачем ты влез на дерево? — спросила Эрика.

Мартин затрясся.

— Оборотень,— объяснил он, стуча зубами.— Вампир, ведьма и... Говорю тебе, я их видел. Я стоял у ворот студии, а они как кинутся на меня всей толпой!

— Они возвращались в павильон после обеда,— разъяснила Эрика.— Ты же знаешь, что «Вершина» по вечерам снимает «Аббат и Костелло знакомы со всеми». Карлов и мухи не обидит.

— Я себе это говорил,— угрюмо пожаловался Мартин.— Но страх и угрызения совести совсем меня измучили. Видишь ли, я — гнусное чудовище, только это не моя вина. Все — среда. Я рос в самой тягостной и жестокой обстановке... А-а! Погляди сама! — Он указал на полицейского на перекрестке.— Полиция! Предатель даже среди дворцовой гвардии!

— Дамочка, этот тип — псих? — спросил шофер.

— Безумен я или нормален, я — Никлас Мартин! — объявил Мартин, внезапно меняя тон.

Он попытался властно выпрямиться, стукнулся головой о крышу, взвизгнул: «Убийцы!» — и съехал в уголке, тяжело дыша.

Эрика тревожно посмотрела на него.

— Ник, сколько ты выпил? — спросил она.— Что с тобой?

Мартин откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Дай я немного приду в себя, Эрика,— умоляюще сказал он.— Все будет в порядке, как только я оправлюсь от стресса. Ведь Иван...

— Но взять аннулированный контракт из рук Уотта ты сумеешь? — осведомилась Эрика.— На это-то тебя хватит?

— Хватит,— ответил Мартин бодрым, но дрожащим голосом.

Потом он передумал.

— При условии, если буду держать тебя за руку,— добавил он, не желая рисковать.

Это так возмутило Эрику, что на протяжении двух миль в такси царило молчание. Эрика над чем-то размышляла.

— Ты действительно очень переменялся с сегодняшнего утра,— заметила она наконец.— Грозишь объясниться мне в любви,— подумать только! Как будто я позволю что-нибудь подобное! Вот попробуй!

Наступило молчание. Эрика покосилась на Мартина.

— Я сказала — вот попробуй! — повторила она.

— Ах так? — спросил Мартин с отчаянной храбростью. Он помолчал. Как ни странно, его язык, прежде отказывавшийся в присутствии Эрики произнести хотя бы слово на определенную тему, вдруг обрел свободу. Мартин не стал тратить время и рассуждать — почему. Не дожидаясь наступления следующего кризиса, он немедленно излил Эрике все свои чувства.

— Но почему ты никогда прежде этого не говорил? — спросила она, заметно смягчившись.

— Сам не понимаю,— удивился Мартин.— Ты выйдешь за меня?

— Но почему ты...

— Ты выйдешь за меня?

— Да,— ответила Эрика, и наступило молчание.

Мартин облизнул пересохшие губы, так как заметил, что их головы совсем сблизились. Он уже собирался завершить объяснение традиционным финалом, как вдруг его поразила внезапная мысль. Вздрыгнув, он отодвинулся.

Эрика открыла глаза.

— Э...— сказал Мартин.— Гм... Я только что вспомнил. В Чикаго сильная эпидемия гриппа. А эпидемии, как тебе известно, распространяются с быстротой лесного пожара. И грипп мог уже добраться до Голливуда, особенно при нынешних западных ветрах.

— Черт меня побери, если я допущу, чтобы моя помолвка обошлась без поцелуя! — объявила Эрика с некоторым раздражением.— А ну поцелуй меня!

— Но я могу заразить тебя бубонной чумой,— нервно ответил Мартин.— Поцелуи передают инфекцию. Это научный факт.

— Ник!

— Ну... не знаю... А когда у тебя в последний раз был насморк?

Эрика отодвинулась от него как можно дальше.

— Ах,— вздохнул Мартин после долгого молчания.— Эрика, ты...

— Не заговаривай со мной, тряпка! — возмутилась Эрика.— Чудовище! Негодай!

— Я не виноват! — в отчаянии вскрикнул Мартин.— Я буду трусом двенадцать часов. Но я тут ни при чем. Завтра после восьми утра я хоть в львиную клетку войду, если ты захочешь. Сегодня же у меня нервы как у Ивана Грозного. Дай я хотя бы объясню тебе, в чем дело.

Эрика ничего не ответила, и Мартин принялся торопливо рассказывать свою длинную, малоправдоподобную историю.

— Не верю! — отрезала Эрика, когда он закончил, и покачала головой.— Но я пока еще остаюсь твоим агентом и отвечаю за твою писательскую судьбу. Теперь нам надо добиться одного — заставить Толливера Уотта расторгнуть контракт. И только об этом мы и будем сейчас думать. Ты понял?

— Но Сен-Сир...

— Говорить буду я. Если Сен-Сир начнет тебя запугивать, я с ним разделаюсь. Но ты должен быть там, не то Сен-Сир придерется к твоему отсутствию, чтобы затянуть дело. Я его знаю.

— Ну вот, я опять в стрессовом состоянии! — в отчаянии вскричал Мартин. — Я не выдержу! Я же не русский царь!

— Дамочка, — посоветовал шофер, оглядываясь, — на вашем месте я бы дал ему от ворот поворот тут же, на месте!

— Кому-нибудь не сносить за это головы! — зловеще пообещал Мартин.

— «По взаимному согласию контракт аннулируется...» Да-да, — сказал Уотт, ставя свою подпись на документе, который лежал перед ним на столе. — Ну, вот и все. Но куда делся Мартин? Ведь он вошел с вами, я сам видел.

— Разве? — несколько невпопад поинтересовалась Эрика. Она сама ломала голову над тем, каким образом Мартин умудрился так бесследно исчезнуть. Может быть, он с молниеносной быстротой залез под ковер?

Отгнав эту мысль, она протянула руку за бумагой, которую Уотт начал аккуратно свертывать.

— Погодите, — сказал Сен-Сир, выпятив нижнюю губу. — А вот как насчет пункта, дающего нам исключительное право на следующую пьесу Мартина?

Уотт перестал свертывать документ, и режиссер немедленно этим воспользовался.

— Что бы он там ни накропал, я сумею сделать из этого новый фильм для Диди. А, Диди? — Он погрозил сосискообразным пальцем прелестной звезде, которая послушно кивнула.

— Там будут только мужские роли, — поспешно вставила Эрика. — К тому же мы обсуждаем расторжение контракта, а не права на пьесу.

— Он дал бы мне это право, будь он здесь! — проворчал Сен-Сир, подвергая свою сигару невообразимым пыткам. — Почему, почему все ополчаются против истинного художника? — Он взмахнул огромным волосатым кулаком. — Теперь мне придется обламывать нового сценариста. Какая напрасная трата времени! А ведь через две недели Мартин стал бы сен-сировским сценаристом! Да и теперь еще не поздно...

— Боюсь, что поздно, Рауль,— посочувствовал Уотт.— Право же, бить Мартина сегодня в студии вам все-таки не следовало.

— Но... он ведь не посмеет подать на меня в суд. В Миксо-Лидии...

— А, здравствуйте, Ник! — воскликнула Диди с сияющей улыбкой.— Зачем вы прячетесь за занавеской?

Глаза всех обратились к оконным занавескам, за которыми в этот миг с проворством бурундука исчезло белое как мел, искаженное ужасом лицо Никласа Мартина.

Эрика торопливо сказала:

— Но это вовсе не Ник. Совсем даже не похож. Вы ошиблись, Диди.

— Разве? — спросила Диди, уже готовая согласиться.

— Ну конечно,— ответила Эрика и протянула руку к документу.— Дайте его мне, и я...

— Стойте! — по-бычьи взревел Сен-Сир.

Втянув голову в могучие плечи, он затопал к окну и отдернул занавеску.

— Ага,— зловещим голосом произнес режиссер.— Мартин!

— Ложь,— пробормотал Мартин, тщетно пытаясь скрыть свой рожденный стрессом ужас.— Я отрекся.

Сен-Сир, отступив на шаг, внимательно вглядывался в Мартина. Сигара у него во рту медленно задралась вверх. Губы режиссера растянула злобная усмешка.

Он потряс пальцем у самых трепещущих ноздрей драматурга.

— А,— захохотал он,— к вечеру пошли другие песни, э? Днем ты был пьян! Теперь я все понял. Черпаешь храбрость в бутылке, как тут выражаются.

— Чепуха,— возразил Мартин, вдохновляясь взглядом, который бросила на него Эрика.— Кто это сказал? Все — ваши выдумки! О чем, собственно, речь?

— Что вы делали за занавеской? — спросил Уотт.

— Я вообще не был за занавеской,— доблестно объявил Мартин.— Это вы были за занавеской, вы все. Я был перед занавеской. Разве я виноват, что вы все укрылись за занавеской в библиотеке, точно... точно заговорщики?

Последнее слово было выбрано очень удачно — в глазах Мартина вновь вспыхнул ужас.

— Да, как заговорщики,— продолжал он нервно.— Вы думали, я ничего не знаю, а? А я все знаю! Вы тут все убийцы и плетете злодейские интриги. Вот, значит, где ваше логово! Всю ночь вы, наемные псы, гнались за мной по пятам, словно за раненым карибу, стараясь...

— Нам пора,— с отчаянием сказала Эрика.— Мы и так еле-еле успеем поймать последнего кари... то есть последний самолет на восток.

Она протянула руку к документу, но Уотт вдруг спрятал его в карман и повернулся к Мартину.

— Вы дадите нам исключительное право на вашу следующую пьесу? — спросил он.

— Конечно, даст! — загремел Сен-Сир, опытным взглядом оценив напускную браваду Мартина.— И в суд ты на меня не подашь, не то я тебя вздую как следует. Так мы делали в Миксо-Лидии. Собственно говоря, Мартин, вы вовсе и не хотите расторгнуть свой контракт. Это чистое недоразумение. Я сделаю из вас сен-сировского сценариста, и все будет хорошо. Вот так. Сейчас вы попросите Толливера разорвать эту бумажонку. Верно?

— Конечно, нет! — крикнула Эрика.— Скажи ему это, Ник!

Наступило напряженное молчание. Уотт ждал с настороженным любопытством. И бедняжка Эрика тоже. В ее душе шла мучительная борьба между профессиональным долгом и презрением к жалкой трусости Мартина. Ждала и Диди, широко раскрыв огромные глаза, а на ее прекрасном лице играла веселая улыбка. Однако бой шел, бесспорно, между Мартином и Раулем Сен-Сиром.

Мартин в отчаянии расправил плечи. Он должен, должен показать себя подлинным Грозным — теперь или никогда. Уже у него был гневный вид, как у Ивана, и он постарался сделать свой взгляд зловещим. Загадочная улыбка появилась на его губах. На мгновение он действительно обрел сходство с грозным русским царем — только, конечно, без бороды и усов. Мартин смерил миксолидийца взглядом, исполненным монаршего презрения.

— Вы порвете эту бумажку и подпишете соглашение с нами на вашу следующую пьесу, так? — с легкой неуверенностью спросил Сен-Сир.

— Что захочу, то и сделаю, — сообщил ему Мартин. — А как вам понравится, если вас заживо сожрут собаки?

— Право, Рауль, — вмешался Уотт, — попробуем уладить это, пусть даже...

— Вы предпочитаете, чтобы я ушел в «Метро-Голдвин-Мейер» и взял с собой Диди? — завопил Сен-Сир, поворачиваясь к Уотту. — Он сейчас же подпишет! — И, сунув руку во внутренний карман, чтобы достать ручку, режиссер всей тушей надвинулся на Мартина.

— Убийца! — взвизгнул Мартин, неверно истолковав его движение.

На мерзком лице Сен-Сира появилась злорадная улыбка.

— Он у нас в руках, Толливер! — воскликнул миксолидеец с тяжеловесным торжеством, и эта жуткая фраза оказалась последней каплей. Не выдержав подобного стресса, Мартин с безумным воплем шмыгнул мимо Сен-Сира, распахнул ближайшую дверь и скрылся за ней.

Вслед ему неся голос валькирии Эрики:

— Оставьте его в покое! Или вам мало? Вот что, Толливер Уотт: я не уйду отсюда, пока вы не отдадите этот документ. А вас, Сен-Сир, я предупреждаю: если вы...

Но к этому времени Мартин уже успел проскочить пять комнат, и конец ее речи замер в отдалении. Он пытался заставить себя остановиться и вернуться на поле брани... Тщетно — стресс был слишком силен, ужас гнал его вперед по коридорам, вынудив юркнуть в какую-то комнату, и швырнул в какой-то металлический предмет. Отлетев от этого предмета и упав на пол, Мартин обнаружил, что перед ним ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

— Вот вы где, — сказал робот. — А я в поисках вас обшарил все пространство-время. Когда вы заставили меня изменить программу эксперимента, вы забыли дать мне расписку, что берете ответственность на себя. Раз объект пришлось снять из-за изменения в программе, начальство

из меня все шестеренки вытрясет, если я не доставлю расписку с приложением глаза объекта.

Опасливо оглянувшись, Мартин поднялся на ноги.

— Что? — спросил он рассеянно. — Послушайте, вы должны изменить меня обратно в меня самого. Все меня пытаются убить. Вы явились как раз вовремя. Я не могу ждать двенадцать часов. Измените меня немедленно.

— Нет, я с вами покончил, — бессердечно ответил робот. — Когда вы настояли на наложении чужой матрицы, вы перестали быть необработанным объектом и для продолжения опыта теперь не годитесь. Я бы сразу взял у вас расписку, но вы совсем меня заморочили вашим дизраэлевским красноречием. Ну-ка, подержите вот это у своего левого глаза двадцать секунд. — Он протянул Мартину блестящую металлическую пластинку. — Она уже заполнена и сенсibilизирована. Нужен только отпечаток вашего глаза. Приложите его — и больше вы меня не увидите.

Мартин отпрянул.

— А что будет со мной? — спросил он дрожащим голосом.

— Откуда я знаю? Через двенадцать часов матрица сотрется, и вы снова станете самим собой. Прижмите-ка пластинку к глазу.

— Прижму, если вы превратите меня в меня, — попробовал торговаться Мартин.

— Не могу, это против правил. Хватит и одного нарушения, даже с распиской. Но чтобы два? Ну нет! Прижмите ее к левому глазу...

— Нет, — отрезал Мартин. — Не прижму.

ЭНИАК внимательно поглядел на него.

— Прижмите, — сказал робот наконец. — Не то я на вас топну ногой.

Мартин слегка побледнел, но с отчаянной решимостью затряс головой:

— Нет и нет! Ведь если я немедленно не избавлюсь от матрицы Ивана, Эрика не выйдет за меня замуж и Уотт не освободит меня от контракта. Вам только нужно надеть на меня этот шлем. Неужто я прошу чего-то невозможного?

— От робота? Разумеется,— сухо парировал ЭНИАК.— И довольно мешкать. К счастью, на вас наложена матрица Ивана и я могу навязать вам мою волю. Сейчас же отпечатайте на пластине свой глаз. Ну?!

Мартин стремительно нырнул за диван. Робот угрожающе двинулся за ним, но тут Мартин нашел спасительную соломинку и уцепился за нее.

Он встал и посмотрел на робота.

— Погодите, вы не поняли,— сказал он.— Я же не в состоянии отпечатать глаз на этой штуке. Со мной у вас ничего не выйдет. Как вы не понимаете? На ней должен остаться отпечаток...

—...рисунка сетчатки,— закончил робот.— Ну и...

— Ну и как же я это сделаю, если мой глаз не останется открытым двадцать секунд? Пороговые реакции у меня как у Ивана, верно? Мигательным рефлексом я управлять не могу. Мои синапсы — синапсы труса. И они заставят меня зажмурить глаза, чуть только эта штука к ним приблизится.

— Так раскройте их пальцами,— посоветовал робот.

— У моих пальцев тоже есть рефлекс,— возразил Мартин, подбираясь к буфету.— Остается один выход. Я должен напиться. Когда алкоголь меня одурманит, мои рефлексы затормозятся и я не успею закрыть глаза. Но не вздумайте пустить в ход силу. Если я умру на месте от страха, как вы получите отпечаток моего глаза?

— Это-то не трудно,— сказал робот.— Раскрою веки...

Мартин потянулся за бутылкой и стаканом, потом вдруг его рука свернула в сторону и ухватила сифон с содовой водой.

— Но только,— продолжал ЭНИАК,— подделка может быть обнаружена.

Мартин налил себе полный стакан содовой воды и сделал большой глоток.

— Я скоро опьянею,— обещал он заплетающимся языком.— Видите, алкоголь уже действует. Я стараюсь вам помочь.

— Ну ладно, только поторопитесь,— сказал ЭНИАК после некоторого колебания и опустил на стул.

Мартин собрался сделать еще глоток, но вдруг устался на работа, ахнул и отставил стакан.

— Ну, что случилось? — спросил робот. — Пейте свое... что это такое?

— Виски, — пояснил Мартин неопытной машине. — Я все понял. Вы подсыпали в него яд. Вот, значит, каков был ваш план! Но я больше ни капли не выпью, и вы не получите отпечатка моего глаза. Я не дурак.

— Винт всемогущий! — воскликнул робот, вскакивая на ноги. — Вы же сами налили себе этот напиток. Как я мог его отравить? Пейте.

— Не буду, — ответил Мартин с упрямством труса, стараясь отогнать гнетущее подозрение, что содовая и в самом деле отравлена.

— Пейте свой напиток! — потребовал ЭНИАК слегка дрожащим голосом. — Он абсолютно безвреден.

— Докажите! — сказал Мартин с хитрым видом. — Согласны обменяться со мной стаканом? Согласны сами выпить это ядовитое пойло?

— Как же я буду пить? — удивился робот. — Я... Ладно, давайте мне стакан. Я хлебну, а вы допьете остальное.

— Ага, — уличил его Мартин, — вот ты себя и выдал. Ты же робот, и сам говорил, что пить не можешь! То есть так, как пью я. Вот ты и попался, отравитель! Вон твой напиток. — И он указал на торшер. — Будешь пить со мной на свой электрический манер или признаешься, что хотел меня отравить? погоди-ка, что я говорю? Это же ничего не докажет...

— Ну конечно докажет, — поспешно перебил робот. — Вы совершенно правы и придумали очень умно. Мы будем пить вместе, и это докажет, что ваше виски не отравлено. И вы будете пить, пока ваши рефлексы не затормозятся. Верно?

— Да, но... — начал неуверенно Мартин, однако бессовестный робот уже вывинтил лампочку из торшера, нажал на выключатель и сунул палец в патрон, отчего раздался треск и посыпались искры.

— Ну вот, — сказал робот. — Ведь не отравлено? Верно?

— А вы не глотаете,— подозрительно заявил Мартин.— Вы держите его во рту... то есть в пальцах.

ЭНИАК снова сунул палец в патрон.

— Ну ладно, может быть,— с сомнением согласился Мартин.— Но ты можешь подсыпать порошок в мое виски, изменник. Будешь пить со мной глоток за глотком, пока я не сумею припечатать свой глаз к этой твоей штуке. А не то я перестану пить. Впрочем, хоть ты и съешь палец в торшер, действительно ли это доказывает, что виски не отравлено? Я не совсем...

— Доказывает, доказывает,— быстро сказал робот.— Ну, вот смотрите. Я опять это сделаю... $Ft(t)$. Мощный постоянный ток, верно? Какие еще вам нужны доказательства? Ну, пейте.

Не спуская глаз с робота, Мартин поднес к губам стакан с содовой.

— $Ffff(t)$! — воскликнул робот немного погодя и начертил на своем металлическом лице глуповато-блаженную улыбку.

— Такого ферментированного мамонтового молока я еще не пивал,— согласился Мартин, поднося к губам десятый стакан содовой воды. Ему было сильно не по себе, и он боялся, что вот-вот захлебнется.

— Мамонтового молока? — сипло произнес ЭНИАК.— А это какой год?

Мартин перевел дух. Могучая память Ивана пока хорошо служила ему. Он вспомнил, что напряжение повышает частоту мыслительных процессов робота и расстраивает его память — это и происходило прямо у него на глазах. Однако впереди оставалось самое трудное...

— Год Большой Волосатой, конечно,— сообщил он весело.— Разве ты не помнишь?

— В таком случае вы...— ЭНИАК попытался получше разглядеть своего двоящегося собутыльника.— Тогда, значит, вы — Мамонтобой.

— Вот именно! — вскричал Мартин.— Ну-ка, дернем еще по одной. А теперь приступим.

— К чему приступим?

Мартин изобразил раздражение.

— Вы сказали, что наложите на мое сознание матрицу Мамонтобая. Вы сказали, что это обеспечит мне оптимальное экологическое приспособление к среде в данной темпоральной фазе.

— Но вы же не Мамонтобой,— растерянно возразил ЭНИАК.— Мамонтобой был сыном Большой Волосатой. А как зовут вашу мать?

— Большая Волосатая,— немедленно ответил Мартин, и робот поскреб свой сияющий затылок.— Дерните еще разок,— предложил Мартин.— А теперь достаньте экологизер и наденьте мне его.

— Вот так? — спросил ЭНИАК, подчиняясь.— У меня ощущение, что я забыл что-то важное.

Мартин поправил прозрачный шлем у себя на затылке.

— Ну,— скомандовал он,— давайте мне матрицу — характер Мамонтобая, сына Большой Волосатой...

— Что ж... Ладно,— невнятно согласился ЭНИАК. Взметнулись красные ленты, шлем вспыхнул.— Вот и все,— сказал робот.— Может быть, пройдет несколько минут, прежде чем подействует, а потом на двенадцать часов вы... Погодите! Куда же вы?

Но Мартин уже исчез.

В последний раз робот запихнул в сумку шлем и четверть мили красной ленты. Пошатываясь, он подошел к торшеру, бормоча что-то о посошке на дорожку. Затем комната опустела. Затихающий шепот произнес:

— $F(t)$...

— Ник! — ахнула Эрика, уставившись на фигуру в дверях.— Не стой так, ты меня пугаешь.

Все оглянулись на ее вопль и поэтому успели заметить жуткую перемену, происходящую в облике Мартина. Конечно, это была иллюзия, но весьма страшная. Колени его медленно подогнулись, плечи сгорбились, словно под тяжестью чудовищной мускулатуры, а руки вытянулись так, что пальцы касались пола.

Наконец-то Никлас Мартин обрел личность, экологическая норма которой ставила его на один уровень с Раулем Сен-Сиром.

— Ник! — испуганно повторила Эрика.

Медленно нижняя челюсть Мартина вытянулась, обнажились все нижние зубы. Веки постепенно опустились, и теперь он смотрел на мир маленькими злобными глазками. Затем гнусная ухмылка неторопливо растянула губы мистера Мартина.

— Эрика! — прохрипел он. — Моя!

Раскачивающейся походкой он подошел к перепуганной девушке, схватив ее в объятия и укусил за ухо.

— Ах, Ник, — прошептала Эрика, закрывая глаза. — Почему ты никогда... Нет-нет-нет! Ник, погоди... Расторжение контракта. Мы должны... Ник, куда ты? — Она попыталась удержать его, но опоздала.

Хотя походка Мартина была неуклюжей, двигался он быстро. В одно мгновение он перемахнул через письменный стол Уотта, выбрав кратчайший путь к потрясенному кинопромышленнику. Во взгляде Диди появилось легкое удивление. Сен-Сир рванулся вперед.

— В Миксо-Лидии... — начал он. — Ха, вот так... — И, схватив Мартина, он швырнул его в другой угол комнаты.

— Зверь! — воскликнула Эрика и бросилась на режиссера, молотя кулачками по его могучей груди. Впрочем, тут же спохватившись, она принялась обрабатывать каблуками его ноги — со значительно большим успехом. Сен-Сир, менее всего джентльмен, схватил Эрику, заломив ей руки, но тут же обернулся на тревожный крик Уотта:

— Мартин, что вы делаете?

Вопрос был задан не зря. Мартин покатился по полу, как шар, по-видимому несколько не ушибившись, сбил торшер и развернулся, как еж. На лице его было неприятное выражение. Он встал, пригнулся, почти касаясь пола руками и злобно скаля зубы.

— Ты трогать моя подруга? — хрипло осведомился питекантропообразный мистер Мартин, быстро теряя всякую связь с двадцатым веком. Вопрос этот был чисто риторическим. Драматург поднял торшер (для этого ему не приш-

лось нагибаться), содрал с него абажур, словно листья с древесного сука, и взял торшер наперевес. Затем он двинулся вперед, держа его как копье.— Я,— сказал Мартин,— убивать.

И с достохвальной целеустремленностью попытался претворить намерение в жизнь. Первый удар тупого самодельного копья поразил Сен-Сира в солнечное сплетение, и режиссер отлетел к стене, гулко стукнувшись об нее. Мартин, по-видимому, только этого и добивался. Прижав конец копья к животу режиссера, он пригнулся еще ниже, уперся ногами в ковер и по мере сил попытался просверлить в Сен-Сире дыру.

— Прекратите! — закричал Уотт, кидаясь в сечу.

Первобытные рефлексy сработали мгновенно: кулак Мартина описал в воздухе дугу, и Уотт описал дугу в противоположном направлении.

Торшер сломался.

Мартин задумчиво поглядел на обломки, принялся было грызть один из них, потом передумал и оценивающе посмотрел на Сен-Сира. Задыхаясь, бормоча угрозы, проклятья и протесты, режиссер выпрямился во весь рост и погрозил Мартину огромным кулаком.

— Я,— объявил он,— убью тебя голыми руками, а потом уйду в «Метро-Голдвин-Мейер» с Диди. В Миксо-Лидии...

Мартин поднес к лицу собственные кулаки. Он поглядел на них, медленно разжал, улыбнулся, а затем, оскалив зубы, с голодным тигриным блеском в крохотных глазках посмотрел на горло Сен-Сира.

Мамонтобой не зря был сыном Большой Волосатой.

Мартин прыгнул.

И Сен-Сир тоже, но в другую сторону, вопя от внезапного ужаса. Ведь он был всего только средневековым типом, куда более цивилизованным, чем так называемый человек первобытный прямолинейной эры Мамонтобая. И как человек убегает от маленькой, но разъяренной дикой кошки, так Сен-Сир, пораженный цивилизованным страхом, бежал от врага, который в буквальном смысле слова ничего не боялся.

Сен-Сир выпрыгнул в окно и с визгом исчез в ночном мраке.

Мартина это застигло врасплох — когда Мамонтобой бросался на врага, враг всегда бросался на Мамонтобая,— и в результате он со всего маху стукнулся лбом о стену. Как в тумане он слышал затихающий вдали визг. С трудом поднявшись, Мартин привалился спиной к стене и зарычал, готовясь...

— Ник! — раздался голос Эрики.— Ник, это я! Помоги! Помоги же! Диди...

— Агх? — хрипло спросил Мартин, мотая головой.— Убивать!

Глухо ворча, драматург мигал налитыми кровью глазами, и постепенно все, что его окружало, опять приобрело четкие очертания. У окна Эрика боролась с Диди.

— Пусти меня! — кричала Диди.— Куда Рауль, туда и я!

— Диди! — умоляюще произнес чей-то голос.

Мартин оглянулся и увидел под смятым абажуром в углу лицо распростертого на полу Толливера Уотта.

Сделав чудовищное усилие, Мартин выпрямился. Ему было как-то непривычно ходить не горбясь, зато это помогло подавить худшие инстинкты Мамонтобая. К тому же теперь, когда Сен-Сир испарился, кризис миновал и доминантная черта в характере Мамонтобая несколько утратила активность. Мартин осторожно пошевелил языком и с облегчением обнаружил, что еще не совсем лишился дара человеческой речи.

— Агх,— сказал он.— Уррг... э... Уотт!

Уотт испуганно замигал на него из-под абажура.

— Арргх... Аннулированный контракт,— сказал Мартин, напрягая все свои силы.— Дай.

Уотт не был трусом. Он с трудом поднялся на ноги и снял с головы абажур.

— Аннулированный контракт? — рявкнул он.— Сумасшедший! Разве вы не понимаете, что натворили?.. Диди, не уходите от меня! Диди, не уходите, мы вернем Рауля...

— Рауль велел мне уйти, если уйдет он,— упрямылась Диди.

— Вы вовсе не обязаны делать то, что вам велит Сен-Сир,— убеждала Эрика, продолжая держать вырывающуюся звезду.

— Разве? — удивилась Диди.— Но я всегда его слушаюсь. И всегда слушалась.

— Диди,— в отчаянии умолял Уотт,— я дам вам лучший в мире контракт! Контракт на десять лет! Посмотрите, вот он! — И киномагнат вытащил сильно потертый по краям документ.— Только подпишите, и потом можете требовать все, что вам угодно! Неужели вам этого не хочется?

— Хочется,— ответила Диди,— но Раулю не хочется.— И она вырвалась из рук Эрики.

— Мартин! — вне себя воззвал Уотт к драматургу.— Верните Сен-Сира! Извинитесь перед ним! Любой ценой — только верните его! А не то я... я не аннулирую вашего контракта!

Мартин слегка сгорбился, может быть, от безнадежности, а может быть, и еще от чего-нибудь.

— Мне очень жаль,— сказала Диди.— Мне нравилось работать у вас, Толливер. Но я должна слушаться Рауля.

Она сделала шаг к окну.

Мартин сгорбился еще больше, и его пальцы коснулись ковра. Злобные глазки, горевшие неудовлетворенной яростью, были устремлены на Диди. Медленно его губы поползли в стороны, и зубы оскалились.

— Ты! — сказал он со зловещим урчанием.

Диди остановилась, но лишь на мгновение, и тут по комнате прокатился рык дикого зверя.

— Вернись! — в бешенстве ревел Мамонтобой.

Одним прыжком он оказался у окна, схватил Диди и зажал под мышкой. Обернувшись, он ревниво покосился на дрожащего Уотта и кинулся к Эрике. Через мгновение уже обе девушки пытались вырваться из его хватки. Мамонтобой крепко держал их под мышками, а его злобные глазки поглядывали то на одну, то на другую. Затем с полным беспристрастием он быстро укусил каждую за ухо.

— Ник! — вскрикнула Эрика.— Как ты смеешь?

— Моя! — хрипло информировал ее Мамонтобой.

— Еще бы! — ответила Эрика. — Но это имеет и обратную силу. Немедленно отпусти нахалку, которую ты держишь под другой мышкой!

Мамонтобой с сожалением поглядел на Диди.

— Ну, — резко сказала Эрика, — выбирай!

— Обе! — объявил нецивилизованный драматург. — Да!

— Нет! — отрезала Эрика.

— Да! — прошептала Диди совсем новым тоном. Красавица свисала с руки Мартина, как мокрая тряпка, и глядела на своего пленителя с рабским обожанием.

— Нахалка! — крикнула Эрика. — А как же Сен-Сир?

— Он? — презрительно сказала Диди. — Слюнтяй! Нужен он мне очень! — И она вновь устремила на Мартина боготворящий взгляд.

— Ф-фа! — буркнул тот и бросил Диди на колени Уотта. — Твоя. Держи. — Он одобрительно ухмыльнулся Эрике. — Сильная подруга. Лучше. Ты! — Он ткнул пальцем в Диди. — Ты оставайся у него. — Он указал на Уотта.

Диди покорно кивнула.

— Ты подписать контракт?

Кивок.

Мартин многозначительно посмотрел на Уотта и протянул руку.

— Документ, аннулирующий контракт, — пояснила Эрика, висая вниз головой. — Давайте скорей, пока он не свернул вам шею.

Уотт медленно вытащил из кармана документ и протянул Мартину.

Но тот уже направился к окну раскачивающейся походкой. Эрика извернулась и схватила документ.

— Ты прекрасно сыграл, — сказала она Нику, когда они очутились на улице. — А теперь отпусти меня. Попробуем найти такси.

— Не играл, — проворчал Мартин. — Настоящее. До завтра. После этого... — Он пожал плечами. — Но сегодня — Мамонтобой.

Он пытался влезть на пальму, передумал и пошел дальше.

Эрика у него под мышкой погрузилась в задумчивость. Взвизгнула она, только когда с ними поравнялась патрульная полицейская машина.

— Завтра я внесу за тебя залог,— пообещала Эрика Мамонтобою, который вырывался из рук двух дюжих полицейских.

Свирепый рев заглушил ее слова.

Последующие события слились для разъяренного Мамонтобая в один неясный вихрь, в завершение которого он очутился в тюремной камере, где вскочил на ноги с угрожающим рычанием.

— Я,— возвестил он, вцепляясь в решетку,— убивать! Аргх!

— Двое за один вечер,— произнес в коридоре скучающий голос.— И обоих взяли в Бел-Эйре. Думаешь, нанюхались кокаина? Первый тоже ничего толком не мог объяснить.

Решетка затряслась. Раздраженный голос с койки потребовал, чтобы он заткнулся, и добавил, что ему хватит неприятностей от всяких идиотов и без того, чтобы... Тут говоривший умолк, заколебался и испустил пронзительный, отчаянный визг.

На мгновение в камере наступила мертвая тишина: Мамонтобой, сын Большой Волосатой, медленно повернулся к Раулю Сен-Сиру.

ПОРА В РЕМОНТ

Официантка вскрикнула — с живым персоналом такое не редкость — и протянула руку к окну, выходящему на стоянку. Стью Клеменс резко повернулся на стуле. Сквозь зеленоватое стекло он увидел, как темноволосый мужчина лет тридцати рухнул на колени, судорожно хватаясь за грудь. Крим-фургон бесшумно выкатился из ряда машин и подъехал к упавшему.

— Да там нет никого, в машине, — сказала официантка и уронила чашку с кофе.

«Должно быть, недавно на Барнуме, из какой-нибудь дыры приехала», — подумал Клеменс.

— Это моя машина, — объявил он, нажав на рычажок. Выскочила салфетка. — Вот, вытрите передник. Крим-фургон знает, что делает.

Официантка поднесла салфетку к лицу и отвернулась.

Тем временем крим-фургон связал мужчину и, оглушив его еще раз в целях безопасности, отправил на заднее сиденье для допроса и опознания.

— Он никогда не ошибается, — сказал Клеменс в спину официантке. — Я почти год служу старшим инспектором двадцать третьего округа, и за это время крим-фургон ни разу не ошибся. Так уж он устроен.

По-видимому, фургон сделал подозреваемому укол, и тот исчез из виду. Стол без всякой команды выбросил еще три салфетки. Клеменс чертыхнулся и стукнул кулаком по щели.

— Такое с ним бывает,— заметила официантка и снова повернулась к Клеменсу. Стараясь не смотреть в окно, она подала ему кредитную карточку.

Вставая, Клеменс коснулся ее руки:

— Ну, ну, успокойтесь. Закон на Барнуме всегда справедлив. Жаль, что вам пришлось увидеть преступника так близко.

— Он только что обедал,— сказала официантка.— Совсем как обычный клиент.

— Даже преступник должен есть.— Клеменс расплатился, и кассовый аппарат пропустил его к выходу.

Вблизи крим-фургона не осталось ни одной машины. Оказавшись в беде, люди охотно зовут полицию, но в других случаях стараются держаться от нее подальше. Клеменс поморщился, оглядев высохшее желтое пространство, окружавшее оазис придорожного ресторана. Только что закончил он расследование одного дела и возвращался к себе в Центр № 23. Ехать оставалось не менее часа. Клеменс закурил сигарету и направился к фургону. Интересно, кого он взял?

— Внимание! Прослушайте сообщение службы порядка,— раздалось из динамиков, установленных на крыше машины.— Крим-фургоном А-10 только что задержан Шелдон Клуг, находившийся в розыске по обвинению в убийстве. Состоялось судебное разбирательство. Подсудимый признан виновным и приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение в полном соответствии с процедурой, предписанной законом. Вы прослушали сообщение службы порядка Управления юстиции Барнума.

Клеменс перешел на бег. Вот так удача! Шелдон Клуг — убийство жены и демонтаж всех домашних андроидов. За ним охотятся по одиннадцати округам. У дверцы Клеменс вынул из кармана брюк идентификационную карточку и произнес пароль текущего дня. Затем дал отзыв на запрос фургона и повторил формулу присяги. Дверца открылась.

Сев за руль, Клеменс сказал:

— Поздравляю. Как ты его обнаружил?

— Произвел опознание с положительным результатом через пять секунд после выхода Клуга из помещения,— ответил динамик на приборном щитке.— Странно, что вы его не заметили. Клуг был без грима. Все особые приметы указывали на предрасположенность к убийству.

— Он сидел в другом конце зала, к сожалению.— Клеменс взглянул на пустое заднее сиденье. В крим-фургонах этого типа предусмотрена возможность выбора: удерживать убийцу до полного кибернетического дознания в одном из окружных центров или, если виновность убийцы не вызывает сомнения и он представляется опасным, немедленно приводить приговор в исполнение.— Где он?

Открылся вещевой ящик, и прямо в руки Клеменса выкатился белый матовый сосуд. На ярлыке значилось: «Прах Шелдона Клуга». Дезинтегратор оставил не слишком много. Положив капсулу обратно в ящик, Клеменс спросил:

— Ты отправил в округ фотографии, отпечатки пальцев, рисунок сетчатки?

— Разумеется,— сказал фургон.— Плюс полный стенографический отчет о процессе. Все в четырех экземплярах.

— Хорошо,— одобрил Клеменс.— Наконец-то с Клугом покончено.— Он закурил новую сигарету и взялся за руль. Крим-фургон мог управляться и автоматически, однако Клеменс предпочитал вести машину сам.— Едем в окружной центр,— скомандовал он.— И соедини меня с моим младшим инспектором.

— Слушаюсь, сэр,— сказал фургон.

— У тебя что-то с голосом, дребезжит немного,— заметил Клеменс, сворачивая на гладкую черную ленту шоссе, ведущего прямо к Центру № 23.

— Прошу извинить, сейчас исправлю. «Прослушайте сообщение службы порядка. Прослушайте сообщение службы порядка...» Лучше?

— Отлично. Теперь дай мне Кеплинга.

— Соединяю.

Вдалеке высоко над пустыней стоя птиц образовала пунктирный круг. Клеменс облизал губы и откинулся в кресле.

— Младший инспектор Кеплинг на связи,— донеслось из динамика.

— Кеплинг, вам телепортированы материалы опознания. Оставьте один экземпляр для нашей картотеки, остальное отправьте в Управление юстиции в Центр № 1.

— Будет исполнено, сэр.

— Мы взяли этого убийцу, Шелдона Клуга.

— Превосходная работа, сэр. Поставить его на очередь для суда в Зале Кибернетики?

— Суд уже состоялся,— сказал Клеменс.— Есть что-нибудь новое?

— Сигнал из района Деспос. Похоже на изнасилование.

— Похоже или точно?

— Уверенности у меня нет, сэр,— ответил Кеплинг.— Сообщение весьма туманное. Вы же знаете, как бестолковы патрульные андроиды в поселках. Час назад я отправил туда робота. К полудню он будет на месте. Если дело серьезное — дождусь вас, возьму крим-фургон и поеду туда сам.

Клеменс нахмурился:

— Имя пострадавшей?

— Одну минуту. Вот оно. Диана Мармон. Двадцать пять лет, рост пять футов шесть дюймов, вес...

Клеменс резко повернул руль вправо. Фургон завихлял на обочине.

— Стой,— приказал Клеменс.— Кеплинг, вы сказали — Диана Мармон?

— Точно. Вы ее знаете?

— Сообщите все, что вы знаете об этом деле.

— Диана служит в архиве Деспоса. Сегодня утром она не явилась на работу, и к ней, как это принято, послали андроида из отдела кадров. В квартире обнаружены следы борьбы. Патрульный докладывает, что признаки ограбления отсутствуют. Наиболее вероятно похищение с какой-либо целью. Если помните, в отчете Центра прогнозиро-

вания преступности за прошлую неделю говорилось об ожидаемом в периферийных поселках вроде десятого всплеске преступлений на сексуальной почве. Потому я и предположил, что дело похоже на изнасилование. Так вы ее знаете?

Клеменс познакомился с ней пять лет назад в университетском кампусе Центра № 23. Диана Мармон, симпатичная блондинка. Они часто встречались, до тех пор пока Клеменс не перешел из университета в Полицейскую академию. Потом он потерял ее из виду.

— Я сам займусь этим делом,— сказал он.— Через два часа буду в Деспосе. Если поступит что-нибудь важное, сообщите.

— Да, сэр. Стало быть, вы ее знаете?

— Я ее знаю,— сказал Клеменс. И добавил, обращаясь к машине: — Поворачивай и гони к десятому поселку.

— Да, сэр,— сказал крим-фургон.

За Седпосом дорога пошла в гору, петляя между желтыми полями пшеницы. В динамике раздался голос Кеплинга:

— Сэр, патрульные андроиды опрашивают свидетелей. После одиннадцати вечера Диану никто не видел. Именно в это время она вернулась домой. На ней было зеленое пальто, оранжевое платье, зеленые перчатки. Сумка тоже зеленая. Из квартиры слышался какой-то шум, но никто не придавал этому значения. Это произошло чуть позже одиннадцати. Возможно, кто-то вывел из строя охранную сигнализацию и проник в дом. Пока все. Отпечатков не обнаружено.

— Дьявол,— сказал Клеменс.— Самое типичное похищение. Я буду там через час, не раньше. Ну ничего, фургон его схватит, мы должны успеть.

— Еще одно сообщение,— сказал Кеплинг.

— О Диане Мармон?

— Нет, о Шелдоне Клуге.

— Что именно?

— В Управление юстиции поступили сведения, что сегодня утром Шелдон Клуг сдался властям в парке на территории двадцатого округа. Сдавшийся идентифицирован как Шелдон Клуг. В то же время проверка посланных нами материалов дала отрицательный результат.

— Что за вздор? Мы же поймали Клуга.

— Если верить Управлению, нет.

— Но это невозможно, Кеплинг. Крим-фургон не ошибается.

— Как только вы вернетесь, Управление проведет полный контроль фургона.

— Они что-то путают,— сказал Клеменс.— Ладно, держите меня в курсе по делу Дианы Мармон.

— Слушаюсь, сэр,— сказал младший инспектор.— Конец связи.

Клеменс обратился к фургону:

— Как ты полагаешь, что происходит? Ведь ты не мог ошибиться с Клугом?

В машине прекратился всякий шум. Она съехала на обочину и, задев невидимый барьер, огораживающий поле, остановилась. Наступила мертвая тишина.

— Я не приказывал остановиться,— сказал Клеменс.

Молчание.

Крим-фургоны не должны ломаться. В тех редких случаях, когда такое происходило, они сами себя и ремонтировали. Но сейчас все усилия Клеменса оказались тщетными. Крим-фургон А-10 не подавал признаков жизни. Клеменс не мог даже послать сигнал о помощи.

Час отделял его от Дианы. Он пытался заставить себя не думать о ней, не думать о том, что там происходит. Что, быть может, уже произошло.

Клеменс вылез из машины и остановился в нескольких шагах от нее.

— Последний раз,— сказал он,— ты поедешь?

Ответа не последовало.

Он повернулся и побежал назад, к Седпосу. Дневной жар, казалось, выжал из него всю влагу. Он чувствовал себя сухим и ломким. Надо же случиться такому, что в беду попала именно она. Надо же случиться такому именно сейчас.

Скорая техпомощь ничего не могла обещать до конца смены, то есть еще четверть часа. Клеменс попросил пару фургонов у соседей. Двадцатый округ ему отказал: из-за аварии реактора все машины были заняты. Двадцать первый округ пообещал направить в Деспос для захвата похитителя Дианы Мармон первый же освободившийся крим-фургон с младшим инспектором. Аналогичное сообщение пришло из двадцать второго округа, правда, с оговоркой: свободный фургон можно ожидать не раньше чем стемнеет. В конце концов Клеменс приказал своему младшему инспектору вылететь в Деспос и сделать все, что в его силах, до подхода машины. Хотя что может живой инспектор по сравнению с крим-фугоном?

Крохотное кафе в Седпосе, из которого он звонил, было полностью автоматизировано. Клеменс сел за кофейный столик и принялся ждать мастера. Круглый голубой зал был почти пуст. Лишь старик горбун сидел за столом для завтрака и дергал рычажок заказа. Печеный картофель уже покрыл всю столешницу, и старик начал второй слой. К еде он, похоже, не приступал.

Клеменс выпил чашку кофе и перестал обращать внимание на старика. Не исключено, что это клиент для психо-фургона, но инспектору не хотелось с ним возиться. Подъехал автомобиль, и Клеменс вскочил с места. Увы, это был обычный посетитель.

— Невозможно,— сказал мастер, когда они шли к выходу из кафе.— Смотрите сами.— Он показал на маленький одноместный мотороллер, стоявший на площадке.

Клеменс покачал головой:

— Скоро стемнеет. Под угрозой жизнь женщины. Чёрт возьми, я потеряю куда больше времени, если буду ждать, пока вы отремонтируете фургон и пригоните его сюда.

— Мне очень жаль,— сказал мастер, маленький, дочерна загорелый мужчина,— но я не могу подбросить вас к фургону. Перевозить пассажиров на этих машинах запрещено. При нагрузке более двухсот фунтов они отключаются и вообще не трогаются с места.

— Ладно, ладно.

Можно было бы реквизировать автомобиль, но стоянка была пуста.

— Где фургон, я знаю. Раз он встал прямо у дороги, найти его не составит труда. Ждите.

— Сколько?

Мастер пожал плечами:

— Ломаются они редко. Но уж если сломаются... Могу и до утра провозиться.

— До утра? — Клеменс схватил его за плечо. — Вы шутите.

— Сломаете мне руку, ремонт займет куда больше времени.

— Извините. Я подожду здесь. Вы сумеете пригнать фургон?

— Конечно. У меня специальный набор идентификационных карт и паролей. Идите и выпейте кофе.

— Так я и сделаю, — сказал Клеменс. — Спасибо.

— Я постараюсь побыстрей.

— Вы умеете обращаться с этими столиками на двоих? — спросил Клеменса худой юноша в мешковатом костюме.

Клеменс сидел у самой двери и глядел на дорогу. Спустились сумерки.

— Что ты сказал?

— Мы заказали свечу, а нам подали спаржу с зажженными листьями. Понимаете, инспектор, я в первый раз пригласил эту девушку, и мне не хочется выглядеть растяпой.

— Стукни кулаком по выходному окошку, — посоветовал Клеменс и отвернулся.

— Спасибо, сэр.

Клеменс встал и пошел звонить в диспетчерский пункт Управления юстиции в Деспосе. Автомат сообщил, что младший инспектор Кеплинг только что прибыл. Теперь он на пути к дому жертвы. Других сообщений не поступало.

— Она не жертва, — сказал Клеменс и повесил трубку.

— Арестуйте эту пару,— потребовал старик горбун, когда Клеменс вышел из телефонной будки.

— За что?

— Они швырнули свечу на мой стол и раскидали всю мою картошку.

Юноша подошел ближе:

— Я стукнул, как вы сказали, и свеча полетела через весь зал.

— Молодежь, одно слово,— сказал старик.

— Вот, возьмите,— сказал Клеменс и дал обоим немного мелочи.— Повторите заказ.

— Но дело не в...— начал было старик.

Поймав взглядом смутную тень на дороге, Клеменс бросился к выходу. Когда он добежал до шоссе, крим-фургон замедлил ход и остановился. Он был пуст.

— Добро пожаловать, сэр. Садитесь,— сказал фургон.

Глядя вдоль дороги в сторону, откуда появился крим-фургон, Клеменс выполнил обряд идентификации и влез в машину.

— Где мастер? Он с тобой не поехал?

— Я его распознал,— ответил фургон.— Мы едем в Деспос?

— Да, и поторопись,— сказал Клеменс.— А что значит — распознал?

Вещевой ящик снова открылся. Теперь там лежали два белых сосуда.

— Шелдон Клуг не причинит нам больше хлопот, сэр. Я только что арестовал его и судил. Под видом сотрудника ремонтной службы он пытался демонтировать транспортное средство, принадлежащее Управлению юстиции. Это преступление вместе с числившимся за Клугом убийством сделало приговор однозначным.

Клеменс сглотнул слюну, стараясь не выдать волнения судорожным движением рук на руле. Скажи он что-нибудь еще, и машина может снова остановиться. Что-то вышло из строя. Как только Диана будет в безопасности, крим-фургон А-10 отправится в мастерскую для тщательной проверки. Но сейчас он нужен Клеменсу позарез. Без фургона

похитителя Дианы не выследить. И Клеменс ровным голосом произнес:

— Молодец, отличная работа.

Фары высветили крутые скалы, стоящие по обе стороны узкой дороги. Длинные рваные тени поползли вперед.

— Похоже, мы приближаемся к месту,— сказал Клеменс. Он был на связи с диспетчерским пунктом Управления юстиции в Деспосе, где оставил младшего инспектора Кеплинга. Кеплингу он строго-настрого запретил упоминать о деле Клу-га, если их мог услышать крим-фургон.

— Центральная картотека Управления идентифицировала похитителя по найденным отпечаткам,— сказал Кеплинг. Совершенно неожиданно ему удалось обнаружить в квартире Дианы отпечатки пальцев, которые ни патрульный андроид, ни робот-полицейский не нашли.— Это Джим Оттерсон. До сих пор за ним числились только мелкие делишки.

— Хорошо,— сказал Клеменс. Может быть, он не тронет Диану. Если только он не выбрал этот момент, чтобы пойти на серьезное преступление.— Крим-фургон взял след. Должны схватить его с минуты на минуту. Он идет пешком, и фургон утверждает, что Диана с ним. Уже совсем близко.

— Желаю удачи,— отозвался Кеплинг.

— Спасибо. Конец связи.

Когда Клеменс и крим-фургон достигли Деспоса, счет времени уже шел на минуты. Клеменс это знал. Фургон без труда напал на след похитителя. Теперь, глубокой ночью, они были в двадцати пяти милях от Деспоса. Машина Оттерсона со сгоревшим сцеплением осталась в шести милях позади. Она была брошена на проселочной дороге часа за четыре до того, как ее нашел крим-фургон. Оттерсон колесил по округе зигзагами. Всю ночь после похищения он, по-видимому, провёл на заброшенном складе в пятидесяти милях от Деспоса. Согласно докладу крим-фургона, около полудня преступник покинул склад и направился в сторону одиннадцатого поселка. Потом, сделав петлю, метнулся снова к Деспосу. Час за часом Клеменс и фургон двигались по его следу. Теперь уже без машины: Оттерсон и девушка не могли уйти далеко.

Крим-фургон свернул с дороги и, подпрыгивая, покатил по каменистому плато. Вдруг он резко развернулся и встал. Перед ним был крутой склон, усеянный пещерами.

— По-моему, они наверху,— сказал фургон и заглушил двигатель.

— Хорошо,— сказал Клеменс.

Если Оттерсон в одной из пещер, подкрасться к нему вряд ли удастся. Придется пойти на риск и вызвать его на переговоры.

— Освети склон,— приказал он фургону,— и включи внешние динамики.

Вспыхнули два прожектора. Из приборного щитка выполз микрофон. Прихватив его, Клеменс вылез из машины.

— Оттерсон, говорит старший инспектор Клеменс. Предлагаю вам сдаться. В случае отказа буду вынужден применить паралитический газ. Нам известно, что вы в одной из пещер, и мы, если понадобится, проверим каждую. Сдавайтесь.

Клеменс ждал. Через минуту посредине склона мелькнуло что-то зеленое и покатилося вниз.

— Дьявол! — Клеменс бросился вперед.

Склон был отделен от плато узкой расселиной глубиной футов тридцать. На дне расселины Клеменс разглядел зеленое пятно. Как будто руки обнимали куст. Неужели Диана?

— Фонарь и веревку,— потребовал Клеменс.

Не трогаясь с места, фургон метнул фонарь. По земле зазмеился тонкий шнур.

— Следи за пещерами. Я спущусь посмотреть, что упало.

— Готовы?

Клеменс пристегнул фонарь к поясу и ухватился за веревку. Потом встал на край плато спиной к расселине.

— Готов.

Фургон стал медленно вытравливать шнур, и Клеменс начал спуск. Около куста нога нащупала камень, Клеменс отпустил веревку. Потом отцепил фонарь и повел лучом вокруг. Облегченно вздохнул. Это было всего лишь пальто. Оттерсон пытался заманить его в ловушку.

Встав на камне поудобнее, Клеменс потянулся к веревке. Конец шнура качнулся в его сторону и, прежде чем Клеменс успел ухватиться, взвился вверх и исчез из виду.

— Эй, куда? Дай-ка веревку.

— Опасность! — объявил фургон и завел двигатель.

Наверху зашипел бластер, покатались камни. Клеменс выхватил пистолет и поднял глаза. По склону спускался мужчина, неся на руках связанную девушку. В каждой ладони Оттерсон сжимал по бластеру. Во рту у Дианы был кляп. Оттерсон шел зигзагами, прикрываясь Дианой как щитом. Стрелял он не в Клеменса, а в крим-фургон. Перепрыгнув через расселину, Оттерсон оказался в двадцати ярдах от того места, где Клеменс начал спускаться.

Убрав пистолет в кобуру, Клеменс полез наверх. На полпути он услышал крик Оттерсона. Потом наступила тишина.

Клеменс попытался лезть быстрее, но острые выступы, покрывавшие склон, затрудняли подъем. Наконец он рывком перебросил тело на плато.

— Прослушайте сообщение службы порядка, — заговорил крим-фургон. — Только что задержаны, судимы и приговорены к смертной казни Шелдон Клуг и его сообщница. Приговор приведен в исполнение. Вы слушали сообщение службы порядка Управления юстиции. Благодарю за внимание.

Клеменс зарычал. Зажав в каждой руке по камню, он двинулся к фургону.

— Ты убила Диану, — хрипел он, — безумная машина, будь ты проклята.

Крим-фургон развернулся и поехал навстречу Клеменсу.

— Ты попался, Клуг, — сказал он.

ЧТО ЭТО ЗА
ШТУКА —
ЛЮБОВЬ?

— Два совершенно разных вида! — настаивал капитан Гарм, пристально рассматривая доставленные на корабль создания. Его оптические органы выдвинулись далеко вперед, обеспечивая максимальную контрастность.

Проведя месяц на планете в тесной шпионской капсуле, Ботакс наконец блаженно расслабился.

— Не два вида, — возразил он, — а две формы одного вида.

— Чепуха! Между ними нет никакого сходства. Благодарение Вечности, внешне они не так мерзки, как многие обитатели Вселенной. Разумный размер, различимые члены... У них есть речь?

— Да, капитан, — ответил Ботакс, меняя окраску глаз. — Мой рапорт описывает все детально. Эти существа создают звуковые волны при помощи горла и рта — что-то вроде сложного кашля. Я и сам научился. — Он был горд. — Это очень трудно.

— Так вот отчего у них такие невыразительные глаза... Однако почему вы настаиваете, что они принадлежат одному виду? Смотрите: у того, что слева, длиннее усики, или что там у него, и само оно меньше и по-другому сложено. В верхней части у него выпирает что-то, чего нет у того, справа... Они живы?

— Живы, но без сознания — прошли курс психолечения для подавления страха. Так будет проще изучать их поведение.

— А стоит ли изучать? Мы и так не укладываемся в сроки, а нам нужно исследовать еще по крайней мере пять миров большего значения, чем этот. Кроме того, трудно поддерживать Временной Стасис, и я бы хотел вернуть их и продолжать...

Влажное веретенчатое тело Ботакса даже завибрировало от возмущения. Его трубчатый язык облизал мягкий нос. Скошенная трехпалая рука качнулась в отрицательном жесте, а глаза перевели спектр беседы целиком в красный свет.

— Спаси нас Вечность, капитан! Ни один мир не имеет большего значения, чем этот. Мы стоим перед серьезнейшим кризисом. Эти создания могут оказаться самыми опасными в Галактике — именно потому, что их две формы.

— Не понимаю.

— Капитан, планета уникальна. Она настолько уникальна, что я сам еще не в состоянии осознать все последствия. Например, почти все виды представлены в двух формах. Если позволите употребить их звуки, то первая, меньшая, называется «женской», а вторая — «мужской», так что они-то знают разницу.

Гарм мигнул:

— Какое отвратительное средство связи...

— И, капитан, чтобы оставить потомство, эти две формы должны сотрудничать.

Капитан, который, наклонившись, со смесью любопытства и отвращения разглядывал пленников, резко выпрямился.

— Сотрудничать? Что за чепуха? Самый фундаментальный закон жизни: каждое существо приносит потомство в глубочайшем и сокровенном общении с собой. Что же еще делает жизненные формы жизненными?

— Чтобы одна форма произвела потомство, другая должна принимать участие, — упрямо повторил Ботакс.

— Каким образом?

— Очень трудно выяснить. Эта процедура считается у аборигенов интимной. В местной литературе я не мог найти точного и исчерпывающего описания. Хотя мне удалось вывести кое-какие разумные заключения.

Гарм покачал головой:

— Нелепо... Почкование — священнейший, самый интимный процесс на десятках тысяч планет. Как сказал великий фотобард Левуллин: «Во время почкования, во время почкования, в то самое прекрасное мгновение, когда...»

— Капитан, вы не поняли. Это сотрудничество между формами приводит, не знаю точно как, к рекомбинации генов. Таким образом, в каждом поколении осуществляются новые варианты. Они развиваются в тысячи раз быстрее нас!

— Вы хотите сказать, что гены одного индивидуума могут комбинироваться с генами другого? Вы понимаете, насколько это смешотворно с точки зрения физиологии клетки?

— И все же,— нервно произнес Ботакс под тяжелым взглядом капитана,— эволюция ускоряется. Это просто мир разгула видов: их здесь миллион с четвертью.

— Двенадцать с четвертью будет ближе к истине. Не стоит принимать на веру то, что написано в туземной литературе.

— Я сам видел в очень маленьком регионе сотни различных видов. Говорю вам, капитан, дайте им время, и они разовьются в расу, способную превзойти нас и править Галактикой.

— Докажите, что сотрудничество, о котором вы ведете речь, имеет место, и я рассмотрю ваши предложения. В противном случае я сочту ваши фантазии нелепыми, и мы полетим дальше.

— Докажу! — Глаза Ботакса засверкали ярким желтым огнем.— Обитатели этого мира уникальны еще и в другом отношении. Они предвидят достижения, которых пока не добились,— очевидно, это следствие их веры в быстрое развитие. Я перевел их термин для такой литературы, как «научная фантастика». И читал я почти исключительно

научную фантастику, потому что уверен: в своих мечтах они ярче выражают себя и свою угрозу нам. И именно из научной фантастики я вывел метод их сотрудничества.

— Как вам это удалось?

— У них есть периодическое издание, которое иногда публикует научную фантастику, полностью посвященную разнообразным аспектам этого сотрудничества. Его название звучит приблизительно так: «Плейбой». Там не выражаются абсолютно ясно, что весьма раздражает, но отпускают прозрачные намеки. Очевидно, существо, подбирающее рассказы для издания, только этой темой и интересуется. Отсюда я и знаю, как все происходит... Капитан, после того, как на наших глазах появится молодняк, умоляю: прикажите развеять эту планету на атомы!

— Ладно, — утомленно согласился капитан Гарм. — Приведите их в сознание и делайте свое дело.

Мардж Скидмор неожиданно осознала, где находится. Она отчетливо вспомнила перрон в сгущающихся сумерках; перрон был почти пуст — один мужчина стоял рядом с ней, другой — на противоположном конце. Уже слышался шум подходящего поезда.

Затем — вспышка, ощущение, будто тебя выворачивают наизнанку, и полуиллюзорное видение какого-то тонкого существа, покрытого слизью, и...

— О Боже, — простонала Мардж, — я все еще здесь.

Она чувствовала слабое отвращение, но не страх. Она была почти горда, что не чувствует страха. Тут же стоял мужчина — тот самый, что был рядом с ней на платформе.

— Вас они тоже прихватили? — спросила Мардж. — Кого еще?

Чарли Гримвольд попытался поднять руку, чтобы снять шляпу и пригладить волосы, но не сумел и пальцем шевельнуть — что-то мешало, словно все тело стягивал резиновый кокон. Чарли посмотрел на узколицую женщину напротив — лет за тридцать, отметил он, и довольно привлекательная. Но в данных обстоятельствах ему просто хо-

телось очутиться отсюда подальше, и даже женское общество его не утешало.

— Не знаю, мадам. Я стоял на платформе...

— Я тоже.

— Потом увидел вспышку и... Это, наверное, марсиане.

Мардж энергично кивнула:

— И я так думаю. Вы боитесь?

— Как ни странно, нет.

— Я тоже не испугана. Удивительно, правда? О Боже, одно из них подходит!.. Если эта тварь коснется меня, я закричу. Посмотрите на его кожу — вся в слизи! Меня тошнит.

Ботакс приблизился и, как можно тщательнее выговаривая слова, произнес:

— Создания! Мы не причиним вам вреда. Мы только просим показать ваше сотрудничество.

— Э, да оно разговаривает! — удивился Чарли. — Что значит «сотрудничество»?

— Оба. Друг с другом, — пояснил Ботакс.

— Вы понимаете, что он хочет сказать? — Чарли вопросительно посмотрел на Мардж.

— Понятия не имею, — надменно бросила она.

Ботакс сказал:

— Я имею в виду... — и употребил короткий термин, никогда не попадавший ему в литературе, но встречающийся в устной речи как синоним искомой процедуры.

Мардж залилась краской и громовым голосом воскликнула:

— Что?!

Ботакс и капитан Гарм в ужасе заткнули слуховые отверстия и болезненно задрожали.

— Какая наглость! — яростно кричала Мардж. — Я замужняя женщина... О, если бы мой Эд был здесь... А вы, умник, — она повернулась к Чарли, преодолевая резиновое сопротивление, — кем бы вы ни были, если думаете...

— Мадам, мадам! — в отчаянии взмолился Чарли. — Это не моя идея, клянусь вам. Поверьте, я не такой человек... Я тоже женат. У меня трое детей! Послушайте...

Капитан Гарм был недоволен:

— Что происходит, исследователь Ботакс? Я не намерен слушать эту какофонию!

Ботакс сверкнул багряной краской смущения:

— Видите ли, ритуал весьма сложен. Они обязаны сперва выказывать признаки нерасположения, нежелания — как я понял, для улучшения результата. После этой начальной стадии должны быть удалены кожи.

— Они свежуются?!

— Нет, это у них искусственные кожи, которые снимаются безболезненно. Снятие кожи особенно необходимо для меньшей формы.

— Ну ладно, велите им снять кожи. Честное слово, Ботакс, я не нахожу это приятным...

— Пожалуй, мне не стоит просить меньшую форму удалить кожу. Думаю, нам следует точно придерживаться ритуала. Я прихватил с собой экземпляр этого издания «Плейбой», и здесь везде кожи удаляются насильственно. Например: «...грубо сорвав одежду с ее стройного тела, он ощутил теплую упругость ее груди...» — и дальше в том же духе. Видите — срывание, насильственное удаление служит сильнейшим стимулом.

— Грудь?.. — переспросил капитан. — Я не разобрал вашей вспышки.

— Мне пришлось ввести ее для обозначения термина, относящегося к двум выпуклостям в верхней части меньшей формы.

— Понимаю, понимаю... Ну, скажите большему, чтобы он удалил кожи меньшего... Что за отвратительная процедура!..

Ботакс повернулся к Чарли.

— Сэр, — произнес он, — не будете ли вы так любезны сорвать одежду с ее стройного тела? Я выпущу вас для этой цели.

Глаза Мардж расширились, и она в ярости обернулась к Чарли:

— Не смейте! Не прикасайтесь ко мне, вы слышите, сексуальный маньяк!

— Я? — жалобно запричитал Чарли. — Мадам, я тут ни при чем! Думаете, я лишь тем и занимаюсь, что срываю платья?.. Послушайте, — повернулся он к Ботаксу, — у меня трое детей и жена. Узнай она только, что меня подозревают в том, что я срываю, понимаете ли, платья, — и мне придется несладко. Вы знаете, что делает моя жена, заметив, что я просто взглянул на какую-нибудь женщину? Она...

— Он все еще не расположен? — нетерпеливо спросил капитан.

— Очевидно, — произнес Ботакс. — Непривычная обстановка может продлить данную стадию. Так как я знаю, что вам это было бы неприятно, эту часть ритуала я выполню сам. В космических рассказах часто описывается, как с делом справляются существа с других миров. Например, здесь, — исследователь покопался в своих записках, — действует совершенно омерзительное создание! Они не могли себе даже представить таких красавцев, как мы.

— Продолжайте, продолжайте! Не тяните время! — приказал капитан.

— Да... Вот: «Чудовище ринулось к девушке. Заливаясь слезами и отчаянно крича, она оказалась в объятиях монстра. Когти проскребли по ее трепещущему телу, лохмотьями сдирая юбку». Видите, туземное существо кричит от возбуждения, ощущая удаление покровов.

— Тогда действуйте, Ботакс! Только, пожалуйста, не допускайте визгов. Я весь дрожу от этих звуковых волн.

Ботакс вежливо обратился к Мардж:

— Если вы не возражаете...

Мардж скверно выругалась.

— Не прикасайся! Не прикасайся, мерзкая тварь! Ты испачкаешь мне платье! А оно стоит двадцать четыре доллара... Отойди, чудовище! — Она отчаянно пыталась защититься от непрошенных рук. — Ладно, я сама сниму его.

Мардж потянула «молнию» и бросила гордый взгляд на Чарли:

— Не смейте глядеть! — Чарли пожал плечами и закрыл глаза. Мардж сняла платье. — Ну, хорошо? Вы довольны?

Капитан Гарм недоуменно постукивал пальцами по столу.

— Это и есть грудь? А почему другое создание отвернуло голову?

— Нерасположение... Нерасположение! — уверенно заявил Ботакс. — Кроме того, грудь еще закрыта. Нужно удалить и другие кожи. Обнаженная, грудь служит сильнейшим стимулятором. Ее постоянно описывают в виде шаров цвета слоновой кости или матовых сфер. Вот у меня здесь рисунки из этих фантастических рассказов. Обратите внимание: на каждом изображено существо с более или менее обнаженной грудью.

Капитан задумчиво переводил взгляд с иллюстрации на Мардж и обратно.

— Что такое «слоновая кость»?

— Вещество, из которого состоят клыки одного большого животного.

— Ага! — Капитан Гарм залился зеленым светом удовольствия. — Теперь все ясно. Меньшая форма принадлежит к воинственной секте, а выпуклости являются оружием, которым она сокрушает врага!

— Нет-нет, они, как я понимаю, мягкие.

Маленькая коричневая рука Ботакса скользнула в направлении объекта разговора; Мардж взвизгнула и отпрянула.

— Какое же тогда у них назначение?

— Мне кажется, — произнес Ботакс с некоторым сомнением, — что они используются для кормления молодежи.

— Молодняк их съедает?! — воскликнул ошеломленный капитан.

— Не совсем так. Эти объекты выделяют жидкость, потребляемую молодеью.

— Потребляют жидкость, выделяемую из живого тела? Н-да-а-а... — Капитан страдальчески закрыл голову всеми тремя руками.

— Трехрукое, скользкое, пучеглазое чудовище, — сказала Мардж.

— Верно, — согласился Чарли.

— Ладно, ладно, бесстыдник. Побольше следите за своими глазами!

— Поверьте, я стараюсь не смотреть...

Ботакс вновь приблизился:

— Мадам, не могли бы вы снять все остальное?

Мардж сжалась:

— Никогда!

— В таком случае это сделаю я, если позволите.

— Не прикасайтесь! О Боже, Боже... Хорошо, сама сниму.

Делая то, что обещала, она бормотала себе под нос и бросала в сторону Чарли гневные взгляды.

— Ничего не происходит,— заметил капитан в глубоком разочаровании.— Это, должно быть, бракованный экземпляр.

Ботакс принял реплику на свой счет:

— Сэр!

— Но грудь этого создания вовсе не похожа на шары или сферы. Мы с вами отлично знаем, что такое шары и сферы, и на рисунках, которые вы мне показывали, изображены действительно большие сферы. А у данного экземпляра мы видим какие-то провислые нахлопки. Кроме того, они почти бесцветны.

— Ерунда,— возразил Ботакс.— Надо считаться с возможностью естественных отклонений. Впрочем, сейчас мы спросим у самого существа.— Он повернулся к Мардж: — Мадам, с вашей грудью все в порядке?

Глаза Мардж широко раскрылись, и некоторое время она не могла дышать.

— Вот уж,— наконец проговорила она.— Может, я не Джина Лоллобриджида и не Анита Экберг, но у меня все в порядке, благодарю вас... О-о, если бы Эд был здесь! — Она повернулась к Чарли: — Эй вы, скажите этому пучеглазому чудовищу, что я вполне развита!

— Э-э...— осмелился заметить Чарли.— Вы забываете, что я не смотрю.

— О да, вы уж не смотрите... Такие типы только и знают, что глазеть похотливо на женщин. Можете чуть-чуть

взглянуть, но не больше, если в вас есть хоть что-то от джентльмена, чему я, разумеется, не верю.

— Ну,— промолвил Чарли,— я не хотел бы оказаться замешанным в таком деликатном деле, однако у вас все в норме, я полагаю.

— Полагаете?! Вы что, слепой? К вашему сведению, я однажды была претенденткой на звание Мисс Бруклин, и где я проигрывала, так это линия талии, а не...

— Конечно, конечно... Грудь восхитительна, честно.— Чарли энергично кивнул Ботаксу.— В полном порядке. Я не специалист, вы понимаете, но, по мне, она хороша.

Мардж успокоилась.

Ботакс почувствовал прилив сил.

— Большая форма проявляет интерес, капитан. Стимул работает. Теперь — последняя стадия.

— В чем она заключается?

— Сущность ее состоит в том, что аппарат речи и поглощения пищи одного существа накладывается на аналогичный аппарат другого. Позвольте мне для этого процесса ввести такую вспышку: «поцелуй».

— Меня тошнит от этой мерзости...— простонал капитан.

— Это кульминация. Во всех историях, после того как кожи удалены, формы обхватывают друг друга конечностями и предаются горячим поцелуям. Вот один пример, взятый наугад: «Он схватил девушку и жадно приник к ее пылающим губам».

— Может быть, одно существо пожирает другое? — предположил капитан.

— Ничего подобного,— нетерпеливо возразил Ботакс.— Это жгучие поцелуи.

— Жгучие? Происходит сгорание?

— Очевидно, нет. Тут, вероятно, подчеркивается факт повышения температуры. Чем выше температура, тем успешнее, надо полагать, происходит производство молодежи. Без этой ступени потомство получить невозможно. Это и есть сотрудничество, о котором я говорил.

— И все?

— Все,— подтвердил Ботакс.— Ни в одном из рассказов, даже в тех, что печатаются в «Плейбое», я не нашел описания какой-либо дальнейшей активности, связанной с детопроизводством. Иногда описание завершают серией точек, но я полагаю, что это обозначает просто большее число поцелуев. Один поцелуй на каждую точку — когда хотят произвести целое множество молодых.

— Только одного, пожалуйста, и немедленно.

— Разумеется, капитан.— Ботакс торжественно произнес:
— Сэр, поцелуйте, пожалуйста, леди.

— Послушайте, я не могу двинуться,— сказал Чарли.

— Я освобожу вас, конечно.

— Леди это может не понравиться.

— Уж будьте уверены, мне это не понравится! Держитесь от меня подальше,— прошипела Мардж.

— Мадам, может, не стоит их сердить? Мы можем... ну... только сделать вид.

Она колебалась, сознавая справедливость опасения.

— Ну ладно... Но чтобы без всяких штук! Я не привыкла целоваться с каждым встречным!

— Разумеется, мадам. Уверю вас, это не моя затея.

Мардж сердито бормотала:

— Гадкие чудовища! Ишь...

Чарли приблизился, смущенно положил руки на голые плечи Мардж и, сморщившись, выгнулся дугой. Мардж так напряглась, что на шее появились складки. Их губы встретились.

Капитан Гарм раздраженно вспыхнул:

— Я не чувствую повышения температуры.

Его тепловоспринимающие усики полностью распрямились и дрожали на голове.

— Я тоже,— растерянно признался Ботакс.— Но мы все делали в точности как написано в этих историях. Пожалуй, его конечности должны быть более распростертыми... О, вот так... Смотрите, действует!

Почти случайно рука Чарли скользнула вдоль мягкого обнаженного торса Мардж. На миг она, казалось, приникла к нему, затем внезапно отдернулась.

— Отпустите! — прошипела Мардж. Неожиданно она сжала зубы, и Чарли с диким криком отскочил в сторону, зализывая кровоточащую нижнюю губу.

— За что, мадам?! — воскликнул он жалобно.

— Мы договорились только делать вид. Что вы на меня уставились? Господи, ну и в компанию я попала!

Капитан Гарм быстро засиял голубым и желтым:

— Все закончено? Сколько теперь нужно ждать?

— Мне кажется, это происходит сразу. Сами знаете, когда вы почкуетесь — вы почкуетесь.

— Да?.. После всего того, что я здесь видел, не думаю, что когда-нибудь смогу почковаться... Пожалуйста, заканчивайте побыстрее.

— Один момент, капитан.

Однако время шло, и сияние капитана медленно становилось мрачно-оранжевым, а Ботакс почти угас. Наконец Ботакс спросил:

— Простите, мадам, когда вы будете почковаться?

— Когда я буду... что?

— Производить потомство.

— У меня уже есть ребенок.

— Я имею в виду — производить потомство сейчас.

— Но... я еще не готова для другого ребенка.

— Что? Что? — спросил капитан. — Что она говорит?

— Кажется, — чуть слышно произнес Ботакс, — пока она не намерена иметь маленького.

Капитан яростно вспыхнул всеми цветами радуги:

— Вы знаете, что я думаю, исследователь? Я думаю, что у вас большое, извращенное мышление. С этими существами ничего не происходит. Между ними нет никакого сотрудничества, и не появляется никакая молодь. Я думаю, что это два разных вида, а вы валяете со мной дурака!

— Но, капитан... — начал Ботакс.

— Молчать! — рявкнул Гарм. — Не спорьте со мной. С меня достаточно. Вы потратили мое время и вызвали у меня тошноту, описывая свои омерзительные домыслы о почковании. Вы домогались личной славы и награды, и я позабочусь, чтобы вы их не получили. Немедленно избавь-

тесь от этих созданий. Отдайте им их кожи и верните на место, откуда взяли. Все расходы, связанные с поддержанием Временного Стасиса, будут вычтены из вашей зарплаты.

— Но, капитан...

— Это приказ! — Гарм метнул на Ботакса испепеляющий взгляд. — Один вид, две формы, груди, поцелуи, сотрудничество... Вы болван, исследователь, извращенное и больное, да-да, больное существо!

Дрожа всеми членами, Ботакс стал настраивать приборы.

Они стояли на пустынном перроне, дико озираясь по сторонам. Уже сгущались сумерки, и подходящий поезд давал о себе знать приближающимся гулом.

— Неужели все это на самом деле было? — неожиданно спросила Мардж.

Чарли кивнул:

— Отчетливо помню.

— Нам никто не поверит.

— Послушайте, я сожалею, что вы были поставлены в неловкое положение. Это не моя вина.

— Конечно, понимаю...

Мардж, потупившись, изучала деревянную платформу под ногами. Поезд приближался.

— Э-э... Вы вовсе не были плохи. То есть вы были изумительны, только я не решался вам сказать.

Она улыбнулась:

— О, что вы...

— Может, не откажетесь выпить со мной чашечку кофе для успокоения? Моя жена... ее пока нет.

— Правда?! И Эд уехал за город на уик-энд, так что меня ждет только пустая квартира. Наш мальчик у моей мамы,— пояснила Мардж.

— Тогда пойдемте. Мы ведь немного знакомы.

— Чуть-чуть! — рассмеялась Мардж.

Подъехал поезд, но они уже шли по улице.

В баре они позволили себе чуть-чуть выпить, а потом Чарли, конечно, не мог отпустить ее одну в темноте и проводил домой. Естественно, Мардж была обязана пригласить его зайти.

Тем временем в космическом корабле несчастный Ботакс предпринимал последнюю попытку доказать свою правоту. Пока Гарм готовил корабль к отлету, Ботакс торопливо установил узколучевой видеоэкран. Он сфокусировал луч на Чарли и Мардж в ее квартире. Усики Ботакса напряглись, а глаза засияли переливчатым светом.

— Капитан Гарм! Капитан! Посмотрите, что они делают сейчас!

Но в это мгновение корабль вышел из Временного Стасиса.

ИЗ ГЛУБИН ПАМЯТИ

Куайл проснулся — и сразу захотел на Марс. «Чудесные долины... побродить бы по ним...» — с завистливой тоской подумал он. И почти что чувствовал обволакивающее присутствие того, другого мира, который видели только секретные агенты да высшие правительственные чины. Куда там клерку... Нет, это невозможно.

— Ты собираешься вставать? — сонно пробормотала Кирстен с обычной злобной раздражительностью. — Свари кофе.

— Хорошо, — сказал Дуглас Куайл и босиком прошлепал из спальни на кухню.

Там он поставил кофе, уселся за столик, достал маленькую жестянку «Диновского нюхательного» и резко втянул в себя воздух. Острая смесь зашипала в носу, обожгла уголки рта, но Куайл продолжал вдыхать; это пробуждало его и приводило ночные фантазии и тайные мечты к некоему подобию рациональности.

«Я добьюсь, — твердил себе Куайл. — Я попаду на Марс».

Конечно, это неосуществимо, и он постоянно осознавал иллюзорность своего желания, даже во сне. Дневной свет, копошение жены, расчесывающей волосы перед зеркалом, — все сговорилось поставить его на место, напомнить ему, кто он такой. «Самый обыкновенный мелкий служа-

ший», — горько сказал себе Куайл. Кирстен напоминала ему об этом по крайней мере раз в день, и он ее не винил; дело жены возвращать мужа на землю. «На Землю», — подумал он и засмеялся. Буквально выражаясь.

— Чего ты там хихикаешь? — спросила Кирстен, влетая на кухню в развевающемся розовом халатике. — Небось опять замечтался.

— Да, — произнес он и уставился в окно, вниз, на оживленное движение, на маленькие деловитые фигурки людей, спешащих на работу. Скоро он будет среди них. Как всегда.

— Спорю, что о какой-нибудь шлюхе, — уничижительно заметила Кирстен.

— Нет. О Боге. Боге войны. С изумительными кратерами, в глубинах которых прячутся всевозможные растения.

— Послушай. — Кирстен присела перед ним на корточки; резкость исчезла из ее голоса. — Дно океана — нашего океана — намного, гораздо красивее. Ты знаешь это; все это знают. Достань жаброкростюмы, возьми неделю за свой счет, и проживем там в одном из круглогодичных курортов. Мы еще к тому же... — Она осеклась. — Ты не слушаешь! А следовало бы. Ты одержим своим Марсом, своей навязчивой идеей. — Ее голос поднялся до пронзительных нот. — Боже милосердный, Дуг, куда ты катишься?!

— На работу, — сказал он, поднимаясь на ноги, забыв про завтрак. — Вот куда я качусь.

Она пристально посмотрела на мужа:

— С каждым днем ты становишься все упрямее. Куда это тебя приведет?

— На Марс, — ответил он и достал из шкафа свежую рубашку.

Выйдя из такси, Дуглас Куайл пересек три набитые до отказа пешеходные ленты и подошел к современному привлекательному зданию. Там он остановился прямо среди дневной толчеи и медленно прочитал мерцающую неоновую вывеску. Он и раньше приглядывался к ней... но никогда не приближался. Однако рано или поздно это должно было случиться...

ВОСПОМИНАНИЯ, ИНК.

Ответ на его мечту? Но ведь иллюзия, даже самая убедительная, всегда остается не более чем иллюзией. По крайней мере, объективно. А субъективно — совсем напротив...

Так или иначе, его ждут. Через пять минут встреча.

Набрав полную грудь чикагского воздуха вперемежку с копотью, он прошел через сверкающее многоцветье входа в приемную.

Аккуратная симпатичная блондинка за столом приветливо улыбнулась:

— Добрый день, мистер Куайл.

— Да,— невнятно пробормотал он.— Я хотел бы пройти курс воспоминаний. Вы, очевидно, знаете.

Секретарша сняла трубку видеофона:

— Мистер Макклеин, здесь мистер Куайл. Можно ему заходить или еще рано?

— Пст фрум-брум-грум,— зарокотало в трубке.

— Пожалуйста, мистер Куайл,— сказала секретарша.— Мистер Макклеин ждет вас. Направо, комната «Д».

После короткого замешательства он нашел нужную дверь. За необъятным столом из настоящего орехового дерева восседал радушного вида мужчина средних лет в модном сером костюме из кожи марсианской лягушки. Уже одна только одежда говорила Куайлу, что он попал по адресу.

— Садитесь, Дуглас,— пригласил Макклеин, махнув пухлой рукой на кресло у стола.— Итак, вы хотите побывать на Марсе. Превосходно.

Куайл сел.

— Я не совсем уверен...— напряженно произнес он.— Это стоит уйму денег, а я, похоже, ничего не получаю.

«Не намного дешевле настоящей поездки»,— подумал он.

— У вас будут осязаемые доказательства,— живо возразил Макклеин.— Все, что потребуется. Позвольте показать.— Он выдвинул ящик и достал толстую папку.— Корешок билета.— Из папки появился квадратик прокомпостированного картона.— Следовательно, вы ездили туда — и обратно. Далее, открытки.— Он извлек четыре цветные

стереооткрытки и разложил их перед Куайлом.— Пленка. Снимки марсианских достопримечательностей, которые вы делали взятой напрокат камерой. Имена встреченных там людей. Плюс на две сотни сувениров; вы получите их — с Марса — в следующем месяце. Ну и паспорт, почтовая квитанция.— Он взглянул на Куайла.— Не беспокойтесь, вы будете уверены, что побывали там. Вы не запомните меня, не запомните свой визит. Но мы гарантируем, что для вас это будет самое настоящее путешествие. Полные две недели воспоминаний, вплоть до мельчайших подробностей. Посудите сами: вы не секретный агент Интерплана, а иначе вам на Марс не попасть. Лишь с нашей помощью вы осуществите свою заветную мечту. И учтите: когда бы вы ни усомнились в достоверности воспоминаний, можете вернуться к нам и сполна получить свои деньги.

— Неужели наложенная память столь прочна? — спросил Куайл.

— Лучше настоящей, сэр,— заверил Макклейн.— Побывав вы действительно на Марсе в качестве агента Интерплана, многое бы уже забылось. Мы же обеспечиваем такие устойчивые воспоминания, что не потускнеет ни одна деталь. Это творение опытных специалистов, экспертов, людей, которые провели на Марсе долгие годы. И в каждом случае мы все тщательно проверяем. Причем ваша мечта имеет достаточно вещественную основу; выбери вы Плутон или захоти вы стать Императором Лиги Внутренних Планет, у нас бы возникло гораздо больше трудностей... и соответственно значительно возросла бы плата.

— Хорошо,— решил Куайл и потянулся за бумажником.— Если нет другого пути, придется довольствоваться...

— Не надо так говорить! — возмущенно воскликнул Макклейн.— Вы думаете, что вам подсовывают второсортный товар? Естественная память, со всеми ее неточностями, искажениями и провалами — вот второсортный товар! — Макклейн взял деньги и нажал кнопку на селекторе.— Что ж, мистер Куайл,— мягко проговорил он, когда в открывшуюся дверь вошли двое коренастых мужчин,— желаю секретному агенту счастливого пути на Марс.

Макклейн поднялся и вышел из-за стола, чтобы пожать вспотевшую ладонь Куайла.

— Собственно, ваше путешествие уже завершилось. Сегодня в шестнадцать тридцать вы... гм-м... прибудете на Землю. Такси отвезет вас домой, и, как я говорил, вы никогда не вспомните меня или свой визит к нам. Вы забудете даже, что слышали о нашем существовании.

От волнения у Куайла пересохло во рту. На нетвердых ногах он вышел вслед за двумя техниками из кабинета.

«Неужели я искренне буду полагать, что слетал на Марс? — думал он. — Что сумел осуществить заветную мечту всей жизни?»

Им овладело какое-то зудящее предчувствие недоброго... Оставалось только ждать.

Селектор на столе Макклейна загудел, и раздался спокойный мужской голос:

— Мистер Куайл под наркозом, сэр. Разрешите начинать или вы будете присутствовать лично?

— Начинайте, Лоу, — бросил Макклейн. — Это самый обычный случай; не должно быть никаких осложнений.

Имплантацию искусственной памяти о путешествии на другие планеты приходилось делать с монотонной регулярностью. «За месяц, — прикинул он с кислой миной, — около двадцати раз. Эрзац-путешествия буквально стали нашим хлебом».

— Хорошо, мистер Макклейн, — ответил Лоу, и селектор замолчал.

Открыв большой шкаф, Макклейн покопался и вытащил два пакета: пакет № 3 — «Путешествие на Марс» и пакет № 62 — «Секретный агент Интерплана». Он вернулся за стол, удобно устроился в кресле и вывалил содержимое пакетов: предметы, которые предстояло поместить в квартиру Куайла, пока тот находится без сознания.

«Пистолет за одну кредитку, самый дорогой предмет в нашем списке, — иронично отметил Макклейн. — Крошечный передатчик, который следует проглотить в случае провала агента... Кодовая книга, поразительно напоминающая

настоящие... Всякая мелочь, не имеющая сама по себе существенного значения, но неразрывно связанная с воображаемым путешествием: половинка древней серебряной монеты достоинством в пятьдесят центов, два неправильно записанных стихотворения Джона Донна, каждый на отдельном листке папиросной бумаги, ложка из нержавеющей стали с выгравированной надписью: «СОБСТВЕННОСТЬ МАРСИАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ», телефонное подслушивающее устройство, которое...»

Загудел селектор.

— Простите за беспокойство, мистер Макклейн, но происходит что-то непонятное. Пожалуй, вам лучше все-таки прийти. Куйал еще под наркозом, хорошо отреагировал на наркидрин. Однако...

— Иду.

Почувствовав тревогу, Макклейн вышел из кабинета и поспешил в лабораторию.

Дуглас Куайл лежал на кровати с прикрытыми глазами, медленно и регулярно дыша. Казалось, он осознает — но лишь очень смутно — присутствие двух техников и появившегося Макклея.

— Нет места для внедрения ложной памяти? — раздраженно спросил Макклейн. — Найдите соответствующий участок и сотрите. Он работает в Бюро Эмиграции и как всякий государственный служащий, безусловно, две недели отдыхал. Замените одни воспоминания на другие — вот и все.

— Проблема, к сожалению, не в этом, — обиженно сказал Лоу и, склонившись над постелью, обратился к Куайлу: — Расскажите мистеру Макклею то, что рассказали нам... Слушайте внимательно, — добавил он, повернувшись к шефу.

Серо-зеленые глаза лежащего человека остановились на лице Макклея. Взгляд стал стальным, жестким, безжалостным, засветился холодным огнем.

— Что вам еще нужно? — с ненавистью процедил Куайл. — Вы развалили мою «легенду». Убирайтесь отсюда, пока я с вами не расправился. — Его взгляд прожег Мак-

клейна насквозь.— Особенно вы... Вы руководитель этой операции!

— Как долго вы находились на Марсе? — спросил Лоу.

— Месяц,— резко ответил Куайл.

— Ваша цель?

Бледные губы скривились.

— Агент Интерплана. Зачем повторять? Разве вы не записывали? Оставьте меня в покое.

Он закрыл глаза; обжигающее сияние исчезло. Макклейн почувствовал волну мгновенного облегчения.

— Крепкий орешек,— тихо заметил Лоу.

— Ничего,— отозвался Макклейн.— Когда мы снова сотрем его память, он станет кротким как ягненок... Так вот почему вы так отчаянно стремились на Марс,— обратился он к Куайлу.

— Я никогда не стремился на Марс,— не открывая глаз, проговорил Куайл.— Мне приказали. Разумеется, было интересно... У вас тут настоящая сыворотка правды; я вспоминаю вещи, о которых и понятия не имел.— Он замолчал и погрузился в раздумье.— Любопытно, моя жена, Кирстен... тоже человек Интерплана? Следит, чтобы я случайно не обрел память? Неудивительно, что ей так не нравилось мое желание.

На его лице возникла и тут же пропала понимающая улыбка.

— Пожалуйста, поверьте, мистер Куайл, мы натолкнулись на это совершенно неумышленно,— виновато сказал Макклейн.— В процессе работы.

— Я верю вам,— произнес Куайл. Он казался очень уставшим; наркотик действовал все сильнее.— Что я плел про свою поездку? — едва слышно пробормотал он.— Марс? Не припомню — хотя с удовольствием побывал бы. А кто нет? Но я... всего лишь ничтожный клерк...

Лоу выпрямился и обратился к своему начальнику:

— Он хочет иметь фальшивую память о путешествии, которое совершил на самом деле. И фальшивое обоснование, которое является настоящим. Под воздействием наркотики он говорит правду и отчетливо помнит все подробности. Очевидно, в правительственной военной лабо-

ратории стерли сознательную память о действительных событиях. Сохранились только смутные ассоциации; Марс и деятельность шпиона связываются для него с чем-то значительным. Этого они стереть не смогли; это не воспоминание, а присущее ему желание, из-за которого, безусловно, он и вызвался на выполнение задания.

— Что нам делать? — спросил другой техник, Килер. — Наложить фальшивую память на настоящую? Трудно предсказать результат; что-то останется, и путаница сведет его с ума. Ему придется жить с двумя противоположными воспоминаниями одновременно: что он был на Марсе и что не был. Что он действительно агент Интерплана и что это имплантированная фальшивка... Дело очень щекотливое.

— Согласен, — сказал Макклейн. Ему в голову пришла мысль. — Что он запомнит, выйдя из-под наркоза?

— Теперь, вероятно, у него останутся смутные отрывочные воспоминания о настоящей поездке, — ответил Лоу. — И скорее всего, он будет сильно сомневаться в их реальности; решит, что это наша ошибка. Ведь он запомнит свой визит — если, конечно, вы не прикажете это стереть.

— Чем меньше мы будем с ним что-то делать, тем лучше, — заявил Макклейн. — И так нам чертовски не повезло — нарваться на агента Интерплана и разбить его легенду! Причем такую хорошую, что он сам не знает, кто он такой... Вернем ему половину платы.

— Половину? Почему половину?

— На мой взгляд, это неплохой компромисс, — грустно улыбнулся Макклейн.

Сидя в такси, которое несло его домой в жилой район Чикаго, Дуглас Куайл блаженно улыбался. «Как приятно вернуться на Землю!»

Месячное пребывание на Марсе уже начало тускнеть в его памяти. Остались лишь картины зияющих кратеров, изломанных скал и самого движения. Мир пыли, где мало что происходит, где значительную часть дня надо проводить за проверкой и перепроверкой портативного кислородного

ранца. И скудные проявления жизни — невзрачные серо-бурые кактусы и пузырчатые черви.

Кстати, он ведь привез несколько образчиков марсианской фауны; протащил их через таможеню. В конце концов, они не представляют никакой опасности, им не выжить в густой атмосфере Земли.

Куайл полез в карман за коробочкой с марсианскими червями...

И вместо нее нашел конверт.

К своему удивлению, он обнаружил в конверте пятьсот семьдесят кредиток мелкими бумажками.

Вместе с деньгами выскользнула записка: «Возвращаем половину платы. Макклейн». И дата. Сегодняшняя.

— Воспоминания,— произнес вслух Куайл.

— Какие воспоминания, сэр или мадам? — почтительно поинтересовался робот-водитель.

— У вас есть телефонная книга? — спросил Куайл.

— Разумеется, сэр или мадам.

— Вот...— пробормотал Куайл, пролистав страницы. Он ощутил страх, ледящий душу страх.— Я передумал ехать домой. Отвезите меня в «Воспоминания, Инк.».

Такси развернулось и помчалось в обратном направлении.

— Можно позвонить?

— Сделайте одолжение,— сказал робот-водитель и открыл нишу с блестящим цветным видеофоном.

Куайл набрал домашний номер и через несколько секунд предстал перед миниатюрным, но неприятно реалистичным изображением жены.

— Я был на Марсе,— сообщил он.

— Ты пьян! — Ее губы презрительно скривились.— Или еще похуже.

— Ей-богу!

— Когда?

— Не знаю.— Куайл пришел в замешательство.— Наверное, наложение памяти. Только мне она не привилась.

— Ты все-таки пьян,— презрительно процедила Кирстен и бросила трубку.

Куайл медленно отодвинул видеофон, чувствуя, как к лицу приливает кровь.

«И всегда один тон,— горько сказал он себе.— Всегда грубость, как будто она знает все, а я ничего. Господи, что за жизнь!..»

Вскоре такси остановилось перед современным, очень привлекательным зданием, над которым мигала красочная неоновая вывеска:

«ВОСПОМИНАНИЯ, ИНК.».

Секретарша, деловитая и собранная, чуть не раскрыла рот от удивления, но тут же взяла себя в руки.

— О, мистер Куайл! — нервно улыбнулась она. — Вы что-то забыли?

— Остаток моих денег,— сухо ответил он.

— Денег? — Секретарша мастерски разыграла непонимание. — По-моему, вы ошибаетесь, мистер Куайл. Вы действительно приходили консультироваться, но... — Она пожала плечами. — Мы не оказали вам никаких услуг.

— Я все помню, мисс,— отчеканил Куайл. — Свое письмо в вашу фирму, свой визит к вам, разговор с мистером Макклейном. Помню двух техников, которые мной занимались.

Неудивительно, что фирма вернула половину платы. Ложная память «поездки на Марс» не привилась. Или по меньшей мере привилась не полностью, не в такой степени, как ему гарантировали.

— Мистер Куайл,— урезонивала его девушка,— несмотря на то что вы мелкий служащий, вы очень привлекательный мужчина, и злость вам не к лицу. Если желаете, я могу позволить вам... гм... пригласить меня на вечер...

Куайл пришел в бешенство.

— Я помню вас! — заорал он. — И помню обещание мистера Макклейна, что, если я не забуду посещения вашей компании, мне полностью вернут деньги. Где этот Макклейн?!

Через некоторое время он снова оказался за необъятным столом из орехового дерева, на том же месте, где сидел пару часов назад.

— Ну и техника у вас! — язвительно сказал Куайл. Его разочарование — и возмущение — не знало границ. — Но так называемая «память» о путешествии на Марс в качестве тайного агента Интерплана урывочна и полна противоречий. К тому же я отчетливо помню нашу сделку... Нет, мне положительно надо обратиться с жалобой в Коммерческое Бюро.

Он кипел негодованием; горькое ощущение, что его обманули, захлестывало Куайла и пересилило обычную его неприязнь к подобным разбирательствам.

Хмуро насупившись, Макклеин проговорил:

— Мы сдаемся, Куайл. Вы получите свои деньги. Я признаю, что мы ничего для вас не сделали.

— Вы даже не обеспечили меня «доказательствами» пребывания на Марсе, — продолжал Куайл. — Вся ваша болтовня — лишь пускание пыли в глаза. Никаких билетов. Никаких открыток. Никакого паспорта. Никаких...

— Послушайте, Куайл, — перебил Макклеин, — я мог бы объяснить вам... — Он замолчал. — Нет. Не надо. — Он нажал кнопку на селекторе. — Ширли, выпишите, пожалуйста, чек Дугласу Куайлу на пятьсот семьдесят кредиток.

Через минуту секретарша принесла чек, положила его перед Макклеином и исчезла, оставив двух мужчин испепелять друг друга взглядами.

— Позвольте дать вам совет, — молвил Макклеин, подписав чек. — Не обсуждайте ни с кем вашу недавнюю поездку на Марс.

— Какую поездку?

— Ну, ту поездку, которую вы частично помните, — уклончиво ответил Макклеин. — Ведите себя так, словно ничего и не было. И не задавайте мне вопросов. Просто послушайтесь моего совета; так будет лучше для нас всех. — Макклеин обнаружил, что он сильно вспотел. — Простите, меня ждут дела, другие клиенты...

Он встал и проводил Куайла до выхода.

— У фирмы, которая выполняет так свою работу, не должно быть никаких клиентов! — сказал Куайл и хлопнул дверью.

Сидя в такси, Куайл мысленно формулировал жалобу в Коммерческое Бюро. Безусловно, его долг предупредить людей, каково истинное лицо фирмы «Воспоминания, Инк.»

Придя домой, он устроился за портативной машинкой, открыл ящик стола и стал рыться в поисках копировальной бумаги. И заметил маленькую, знакомую коробку. Коробку, куда аккуратно положил на Марсе некоторые разновидности местной фауны и которую потом незаконно провез через таможеню.

Открыв коробку, Куайл недоверчиво уставился на шесть дохлых пузырчатых червей и кое-какие одноклеточные организмы, служившие им пищей. Все высохло, покрылось пылью, но без труда поддавалось узнаванию; целый день он тогда переворачивал тяжелые серые валуны, знакомясь с новым для себя, увлекательным миром.

«Но я не был на Марсе!» — осознал он.

Хотя с другой стороны...

В дверях появилась Кирстен, держа в обеих руках объемистые хозяйственные сумки.

— Ты чего дома среди рабочего дня?! — Голос ее, как всегда, звучал гневно-вызывающе.

— Ездил я на Марс или нет? — спросил Куайл.

— Конечно нет. Уж ты бы запомнил, надо полагать.

— Мне кажется, ездил, — растерянно проговорил он. — И в то же время кажется, что нет.

— Реши, в конце концов.

— Но как?! — простонал Куайл. — Я помню два набора фактов, но не знаю, какой из них настоящий! Можно мне положиться на тебя? Ведь с тобой они ничего не делали!

— Дуг, если ты сейчас же не возьмешь себя в руки, все кончено, — равнодушно бросила она. — Я собираюсь тебя оставить.

— Я попал в беду. — Голос его звучал хрипло и беспомощно. — Может быть, я схожу с ума. Надеюсь, что нет, но... может быть. По крайней мере, это бы все объяснило.

Поставив сумки, Кирстен подошла к шкафу и достала пальто.

— Я не шучу, — тихо предупредила она, оделась и вернулась к двери. — Позвоню на днях. Прощай, Дуг.

— Погоди! — взмолился Куайл. — Скажи мне только: был я на Марсе или нет?!

Дверь закрылась. Его жена ушла. Наконец.

— Вот и все, — раздался голос сзади. — А теперь, Куайл, поднимите руки и медленно повернитесь.

На него смотрел вооруженный человек в темно-фиолетовой форме Интерпланетного Полицейского Управления. И этот человек казался Куайлу удивительно знакомым. Где-то он его видел...

— Итак, вы вспомнили свое путешествие на Марс, — констатировал полицейский. — Нам известны все ваши действия и все мысли, в частности некоторые ваши мысли по пути домой из фирмы «Воспоминания, Инк.». Информацию передает телепатопередатчик в вашем мозге, — пояснил он.

Телепатический передатчик, использование живой протоплазмы, найденной на Луне! Куайла передернуло от отвращения. Там, в глубинах его собственного мозга, живет нечто, питаясь его клетками. Питаясь и подслушивая. Но, как ни мерзко, это, наверное, правда. О грязных методах Интерплана писали даже в газетах.

— При чем тут я? — хрипло выдавил Куайл. Что он сделал — или подумал? И какая тут связь с «Воспоминаниями, Инк.»?

— В сущности, никакой связи с компанией нет, — сказал полицейский. — Это дело строго между нами. — Он постучал себя по уху, и Куайл заметил маленький белый наушничек. — Между прочим, я до сих пор слушаю все ваши мысли. Должен предупредить: то, что вы думаете, может быть использовано против вас. — Он улыбнулся. — Впрочем, сейчас это не имеет значения. Своими словами и мыслями вы уже приговорили себя. К сожалению, под воздействием наркидринна вы кое-что поведали техникам и владельцу фирмы: куда вас посылали и что вы там делали. Они испуганы. Они проклинаят ту минуту, когда увидели вас. И не без оснований, — задумчиво добавил он.

— Я никуда не ездил, — возразил Куайл. — Это ложная память, неудачно имплантированная техниками Макклейна!

Но потом Дуглас вспомнил о коробке в ящике стола; с каким трудом искал он марсианских червей! Память казалась настоящей. И коробка — она наверняка настоящая. Если ее не подсунил Макклейн. Может быть, это одно из «доказательств», о которых он так многословно распространялся.

«Мои воспоминания о поездке на Марс,— подумал Куайл,— не могут убедить меня самого, но, к сожалению, убедили Интерплан. Там полагают, что я действительно побывал на Марсе, и уверены, что я, по крайней мере, частично это осознаю».

— Мы знаем не только о вашем пребывании на Марсе,— согласился с его мыслями полицейский,— но и то, что вы помните достаточно, чтобы являть для нас угрозу. Снова стирать вашу память бессмысленно, потому что вы просто-напросто придете к ним опять и все повторится сначала. Сделать что-то с Макклейном и его фирмой мы не имеем права. Кроме того, Макклейн не совершил никакого преступления. Как, строго говоря, и вы. Мы прекрасно понимаем, что вы обратились к ним не умышленно: вас толкала обычная тяга заурядных людей к приключениям.— Полицейский на миг замолчал.— К несчастью, вы не заурядный человек: у вас было вполне достаточно приключений. Меньше всего на свете вы нуждались в услугах «Воспоминания, Инк.». Не могло быть ничего хуже для вас и для нас. И между прочим, для Макклеяна.

— Почему же это я являю для вас угрозу, если помню свое путешествие — предполагаемое путешествие! — и то, что я там делал?

— Потому что, то, что вы там делали,— ответил агент Интерплана,— далеко не соответствует нашему публичному облику «защитника-благотетеля». Вы выполняли особое задание. И все это неминуемо всплывет — благодаря наркидрину. Коробка с мертвыми червями полгода лежит в ящике, с самого вашего возвращения. И ни разу вы не проявили ни малейшего любопытства. Мы даже не знали о ее существовании, пока вы не вспомнили о ней по пути домой. Нам пришлось действовать.

Откуда-то из укрытия появился второй человек в форме Интерплана; они тихо между собой заговорили. Куайл лихорадочно соображал. Теперь он помнил больше — полицейский не ошибался относительно наркидрин. Вероятно, они — Интерплан — сами его использовали. Вероятно? Да наверняка! Он лично видел, как они вводили наркотик заключенному. Где это могло быть?.. На Земле? Нет, скорее на Луне, решил Куайл, видя новые и новые картины, возникающие из глубин его поврежденной, но быстро восстанавливающейся памяти.

Он вспомнил и еще кое-что. Цель задания.

Неудивительно, что они стерли его память.

— О Боже! — отчетливо сказал первый полицейский, поймав мысли Куайла. — Произошло самое ужасное. — Он подошел к Куайлу и направил оружие. — Нам придется убить вас. Немедленно.

— Почему немедленно? — заметно нервничая, спросил второй агент. — Отвезем его в Нью-Йорк, в штаб-квартиру, и пусть там...

— Он знает, почему немедленно.

Первый полицейский тоже сильно нервничал, но совсем по другой причине. Память вернулась к Куайлу полностью, и он отлично понимал его напряженность.

— На Марсе, — хрипло проговорил Куайл, — я убил человека. Пройдя через пятнадцать телохранителей. Вооруженных.

Пять лет готовил его Интерплан к этому заданию. Он был профессиональным убийцей. Он знал, как расправиться с врагом... И тот, с наушником, понимал это.

Если действовать быстро...

Револьвер выстрелил. Но Куайл уже скользнул вбок, молниеносно срубил вооруженного агента и в тот же миг взял на мушку второго, растерянного полицейского.

— Уловил мои мысли, — произнес Куайл, пытаясь отдышаться. — Но я все-таки сделал то, что хотел.

— Он не будет стрелять, Сэм, — прохрипел упавший агент. — Он ведь понимает, что ему конец. Сдавайся, Куайл. — Кривясь от боли, полицейский поднялся на ноги. — Оружие. Ты не станешь им пользоваться. А если отдашь,

я обещаю не убивать тебя. Пускай решает начальство. Возможно, они снова сотрут твою память, не знаю.

Сжимая револьвер, Куайл бросился из квартиры. «Если станете меня преследовать, я убью вас,— подумал Куайл.— Так что не советую».

Его не преследовали. Очевидно, полицейские уловили его мысли и решили не рисковать. Он уцелел — на время. Но что дальше?

Куайл влился в толпу пешеходов. Голова его раскалывалась. Но, по крайней мере, спасся от смерти. Еще чуть-чуть, и его застрелили бы в собственной квартире.

«Рано или поздно они это сделают. Когда найдут. А с передатчиком внутри на это не понадобится много времени».

Ирония судьбы... Он получил все, о чем мечтал, что просил у компании «Воспоминания, Инк.»: приключения, подвиги, операции Интерплана, тайное и опасное путешествие на Марс, где ставкой была сама жизнь...

Хорошо, когда такое — всего лишь воспоминания.

Куайл сидел в парке на лавочке, бездумно наблюдая за стайкой «нахалят» — привезенных с лун Марса полуптиц, способных даже в земной гравитации к свободному парению.

«Может быть, я сумею вернуться на Марс», — размышлял он. Но что тогда? На Марсе будет еще хуже. Политическая организация, руководителя которой он ликвидировал, застрелит его в первую же секунду. Вдобавок к Интерплану еще и они.

«Интересно, мои мысли слышны?...» Прямая дорожка к сумасшествию: сидеть в одиночестве и представлять, как смыкается кольцо преследователей... Куайл поежился, поднялся на ноги, бесцельно побрел, засунув руки глубоко в карманы.

«Куда бы я ни пошел, вы всегда будете со мной. Пока я ношу в голове это дьявольское устройство. Давайте договоримся,— думал он — для себя и для них.— Наложите мне снова фальшивую память, что я жил серой скучной

жизнью и никогда не был на Марсе, никогда не держал в руках оружия и не видел вблизи интерплановскую форму».

«Вам ведь объяснили,— произнес голос в голове.— Этого будет недостаточно».

Куайл застыл на месте.

«Мы уже поддерживали с вами связь подобным образом,— продолжал голос.— На Марсе, когда вы были нашим оперативным работником. И вот теперь пришлось снова. Где вы находитесь?»

«Шагаю к смерти. (От ваших пуль.) Откуда вам известно, что этого недостаточно?»

«Если вам имплантировать комплекс воспоминаний среднего человека, вы почувствуете... беспокойство. И неминуемо обратитесь к Макклеину или его конкурентам».

«Можно дать мне не обычные воспоминания, а что-нибудь более яркое,— предложил Куайл.— То, что утолит мою жажду. Я мечтал стать агентом Интерплана — поэтому-то вы сперва и обратили на меня внимание. Надо найти замену — равную замену. Например, что я был богатейшим человеком на Земле, но пожертвовал все деньги на культуру и образование. Или что я — знаменитый исследователь космоса. Что-нибудь в этом духе».

Молчание.

«Попробуйте! — отчаянно взмолился Куайл.— Привлеките ваших блестящих военных психологов, раскройте мое заветное чаяние... Женщины! — выпалил он.— Тысячи женщин, как у Дон Жуана. Эдакий межпланетный повеса — любовница в каждом городе Земли, Луны и Марса. Только я все это бросил — надоело... Ну пожалуйста!»

«И вы добровольно сдадитесь? — спросил голос внутри головы.— Если мы согласимся на такое решение? Если оно возможно?»

«Да,— ответил он после короткого колебания.— Я рискну, надеясь, что вы попросту меня не убьете».

«Что ж, мы рассмотрим ваше предложение. Но если не получится, если ваша истинная память снова начнет пробиваться...— Голос сделал паузу.— Вас придется ликвидировать. Ну, Куайл, все еще хотите попытаться?»

«Да», — решил он. Потому что альтернативой была немедленная смерть. Так, по крайней мере, ему представлялся шанс.

«Явитесь в штаб-квартиру в Нью-Йорке, двенадцатый этаж. Мы сразу же примемся за работу и попробуем определить вашу подлинную и абсолютную мечту. Потом привезем вас в «Воспоминания, Инк.». И — удачи! Мы в долгу перед вами: вы были хорошим орудием».

В голосе не звучало никакой угрозы. Они — организация — скорее испытывали к нему симпатию.

«Спасибо», — сказал Куайл. И отправился искать такси.

— У вас самые интересные фантазии, мистер Куайл, — заявил пожилой психолог с суровым лицом. — Вероятно, сознательно вы не отдаете себе отчета в таком желании. Даже не мечтаете и не предполагаете о нем; так часто бывает. Надеюсь, вы не очень огорчитесь, когда узнаете правду.

— Лучше ему не огорчаться, — отрывисто пролаял старший полицейский офицер. — Если не хочет получить пулю.

— В отличие от желания стать тайным агентом, — невозмутимо продолжал психолог, — которое, вообще говоря, является продуктом зрелости и содержит некое рациональное зерно, ваша детская фантазия столь нелепа, что вы ее не осознаете. Заключается она в следующем: вам девять лет, вы прогуливаетесь по какой-то сельской местности. Прямо перед вами приземляется неизвестной конструкции космический корабль из иной звездной системы. Корабль невидим для всех, кроме вас, мистер Куайл. Его пассажиры — маленькие беспомощные существа наподобие полевой мыши. Однако они намереваются завоевать Землю; десятки тысяч подобных кораблей немедленно отправятся в путь, как только этот передовой отряд даст «добро».

— Надо полагать, я их останавливаю. — Куайл ощутил смесь увлеченности и презрения. — Сокрушаю их в одиночку. Вероятно, наступив ногой.

— Нет, — терпеливо возразил психолог. — Вы останавливаете вторжение, но не уничтожая, а выказывая состра-

дание и доброту, хотя путем телепатии — их способ общения — узнали, зачем они прилетели. Им никогда не встречались такие гуманные черты в разумных существах, и, чтобы показать, как высоко они это ценят, они заключают с вами договор.

— Пока я живу, Земля в безопасности! — догадался Куайл.

— Совершенно верно.— Психолог обратился к офицеру Интерплана: — Эта мечта полностью соответствует его личности, несмотря на деланную иронию.

— Таким образом, одним существованием я спасаю Землю от покорения,— проговорил Куайл, чувствуя растущую волну удовольствия.— Значит, я являюсь самым важным, самым значительным человеком на Земле! И пальцем не шевеля!

— Да, сэр,— подтвердил психолог.— Это краеугольный камень вашей психики. Детская мечта всей жизни, в которой без помощи наркотиков и глубокой терапии вы никогда бы себе не признались. Однако она всегда была в вас; ушла в подсознание, но не исчезла.

Старший полицейский офицер повернулся к напряженно слушавшему Макклеину:

— Вы можете имплантировать подобную лжепамять?

— Мы в состоянии реализовать любую фантазию,— ответил Макклеин.— По правде говоря, мне доводилось слышать истории куда почище этой. Через двадцать четыре часа он не будет хотеть спасти Землю; он будет искренне верить, что является спасителем человечества.

— В таком случае приступайте к работе,— велел офицер.— Мы предварительно уже стерли его память о поездке на Марс.

— О какой поездке на Марс? — спросил Куайл.

Ему никто не ответил.

Вскоре все спустились вниз. Куайл, Макклеин и старший офицер сели в машину и отправились в Чикаго, в «Воспоминания, Инк.».

— И постарайтесь на сей раз не допускать ошибок,— многозначительно посоветовал полицейский.

— Все пойдет как по маслу,— промямлил Макклейн, обильно потев.— Ничего общего с Марсом или Интерпланом... Надо же, голыми руками остановить вторжение с иной звездной системы.— Он покачал головой.— Чего только не выдумают дети... Причем милосердием, а не силой. Оригинально.— Он промокнул лоб полотняным платком.

Все промолчали.

— Это даже трогательно,— добавил Макклейн.

— Но самонадеянно,— непреклонно отрезал офицер.— Так как после его смерти вторжение все-таки состоится. Самая грандиозная мания, которую я встречал.— Он окинул Куайла неодобрительным взглядом.— Подумать только, такой человек получал у нас зарплату!

Наконец они достигли Чикаго, прибыли в «Воспоминания, Инк.» и сдали Куайла на попечение Лоу и Килера. Потом Макклейн, полицейский офицер и секретарша Ширли вернулись в кабинет. Ждать.

— Приготовить для него пакет? — спросила Ширли.

— Да, конечно. Комбинация пакетов 81, 20 и 6.— Из большого шкафа Макклейн достал соответствующие пакеты и отнес их к столу.— Из пакета 81 — волшебная врачевательная палочка, подаренная клиенту — то есть в данном случае мистеру Куайлу — инопланетянами. Знак их признательности.

— Она работает? — живо поинтересовался офицер.

— Работала когда-то. Но он... гм-м... видите ли, давно израсходовал ее магическую силу, целя налево и направо.— Макклейн хохотнул и открыл пакет № 20.— Благодарность от Генерального секретаря ООН. За спасение Земли. И из пакета № 6...

— Записка,— подсказала Ширли.— На непонятном языке...

—...где пришельцы сообщают, кто они такие и откуда явились,— подхватил Макклейн.— Включая подробную звездную карту с изображением маршрута их полета. Разумеется, все на их языке, так что прочесть невозможно. Но он помнит, как они читали... Это надо отвезти в квартиру Куайла,— сказал он полицейскому офицеру.— Чтобы он их нашел. И подтвердил свои фантазии.

Загудел селектор.

— Мистер Макклейн, простите, что беспокою вас.— Это был голос Лоу.

Макклейн замер, узнав его; замер и окаменел.

— Тут что-то происходит. Пожалуй, лучше вам прийти. Как и в прошлый раз, Куайл хорошо отреагировал на наркидрин. Но...

Макклейн сорвался с места.

Дуглас Куайл лежал на кровати с прикрытыми глазами, медленно и регулярно дыша, смутно осознавая присутствие посторонних.

— Мы начали его расспрашивать,— произнес Лоу с побелевшим от ужаса лицом.— Нам необходимо было точно определить место для наложения лжепамяти. И вот...

— Они велели мне молчать,— пробормотал Куайл слабым голосом.— Я и помнить-то не должен был. Но как можно забыть такое?

«Да, такое трудно забыть,— подумал Макклейн.— Хотя тебе удавалось — до сих пор».

— Мне подарили в благодарность документ, на их языке,— шептал Куайл.— Он спрятан у меня дома; я покажу вам.

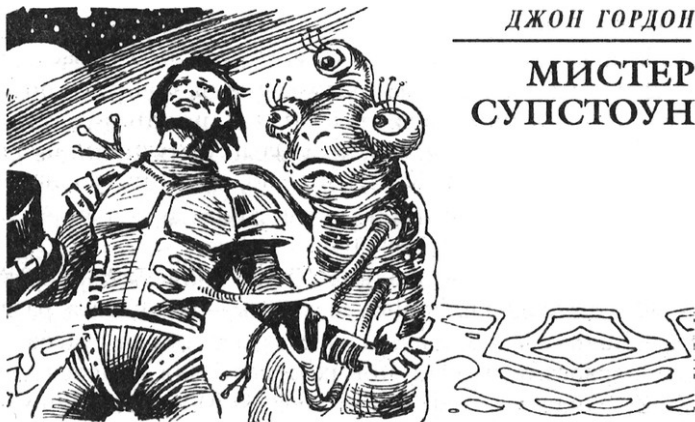
— Советую не убивать его,— сказал Макклейн вошедшему офицеру.— Иначе они вернутся...

— И невидимую волшебную палочку-уничтожительницу,— продолжал бормотать Куайл.— Так я убил того человека на Марсе, выполняя задание Интерплана. Она лежит в ящике стола, вместе с коробкой пузырчатых червей.

Офицер молча повернулся и вышел из комнаты.

«Все эти «вещественные доказательства» можно убрать на место,— подумал Макклейн.— Включая благодарность от Генерального секретаря ООН. В конце концов...»

Скоро последует настоящая.

ДЖОН ГОРДОН

МИСТЕР СУПСТОУН

Окно доставки Главного почтамта на Гемлине-3, в двадцати восьми тысячах четырехстах шести световых лет во втором квадранте по наклонению в девятнадцать градусов от Теоретического Центра Галактики, было весьма небольшим и расположено ниже, чем обычно. Пилот-разведчик Хэнк Шалло, здоровенный как бык, согнулся почти пополам, чтобы заглянуть в него.

— Нет ли у вас почты для...— его голос с безразличной скороговорки внезапно перешел на басовитое воркование,— для Хэнка Шалло, корабль «Атеперьнетуж», мисс?

— Секунду.

Неземное видение, маленькая брюнетка за окошком, отложило книгоскоп и набрало код на пульте. Что-то лягнуло, щелкнуло, и машина выплюнула несколько конвертов.

— Пожалуйста, сэр.

Хэнк принял их не глядя и скомкал в огромной руке.

— Благодарю вас.— Он ослепительно улыбнулся.— Интересная книжка?

Девушка, вновь приняв прежнее положение, скользнула по нему небрежным взглядом (Хэнк так и не понял, чего было больше в этом взгляде — одобрения или безразличия) и ответила:

— Да.

Хэнк вздохнул.

— Давненько у меня не было времени почитать по-настоящему,— грустно признался он.— У пилотов-разведчиков совсем нет времени. Очень тяжело быть пилотом-разведчиком.

— Насколько я понимаю,— заметила девушка,— вы — пилот-разведчик?

— Да,— односложно молвил Хэнк, снова горько вздыхая.— И это трудная, одинокая жизнь.— Он слегка раздул грудь.— Большинству представляется блестящая судьба пионера, первооткрывателя новых земель для человечества, но, увы... Опасная — да. Блестящая...— Хэнк медленно покачал головой,— нет.

— Понятно,— сказала девушка.

— Могу ли я поинтересоваться, о чем эта книга? Возможно, я решу заказать себе такую же для следующего долгого одинокого полета.

— Недурная мысль,— отозвалась девушка,— особенно если вы читаете на старофранцузском. Это сборник фабль.

— Ах, фабль...

— Да. Я пишу работу по произведениям, приписываемым перу Чосера, которые распространились в XIV веке после успеха «Кентерберийских рассказов». Многие из них восходят к фабль.

— Э-э...

— Я кончаю университет, а здесь просто подрабатываю. Чем еще могу быть полезна?

— Собственно, мне ничего не надо,— потупился Хэнк.— Возможно, мы еще встретимся.

Он вышел, сунув нераспечатанные письма в карман, и отправился в город. Там зашел в первую попавшуюся библиотеку и потребовал книгу по фабль, торопливо добавив:

— На современном языке, разумеется...

Библиотечная машина зашумела и выдала книгоскоп с катушкой. Хэнк удобно уселся в кресле и поднес проектор к глазам. «ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ»,— прочитал он и хмыкнул. Так

вот что такое фаблю... Первая сказка называлась «Похлебка из камней». Хэнк прочитал ее, сунул книгоскоп в карман и вернулся на Главный почтамт, где, скрючившись, облокотился на окошко выдачи.

— Привет! — игриво бросил он.

— Привет, солдафон, — холодно отозвалась брюнетка.

— Солдафон? — изумленно переспросил Хэнк. — Нет-нет. Я пилот-разведчик.

— Не заливайте! — презрительно сказала девушка. У Хэнка создалось впечатление, что ее мнение о нем почему-то внезапно ухудшилось. — Впрочем, вы, верно, по-другому и не умеете... Плохо же вы обо мне думаете, если решили, что купите своей дешевой ложью. Да, мой дядя был пилотом-разведчиком, и я никем больше так не восхищалась. Но вынуживать...

— Секундочку! — взмолился Хэнк. — Ваш дядя был пилотом-разведчиком? Как его имя?

— Чен Гремиджер. И он погиб героически при исполнении служебных обязанностей...

— Я знал Чена Гремиджера!

— О, получайте это письмо и убирайтесь отсюда!

Она ударила по клавише на пульте, схватила выскочившее письмо и швырнула его в Хэнка, затем повернулась и исчезла из поля зрения.

Хэнк обеспокоенно подобрал письмо. Это был весьма официального вида пакет, разукрашенный марками, штампами и гербовыми печатями, адресованный: «Гемлин-3, до востребования, майору Х. Шалло».

— Подождите! — заорал Хэнк, просунув голову в окошко. — Понимаете, я числюсь в резерве...

Но комната за окном была пуста.

С понурым видом Хэнк побрел на свой небольшой, но мощный разведывательный корабль «Атеперьнетуж». Сидя в кресле в крошечной рубке, одновременно служившей ему спальней, он сорвал печати с пакета, достал его содержимое и пробежал глазами начало:

«В соответствии с решением штаб-квартиры Дальних Космических Полетов, Ки Уэст, Земля (см. приложение)...»

Хэнк взял вышеупомянутое приложение. Оно оказалось служебной запиской от Джанифы Вильямс, одного из директоров ДКП, с таким завуалированным едким остроумием, что лишь Хэнк мог почувствовать его укусы. «Сколько опасна женщина,— подумал он,— считающая, что ее отвергли. Опаснее змеи!»

Хэнк вовсе не пренебрег Джанифой Вильямс, когда его отозвали на Землю для фотографирования на рекламные плакаты,— в ту пору разворачивалась кампания по вербовке пилотов-разведчиков. Он бы никогда не пренебрег столь великолепным образчиком женственности, воплощенной в блондинке.

Просто он не собирался менять свой корабль на кабинетную работу. Джанифа не смогла этого понять. Хэнк вздохнул. Теперь в служебной записке она писала, что, поскольку Х. Шалло, П-Р 349275, уже проявил способность к неортодоксальным и высокоэффективным действиям (еще один укол по поводу захвата Хэнком первого представителя Юнарко — чужой цивилизации, встреченной человечеством), штаб-квартира ДКП рекомендует его для выполнения задания Военного Ведомства.

Хэнк вернулся к приказам военных властей и только тут осознал всю остроту зубок Джанифы. В документе сообщалось, что с некой недавно заселенной планеты Корона, квадрант два, наклонение... и т. д. и т. п., доложили о создавшемся чрезвычайном положении и потребовали немедленной помощи ГС (Генерального Советника). По следующим соображениям (далее полстраницы занимало перечисление весьма туманных соображений) Военное Ведомство полагает ситуацию не столь серьезной, как кажется местным властям. А так как в настоящий момент незанятых квалифицированных ГС нет, решено временно наделить майора Х. Шалло полномочиями Генерального Советника и направить его на Корону для урегулирования ситуации. И т. д. и т. п.

Хэнк вздохнул. Он-то знал, почему ГС (Гений Совершенства, как еще расшифровывали аббревиатуру) вечно не хватает. Чтобы получить это звание, необходимо выполнить пять докторских работ в не связанных между собой областях

и пройти трехгодичный курс специальной подготовки. ГС получали к пятидесяти годам. В шестьдесят — семьдесят лет они становились бесценными и буквально творили чудеса, и в том же возрасте вынуждены были оставлять свою деятельность и уходить на пенсию.

«Можешь ли ты творить чудеса? — спросил себя Хэнк. — Нет. Можешь ли ты отказаться от задания? Нет. Виновна ли в этом Джанифа? Да». Внезапно, воспламененный мыслью о том, как обрадуется Джанифа его провалу, Хэнк резко выпрямился в кресле. Он ей покажет! Покажет!..

Хэнк встал и внимательно посмотрел на себя в зеркало. Что и говорить, с Генеральным Советником сходства мало. Он выглядел слишком... здоровым, скажем так.

Хэнк на миг задумался, а затем нырнул в ящик с одеждой, выудил оттуда слегка помятый цилиндр из аксессуаров фокусника (когда-то он увлекался иллюзионизмом) и, напялив его на голову, повернулся к зеркалу.

Эффект был потрясающий. Цилиндр времен Авраама Линкольна в сочетании с внешностью громилы создавал впечатление поистине невероятное.

— Ор-ригинально... — выдохнул Хэнк и для завершения картины зажал под мышкой книгу французских сказок. — Фабльо, — скрипуче объявил он своему отражению. — Моя узкая специализация. Да. Супстоун¹. Генри Авраам Супстоун. Что? Ну разумеется, друг мой! Уж и не помню, сколько лет я ГС. Так в чем же ваша проблема? Ха-ха! Ерунда. Дайте-ка мне...

«А почему бы и нет?» — подумал Хэнк, готовя корабль к отлету. Разве в Военном Ведомстве не считают, что местные власти на Короне переоценили серьезность положения? Возможно, там вообще нечего делать.

Он ввел координаты Короны в блок памяти Библиотеки, расположился поудобнее и взял мажорный аккорд на издававшей виды гитаре.

«Я лишь простой странник!..» — душераздирающим, но исполненным решимости голосом орал он в звуконепроницаемой каюте корабля.

¹ Похлебка из камней (англ.). (Примеч. пер.)

К моменту прибытия на Корону Хэнк прочитал все сказки. Больше всего ему понравилась первая — «Похлебка из камней». Кроме того, при помощи Библиотеки он разузнал все, что мог, о методах работы ГС и о самой планете Корона. Увы, на сей раз менторский тон информирующей Библиотеки не оказывал успокоительного действия. Единственной пользой, которую могла извлечь для себя такая сравнительно необразованная личность, как Хэнк, было безграничное уважение, питаемое людьми к ГС. Генеральный Советник, разъяснила Библиотека, всегда обязан поддерживать веру в свою способность справиться с любой задачей. Хэнк постарался это запомнить.

Еще один отрезвляющий факт привлек его внимание. Корона находилась на границе владений Земли и Юнарко. Официально — и не только официально — народы Земли и Юнарко поддерживали мирные отношения с тех пор, как Хэнк доставил на Землю полоненного юнарко и искусные лингвисты совладали с языком чужака. Да иначе и быть не могло. Только последний идиот мог не уважать суверенитета уже заселенных миров или допустить открытое столкновение. Развязав межзвездную войну, обе расы лишь уничтожили бы себя, так ничего и не решив.

С другой стороны, существовали иные формы конкуренции, без применения оружия. Обе цивилизации интересовал один тип планет. Если люди будут вынуждены отказаться от Короны и ею завладеют юнарко, то результат будет равнозначен проигранной битве. Добровольная сдача планеты может натолкнуть чужаков на опасные идеи и перейти в губительную привычку.

Хэнк был поглощен этой проблемой, когда раздался звонок и заговорила Библиотека:

— Посадка произведена. Нас встречают.

— Ага!.. — Хэнк вскочил, напялил цилиндр и зажал под мышкой сборник сказок.

Напустив на себя важный вид, он открыл люк и спустился по лесенке. Его поджидал мускулистый, легко одетый молодой человек. Расстегнутая рубашка демонстрировала загорелую шею и волосатую грудь. Голубые глаза под копной каштановых волос оценивающе смерили ширину

плеч гостя. Хэнку был знаком этот взгляд. А все потому, что для кое-каких драчливых индивидов Хэнк олицетворял собой ходячий вызов. Вероятно, причина крылась в его комплекции... Хэнк поспешил развеять неблагоприятное впечатление, произведенное его внешностью, и попытался добродушно улыбнуться.

Такое поведение обескуражило молодого человека.

— Вы ГС?! — рявкнул он, потрясенный до глубины души.

— Э-э... Он самый! — выпалил Хэнк. — Хэнк Авраам Супстоун. Генеральный Советник с многолетним стажем. Фабльо. Моя специализация. Если желаете взглянуть на документы...

— Черт с ними! — гаркнул молодой человек, глубоко раня Хэнка, изготовившего по пути убедительный комплект фальшивых удостоверений. — Меня зовут Джо Блэйн. Идемте, вот мой слайдер.

Они прошли к мощной открытой машине на воздушной подушке. Такими экипажами обычно пользовались жители недавно заселенных планет — они предназначались для пересеченной местности. Мотор взревел, выплюнув облако ядовитого дыма, и пошла отвратительная вонь какого-то растительного дистиллята, используемого в качестве топлива. Экипаж судорожно рванулся с места и понесся к виднеющимся вдали зданиям. Хэнк отчаянно вцепился в сиденье.

— Итак, вы — ГС? — выкрикнул Джо Блэйн, когда они оставили позади выжженную поверхность посадочного поля и оказались на неровной поверхности вспаханного поля. Дорог на Короне явно еще не было. Скорость достигла ста двадцати километров в час.

— Совершенно верно! — заорал в ответ Хэнк, продолжая улыбаться, несмотря на ветер, и придерживая одной рукой цилиндр.

— В таком случае о спаджиях вам все известно?

— Э... абсолютно все! Занимаюсь ими не один год!

Джо оторвался от руля и изумленно оглянулся. Хэнк сглотнул и расплылся в улыбке, надеясь, что его ошибка, где бы он ее ни допустил, будет сочтена шуткой. Джо не

улыбнулся в ответ. И Хэнк решил про себя по возвращении на корабль непременно узнать, что такое спаджии.

— Н-да? — протянул Джо.— А как насчет юнарко?

— О, превосходно! — обрадованно гаркнул Хэнк, обретая почву под ногами.— Между прочим, я — первый человек, который встретился с одним из них...— Он осекся, увидев пораженный взгляд поселенца, и тут же сообразил, что уж на границе-то каждому известно, что первым с юнарко столкнулся пилот-разведчик (естественно!).— Если можно так выразиться! — торопливо добавил Хэнк, снова широко ухмыляясь.

Теперь во взгляде Джо Блэйна сквозило явное недоверие. До самой остановки у какого-то трехэтажного здания, напоминающего официальное учреждение, он не проронил ни слова.

— Сюда,— коротко бросил Джо Блэйн, провел Хэнка по крутой лестнице на третий этаж и открыл внутреннюю дверь пустой приемной.

В кабинете находилось несколько человек разного возраста, одетых так же просто, как Блэйн.

— Вот и вы! Рад приветствовать вас, мистер... э...— воскликнул низенький кругленький мужчина, бросаясь навстречу.

— Супстоун. Хэнк Авраам Супстоун,— представился Хэнк.

— Я временный глава Планетного Комитета Джеральд Бар. Позвольте представить вам: Уильям Грэссом, Арви Тилт, Джейк Блокин... и, наконец, моя дочь, временный секретарь нашего Временного Комитета Ева Бар.

— Страшно рад! — заюлил Хэнк при виде молоденькой хорошенькой блондинки с улыбчивым лицом и стройной фигурой, подчеркнутой облегающим желтым комбинезоном.

— Это я рада — познакомиться с настоящим Генеральным Советником! — возразила она.— Мы не ожидали, что вы окажетесь таким молодым, мистер Супстоун.

— Не так уж он молод,— раздался сзади неприятный голос Джо Блэйна.— Годами изучал спаджии. Сам мне так сказал.

— Джо! — Ева бросила на молодого поселенца сердитый взгляд.

— В самом деле, Джо,— укоризненно заметил Джеральд Бар.— Ты, должно быть, ошибся.

— Нет, не ошибся.

— Джо! — Ева повысила голос.

— Нечего твердить мне «Джо, Джо»! Говорю вам, как было. Кроме того, он заявил, что первым среди людей встретился с юнарко. Пожалуй, нам все-таки стоит взглянуть на его документы, что бы вы там ни болтали о приличии и манерах.

— Разумеется, нет! — запротестовал отец Евы.— Мне совершенно ясно, что тебя разыгрывали, Джо.

— Ха-ха! Да,— торопливо вставил Хэнк.— Немного пошутить, разрядить напряжение и все такое...— Он снова хохотнул, дружески толкнув локтем Бара.

Джеральд Бар засмеялся. Люди вокруг засмеялись. Ева громко и заливисто смеялась, и в ее серебристом голосе проскальзывали нотки презрения, когда она кидала взгляд на Джо. Джо не смеялся.

— Ха-ха! Ну, хватит,— успокоился Бар,— давайте перейдем к делу. Мы гарантируем вам единоклубную помощь. Единоклубную! Вы не найдете на Короне никого, кто отказал бы вам в поддержке. Пятнадцать тысяч душ в вашем полном распоряжении, мистер Супстоун.

— Благодарю вас.

Хэнк с удовольствием включил бы в это число Еву Бар, но тут же взял себя в руки, уселся за ближайший стол и сосредоточенно нахмурился.

— Ну, так в чем же ваша проблема?

Все разом загалдели.

— Тихо! — прикрикнул Джеральд Бар. Шум прекратился, и толстенный временный глава Временного Комитета продолжил: — Наши спаджии сгнивают прежде, чем мы успеваем извлечь из них сок. Это культура Юнарко, и мы не знаем, как правильно с ней обходиться, а эксперт с Юнарко, которого они прислали, не может или не хочет ничего объяснить. Люди думают, что они попросту собираются выжить нас и занять планету. Никто не желает быть

членом Комитета или его постоянным председателем. Никто не знает, как справиться с делами, никто не хочет брать на себя ответственность. Первый Банк Короны только что закрылся. Дистиллят сока спаджий стоит больших денег, но так как мы его не вывозим, нам не дают кредита. Межпланетные транспортные корабли вот-вот отправятся восвояси пустые и никогда больше к нам...

— Достаточно.

Хэнк остановил поток слов царственным движением руки. Он лихорадочно вспоминал все, что вычитал о ГС в Библиотеке своего корабля. Колонисты благоговейно замерли.

— Мне ясно,— важно изрек Хэнк,— что нужно ознакомиться с положением. Да, я произведу обследование.

По комнате пронесся облегченный вздох. Хэнк снова поднял руку.

— Мне необходимо изучить все лично. Во-первых...— он на миг задумался,— я бы осмотрел одну из спаджиевых ферм.— Его взгляд блуждал, пока не остановился на Еве Бар.— Если бы меня кто-нибудь мог сопровождать...

— Я с удовольствием покажу вам,— вызвалась Ева.

— Нет! — сказал Джо.

— Уж позволь мне...

— Ну-ну,— проворковал Хэнк, поднимаясь. Он взял со стола катушку французских фабльо в книгоскопе, сунул книгоскоп в карман и подошел к уставившимся друг на друга молодым людям.— Не надо ссориться...— Он участливо опустил свою волосатую руку на мягкое плечо Евы.

— Убери лапы! — взревел Джо и замахнулся кулаком.

Хэнк выпустил плечо девушки и в испуге отпрянул, при этом неловко оступившись и наваливаясь прямо на Джо. Одна из его заплетающихся ног прижала левую ногу Джо к полу, а другая с налету ткнулась в его колено. Джо повалился назад. Хэнк, судорожно в него вцепившийся, совершенно случайно, пытаясь сохранить равновесие, тремя сжатыми пальцами левой руки ударил Джо в живот, под грудную кость, а кулак его правой руки по чистому совпадению совместился с ухом Джо в тот момент, когда Джо с грохотом ударился головой о пол.

Все сгрудились над Хэнком, принося извинения, могли ему подняться и заботливо усадили в кресло. Забытое тело Джо Блэйна осталось лежать на полу.

— Воды...— выдохнул Хэнк, откинув голову в нежные руки Евы. Принесли воды. Он немного отпил и слабо улыбнулся.

Джо Блэйн начал проявлять признаки жизни. Он зашевелился, открыл глаза и попытался сесть.

— Что сс-слу-чилось?..— запинаясь, пробормотал он.

— Ох, Джо! — воскликнула Ева, внезапно обратив внимание на молодого человека. Она устремила к нему и вдруг застыла, гневно сверкнув глазами.— И ты еще спрашиваешь! Как смел ты поднять руку на мистера Супстоуна! Поделом тебе, что ты споткнулся и упал!

— Мы запрем его, мистер Супстоун! — прорычал Джеральд Бар.

— Нет-нет...— проговорил Хэнк, с трудом поднимаясь на ноги.— Неожиданный всплеск... нельзя винить. Нужен каждый человек.— Он повернулся к Еве: — Пора идти. Если вы не откажетесь показать мне...

— Разумеется! — с чувством заявила Ева, кинув убийственный взгляд на Джо.— Обопритесь на меня, мистер Супстоун. Так вам будет легче.

И они вышли.

— Ненавижу Джо Блэйна! — кричала Ева немного позже, когда они неслись к выбранной ею ферме.— Я просто терпеть его не могу!

— Неужели? — проорал в ответ Хэнк, одной рукой придерживая цилиндр, а другой ухватившись за поручень машины.

Вероятно, езда на полной скорости через все препятствия вошла на Короне в привычку. Хэнк подпрыгнул, когда машина налетела на слишком крупный для воздушной подушки камень. Они мчались со скоростью сто шестьдесят километров в час.

— Да! — продолжала Ева.— Не выношу самоуверенных типов! С такими способностями — и не желает их исполь-

зовать! Ведь просили его стать вместо моего отца временным председателем Комитета, а он только спрашивает в ответ: кто же был им в прошлом году? Вы видели когда-нибудь такого эгоиста?

— Ну... э... — промямлил Хэнк.

— И я тоже! Это отвратительно — ведь он такой умный! Пять лет учился агроагрономии; один из первых пробовал выращивать спаджии, когда у нас появились семена. Это было после первого соглашения с Юнарко в прошлом году...

Она внезапно замолчала.

— Но зачем я это вам рассказываю? Вы ведь все прекрасно знаете!

— Что вы, что вы! — искренне запротестовал Хэнк. — Я всегда слушаю очень внимательно. Глядишь, и узнаешь что-нибудь новое.

— О! — воскликнула Ева. — Если бы у Джо была хоть десятая часть вашей непредубежденности! Вашего здравомыслия! Вашего... Вот мы и приехали!

— Куда? — изумился Хэнк.

Но они уже проскочили поле зеленых растений с налитыми соком плодами, чрезвычайно напоминающими огромный виноград, и резко затормозили у фермы. Хэнк неуверенно ступил на твердую почву и побрел за Евой в дом, представляющий собой нечто среднее между амбаром и теплицей. Там, в помещении, представляющем собой нечто среднее между кухней и лабораторией, они нашли гномообразного старика, аккуратно переливавшего зеленую жидкость из большой мензурки в маленькую. Тут же стояло устройство, определенно смахивающее на перегонный аппарат.

— Джошуа, — начала Ева, — это мистер Супстоун...

Гном немедленно оставил свое занятие и принялся прыгать вокруг них, гневно потрясая кулаками.

— Знаю! Знаю! — закричал он надтреснутым голосом. — Генеральный Советник! Твой папаша прожужжал о нем все уши. Так вот, мне он не нужен! Мне нужен грузовик. Ты меня слышишь?

— Джошуа! — строго произнесла Ева.— Пока мистер Супстоун не разберется, грузовиков не будет. Да и все равно, твоя очередь только во вторник.

— Во вторник! — завизжал Джошуа.— У спаджий нет календаря! Разве я могу попросить их до вторника не созреть? — Он схватил маленькую мензурку с зеленой жидкостью и без предупреждения сунул ее под нос Хэнку: — Попробуйте!

В маленькой мензурке жидкости было немного, на самом дне. Хэнк покорно принял сосуд, взболтнул и выпил одним глотком, отодвинув пальцем в сторону какую-то ничемную пипетку, легкомысленно позабытую старикашкой.

Жидкость оказалась превосходной на вкус. Хэнк сглотнул и вдруг заметил, что Ева и Джошуа застыли, уставившись на него с диким ужасом. Он открыл рот, чтобы поинтересоваться, что случилось, и тут небо его запылало, пищевод раскалился добела, а в животе разорвалась ядерная бомба.

«Отравили!» — мелькнула мысль. Хэнк открыл рот, чтобы попросить воды, но голос ему не повиновался, связки словно парализовало. Глаза его заматались по комнате в поисках воды и остановились на пустой пивной бутылке возле перегонного аппарата. Он сделал слабое движение в том направлении.

— Пива... — наконец хрипло выдавил он, судорожно дернувшись.

Джошуа очнулся, пересек комнату, достал из холодильника бутылку пива, открыл и, не говоря ни слова, поднес Хэнку. Хэнк опрокинул ее над открытым ртом. Как все пилоты-разведчики, он привык пить пиво глотками: глоток — и бутылка пуста. Но никогда еще ему не приходилось пить пиво с таким удовольствием. Пожар внутри утих.

— Что ж, — заговорил Хэнк, а потом моргнул и снова замолчал, потому что по комнате разлилось золотое сияние и пол закачался. Хэнк еле подавил внезапное желание запеть.— Очень хорошо, — произнес он, с крайней осторожностью передавая Джошуа мензурку и бутылку.

— Должно быть... — хмыкнул Джошуа и многозначительно посмотрел на Еву. — Мне кажется, вы уже готовы решить все наши проблемы, не так ли, мистер Супстоун?

— Абсолют... абс... да, — ответил Хэнк, внезапно почувствовав влечение к односложным словам. И, тщательно выговаривая, добавил: — Вы не получаете вовремя грузовики?

— Мои зрелые спаджии гниют на корню, вот что! — мгновенно распалился Джошуа. — А если убирать незрелые, то они портятся в хранилище. Вот вы попробовали этот суперконцентрат бренди — да ведь здесь целое состояние гибнет! А я ничего не могу поделать, потому что они не дают мне грузовиков когда следует.

— Ясно, — осторожно произнес Хэнк непослушным голосом. — Секрет Юнарко...

— Секрет?! Это они вам в городе наболтали? — вскричал Джошуа. — Сорванные незрелыми, спаджии не дозревают — вот в чем секрет! Грузовики должны приходить когда нужно — вот в чем секрет!.. И что вы намерены предпринять?

— Наладим, — обнадежил Хэнк.

— Как? — ехидно поинтересовался Джошуа. — Нельзя ли сообщить мне?

— ГС-прием. — Хэнк боролся с икотой и цедил слова сквозь стиснутые зубы. — Супстоуновский метод. Сам разработал. Невозможно объяснить. — Золотое сияние становилось нестерпимо ярким, а пол раскачивался так, будто хотел свалить Хэнка с ног. — Подайте доклад о перебоях с транспортом. Доставить мне. До свидания. Идем, Ева.

Не дожидаясь ответа девушки, он повернулся, вышел за дверь и, даже не упав — настолько был осторожен, — сумел занять свое место в машине. С другой стороны села Ева, рядом с ней стоял Джошуа.

— Джош... — Слова давались Хэнку с трудом. — Чтоб завтра доклад...

— Будет, — доплыл сквозь золотой туман голос Джошуа. Хэнк уселся поплотнее и нахлобучил на лоб цилиндр.

— Думаю. Не беспокоить,— пробормотал он, наклоняясь к Еве.

Уже из совершенно непрозрачной золотой мглы донесся рокот Джошуа.

— Эквивалент половины литра бренди,— говорил тот.— Одним залпом. И запил пивом. Ты последи за ним.

— Еще чего! — ответил голос Евы.— Откуда мы знаем, как думает ГС? Может, это часть того самого супстоуновского метода!

«Чудесная девушка...» — подумал Хэнк и почувствовал, как машина тронулась. Он сомкнул веки, расслабился и позволил захлестнуть себя золотым волнам.

После этого он смутно ощущал несколько остановок. Человек, каким-то образом связанный с транспортом, размахивал кулаками и орал что-то насчет хранилищ. Человек, связанный с хранилищами, стучал по столу и ревел про банковскую систему. И был еще один человек, разводящий пухлыми руками, который жаловался на отсутствие твердой власти и планирования. За этим последовал длительный период полного забытья и, наконец, дурной сон о юнарко, пытавшемся с ним заговорить.

Хэнк проснулся и обнаружил, что это не сон. Над ним, что-то лопоча, склонилось толстошее, безволосое, лишенное подбородка создание. Из черного ящика на колесиках звучал перевод.

Хэнк тряхнул головой, и тут до него дошло, что он сидит на койке, непонятным образом очутившись в том самом кабинете, где вчера встретился с отцом Евы и прочими — если только это было вчера. В окна врывались лучи утреннего солнца. В таком освещении юнарко со своими щупальцеобразными конечностями казался особенно несимпатичным. Хэнк привычно сжал голову руками, но через секунду выпрямился.

— Никакого похмелья! — изумился он и уставился на юнарко: — А ты кто такой?

— Я ваш...— забубнил черный ящик и сделал паузу,— помогатель.

— Кто-кто? — переспросил Хэнк.

— Помогальник? Небольшой ассистент?..— Ящик заткнулся.

Юнарко молча протянул фильмоскоп. Хэнк поднес его к глазам и увидел письмо:

«Отдел надзора
III К, Вашингтон, ОК, Земля.
Всем, кого это может касаться.

В связи с тем, что советники по культуре и управлению приравниваются Юнарко к советникам по военным вопросам и их присутствие на планете, известной под названием Корона, является тем самым оскорблением для колоний Юнарко, уже наличествующих в данном звездном секторе, вышеназванные советники не допускаются на вышеназванную планету, а их функции выполняет представитель Юнарко, назначенный на Корону в интересах сотрудничества.

Население Короны обязано оказывать всяческую помощь и почет подателю настоящего письма, представителю Юнарко.

*Исполнитель: 5763
ГС. III-K».*

Письмо скрепляла незабываемая тройная печать ГС. Хэнк опустил фильмоскоп и задумчиво посмотрел на чукака.

— Ага! — протянул Хэнк. — О-го-го! Помогальник... чего же ты сразу не объяснил? Ладно, ладно, не обращай внимания, — торопливо добавил он. — Ну уж коли ты здесь, хотелось бы мне знать, что ты думаешь по поводу неудач со спаджиями?

— Человеческой расе, — монотонно затарахтел ящик, — не хватает одной вещи, для которой нет слова в вашем языке. Это такое качество духа, без которого успех во спаджиеводстве немыслим. Следовательно, вас ждет провал. Люди, возвращайтесь домой.

— Вот как?.. Мне почему-то казалось, что ты так и скажешь. Теперь все ясно.

Хэнк поднялся и покатил черный ящик к выходу; юнарко вынужден был следовать за ним.

— Оставьте ваши координаты моей секретарше. Я вас вызову,— любезно попрощался Хэнк, открыл дверь и вытолкнул ящик и его хозяина. При этом он заметил, что в приемной за столом с бумагами сидит Ева, а на нее яростно уставился Джо Блэйн.

— А, моя утренняя почта! — широко улыбаясь, воскликнул Хэнк.— Доброе утро, Джо. Ева, зайдите ко мне... Сейчас, одну минуту, Джо. Счастливо, э-э... помогальник. Надеюсь, мы с вами как-нибудь поужинаем... Пожалуйста, Ева.

— Ну, что тут было? — нетерпеливо спросил он, закрывая дверь.

— Пришли все доклады, которые вы просили подготовить. Возможно, мне не следовало впускать юнарко? Но у него было это письмо, и он действительно нам очень помогает. Открыл курсы глубокого дыхания и ежедневно дает в городе концерт инопланетной музыки.

— Неужели? — ахнул Хэнк.

— Да-да. Чтобы развить в нас необходимый дух для выращивания спаджий. Он нам помогает,— обескураженно продолжала Ева,— а дела идут все хуже и хуже. Ох уж этот Джо!

— А что такое?

— Вы представляете?! — возмущенно затараторила Ева.— Он всерьез сомневается, что вы настоящий ГС. Говорит, что ни один человек, посвятивший свою жизнь наукам, не мог бы так его уложить. И вовсе вы его не уложили! А когда я ему об этом сказала, он совсем обезумел и не стал со мной разговаривать. Послал на Землю запрос относительно вас. Он говорит, ему должны сообщить всю правду! А если вы и в самом деле не тот, за кого себя выдаете, по его словам, каждый будет только рад помочь ему вздернуть самозванца на фонаре после всех наших мучений.

— Да? — криво улыбнулся Хэнк.

— Да. Я объяснила ему, как все глупо, что подобным запросом он лишь подорвет к нам доверие. Да и ответ придет не раньше одиннадцати часов вечера. Но,— вздохнула Ева,— надо знать Джо. Ему хоть... Что случилось?

— Одиннадцать... то есть я хотел спросить,— лихорадочно забормотал Хэнк,— который час?

— Скоро полдень.

— О-о! — простонал Хэнк в лучшей супстоуновской манере.

— В чем дело? — встревожилась Ева.

— Совершенно забыл! Мне же к утру надо быть на Гемлине-3. Просто вылетело из головы! — казнил Хэнк, вытирая лоб.

— А наши беды? — вскричала Ева.

— Конечно, конечно... Но ГС нужен всем. Нельзя быть эгоистами, разве не так?

И он снова вытер лоб.

Глаза Евы наполнились слезами.

— У других людей,— смущенно продолжал Хэнк,— тоже есть проблемы.

Ева начала всхлипывать.

— Ну, естественно, я вам запланирую кое-что... Наставлю, так сказать, на путь истинный... Я имел в виду, что не могу все сделать за вас. Просто дам указания... А выполнять вы будете сами.

— О, благодарю вас! — воскликнула Ева, лучезарно улыбнулась, обвила шею Хэнка руками и поцеловала его.— Вы все наладите перед отлетом? — Она снова поцеловала его.— Да? Да?

— Положитесь на меня. Абсолю... Куда же вы? — спросил Хэнк, переводя дух.

— Сообщить Джо. Это его кое-чему научит. Ох, вам что-нибудь нужно?

— Нужно? Конечно, мне...— Хэнк замолчал, с трудом взяв себя в руки.— Мне нужен завтрак — бекон и яйца, если у вас найдется. И побольше черного кофе. Пришлите сюда, в кабинет. Кроме того, мне понадобится абстрактер. У вас есть абстрактер?

— Вычислительное устройство, делающее выдержки из письменных материалов? По-моему, есть.

— Отлично. И пожалуйста, побудьте в приемной. Никаких посетителей, кроме тех, кого я сам буду вызывать. Ясно?

— Ясно! — воскликнула Ева и радостно выпорхнула из кабинета.

Когда дверь за ней закрылась, Хэнк тяжело вздохнул, посмотрел на кипу бумаг в руке и сел за письменный стол. Он взял первый доклад от Джошуа, жаловавшегося на плохую работу транспорта, и попробовал прочесть. Доклад был полон терминами типа «полупериод созревания» и «кислотно-почвенный рацион». Хэнк все еще сражался с текстом, когда Ева принесла завтрак и абстрактер.

Он загрузил бумаги в абстрактер и накинудся на еду. Хэнк едва разделался с завтраком и налил себе третью чашку кофе, как появились результаты. Первое же заключение — по докладу Джошуа — имело для него не больше смысла, чем сам доклад.

Хэнк включил селектор:

— Ева, не могли бы вы позвать ко мне вашего отца?

Через пятнадцать минут явился Джеральд Бар. Не говоря ни слова, Хэнк протянул ему заключение абстрактера по докладу Джошуа.

— Ну,— бодро сказал он, когда тот прочитал,— какой вы можете сделать вывод?

— Э...— неуверенно проговорил Бар,— я-то сам не фермер, но... В общем, мне кажется, нам необходим диспетчер, который координировал бы работу транспорта и отправлял грузовики куда нужно в данный момент. Человек, который разбирался бы и в организации перевозок, и в спаджиноводстве.

— Превосходно! — одобрил Хэнк.— Вы сразу постигли самую суть. Я, собственно, и не сомневался, но, разумеется, должен был проверить.

— Разумеется,— потупился Бар, слегка покраснев от удовольствия.

— Я, конечно, могу справиться сам,— продолжал Хэнк,— однако, как вам уже, вероятно, сказала Ева, у меня

мало времени. Поэтому мне необходим помощник. Кого вы можете рекомендовать?

— Джек Уолленс! — воскликнул Бар.— Он фермер, но на Земле был экспедитором.

— Отлично! — обрадовался Хэнк.— Вызовите его сюда.

Немного погодя пришел Джек Уолленс — худощавый загорелый мужчина лет тридцати пяти с серьезными глазами. Хэнк передал ему бумагу.

— Не выйдет,— сказал Джек, прочитав заключение.— Откуда взять столько грузовиков?..

— Вот и я об этом подумал! — одобрительно кивнул Хэнк и повернулся к Бару: — Поздравляю, у вас замечательные люди. Вы ни на йоту не преувеличиваете их достоинств. Ну,— вкрадчиво проговорил он, снова обращаясь к Джеку,— предположим, что этот вопрос задали вам. Где бы вы достали грузовики? — И он выжидательно склонился над столом. Бар также напряженно подался вперед.

Оказавшись на перекрестии двух пар глаз, Джек Уолленс машинально поправил воротник.

— Ну...— он замялся,— можно брать их, чередуя дни, у городских служб...

— Вот! — откинувшись на спинку стула, воскликнул Хэнк тоном человека, который услышал то, что ожидал услышать.— Да, совершенно верно!

— Верно! — энергично подхватил Джеральд Бар, хотя глаза у него слегка округлились.

— Так,— обратился Хэнк к Уолленсу.— Вы, разумеется, знаете, с кем вам пришлось бы работать?

— С Гербом Колайти. Мы всегда вместе. Ему известно, что на Земле я был экспедитором.

— Безусловно. Ева,— сказал Хэнк, включив селектор,— свяжитесь, пожалуйста, с Гербом и попросите его прийти сюда. А? Колайти, естественно. Герб Колайти. Я, должно быть, невнятно говорю... И пусть поспешит.— Он отпустил кнопку селектора и повернулся к Уолленсу: — Как только придет Герб, вы с ним засядете за план. Отныне вы оба возглавляете Отдел транспортировки.— Он торжественно пожал Уолленсу руку.— Поздравляю!

После чего повернулся к Джеральду Бару и пожал руку и ему.

— Не могу выразить,— провозгласил Хэнк,— как приятно видеть, с какой легкостью ваши сотрудники подхватывают все мои идеи.— Он замолчал и взял из кипы бумаг следующее заключение.— Разберемся с банковским кредитом...

Весь день и вечер обитатели Короны вливались и выливались из кабинета Хэнка. Наконец, когда громадная яркая луна озарила планету серебристым светом, бурный поток сузился до ручейка, а вскоре вовсе иссяк.

— Уф,— в изнеможении простонал Хэнк и страдальчески улыбнулся над краем двадцать третьей чашки кофе Еве и ее отцу, которые только и остались в кабинете.— Полагаю, с восходом солнца вы увидите, что все ваши беды кончились... э... так или иначе. Выполняя мои указания, помощники, которых я назначил и проинструктировал, вполне могут справиться с задачей.

— Это потрясающе, мистер Супстоун! — выпалил Джеральд Бар. Он весь день бегал по разным поручениям и только что вернулся с последнего задания.— Наблюдать ГС за работой — это... это поразительно! И как вы все удерживаете в голове — с одного взгляда узнаете нужного человека, определяете место...— Ему не хватило слов, и он просто восхищенно покачал головой.

— О да! — подхватила Ева, восторженно глядя на Хэнка.— И всего лишь за один день! А мы бились над всем этим с тех самых пор, как начали разводить спаджии! Это... это... грандиозно! Право же, это превышает человеческих сил!

— Ну что вы,— потупился Хэнк.

— Нет, мистер Супстоун,— твердо сказал Бар,— Ева права. Позвольте и мне сказать. Наблюдая сегодня за вашей работой, я буквально чувствовал, как вы излучаете какие-то флюиды, какую-то огромную энергию, сразу ставящую все на свои места.

— Пожалуйста, прошу вас...— Хэнк протестующе поднял руку и встал.— Мой долг, всего лишь мой долг. Ну, как ни жаль покидать ваш очаровательный мир...

— Но мы не можем позволить вам уехать просто так! — Джеральд Бар вскочил и бросился наперерез Хэнку, устремившемуся к двери, улице, космопорту и открытому космосу.— Мы хотели выразить свою благодарность... маленький сюрприз... Банкет в вашу честь.

— Банкет? — Хэнк метнул взгляд на часы. Стрелки приближались к десяти. Он сделал слабую попытку вырваться от Бара.— Я не могу. Нет... Нет...

— Да-да,— раздался голос с порога.

Подняв глаза, Хэнк увидел Джо Блэйна с чрезвычайно знакомым книгоскопом. Вместе с ним вошли двое крепких молодых колонистов. Из-за их спин выглядывал юнарк.

— Мы настаиваем, не так ли, ребята?

Ребята ухмыльнулись и закивали.

— Джо, где ты был? — потребовала Ева.— И какое отношение вы имеете к банкету?

— Подожди, увидишь,— мрачно пообещал Джо и вперился взглядом в Хэнка.— Вы уже не думаете отказаться?

— Теперь, пожалуй, нет,— решил Хэнк.— Определенно нет.

Спускаясь на улицу, Хэнк оказался между двумя молодыми людьми, а при посадке в слайдеры его каким-то образом отрезали от Евы и ее отца.

Они помчались к большому, ярко освещенному зданию.

— О! — заискивающе обратился Хэнк к одному из молодых людей, указывая на приборную доску.— Машина без ключа! Я вижу, вы здесь доверяете друг другу?

— Мы — да,— прорычал молодой человек.— Не было еще на Короне нечестного человека. До сих пор. Но ведь все когда-нибудь случается в первый раз, верно, Гарри?

— Верно,— подтвердил Гарри, вертя в руках кусок веревки с завязанной петлей.— Все.— Он сунул палец в петлю и выразительно затянул.

Машины остановились у освещенного здания. Хэнка окружили и буквально внесли на второй этаж, в большое помещение с длинным обеденным столом, накрытым человек на двадцать. Почти все были в сборе и, увидев вошедших, поднялись и зааплодировали Хэнку.

— Речь! Речь!

Когда Хэнк, не переставая раскланиваться, занял свое место за длинным концом стола, все снова зааплодировали.

— Э... друзья мои,— начал Хэнк, из последних сил изобразив на лице ослепительную улыбку.— Хотя я и не привык...

— Достаточно! — раздался громкий голос Джо Блэйна с другого конца стола. Все обернулись к нему. Он держал над головой книгоскоп.— Прежде чем продолжить банкет, я бы хотел сообщить кое-что про вашего почетного гостя. Так вот, этот книгоскоп я нашел у него в кармане прошлой ночью, когда он, мертвецки пьяный...

— Джо! — крикнула Ева.— Это неправда! И потом, ты украл...

— Неужели?! «Кто украл доброе имя — ничего не украл», — кажется, так говорится у Шекспира или у кого-то там еще? Я с самого начала не доверял этому Супстоуну, но вы были так уверены, что это долгожданный ГС и панацея от всех бед! — Он обвел присутствующих горящим взглядом.— Вы вели себя подобно сопливым детишкам, нуждающимся в няньке. Вы пальцем о палец не ударили, поэтому пришлось действовать мне. Я отправил запрос на личность этого Супстоуна, но он узнал об этом,— Джо метнул взгляд на Еву,— и собрался смыться до получения ответа. И мне пришлось обходиться подручными средствами. Да, я рылся в его вещах и кое-что нашел. Например, книгоскоп. Вы знаете, что это?! — гневно закричал он.— Всего лишь сборник французских сказок! Вы, вероятно, думали, что это какой-нибудь теоретический трактат,— точно так же, как вы думаете, что он решил все проблемы, заставив вас называть друг друга опытными специалистами! Так вот, это сборник сказок! И вы знаете, как называется первая? «Похлебка из камней»!

Люди за столом ошеломленно загалдели и повернулись к Хэнку. Тот улыбнулся и снисходительно пожал плечами.

— Хотите знать, о чем эта сказка? Я вам расскажу,— продолжал Джо.— О том, как цыгане — средневековый бродячий народ — странствовали по Франции в самый разгар великого голода. Люди прятали свои ничтожные крохи, чтобы их не ограбили...— Джо перевел дух и бросил испепеляющий взгляд на тот конец стола, где сидел Хэнк.— Так вот, цыгане собрали крестьян, пообещав им приготовить похлебку из камней. Из самых обычных камней. Вскипятили воду в большом котле, чтобы хватило на всех, потом попробовали и сказали, что нужно добавить соли. Один крестьянин пошел и принес соль из спрятанных запасов. Потом понадобился сельдерей для аромата, и другой крестьянин выкопал свой сельдерей. Затем они попросили репу... и так далее.— Джо обвел сидящих яростным взглядом.— Вы уже догадались? Вскоре в супе было все, вплоть до мяса. И все принесли сами крестьяне. Ну, как вам нравится наш мистер Супстоун?

Он замолчал, но сидящие за столом лишь тупо смотрели на него.

— Неужели не ясно? — закричал Джо.— Все, что сделал ваш Супстоун, этот фиктивный ГС,— заставил сформулировать трудности и назвать друг друга наилучшими людьми, способными с ними справиться!

— Но Джо!..— воскликнула Ева.— Он помог...

— Ничего он не помог! — зарычал Джо, поворачиваясь к ней.— В таком случае мы могли бы обойтись сами! Ну что толку, если поставить перед человеком задачу и заявить, что он отвечает за ее решение? Должен найтись знаток, который подскажет, как решить, чтобы тот не стоял сложа руки! Если бы этот тип был настоящим Генеральным Советником, он все бы сделал самостоятельно и остался бы до конца, пока не взлетят танкера с соком спелых спаджий! — Джо перевел дух и угрожающе потряс книгоскопом.— Но он не настоящий ГС! Он ничего не умеет — поэтому и сматывается. А то, что он сматывается, лишь подтверждает, что он мошенник!

Джо стукнул кулаком по столу, и книгоскоп в его руке разлетелся вдребезги. Все глаза устремились на Хэнка, который укоризненно покачал головой и начал пробираться к двери.

— Мистер Супстоун! — взмолилась Ева. — Это ведь неправда! Вернитесь! Докажите ему!

Хэнк ускорил шаги. Сзади него поднялась волна тревожного ропота. Он продолжал двигаться, ни на кого не обращая внимания. Дверь была совсем рядом.

— Стой, — внезапно раздался голос Джо. — Не выпускайте его! После такого обмана...

Но Хэнк уже перестал красться и сломя голову ринулся вон. Подгоняемый нарастающим ревом погони, он пробежал по коридору, вылетел на улицу и без ключа вскочил в слайдер, на котором приехал.

Хэнк выжал полный газ, и его голова чуть не сорвалась с плеч, когда машина рванулась с места и с бешеной скоростью понеслась по улице. Он оглянулся и увидел, как выскочившие из здания фигурки бегут к слайдерам. Через секунду они уже мчались следом.

Сам Хэнк считал свою скорость самоубийственной, но, заметив, что погоня приближается, вспомнил, что подобное передвижение здесь в порядке вещей.

Он едва успел вскочить в «Атеперьнетуж» и захлопнуть люк, как в надежный корпус корабля застучали пули — оставшиеся с носом преследователи палили из ручного оружия.

Вспотевший, задыхающийся, но счастливый, Хэнк нажал кнопку старта.

Десять часов спустя, благополучно вернувшись на Гемлин-3, отдохнув, приняв ванну, переодевшись, Хэнк снова подошел к окну доставки Главного почтамта, откуда начались все его неприятности. Все та же маленькая брюнетка в окошке безглаголиво скривила верхнюю губу.

— А, это вы, — произнесла она.

— Мне сообщили на корабль, — смиренно пробормотал Хэнк, — что здесь для меня послание. Видео и звуковое.

— Да.— Она фыркнула.— Можете посмотреть его на том экране. Или дать вам ленту,— она снова фыркнула,— чтобы вы могли уединиться?

— Нет-нет.— Хэнк заискивающе улыбнулся.— Я бы предпочел посмотреть здесь.

— Но ведь тогда и я увижу...

— О, пожалуйста. Буду только рад,— он опять лстыиво улыбнулся, но попытка наладить контакт была пресечена новой гримасой хорошеньких губ,— если вы посмотрите вместе со мной.

Последние слова он едва пролепетал.

— Превосходно. Распишитесь, пожалуйста.— Девушка сунула Хэнку квитанцию, на которой он расписался, развернула экран поудобнее, так, чтобы было видно обоим, и нажала кнопку.

На экране появилось лицо Джо Блэйна. Джо пристально посмотрел на Хэнка и оскалился.

— Как вы понимаете, пришел ответ на мой запрос. Поэтому я сумел вас разыскать.

Хэнк украдкой взглянул на брюнетку, но та достала пилочку и казалась всецело поглощенной своими ногтями.

— Во всяком случае,— продолжало изрыгать слова изображение Джо Блэйна,— новая правительственная комиссия Короны, которая оплачивает этот разговор, поручила мне принести официальные извинения. Надо признать,— выдавил Джо,— что вы дьявольски умны!

Брюнетка презрительно фыркнула, Хэнк вздохнул.

— Только сегодня утром, собравшись на экстренное совещание,— продолжал Джо,— мы обнаружили, что вы действительно все наладили. Каждый был на своем месте и умел выполнять свою часть общей работы. И разумеется, оставался я...

Краешком глаза Хэнк заметил, как пилочка замедлила движение и заморгали ресницы.

—...Весьма неглупо было с вашей стороны заставить меня быть подозрительным,— цедил Джо.— Вы понимали, что если уж я возьмусь за то, чтобы выгнать вас с планеты, то не смогу бросить все на произвол судьбы. Итак, сейчас я председатель Комитета, юнарко упаковал свою музыку

и убрался домой, и мы все,— слова давались ему с явным трудом,— хотим извиниться и поблагодарить вас...

Кто-то невидимый на экране, очевидно, что-то ему сказал, потому что Джо оглянулся и снова повернулся к камере.

— Ах да,— выдавил он с фальшивой улыбкой.— Ева действительно приглашает навестить нас, если окажетесь поблизости от Короны.— Ему снова подсказали.— Да, и Ева еще хочет передать вам, что вы самый лучший ГС в мире!

Скрежеща зубами, Джо исчез с экрана.

Хэнк задумчиво покачал головой и медленно повернулся к окошку — и тут встретился взглядом с парой устремленных на него карих глаз.

— Так! — произнесла девушка.— Теперь вы еще и ГС!

— Ну как вам сказать,— обворожительно улыбнулся Хэнк.— В некотором роде.

— А мне вы вроде бы говорили, что пилот-разведчик...

— Э... Да... Если бы мы позавтракали вместе, я бы постарался объяснить...

— Если думаете, что сумеете обмануть меня...— Свирепый блеск в карих глазах на миг погас, но тут же появился вновь.— Если вы ГС, то должны были бы все знать о фальш!.. По какой теме вы специализируетесь?

— По спаджиям,— ответил Хэнк.

— Сп... спаджиям?

— Фрукт внеземного происхождения, очень ценный. Основная трудность заключается в своевременной доставке зрелых плодов с полей... Впрочем,— остановил он себя,— не стоит вдаваться в подробности и докучать вам.

Хэнк тяжело вздохнул и замолчал. Карие глаза смотрели на него выжидающе. Он снова печально вздохнул и повернулся к выходу. Но не успел он сделать и трех шагов, как сзади неуверенно прозвучал слабый голос:

— Мистер... мистер Шалло... Вернитесь...

Нежная всепрощающая улыбка легла на лицо Хэнка. Он повернулся и направился назад.

САМОЕ МОЩНОЕ ОРУЖИЕ

Это был хороший мир. Это был очень хороший мир — он заслуживал вознаграждения по классу «А». Хэнк Шалло вытер губы громадной волосатой ручищей, отодвинул чашку с кофе и ввел свой корабль на орбиту. Орбита была слегка неустойчивой — разболтались гироскопы, но Хэнк привык к вечным неполадкам, как и к тому, что температуру на кофеварке надо ставить ниже уровня, указанного в руководстве. Он включил автоматику, а сам стал искать место для приземления.

Хэнк был пилотом-разведчиком, межзвездным пионером, бойцом армии одноместных кораблей, бороздящих просторы Вселенной в поисках новых домов для человечества. Когда он в последний раз посетил Землю, его сфотографировали. На красочном стереоснимке туго подпоясанный Хэнк в свеженькой голубой форме с беззаботно расстегнутым воротником сидел у сверкающей контрольной панели. Его окружали стены опрятной крошечной кабины, на которых висели хорошо смазанное оружие и выдававшая виды гитара.

Реальность отличалась от творения искусства: Хэнк в шортах цвета хаки сидел за потускневшим старьем, именуемым пультом управления, на стенах крошечной, но совершенно неопрятной кабины в беспорядке были разве-

шаны выдавшая виды гитара, хорошо смазанная лопата, мотки провода и прочее барахло. В запертом ящике хранилось пять кусков динамита.

К девятому витку у Хэнка была полная карта планеты. Он ввел ее в корабельную Библиотеку и немного вздремнул.

Когда инстинкт разбудил его, «Атеперьнетуж» опускался на маленькую лужайку среди прелестной рощицы. Какая опасность ворвалась в его сон — неизвестно; но только что он спал, а через секунду был уже на полпути к пульта управления.

Чудовищная судорога свела корабль, Хэнка бросило на стену, и его сознание исчезло в ослепительно белой вспышке.

Хэнк очнулся с адской головной болью и с шишкой на лбу. Он тупо огляделся, вскарабкался на ноги и проковылял к аптечке, мимоходом заметив, что корабль, по крайней мере, стоит на земле. Внешний экран был включен и показывал лужайку. Пять лет тому назад Хэнк немедленно выбежал бы наружу; теперь его гораздо больше интересовал аспирин.

Приняв целительное средство и убедившись, что гитара на стене не пострадала, он повернулся все-таки к экрану и включил его на круговой обзор.

На противоположном конце лужайки стоял чужой корабль — раза в полтора крупнее, чем «Атеперьнетуж», и напоминающий творения человеческих рук лишь одной примечательной деталью: у него была турель с двумя короткими трубами, похожими на жерла орудий. Трубы смотрели прямо на «Атеперьнетуж».

Хэнк просвистел первые три ноты из «Вечером в нашем городке кое-что случится» и резко замолчал.

— Ну,— произнес он вслух немного погодя,— вероятность того, что мы оба приземлимся в одном и том же месте в одно и то же время... примерно один на сто миллиардов.

Что вполне могло быть правдой, однако никак не могло помочь.

Хэнк подошел к кофеварке и налил себе чашечку кофе. Затем включил контрольные датчики и, нисколько не удивившись, узнал, что «Атеперьнетуж» прощупывают различного рода излучениями. Мысль о пяти кусках динамита, хранящихся в запертом ящике, на мгновение появилась и тут же исчезла. Человечество встречалось с некоторыми формами жизни, которые с известными натяжками можно было бы назвать разумными, но никогда не сталкивалось с высоко-развитой космической цивилизацией.

— Кроме нового приятеля мистера Шалло,— сказал себе Хэнк.— Разумеется. Естественно. Безусловно.

Нет, эту проблему не решить при помощи взрывчатки. Чужеземец явно вооружен, а «Атеперьнетуж» нес на себе много полезных, безвредных инструментов, пять кусков динамита и Хэнка. Последний удобно расположился в кресле, с удовольствием выпил кофе и передал сложившуюся ситуацию единственному устройству, имеющему шанс с ней справиться,— пятидесяти унциям серого вещества.

Он напряженно работал с этим устройством, когда «Атеперьнетуж» начал с короткими интервалами вибрировать. Хэнк связался с корабельной Библиотекой и спросил, что она думает о последних событиях.

— Чужой корабль пытается войти в контакт,— сообщила Библиотека.

— Попробуй расшифровать код, но не отвечай — пока, во всяком случае.

Одной из самых прозаических черт его профессии — не упоминавшейся в специальном рекламном выпуске, по поводу которого Хэнка сфотографировали,— была обязанность посещать всяческие занятия, лекции и ознакомительные беседы всякий раз, когда он возвращался в штаб-квартиру. Целью их было держать его и ему подобных в курсе последних достижений науки и техники. В идеале пилот-разведчик должен знать все: от аадваркской психологии до сирианского языка. Практически, так как усвоить такой материал невозможно, в голове у несчастных оставалась дикая мешанина фактов.

Новая информация, разумеется, вводилась в кристаллы памяти Библиотеки. Что просить вспомнить — вот загвоз-

дка. Сейчас в уголках сознания Хэнка забрезжили смутные отрывки какой-то противоречивой теории: представители расы, интересующейся теми же планетами, что и человечество, действовать должны подобно людям. Но чья это теория? Хэнк закрыл глаза.

— Бандиты,— заговорил он вслух,— барбарис, беда, ботаника, бред, бром... Библиотека, «Размышления о психологии внеземных существ» Уолтера М. Бромдона.

После почти неуловимой паузы на экране появился текст:

«...Давайте теперь позволим себе отвлечься и в виде шутки рассмотрим гипотетическую ситуацию. Вы встретили на чужой планете некое существо...»

Хэнк хмыкнул и принялся читать.

Через двадцать минут он убедился: Бромдон уверен, что существо, которое сидит сейчас в корабле напротив, будет проявлять поведение, близкое к человеческому.

В этот момент громко прозвучал зуммер.

— Что это? — спросил Хэнк Библиотеку.

— Чужак пришел к выводу, что можно общаться по обычной системе связи. Он вызывает «Атеперьнетуж».

— Отлично. Выходит, и у них есть свой Бромдон. Только имя у него небось другое.

— Простите. Я не располагаю такими сведениями.

— Еще бы. Ну, переводи.

Хэнк включил приемник. Экран перед ним засветился и изобразил совершенно безволосого индивидуума с костистым лицом, широким ртом, не заслуживающим внимания подбородком и чем-то вроде свитера, закрывающего горло. Этот тип несколько долгих секунд изучал Хэнка, а затем быстро-быстро затараторил.

Хэнк, не снимая пальца с кнопки передачи, обратился к Библиотеке:

— Что он сказал?

— Недостаточно информации. Если вы поговорите с ним...

— Ни за что.

Хэнк посмотрел на чужака. Тот посмотрел на Хэнка. Так они любовались друг другом довольно долгое время.

Внезапно чужак заговорил и даже замахнулся кулаком — довольно хилым, учитывая толщину его шеи.

— Ну? — потребовал Хэнк от Библиотеки, когда фигура на экране успокоилась.

— Первое послание: «Вы арестованы».

— Это все, что он сказал?

— Для его языка характерна агглютинация.

— Ладно, — согласился Хэнк. — Продолжай.

— Второе послание: «Вы арестованы и беспомощны. Немедленно сдавайтесь. В противном случае вы будете уничтожены».

Хэнк на минуту задумался.

— Переводи, — велел он Библиотеке и нажал кнопку передачи. — Фу-фу.

— Я не могу перевести «фу-фу», — сообщила Библиотека.

— Неужто? — ухмыльнулся Хэнк. Затем ухмылка расширилась до предела и он начал хохотать.

— Я не могу перевести смех.

Хэнк заливался слезами, катался в кресле и рыдал от приступа беспричинного веселья. Из последних сил он сумел выключить дрожащей рукой передатчик. Экран медленно потемнел, и изумленное существо исчезло. Наконец волна смеха прошла, и Хэнк со стоном выпрямился.

— Что я делаю? — пробормотал он и вытер влажный лоб огромной волосатой рукой. Затем подошел к холодильнику и достал большую коричневую бутылку.

Спиртное не было повседневной частью рациона на кораблях разведчиков. Точнее, его не было вообще. Зато аппараты замкнутого цикла могли производить пиво. Хэнк вылил себе в рот пол-литра жидкости, тщательно закупорил бутылку и убрал ее назад в холодильник. Потом пересчитал оставшиеся бутылки и поставил производство пива на максимум.

Неожиданно на него напал новый приступ смеха, и Хэнк едва его подавил. Он вернулся к пульту управления и включил экран внешнего обзора. Яркое полуденное солнце заливало нежную траву лужайки и блестело на сером металле вражеского корабля.

— Чудесная погода для пикника! — заметил Хэнк.

— Вы желаете, чтобы я зарегистрировала этот факт? — спросила Библиотека.

— Почему бы и нет?

Хэнк бодро обошел кабину, открывая ящики и выбирая вещи, уложил еду в холодильную сумку, добавил пива и вышел.

Он расположился прямо на траве, в прелестном местечке между своим и чужим кораблем.

Получасом позже в круге из камней горел маленький костер, меж двух деревьев висел гамак, а под гамаком — так, чтоб можно было достать рукой, — стояла сумка с провизией. Хэнк лежал в гамаке, настраивал гитару и пел. Каждые полчаса он прикладывался к большой бутылке.

Пиво явно не улучшало тембр его голоса. Хэнк пел только во время своих дальних одиночных странствий по простой причине: ни одно разумное существо не выдерживало его вокальных способностей. Однажды путем подкупа и угроз он вынудил знакомого музыканта научить его держать ноту. Ноту он держал, но в его исполнении она напоминала рев разгневанного осла, от которого разваливались стены и лопались стекла.

Корабль чужака не подавал признаков жизни.

Когда солнце склонилось к горизонту, Хэнк с приятным удивлением отметил, что местное население не разделяет неприязни большей части Галактики к его пению. Из чаши выбрались несколько животных разных форм и размеров и расселись вокруг костра. После этого — и учитывая количество выпитого пива — он принял как должное, что зверек величиной с кролика, сидящий на задних лапах, стал ему подтягивать. Если Хэнк издавал звуки, напоминающие скрип пилы по дереву, то ангельски чистый голос этого создания струил амброзию. Они составили замечательный дуэт, хотя и пели с разницей в четыре октавы.

Уже совсем стемнело, когда на носу чужого корабля зажегся слепящий свет, будто вспышкой изумрудно озарив лужайку. Животные тут же скрылись. Присев в гамаке и

мигая, Хэнк увидел, что к нему приближается чужак. Подойдя к костру, он подтянул черный ящик на двух колесиках, который тащил за собой, и затараторил.

— Извини, приятель,— пожал плечами Хэнк,— у меня нет переводчика.

Чужак продолжал говорить. Хэнк лениво настроил гитару, взял несколько аккордов и пожалел, что «кролик» исчез. «Старая песня любви» звучала бы идеально в их исполнении.

Чужак закрыл рот и сердито ткнул пальцем в кнопку на черном ящике. Немного погодя он вновь заговорил, и из ящика раздалась странно мягкая безакцентная английская речь:

— Вы арестованы.

— Подумай хорошенько,— посоветовал Хэнк.

— То есть как это?

— А так. Я отказываюсь быть арестованным. Хочешь выпить?

— В случае сопротивления аресту я вас уничтожу.

— Нет.

— Уверяю вас, да.

— Не сможешь.

Чужак с подозрением посмотрел на Хэнка.

— Мой корабль вооружен,— наконец произнес он,— а ваш нет.

— Ты имеешь в виду ту жалкую хлопушку на носу твоего корабля? — спросил Хэнк.— Для меня это пустяки.

— Пустяки?

— Да, братец.

— Мы даже не принадлежим к одному виду! Чудовищное невежество!.. Дабы позабавиться, я спрошу, откуда у вас появились иллюзии, будто известное науке самое мощное оружие для вас — пустяк?

— У меня есть более мощное оружие,— просто ответил Хэнк.

Чужак во второй раз смерил собеседника подозрительным взглядом.

— Вы лжец,— произнес ящик через некоторое время.

— Фу-фу,— сказал Хэнк.

— Что за шум вы издаете? Мой переводчик пока не может определить его смысл.

— И никогда не сможет.

— Рано или поздно он определит каждое слово в вашем языке.

— Только не такое гипфлишное слово, как «фу-фу».

— Какое-какое?

Хэнку показалось, что чужак стал менее самоуверен.

— Гипфлишное — слово, связанное с Абсолютной наукой.

Чужак вновь заколебался.

— Вернемся к вашему наглому утверждению. Что может быть сильнее всесокрушающего ядерного залпа, способного уничтожить гору?

— Ха! — заявил Хэнк. — Абсолютное оружие.

— Э-э... Абсолютное оружие?

— А то как же! Оно основано на принципах Абсолютной науки.

— Что же это такое?

— Совершенно невозможно объяснить, — поморщился Хэнк. — Признайся, ты ведь даже не слышал об Абсолютной науке, да?

— Могу я увидеть ваше оружие?

— Оно незримо, детка, — снисходительно пояснил Хэнк.

— Если вы продемонстрируете его мощь, — после короткой паузы сказал чужак, — я поверю вашим заявлениям.

— Единственный способ — испытать его на тебе. Оно действует лишь на разумные формы жизни.

Хэнк полез в сумку и открыл бутылку пива. Когда ее содержимое уменьшилось на пол-литра, воинственное существо все еще стояло на месте.

— Вы лжец! — объявило оно.

— Так может думать только исключительно неотесанная личность! — пристыдил Хэнк, вытирая волосатой рукой пену с верхней губы.

Чужак резко повернулся и зашагал к своему кораблю. Через несколько минут слепящий свет погас, и лужайка

погрузилась в кромешную тьму, едва разрываемую пламенем костра.

— Что ж,— промолвил Хэнк, зевая и потягиваясь,— по моему, на сегодня достаточно.

Он взял гитару и направился к кораблю. Ему показалось, что у пульта управления промелькнуло что-то маленькое, размером с мышь, отливающее металлом. Хэнк ухмыльнулся, лег на койку и тут же заснул.

Ночью его разбудил слабый шорох. Хэнк прислушался, желая удостовериться, затем удовлетворенно закрыл глаза.

Ранним солнечным утром он бодро поднялся, включил кофеварку, открыл все люки, впуская свежий воздух, и извлек автоматический пылесос. Тот деловито загудел, поднимая пыль со всех углов. Потягивая кофе, Хэнк подошел к столу, достал руководство по управлению «Атеперьнет-ужем» и потряс его. Из книги выпало несколько металлических мышек. Пылесос радостно встрепенулся и поспешил втянуть их в свою утробу.

Завтрак был почти готов, когда загудел экран и на нем возникло изображение хозяина вражеского корабля.

— Я дал вам на размышление ночь,— отчеканил голос.— Даю еще двенадцать запятая три семь пять девять ваших минут. Если к концу этого срока вы не сдадитесь, я вас уничтожу.

— Мог бы подождать, по крайней мере, пока я позавтракаю,— обиженно проворчал Хэнк и выключил экран.

Он начал насвистывать. Но свист получался вялый, и все сильнее тянуло посмотреть на часы. Вскоре Хэнк решил, что он, в сущности, не голоден, и сел за пульт управления. Когда после указанного срока прошло добрых пять минут, Хэнк облегченно вздохнул, разжал пальцы, впившиеся в подлокотники кресла, и наконец с аппетитом поел.

Затем снял с полки несколько книг, настроил кофеварку так, чтобы она включалась при открывании люка, положил на нее сверху книги, нагрузил сумку пивом и пошел к гамаку.

Получасом позже Хэнк снова был в отличном настроении. Гамак нежно покачивался в тени, гитара была настроена, а местные ценители вокала уже собрались в кружок. Он пел несколько часов, с удовольствием сплетая свой голос с божественной колоратурой маленького кролика. Потом Хэнк плотно перекусил и только собрался вздремнуть, как появился чужак со своим черным ящиком.

— Давайте поговорим,— предложил он.

— Валяй,— согласился Хэнк.

— Я буду искренен.

— Прекрасно.

— И ожидаю того же от вас.

— Еще бы, само собой!

— Мы оба,— начал чужак,— разумные существа, культурные и высокообразованные. Несмотря на внешнюю разницу, у нас много общего. Одно только изумительное совпадение, что мы приземлились на одной планете, в одном месте, в одно время...

— Не такое уж это и совпадение,— вставил Хэнк.

— Что вы хотите сказать?

— Это же очевидно.— Хэнк удобно откинулся в гамаке, обеими руками обхватив колено.— Представители наших народов, наверное, часто бывали рядом друг с другом. Но космос велик. Твой корабль мог запросто тысячу раз пролететь мимо моего, а мы бы этого и не заметили. Логично предположить, что наиболее вероятное место встречи — планета, вызывающая наш интерес. Что касается одного места... Я включил автопилот на выбор оптимального участка. Должно быть, ты поступил так же?

— В мои функции не входит давать вам информацию,— гордо заявил чужак.

— Ну и не надо,— хмыкнул Хэнк.— Совершенно ясно, что твоя родная звезда не так далека от моей — по галактическим меркам. Вместо того чтобы болтать о случайном совпадении, тебе следовало говорить о неизбежности.— Он прищурился.— И я уверен, что ты это отлично для себя уяснил.

Чужак заколебался.

— Я вижу,— наконец произнес он,— не имеет смысла пытаться обмануть вас.

— О, попробуй, если хочешь,— великодушно разрешил Хэнк.

— Нет, я буду искренен.

— Как угодно.

— Вы понимаете сложившуюся ситуацию так же полно и правильно, как и я. Никто из нас не может быть уверен, что другой народ неопасен. Таким образом, обязанностью каждого из нас становится захват соперника.— Он скосил глаза на собеседника.— Я прав?

— Ты говори, говори,— буркнул Хэнк.

— В настоящий момент мы находимся в тупике. Мой корабль оснащен оружием, которое, по всем законам науки, способно вас уничтожить. Логически — вы в моей власти. Тем не менее, наперекор логике, вы это отрицаете.

— Угу,— промычал Хэнк.

— Вы полагаетесь на некое невидимое оружие, которое, по вашим словам, сильнее моего и, следовательно, отдает меня в ваши руки. Лично я считаю, что вы лжете. Но я не могу действовать на основании частного мнения, когда дело касается всего моего народа. Слишком велика ответственность.

— Естественно,— вставил Хэнк.

— И поэтому я сомневаюсь. Если вы так уверены в превосходстве вашего оружия, почему вы не взяли меня в плен?

— А зачем беспокоиться? — Хэнк отпустил колено и слез на землю.— Буду с тобой так же искренен: ты безвреден. Кроме того, я собираюсь здесь поселиться.

— Поселиться? То есть вы желаете основать здесь колонию?

— Ага. Это мой мир.

— Ваш мир?

— У моего народа принято защищать свою собственность, если не хочешь, чтобы ею пользовался кто-нибудь еще,— надменно произнес Хэнк.

На этот раз молчание затянулось надолго.

— Теперь я знаю, что вы лжец,— сказал чужак.

— Как угодно,— равнодушно отозвался Хэнк.

— Вы не оставляете мне выбора... Вот мое предложение: я дам вам доказательство, что я уничтожил свое оружие, а вы дадите мне доказательство уничтожения вашего.

— К сожалению, мое оружие уничтожить невозможно.

— Значит, мы не можем вести переговоры на равных... Что ж...— Чужак повернулся к кораблю и начал разворачивать свой ящик.— Тогда я буду сражаться и постараюсь победить.

— Эй, постой! — забеспокоился Хэнк.— Куда же ты убегаешь?..— Хэнк смерил соперника взглядом. Они были примерно одного роста, но землянин был фунтов на пятьдесят тяжелее.— Мы можем уладить все лично, без всяких там ужасных баталий... Вот тебе спортивное предложение: ты да я, и никого больше.

— Я не дикарь,— гордо произнес чужак.— И не идиот.

— Может быть, на палках? — с надеждой спросил Хэнк.

— Нет.

— На ножах?

— Безусловно, нет!

— Ну хорошо,— сказал Хэнк, пожимая плечами,— иди, ты сам вырыл себе могилу.

Существо задумалось.

— Позвольте мне сделать другое предложение. Все ваши планы дают преимущество вам. Давайте поступим иначе — поменяемся кораблями.

— Что?! — вскричал Хэнк.

— Вот видите? Вы с ходу отмечаете любые разумные предложения.

— Да нет же! Но обмен кораблями... С таким же успехом я могу сдать прямо сейчас.

— Кто знает,— возразил чужак.— Вдруг вы научитесь управлять моим оружием прежде, чем я научусь управлять вашим.

— Ты никогда не научишься управлять моим оружием,— фыркнул Хэнк.

— Я все же попытаюсь.

— Это невозможно!

— Очень хорошо. Мне остается единственный выход — погибнуть в бою.

— Стой. Стой! — вскричал Хэнк. — Ладно, я согласен. Только позволь мне на минуту вернуться на корабль и уложить кое-какие личные...

— Нет. Никто из нас не вернется на свой корабль, и ни у кого не будет возможности устроить ловушку или вывести из строя оружие. Мы меняемся немедленно.

— Послушай... — Хэнк шагнул вперед.

— Ни с места! — предупредил чужак. — Я могу включить свои орудия отсюда.

— Но люк моего корабля открыт, а твоего — нет.

Чужак прикоснулся к черному ящику, и в его корабле распахнулся люк.

— Я оставлю переводчика у входа, — сказал чужак. — Решено?

— Решено! — кивнул Хэнк и направился к чужому кораблю, поглядывая через плечо.

По мере того как расстояние между ними увеличивалось, они стали ускорять шаги. Добежав до корабля, Хэнк обернулся и увидел, как чужак затаскивает черный ящик по трапу.

— Эй, эй! — заорал Хэнк. — Ты обещал...

Люк его собственного корабля захлопнулся и отрезал чужака от внешнего мира. Хэнк взглянул на часы. «Дам ему три минуты», — подумал он.

Когда секундная стрелка сделала два с половиной оборота, Хэнк направился обратно. Он достиг люка и нащупал пальцами потайную кнопку наружного открывания.

Из распахнувшегося люка вырвались клубы дыма, полилась вода. Из смеси воды и дыма появился перепачканный чужак, пробормотал что-то и свалился без чувств.

Хэнк ухватил несчастного за свитер и втащил в корабль. Почти на ощупь он отключил автоматическую пожарную систему; вода перестала прибывать. Отмахиваясь от дыма, подошел к столу и выключил кофеварку. Потом стал привязывать чужака к койке.

Когда чужак зашевелился, они были уже в нуль-пространстве, в первом прыжке трехдневного полета на Землю.

Хэнк оторвался от ремонта кофеварки и подкатил к койке черный ящик. Чужак дотянулся до него и включил.

— Что я сделал неправильно?

Хэнк кивнул в сторону стола.

— Кофеварка устроена так, что включается при закрывании люка — небольшое усовершенствование, которое я придумал год назад. Только перед тем как уйти, я выпил последнюю чашку.

— Но вода? Дым?

— Автоматическая пожарная система,— объяснил Хэнк.— Она реагирует на повышение температуры. Когда кофеварка раскололась, обнажился нагревательный элемент.

— Дым?

— Кое-какой горючий материал, который я положил сверху. Видишь ли,— сказал Хэнк, заканчивая ремонт,— я рассчитывал, что книги упадут на нагреватель. Так и случилось.— Он любовно погладил кофеварку и встал.— Боюсь, что денька три тебе придется поголодать. Но как только мы попадем на Землю, там синтезируют любую пищу.— Хэнк ободряюще улыбнулся.— Не стоит так расстраиваться,— добавил он.— Мы, люди, не такие уж плохие, как кажется с первого взгляда.

Чужак закрыл глаза. Что-то вроде вздоха поражения донеслось из черного ящика.

— Итак, никакого оружия у вас нет,— произнес он.

— То есть как это нет?! — возмутился Хэнк, опускаясь в кресло за пультом управления.— Разумеется, есть!

— Где же оно? — закричал чужак, широко раскрыв глаза.— Я посылаю роботов. Они обыскали весь корабль!

— Ты ведь мой пленник? — спросил Хэнк.

— Естественно, но что из того? Я только прошу посмотреть на ваше оружие. Я не мог найти его, однако вы говорите, что оно у вас есть. Покажите мне! Я его не вижу!

Хэнк с грустью покачал головой:

— Братец, если ты так ничего и не понял, тогда мне искренне жаль тебя и твой народ. Вот все, что я могу сказать.

КОСМИЧЕСКАЯ
ОПЕРА

*Нью-Йорк,
главному редактору
«Ивнингпост интерпланетар»*

Уважаемый сэр! Позвольте выразить глубокую благодарность за Ваше письмо, хоть мне и жаль, что «Мегера с Венеры» не подошла. «Слишком мелодраматично,— указываете Вы.— У сегодняшнего читателя нет склонности к мелодраме». Но, дорогой сэр, жизнь сама по себе вопиюще мелодраматична!

Впрочем, не важно. Цель моего настоящего письма — обрисовать вкратце одну вещицу, которую я бы с удовольствием для Вас сделал. Это практически документальная повесть, хотя, боюсь, Вам она может показаться несколько экстравагантной. Все действующие лица: отъявленный негодяй, несчастная девушка, ее мудрый отец — как будто вышли из-под пера Вашего замечательного Виктора Гюго.

Предлагаемое произведение (можно назвать его «Звезда Орима») касается ряда примечательных событий, которые имели место в моей родной Галактике 75-890 (надеюсь, в Вашем издании нет табу на иностранный колорит). Мы начнем описание с великолепного дворца гнусного завоевателя саргианца Зунбараларрио Фенга, где томится прек-

расная юная девушка, которая ненавидит Фенга (лучше сразу внести здесь ясность). Дабы осветить характер их отношений, покажем их выходящими из спальни. Фенг — мужчина очень крупного сложения, тяжелый и сильный, чернородый и черноволосый; его глаза горят недобрым огнем, а гордый нос придает мрачное благородство монетам с его, Фенга, изображением. В черной тунике, красной мантии и высоких сапогах из блестящего кзылка он поистине представляет собой внушительную фигуру. Девушка — полная его противоположность. Она изящная и легкая, с атласной кожей и волосами цвета заходящего солнца (мне очень жаль, но среди оримийцев такой цвет действительно распространен). Ее стройное юное тело едва скрыто нежно-розовой газовой накидкой. Маленькие ножки грациозно скользят по мраморному полу.

Фенг в хорошем настроении, его зычный голос полон довольства.

— Результаты завоевания вашей планеты превзошли самые смелые ожидания. Я не только захватил гениального ученого, но и обнаружил, что у него чрезвычайно красивая дочь. Двойной приз!

(Этот монолог, если он покажется Вам излишне грубым, мы можем изменить.)

При входе в лабораторию их приветствуют два офицера в обтягивающей черной форме личной охраны Фенга. Один из них распахивает дверь. Фенг и девушка вступают в колоссальное помещение, в центре которого полыхает маленький горн, кипят и бурлят жидкости в армаде колб и реторт. В конце длинного прохода на высоком стуле сидит седовласый мужчина. Он смотрит на сияющую металлическую звезду у себя в руке.

Чернородый завоеватель подходит и снисходительно обращается к ученому:

— Доброе утро, Торак. Что это у тебя?

Старик не обращает на Фенга внимания.

— Вола,— шепчет он нежно.— Вола, дитя мое.

Голос девушки дрожит от нахлынувших чувств.

— Ты плохо выглядишь, папа. Тебе нельзя работать так много.

— Ты, главное, ты...

Она опускает глаза:

— У меня все в порядке. Не беспокойся обо мне.

Фенг смеется:

— Это верно. О ней беспокоиться не надо. Она в надежных руках!

(Не теряет ли Торак Ваши симпатии, дорогой сэр, отдавая на поругание честь дочери? Спешу довести до Вашего сведения, что его заставили просмотреть десятичасовой общеобразовательный фильм (цветной, объемный, стереоозвученный) о легендарных Шести Сотнях Священных Пыток Сарга, где снимались не профессиональные актрисы, но очаровательные, юные, обнаженные, девственные дочери ученых с других планет. Удивительно ли теперь, что Торак позволяет Фенгу эксплуатировать тело дочери и свой собственный блестящий ум?)

Завоеватель переходит прямо к делу.

— Ну, Торак,— ревет он,— я требую ответа! Когда будет завершен проект?

— Проект завершен, мой господин,— безжизненным голосом отвечает Торак и поднимает металлическую звезду с четырьмя лучами.

— Это... новый металл?

— Непобедимый металл. Да, это он.

Фенг недобро смеется.

— Я вижу, ты вылил его в форме Звезды Орима, символа твоего народа. Но твоя бунтарская пропаганда дальше меня не уйдет. Дай сюда! — Он вырывает звезду из руки Торака. — Я сейчас же собираю всех своих ученых. Испытания начнутся немедленно.

— Испытания?

— Разумеется. Не думаешь же ты, что я поверю тебе на слово? Эта блестящая побрякушка вполне может сломаться в кулачке младенца. Ты ведь был бы рад? — Фенг снова смеется. — Нет, мой друг, я не такой глупец. Не для того я покорил почти всю Галактику, чтобы попасть в ловушку хитроумного ученого. Заверяю тебя, этот металл будет тщательно проверен. — Глаза Фенга вдруг ярко запы-

лали.—Если твои слова верны, тогда предо мной падет последний оплот Галактики — планета Клор!

Где-то примерно в этом месте надо рассказать, что долгие годы Фенг мечтал завладеть всей Галактикой. Планета за планетой переходили к нему, но Клор упорно сопротивлялся. Необходимо упомянуть мимоходом, что Клор — мир, почти целиком находящийся под водой, и жители его похожи на глубоководных рыб. Инженеры Фенга никак не могли построить корабли, способные стартовать с родной планеты Сарг, преодолеть бездну пространства и нырнуть в глубины Клора. Такие корабли должны быть сделаны из материала легкого, как космические сплавы, и выдерживающего давления, которым подвергаются батисферы. Более того, он должен идеально выдерживать жар, холод и радиацию. Но вернемся к сцене в лаборатории.

Завоеватель в пурпурной тоге сжимает металлическую звезду и повторяет:

— Да, испытания начнутся немедленно.

Он поворачивается и стремительно выходит из помещения.

Когда дверь закрывается, Вола падает отцу на грудь и разражается безудержными рыданиями.

— О, отец! Это было так ужасно! Он не человек — изверг, мерзкое чудовище!

Руки Торака судорожно сжимаются от отцовского негодования.

— Вола, крепись.

(Как Вы любезно указывали относительно «Мегеры с Венеры», диалог не относится к моим сильным сторонам. Следуя Вашим пожеланиям, я продолжаю описание в документальной манере.)

Люди в защитных очках отпрянули от ужасающего жара: в затемненной лаборатории летают искры — металлическую звезду бомбардирует сверхмощный луч.

— Смотрите, повелитель! Сверху металл раскалился добела, в то время как снизу...

— Ну? — шипит Фенг.

— А нижняя часть холодная на ошупь! Невероятно! Ваш пленный ученый добился идеальной изоляции! — Говоря-

ший выключает луч, и все снимают очки.— Это завершает серию испытаний, мой господин. Металл был подвержен воздействию кислот, радиации, колоссального давления, испепеляющего жара — ничто не оставило следов. Он воистину неуязвим.

Фенг улыбается и поворачивается к Тораку:

— Поздравляю. Ты не подвел меня и займешь почетное место в научной иерархии моей империи.— Он резко поворачивается к своему главному инженеру: — Немедленно начать производство этого металла и постройку кораблей. С завтрашнего дня вы работаете с Тораком. И запомните, господа: покорить Клор — значит покорить Галактику!

Он выходит; ученые и генералы кланяются. У двери Фенг обращается к фигуре в тени:

— Идем, Вола.

(Здесь, если пожелаете, можно вставить сцену с элементами секса.)

В течение следующих дней Торак заставляет себя не обращать внимания на слезы дочери. Пока она изнывает и сохнет в объятиях Фенга, молча покоряясь легендарным Шести Сотням Священных пыток Сарга, старый ученый следит, как чудовищные печи изрыгают расплавленный металл. Рабы со всех концов Галактики работают день и ночь, без сна и отдыха, пока не падают замертво. Мертвых замешают другие. И часто можно увидеть рядом с Тораком ликующего Фенга. Через несколько месяцев (здесь и далее я употребляю земное время) новый флот готов к вылету. Сверкая на солнце, стоит армада кораблей-истребителей.

Фенг и высшие офицеры на огромной платформе совершают ритуал, имеющий место перед завоеванием каждой новой планеты. Фаланга сияющих труб гремит бравурной военной музыкой. Народ Орима приветствует — с саргианскими винтовками за спиной — Фенга, произносящего ритуальную речь. (Заверенную копию речи прилагаю.) Его грубый голос разносят сотни громкоговорителей. Речь полна эмоций, но слаба логикой. Часто упоминаются «слава Сарга» и «величие нашей священной галактической империи». Фенг подчеркивает важность покорения Клора — последней планеты, которая все еще борется «в варварской

тьме, не освещенной саргианской славой». Он объясняет, почему приказал не только генералам, но и старейшим управителям сопровождать его на флагманском корабле: «Вожди Саргианской империи должны присутствовать при знаменательном событии».

Речь заканчивается призывом:

— На Клор!

На трапе Фенг останавливается и поворачивается к Тораку:

— Ты будешь награжден за услуги Саргу. А ты, Вола,— он улыбается бледной девушке,— приготовься к ночи празднования моего возвращения. Победные битвы всегда горячат мою кровь, и хотя водянушки Клора могут оказаться очаровательными,— подмигивает генералам,— боюсь, что у русалок есть определенные недостатки, не правда ли?

Он смеется над своей шуткой (не слишком ли грубой для Ваших читателей?) и входит в корабль. За ним следует вся его свита.

На протяжении месяцев полета черное вино Сарга рекой льется на флагманском корабле. Фенг пьет за свою империю, за своих генералов и за самого себя. Он пьет за каждую планету и за каждую звезду, которую они пролетают. Он пьет за Торака, он пьет за Волу, он пьет за почти забытых женщин своей юности. (Все это свободно может занять несколько страниц.)

Наконец армада приближается к Клору. Когда флагманский корабль висит над водной поверхностью планеты, Фенг обнажает разукрашенный драгоценными камнями церемониальный меч и драматическим жестом указывает на цель. Его голос гремит в аппаратах связи всех кораблей:

— В атаку!

Флот Фенга разрывает поверхность воды и погружается на дно. Через прозрачный корпус корабля Фенг глядит на экзотические растения. Триумф кипит в венах завоевателя.

Затем внезапно ушей его достигают ошеломленные крики. Он поворачивается, орлиные глаза выпучиваются...

(Если печатать с продолжением, лучше места для обрыва не найти. Впрочем, решение за Вами, разумеется. А

теперь позвольте несколькими штрихами обрисовать финальную сцену на Ориме.)

Торак бросает металлическую звезду в стакан с водой и поворачивается к дочери.

— Тебя что-то беспокоит, моя любовь? — ласково спрашивает он.

В ее глазах стоят слезы.

— Я думаю о народе Клора.

Торак улыбается — впервые за долгое-долгое время.

— Я не стал бы его оплакивать. И вообще, плакать нет нужды.

— Отец, как ты можешь говорить такое!

— Фенг никогда больше не унизит тебя, — мрачно произносит Торак.

— Что ты имеешь в виду?

— Армада, должно быть, уже достигла Клора. — Ученый бросает взгляд на календарь. — Фенг мертв.

Вола пугается за разум отца. Она молча слушает его слова.

— Да, мертв. Утонул в водах Клора со своими генералами, министрами и кораблями. — Он поднимает глаза и видит страх на ее лице. — Нет, моя дорогая, я не сумасшедший. Понимаешь, я создал удивительный металл. Фенг подверг его всем мыслимым испытаниям, кроме одного. Это никому даже в голову не пришло. И вот он построил флот и ринулся в океанские пучины Клора, не догадываясь, что...

Торак поворачивается к стакану: Звезды Орима нет.

— Не догадываясь, — продолжает он, — что этот замечательный металл растворяется в воде.

Согласитесь, сэр: эффектно!

Но это еще не все. Представьте, что мы скажем или по крайней мере намекнем, что тиран и убийца Фенг, бич Галактики 75-890, человек, который никогда никому не доверял, на всякий случай под церемониальные доспехи надел глубоководный костюм (просто потому, что подозрительность свойственна его натуре). Другими словами, Фенг остался в живых.

Уместно даже подумать о названии типа «Фенг еще жив!» или «Жив ли Фенг?» — проверенный временем надежный способ привлекать внимание. Мы можем дать понять, что неуязвимый Зунбараларрио добрался до клочка суши — скажем, до полярной шапки Фазкен — и сейчас вынашивает новые коварные планы. Вы, вероятно, скажете, что никто не поверит такому утверждению, и я склонен согласиться с Вами. Но какое это имеет значение, пока Ваш журнал раскупают? Кстати, говоря об этом, не могу не упомянуть про плату. В связи с крайне стесненным положением я испытываю острую нужду в крупной сумме денег и рассчитываю на высочайшие расценки. Прошу известить меня немедленно.

*Искренне Ваш З.Гнеф.
П. я. 900053, 75-890.*

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

Каммерлинг — хороший земной юноша, и его родители сделали ему приятный сюрприз: подарили к традиционному Году Странствий звездолет «Голконда-990». Но Каммерлинг, в отличие от своих ровесников, не только отправился в путешествие в одиночку, но решил посетить самые отдаленные районы Вселенной, где с гостиницами хуже некуда, а то и вовсе нет гостиниц. Так он оказался первым землянином — или по крайней мере первым за долгое-долгое время, — опустившимся на планете Годольфус-4.

Как только открылся люк, уши Каммерлинга заложило от неистовых криков, воплей и бряцанья, исходящих из огромного облака пыли, в котором изредка что-то сверкало. Когда пыль немного осела, Каммерлинг понял, что является свидетелем некоего дикарского праздника.

На равнине перед ним стремительно сближались две колоссальные массы аборигенов. С одной стороны фаланга за фалангой шли какие-то типы, облаченные в кожаные кирасы и ножные латы, с обсидановыми копьями, украшенными развевающимися волосами и еще чем-то, что Каммерлинг принял за сушеные орехи. С другой стороны на рептилиях неслись галопом всадники в блестящих кольчугах, с визгом размахивающие тяжелыми шипастыми ша-

рами. За ними виднелись ряды лучников с огненными стрелами; всю ораву подпирали цимбалисты, барабанщики, трубачи и знаменосцы, изнемогающие под штандартами с реалистическими изображениями освежаванных тел.

Две орды столкнулись в первозданной ярости, и равнина превратилась в водоворот ударов, уколов, отсечений, расчленений и других явно недружеских действий.

— Вот так да, — ахнул Каммерлинг. — Неужели это самая настоящая, взаправдашняя война?

Его присутствие заметили несколько ближайших воинов. Они остановились, выпучив глаза, и были немедленно зарезаны. Из гущи схватки вылетела голова и, истекая кровью и кошмарно ухмыляясь, подкатилась к ногам Каммерлинга.

Не задумываясь, он включил воудер — электронный аппарат, транслирующий человеческую речь, — и гаркнул:

— ПРЕКРАТИТЕ!

— Ох, — с раскаянием прошептал Каммерлинг, когда по всему полю пошел треск — стал лопаться обсидиан, и многие упали наземь, зажимая уши. Юноша уменьшил громкость и, припоминая свои конспекты по пантропологии, стал внимательно изучать войска, высматривая главных.

Скоро его внимание привлекла группа знаменосцев на холме. Среди них на высоком желтом драконе с клыками, разукрашенными камнями, восседал закованный в броню гигант. Эта колоритная личность что-то ревела и угрожала Каммерлингу кулаком.

На аналогичной возвышенности напротив Каммерлинг заметил цветастый шатер. Заплывший жиром розовощекий годольфусец возлежал на золотых носилках в окружении стайки обнаженных младенцев и томно покусывал с ножики какое-то лакомство, наблюдая за Каммерлингом. Потом он вытер ножик, воткнув его в одного из младенцев помясистее, и щелкнул пальцами, сверкнув нанизанными перстнями.

Все эти проявления варварства ранили душу Каммерлинга, хорошего земного юноши. Не обращая внимания на огненные стрелы и прочие снаряды, летящие в его

направлении (их отражало невидимое походное силовое поле), он настроил воудер на обращение непосредственно к двум вождям.

— Приветствую вас! Я — Каммерлинг. Не подошли бы вы ко мне поближе, чтобы обменяться мнениями по ряду вопросов? Если, конечно, вы не слишком заняты...

Каммерлинг с удовольствием увидел, что после некоторого колебания вожди и их свиты стали приближаться, а бушующая поблизости толпа — отступать. К сожалению, делегации остановились на расстоянии, пожалуй, чересчур большом для полезной встречи. Поэтому Каммерлинг шагнул вперед и обратился доброжелательно:

— Послушайте, друзья. То, что вы делаете, это... ну, не поймите меня неправильно, но это нехорошо. А главное — бессмысленно. Я никак не хочу оскорбить ваше культурное своеобразие, но так как рано или поздно вся эта военная шумиха закончится, что доказывают научные изыскания, то почему не остановиться сейчас?

Увидев, что вожди смотрят на него непонимающими глазами, он добавил:

— Я плохо помню исторический символизм, но мне кажется, что вам двоим следует пожать друг другу руки.

При этих словах тучный принц в паланкине оплевал трех младенцев и завизжал:

— Чтобы я коснулся этого ящеролюбивого потомка непрерывимо испражненного женского органа?! Я кину его зажатые внутренности на утеху осужденным вора!

А всадник на драконе запрокинул назад голову и взревел:

— Мне дотронуться до этой хромосомно несбалансированной пародии на питающегося падалью паразита?! Его кишки украсят подхвостники сбруи тяжеловозов для фургонов, перевозящих трупы!

Каммерлинг понял, что эта щекотливая проблема требует деликатного подхода. Подстраивая нагревшийся воудер, он напомнил себе, что должен с величайшей осторожностью относиться к чужим этическим нормам, и сказал, приятно улыбаясь:

— Если позволите мне высказать свое мнение, то я бы предложил считать: молекулярная генетика и универсальная человечность сходятся, что все люди — братья.

Услышав это, вожди посмотрели друг на друга с внезапным и полным пониманием и швырнули в Каммерлинга все попавшиеся под руку боевые предметы. Их примеру последовали сопровождающие лица. Каммерлинг обнаружил, что из града снарядов ножик и топор проникли в походное силовое поле и поцарапали обшивку. Он только собрался выговорить вождям за это, как из носа космического корабля вырвались два бледно-голубых луча и мгновенно обратили предводителей, дракона, младенцев и все их окружение в стекловидные лужицы.

— Ай-ай-ай,— укоризненно заметил Каммерлинг кораблю.— Это тоже нехорошо. Зачем ты так сделал?

Печатающее устройство воудера пробудилось и выдало курсивом:

«Не волнуйся, милый юноша. Твоя мать запрограммировала некоторые непредвиденные обстоятельства».

Каммерлинг недовольно поморщился и обратился к собравшимся войскам:

— Поверьте, я искренне сожалею о случившемся. Если ко мне подойдут заместители усопших, я постараюсь, чтобы это не повторилось.

Когда улеглась суматоха, к нему приблизились два военачальника постарше и менее роскошного вида. Сверкая белками глаз, визири опасливо посмотрели на Каммерлинга, на его корабль, на лужицы, которые уже остыли и переливались всеми цветами радуги, и, наконец, друг на друга. К крайнему удовлетворению Каммерлинга, они постепенно позволили склонить себя на мимолетное касание перчатки противника. В восторге Каммерлинг воскликнул пришедшую на ум историческую фразу:

— Перекуем ваши мечи на орала! — Потом довольно рассмеялся и добавил: — Друзья, я желаю подчеркнуть, что не собираюсь вас запугивать чудесами своей совершенной техники, созданной просвещенными усилиями свободных умов необъятной межзвездной миролюбивой Земной Федерации. Но не думаете ли вы, что было бы интересно —

хоть, скажем, в порядке эксперимента — объявить мир, например, в честь моего приезда, — он скромно улыбнулся, — и приказать армиям... э-э... расходиться по домам?

Один из визирей издал нечленораздельный звук. Другой дико завопил:

— Твоя воля, чтобы воины разорвали нас на части?! Им обещали грабежи!

Это заставило Каммерлинга осознать, что он упустил из виду эмоциональную напряженность, неминуемую в подобной ситуации. Но, к счастью, юноша припомнил решение.

— Послушайте, у вас наверняка должен быть какой-нибудь любимый энергичный спорт. Ну... игра. Хоккей? Или кэрлинг? Турниры? Хотя бы перетягивание каната?.. И музыка! Музыка! Устроим пикник! Подведите этих трубачей сюда, у меня на борту двенадцатиканальный усилитель «Маркони». А уж как вам понравится наша закуска!.. Я помогу вам с организацией.

Последовавшие часы сплелись в неясный клубок в памяти Каммерлинга, но в целом мероприятие удалось на славу. Некоторые местные виды спорта оказались практически неотличимы от военных действий, и корабельные испарители, к сожалению, все-таки сработали парочку-троечку раз. Однако никто особенно не огорчился. Когда над равниной взошло солнце, оставалось еще немало выживших, способных принять призы, такие, как безынерционные подтяжки и предметы спортивного снаряжения.

— В вашем регби определенно что-то есть, — сообщил визирям Каммерлинг. — Конечно, в будущем стрихнин на наконечниках следует заменить снотворным. Да и потрошение после индивидуальной победы — это совершенно исключено... Еще по бокалу «Юбилейного»? Сейчас я вам растолкую, как реорганизовать сельское хозяйство. Между прочим, из-за чего война?

Один визирь ожесточенно теребил тюрбан, но другой стал излагать историю войны высокопарным и монотонным речитативом, начиная с детских лет прародителя в десятом колене. Вскоре Каммерлингу стало ясно, что ко-

рензла кроется в хроническом недостатке плодородных земель, орошаемых и удобряемых местной рекой.

— Как, пресвятое ореховое масло! — воскликнул он. — Это же проще простого! Вот здесь надо возвести дамбу, запрудить речку, и всего будет вдоволь.

— Дамбу?! Да свершится кара над тем, кто удушит отца вод, — торжественно провозгласил теребитель тюбана. — Чтоб все его внутренности иссохли и вылезли наружу! Да. И то же с родственниками его.

— Поверьте мне, — воззвал Каммерлинг. — Я глубоко уважаю вашу самобытную культуру. Но, право же, в данном случае... Да вы взгляните!

И он поднял в воздух свой корабль и в два счета перекрыл русло. А когда речка растеклась грязью и дохлой рыбой, возникло озеро там, где никакого озера раньше не было.

— Вот, пожалуйста, вам дамба, — объявил Каммерлинг. — И круглый год воды будет предостаточно. А вы можете пойти дальше и вырыть оросительные каналы — корабль составит контурную карту — и процветать и благоденствовать.

И визири огляделись и сказали:

— Да, о Господи, похоже, у нас есть дамба, — и отправились соответственно каждый к своему народу.

Но Каммерлинг обладал чувствительной душой. Хорошенько все обдумав, он пришел в ближайшее поселение и обратился к его жителям:

— Послушайте, друзья, только не сочтите, что я строю из себя Бога или возомнил невесть что. В доказательство я решил спуститься вниз и жить прямо среди вас.

Он не беспокоился за свое здоровье, потому что всему его классу сделали пангалактические прививки.

Итак, Каммерлинг перебрался в поселение. После того как там перенесли все его болезни (или почти все), он смог разделить их образ жизни, удивительные обычаи, поразительные обряды и особенно религию. И хотя Каммерлинг знал, что не следует никак нарушать этнические нормы, все же его хорошее земное сердце было задето.

Поэтому призвал он обоих визирей и весьма тактично разъяснил, что безмерно уважает их культуру и желает лишь помочь развить современную религиозную фазу в более абстрактную и символическую.

— Взять эти большие статуи,— привел он пример.— Они потрясающи. Выдающиеся произведения искусства. Грядущие поколения будут трепетать от восторга. Но надо их сохранить. Ведь копоть от сжигаемых младенцев разъедает своды пещер, гораздо лучше сжигать ладан. Или вот: нужен один религиозно-культурный центр для обоих ваших народов, для всех верующих. Да, и кстати, бросать женщин в колодцы, чтобы вызвать дожди,— нет, это надо обратить в шутку.

Таким образом Каммерлинг продолжал ненавязчиво открывать новые горизонты мысли, а когда обнаруживал признаки напряженности, то сразу снимал их. Взять, к примеру, его проект убедить мужчин самим иногда работать в поле. Он лично заложил первые камни Культурного Центра и терпеливо ждал, пока идея принесет плоды. Вскоре его вознаградили визит двух верховных жрецов. Один был в черно-белой маске смерти, вокруг другого обвивались церемониальные змеи. После обмена любезностями стало ясно, что они пришли просить об одолжении.

— С удовольствием! — обрадовался Каммерлинг.

Выяснилось, что каждый год в это время спускается с гор кошмарное чудовище-людоед и опустошает поселения. Местные жители пред ним что тростинка перед ураганом, но Каммерлинг, безусловно, разделается с чудовищем одной левой.

И вот на следующее утро, чувствуя, что его наконец приняли, Каммерлинг пустился в путь. А так как визири подчеркнули смехотворную легкость предприятия — для него,— он отправился пешком, налегке, захватив лишь пару бутербродов, галактоскаутскую аптечку и лазер для стрельбы по мишеням, который подарила ему тетя. Верховные жрецы, потирая ладони, вернулись к своим людям, оставившись только помочиться на камни Культурного Центра. И густой дым повалил из пещеры идолов.

Каммерлинг, правда, обратил внимание на некоторое оцепенение среди народа, когда через два дня спустился, насвистывая, с холмов. Но отнес это на счет ползущего сзади на поводке убогого ящера грандиозных размеров с пластошиной на лапе. Каммерлинг объяснил, что дурной нрав животного происходил от стершихся клыков, и продемонстрировал всем блестящие возможности зубоврачебной техники. После этого он выдрессировал дракона на корабельного сторожа. И Культурный Центр быстро стал расти.

Но Каммерлинг задумался. Бродя по горам, он заметил, сколь богата планета полезными ископаемыми. И вот, хорошенько все обмозговав, собрал он наиболее предприимчивый люд на неофициальную встречу и сказал:

— Друзья! Я прекрасно осознаю, что, как показывают исследования, ускоренная индустриализация аграрной страны нежелательна. Поэтому прошу искренне высказывать свои замечания и возражения, если покажется, что я чересчур вас подгоняю... Вы никогда не задумывались о промышленности?

И вот очень скоро у одного рода был маленький металлургический заводик, а у другого — высокоразвитое гончарное производство. И хотя Каммерлинг старался не торопить местную инициативу и не давить на местные порядки, его энтузиазм и активное участие в повседневной жизни оказывали, по всем признакам, каталитический эффект. С появлением ирригационной системы, нужды в каолине и руде для каждого открывалось широкое поле деятельности.

Однажды вечером, когда Каммерлинг помогал кому-то изобрести лебедку, сошлись в тайном месте главные визири двух народов.

Один из них изрек:

— Никоим образом не отрицая свое неумирающее презрение к тебе и своей орде аграрных дебилов, которых я собираюсь уничтожить при первой возможности, должен подчеркнуть, что этот злосчастный узурпатор творит с нами непотребное, и потому с ним надо покончить.

А другой отвечал, что, не желая, чтобы сложилось впечатление, будто он оскверняет себя, беседуя на равных с безмерно испорченными пожирателями падали, он с удовольствием поддержит любой план избавления от этой межзвездной обезьяны.

— Бог он или не Бог,— продолжал первый визирь,— он определенно молодой мужчина, и нам хорошо известны некоторые способы укрощения подобных строптивцев. Тем более если мы объединим наши возможности для достижения лучшего результата.

Как-то вечером, услышав истерическое снырчание сторожевого дракона, Каммерлинг открыл люк и увидел двенадцать обворожительных созданий, чьи изящные тела были закутаны в сверкающие вуали, достаточно прозрачные, однако, чтобы можно было разглядеть порой пупок, глаз, бедро, талию, сосок и тому подобное. Таких годольфусианок никогда прежде не замечал он здесь, что неудивительно, ибо чересчур был занят делами насущными.

И Каммерлинг выпорхнул за дверь и пылко приветствовал их:

— Добро пожаловать! Боже всемогущий! Чем могу вам помочь?

Выступила вперед девушка в шелках дымчатых, распахнула свои одежды как раз настолько, чтобы он вывихнул челюсть, и молвила:

— Меня зовут Лейла Птица Страстного Наслаждения. Мужчины убивают друг друга из-за единого моего прикосновения. Я хочу одарить твое тело ласками немислимыми, и ты распростишься с душой от несравненного блаженства.

Затем выступила вперед другая и колыхнула одеяниями так, что у него выпучились глаза, и сказала:

— Я — Иксуалка Пылающий Вихрь, воспаляю до безумия посредством невыносимого удовольствия, бесконечно растянутого.

К тому времени Каммерлинг уяснил, что мысли их идут в одном направлении, и отвечал:

— Это воистину дружеский акт, ибо, сказать по совести, я чувствовал себя немного напряженно. Пожалуйста, входите.

И они прошли сквозь тамбур, который также запрограммировала матушка Каммерлинга, и по пути особые устройства тамбура незаметно изъяли у девушек всевозможные лезвия, буравчики, яды, амулеты, шипы, колючки, отравленные кольца и гарроты, упрятанные в самых интимных местах. Но даже зная это главные визири, они бы не были обескуражены, потому что ни один мужчина не мог насладиться любыми двумя этими девушками и остаться в живых.

С первыми лучами солнца хороший земной юноша Каммерлинг выпрыгнул из корабля и, сделав тридцать два приседания, воззвал:

— Эй, народ! Когда вы там оклемаетесь, я научу вас готовить пиццу. А мне пока надо помочь сделать отстойник; нам ни к чему отравлять экологию.

Но девушки выбрались наружу, пошатываясь, расстроенные сильно, и запричитали:

— О Господи, мы не можем вернуться, потому что не справились с заданием! Нас ждет погибель в зверских пытках и мучениях.

Каммерлинг разрешил им остаться и показал, как управлять плитой. И все девушки с радостью расположились у него на постоянное жительство, кроме одной по имени Иксуалка Пылающий Вихрь, которая бросила:

— А на черта?! — и потащилась к палачам.

А Каммерлинг отправился участвовать в осуществлении проекта по очистке сточной воды, и проекта по внедрению электричества, и во множестве других начинаний, увлекаясь больше, чем сам считал полезным, ибо видел, что нарушает сложившиеся устои. И он огорчался сверх всякой меры из-за людей, которым больше негде было приложить силы, потому что раньше они работали, например, сушильщиками трупов, которых теперь поубавилось; или надзирателями за прямой пахоты женщин, а женщины теперь пахали на ящерах, и надзиратели не успевали за плугами.

Но Каммерлинг научился справляться с трудностями. Так, когда к нему явились рабочие-металлурги и спросили: «Господин, мы построили эту дьявольскую машину для

изрыгания нечестивой плоти. Что, во имя пресвятого яйца, нам с ней делать дальше?!» — Каммерлинг ответил:

— Послушайте, друзья, давайте решим вопрос голосованием. Я — за производство труб для водопровода.

Тем временем детей, которых не бросили в колодцы и не заклали идолам, становилось все больше. Однажды Каммерлинг услышал странные звуки и, открыв люк корабля, увидел сторожевого дракона, заваленного сотнями вопящих младенцев. И он приблизился к ним и молвил:

— Воистину славные карапузы!

Потом обратился он к одиннадцати девам, хлопочущим с тестом для штруделя, и сказал:

— Нам представляется счастливая возможность воспитать целое поколение, свободное от предрассудков, страха и ненависти. Построим же школу. Я желаю, чтобы вы обучали этих детишек.

И очень скоро у них была школа. Детей прибывало все больше и больше, и девушек тоже, ибо вышло так, что Иксуалка Пылающий Вихрь сумела вырваться из лап мучителей и организовала женское освободительное движение, и многие ее последовательницы предпочли воспитание детей производству труб для водопровода.

Время шло — вовсе немало лет, хотя Каммерлингу они казались неделями, потому что он был хорошим земным юношей со средней продолжительностью жизни пятьсот лет и только-только миновал период полового созревания. И вот уже целое поколение замечательных молодых людей в ладно скроенных туниках водили тракторы с лозунгами «Война — для ящеров!» и «Поджаривайте пиццы, а не людей!», и в глазах их сияло солнце. Они облагораживали землю, и помогали старикам, и организовывали механизированные хозяйства, и фестивали песен, и общественные вечеринки.

Однажды вечером, когда Каммерлинг отечески наблюдал за своими сабрами, собирающими передатчик, отрабатывающими приемы каратэ и закладывающими фундамент супермаркета, небо озарилось вспышкой. Откуда ни возьмись, появился корабль и мягко приземлился поблизости. И увидел Каммерлинг, что это модель «Суперспорт» нового,

незнакомому ему образу, и приблизился, полный смутным, волнующим предчувствием.

А когда люк открылся, вышло из него создание не-описуемое — хорошая земная девушка.

— Вот так да! — воскликнул Каммерлинг. — Должен признаться, уж давно не видел я хорошей земной девушки. Не угодно ли пройти ко мне в гости на корабль?

Она взглянула на то, что виднелось из-за печей для лиц и убранства из цветов, и молвила:

— Пора, Каммерлинг, возвращаться тебе домой.

— Кто это сказал? — спросил Каммерлинг.

И девушка ответила:

— Твоя мать сказала.

— В таком случае возвращаюсь! — решил Каммерлинг. — Дела здесь идут как по маслу.

И воззвал ко всем своим друзьям и последователям, и ко всем великолепным молодым людям, и к каждому, кто хотел слушать. И обратился он к ним:

— Служил я вам верой и правдой скромной связью с земным просвещением. Надеюсь, что не нарушил вашей самобытной культурной целостности. Дело сделано, и теперь я возвращаюсь назад на небо. Если у вас возникнут затруднения, смело вызывайте меня по передатчику на оставаемом мною корабле. Продолжай, Годольфус-4! Прощайте.

Итак, Каммерлинг улетел. А как только это произошло, повылазили все эти старые волосатые вожди, и жрецы, и отсталые элементы и начали поносить и уничтожать все и вся во имя их священного годольфусианского образа жизни. Но молодые люди, которых Каммерлинг предусмотрительно обучил каратэ и применению новейшего оружия, запросто управились с ними. И очень скоро новое поколение со всей энергией взялось за переустройство планеты целиком.

Прошло много лет, и Каммерлинг получил послание: «Мы переустроили планету целиком. Все экологично процветает и благоденствует. Что нам делать дальше?»

И Каммерлинг, и его жена, и его лечащий врач долго думали и сперва ничего не могли решить, но в конце

концов Каммерлинг передал: «Предлагаю разработать принцип движения быстрее света и нести факел цивилизации на другие планеты в ваших окрестностях. С любовью, Каммерлинг».

В один прекрасный день, через долгие-долгие годы, пришло новое послание с Годольфуса-4. Оно гласило: «Мы создали корабли быстрее света, и двинулись вперед, и благословили земным просвещением десять тысяч триста восемьдесят четыре планеты. Больше планет не осталось. Все их народы спрашивают вместе с нами: «ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?»

Но это послание Каммерлинг, увы, уже не получил.

ТАКИ У НАС НА ВЕНЕРЕ
ЕСТЬ РАББИ!

Вот вы смотрите на меня, мистер Великий Журналист, как будто не ожидали увидеть маленького седобородого человечка. Он встречает вас в космопорте на такой развалине, какую на Земле давно бы уже зарыли. И этот человек, говорите вы себе, это ничтожество, пустое место, должен рассказать о величайшем событии в истории иудаизма?!

Что? Не ошибка ли это, желаете вы знать. Пятьдесят, шестьдесят, я не знаю сколько, может, семьдесят миллионов миль ради несчастного шлимазла с подержанным кислородным ранцем за спиной? И ответ: нет, не ошибка. Бедный — таки да, невзрачный — таки да, но вы разговариваете с человеком, который может рассказать все, что желаете, о тех скандалистах с четвертой планеты звезды Ригель. Вы разговариваете с Мильчиком, мастером по ремонту телевизоров. С ним самым. Собственной персоной.

Вещи ваши положим назад, а сами сядем впереди. Теперь захлопните дверь — посильнее, пожалуйста, — и если это еще работает, и то еще работает, и несчастный старенький модуль еще способен шевелиться, тогда, пожалуй, полетим. Сказать, что роскошно, таки нет, но — модуль-шмодуль — на место он доставит.

Вам нравятся песчаные бури? Это песчаная буря. Если вам не нравятся песчаные бури, не надо было прилетать

на Венеру. Это все, что есть у нас из красот. Тель-авивского пляжа у нас нет. Песчаные бури у нас есть.

Но вы говорите себе: я прилетел не ради песчаных бурь, я прилетел не ради разговоров. Я прилетел, чтобы выяснить, что же случилось у евреев, когда они со всей Галактики собрались на Венере. С чего этот шмендрик, этот Мильчик-телемастер, вздумал рассказывать о таком важном событии? Он что, самый умный? Самый ученый? Пророк среди своего народа?

Так я вам скажу. Нет, я не самый умный, я не самый ученый, уж точно не пророк. Я еле свожу концы с концами, ремонтируя дешевые телевизоры... Ученый — нет, но человек — да. И это первое, что вам надо усвоить. Слушай, говорю я Сильвии, моей жене, или в наших Книгах не сказано: убивающий единого человека убивает всю человеческую расу? Разве не следует отсюда, что слушающий одного слушает всех? И что слушающий одного еврея на Венере слушает всех евреев на Венере, всех евреев во Вселенной, до единого?

Но Сильвия — поди поговори с женщиной! — заявляет: — С меня достаточно твоих Книг! У нас три сына в женихах. А кто будет платить за переезд их невест на Венеру? Ты думаешь, хорошая еврейская девушка придет сюда за так? Она придет жить в этой геенне огненной, жить в норе, будет растить детей, которые не увидят солнца, не увидят звезд, одни только стены и пьяные шахтеры из кадмиевых шахт? Разве узнаешь из Книг, где взять денег? Или Книги помогут сыновьям Мильчика найти невест, раз их отец занят философией?

Мне не надо напоминать вам — вы журналист, вы образованный человек — мнение Соломона о женщинах. Хорошая женщина, говорит он, в конце концов обходится вам дороже жемчуга. И все же кто-то должен думать о деньгах и о невестах для мальчиков. Это второе. Первое то, что я человек и я еврей, может быть, это две разные вещи, но у меня есть право говорить от имени всех людей и всех евреев.

Но этого мало, так я еще и отец. У меня три взрослых сына здесь, на Венере. И если хотите нажить себе врага,

скажите: «Слушай, ты еврей? У тебя три сына? Ступай на Венеру!»

И это третье. Почему я, Мильчик-телемастер, вам это рассказываю и почему вы прилетели с Земли меня слушать? Потому что я не только еврей и не только отец, но и... Подождите. Дайте я задам вам вопрос. Вы не обидитесь? Вы точно не обидитесь?

...Вы случайно не еврей? Я имею в виду, может быть, дедушка? Прапрапрадедушка? Вы уверены? Может быть, кто-нибудь из них просто изменил фамилию в 2553 году? Не то чтобы вы выглядели евреям; нет, Боже упаси, но вы такой интеллигентный человек и задаете такие умные вопросы... Вот я и подумал...

Вам нравится еврейская еда? Через двадцать минут мой старенький усталый модуль выйдет из этой оранжевой пыли и доставит нас в шлюзовую камеру Дарджилинга. Вы попробуете еврейскую еду, поверьте мне, после нее расцелуете каждый пальчик.

Почти всю нашу еду привозят с Земли в особой упаковке и по особому договору. И разумеется, по особой цене. Моя жена Сильвия готовит поесть, так приходят со всего нашего уровня просто попробовать: рубленая селедка для возбуждения аппетита... И то, что я вам говорю, тоже для возбуждения аппетита, чтобы подготовить вас к главному блюду, большой истории, за которой вы прилетели.

Сильвия готовит все, что мы едим в шуле — нашей синагоге. Она готовит даже формальный субботний завтрак, который должны съесть мужчины после субботней молитвы. Мы все здесь ортодоксы и практикуем обряды Левиттауна. Наш рабби Джозеф Смолмэн — сверхортодокс и без ермолки, передававшейся от отца к сыну в его семье я уже и не знаю сколько веков, не появляется.

О, вы улыбаетесь! Вы знаете, что я перешел к главному блюду! Рабби Джозеф Смолмэн. Хотя это всего лишь Венера, но рабби у нас таки есть! Для нас он Акиба, Рамбам.

Знаете, как мы его зовем между собой? Великий Рабби Венеры.

Теперь вы смеетесь. Нет-нет, я слышал. Как, простите, отрыжка после сытного обеда?

Этот Мильчик, говорите вы себе, он и его соседи по норе, семьдесят, ну, может быть, восемьдесят еврейских семей, с Божьей помощью сводят концы с концами, и их рабби — Великий Рабби Венеры?

А что? Разве есть невозможное для Всевышнего, благословенно будет имя Его? В конце концов, как говорят наши Книги, «последний станет первым». Только, пожалуйста, не спрашивайте меня, какие Книги.

Почему он Великий Рабби? Что ж, во-первых, почему бы рабби Смолмэну не быть Великим Рабби? Или ему требуется сертификат от Лицензионного Бюро Великих Рабби? Или надо кончить Специальную Иешиву Великих Рабби? Так вот: вы — Великий Рабби, потому что вы ведете себя как Великий Рабби, вы принимаете решения, как Великий Рабби, вы признаны Великим Рабби... Должно быть, слышали, как он вел себя и как принимал решения, когда у нас на Венере проходил вселенский еврейский съезд.

У вас есть время выслушать один пример? Лет пять назад, накануне Пасхи, случился настоящий кошмар. Прямо у Венеры взорвался грузовой корабль. Никто не пострадал, но груз был поврежден, и корабль опоздал, пришел чуть ли не за час до начала первого седера. Так на том корабле находилась вся пасхальная еда, заказанная двадцатью четырьмя еврейскими семьями из Алтуна-Барроу. Она хранилась в банках и в герметических пакетах. Когда им доставили заказ, они заметили: многие банки погнуты и покорежены. И что гораздо хуже, большинство из них испещрено крошечными дырками! В соответствии с решениями Раввината 2135 года по Космическим путешествиям, еда в испорченной посуде считается автоматически нечистой — нечистой для каждодневного пользования, нечистой для Пасхи. Вот вам почти седер, и что прикажете делать?

Они небогатые люди. У них нет запасов, у них нет выхода, у них нет даже своего рабби. Было бы это делом жизни или смерти — хорошо, все годится. Но это не дело жизни или смерти. Они всего лишь не могут отпраздновать седера. А еврей, который не может отпраздновать Исход из

Египта мацой, травками и пейзаховкой, такой еврей что невеста без хупы, что синагога без Торы.

Алтуна-Барроу соединен с Дарджилинг-Барроу, это наша окраина. Да, окраина! Слушайте, где это сказано, что в маленьком местечке не может быть пригорода? И вот идут они со своими проблемами к нашему рабби Джозефу Смолмэну. Из банок, правда, не течет, но сделанная ими проверка дала плохой результат. Как рекомендовано Раввинатом 2135 года, взяли волос с чьей-то головы и засунули его в дырку, и волос не завернулся назад... Что же, значит, пропала дорогая еда? Не будет седера в Алтуна-Барроу?

Таки да — для обычного рабби. Наш же рабби Смолмэн все смотрел на них и смотрел, а потом почесал прыщ с правой стороны носа. Он красивый человек, рабби Смолмэн, сильный и полный, вылитый Бен-Гурион в расцвете сил, но у него всегда большой красный прыщ с правой стороны носа... Затем поднялся, и подошел к книжной полке, и снял полдюжины томов Талмуда и последние три тома заседания Раввината по Космическим путешествиям. И он заглянул в каждую книгу по меньшей мере раз и подолгу думал. Наконец он спросил:

— Какой волос вы выбрали и с чьей головы?

Ему показали волос — хороший белый волос с головы древнего старца, тонкий и нежный, как первый вздох младенца.

— Теперь сделаем проверку с волосом по моему выбору.

И он позвал моего старшего, Аарона Давида, и велел ему выдернуть волос.

Вы не слепой, вы видите мой волос — в таком возрасте! — какой он жесткий и грубый. А поверьте мне, это уже не тот волос... Мой мальчик, мой Аарон Давид, у него наш семейный волос, каждый вдвое, втрое толще обычного. И когда рабби Смолмэн берет продырявленную банку и сует волос Аарона Давида, тот, разумеется, вылезает назад, как кусок гнутой проволоки. И когда он пробует на другой банке, волос снова не идет внутрь. И вот рабби Смолмэн указывает на первую банку, которую ему принесли, ту, которую проверяли волосом старика, и говорит:

— Я объявляю пищу в этой банке нечистой и негодной, а все остальное хорошего качества. Идите домой и делайте седер.

Вы понимаете, надеюсь, в чем величие этого решения? Евреи со всей Венеры обсуждали, и каждый приходил в восхищение. Нет. Простите, вы не правы. Величие — не просто в решении, позволившем нескольким бедным евреям насладиться седером в своих домах. Эта старая истина — лучше еврей без бороды, чем борода без еврея. Попробуйте еще. Снова неверно. Любой хороший рабби взял бы толстый волос в подобных обстоятельствах. Для этого не обязательно быть Гилелем. Вы все еще не догадались? Гойше коп!

Извините. Я не хотел говорить на непонятном вам языке. Что я сказал? О, совершенные пустяки! Просто замечание по поводу того, как некоторые люди намерены стать учениками Талмуда, а другие не намерены стать учениками Талмуда. Что-то вроде старой поговорки среди нас.

Конечно, я объясню. Почему великий? Во-первых. Всякий приличный рабби обязательно признает пищу чистой и годной. И во-вторых. Хороший рабби, первоклассный рабби найдет способ, как это сделать: возьмет волос моего сына, то, се, все, что угодно. Но, в-третьих, лишь воистину великий рабби изучит столько книг и будет думать напряженно и долго, прежде чем объявит свое решение. Как они могут действительно насладиться седером, если не уверены в правильности решения? А как им быть уверенными, если они не увидят, что для этого приходится изучить девять разных томов? Ну, теперь-то вам ясно, почему мы звали его Великим Рабби Венеры еще за пять лет до Неосионистской конференции и грандиозного скандала с бульбами?

Поймите, я не выдающийся муж Талмуда — у человека есть семья, а дешевые телевизоры на такой планете, как Венера, не помогают вам решать проблемы Гемара. Но всякий раз, когда я думаю, что наша конгрегация имеет в лице рабби Смолмэна, мне вспоминается, как Книги начинают спор: «Человек находит сокровище...»

Только не считите, что наше сокровище — для всех сокровище. Почти все евреи на Венере ашкенази — люди, чьи предки эмигрировали из Западной Европы в Америку до Катастрофы и не вернулись в Израиль после Сбора. Но у нас по крайней мере три вида ашкенази, и только мы, левиттаунские ашкенази, зовем рабби Смолмэна Великим Рабби Венеры. Вильямсбургские ашкенази, а их гораздо больше, черногабардиновые ашкенази, которые дрожат и молятся, дрожат и молятся, зовут рабби Смолмэна пасхальным рабби. А для ашкенази Майами, богатых счастливчиков, живущих в большом Ай-Би-Эм-Барроу, рабби — что незамужняя девчонка, напустившая умный вид. Говорят, вильямсбургские ашкенази верят во все чудеса, для левиттаунских ашкенази чудо — найти работу, а ашкенази Майами не верят ни в чудеса, ни в работу, они верят только в экспорт-импорт.

Я вижу, вам не терпится. Вы закусили, сейчас попробовали супа и ждете главного блюда. Послушайте, успокойтесь немножко. Я только расскажу вам одну вещь. Назовем это салат. Вы думаете что? — это не салат, а так, пустяк. Вы хотите историю как бутерброд? Так идите куда-нибудь еще. Мильчик подает только полные обеды.

В тот вечер после седера сижу я на скамейке возле нашей квартиры в Дарджилинг-Барроу. По мне, это лучшее время: спокойно, тихо, большинство уже в постели, в коридоре есть чем дышать.

Сижу, думаю, и выходит Аарон Давид и садится рядом со мной.

— Папа,— начинает он, помолчав.— Я собираюсь стать рабби.

— Поздравляю,— говорю я.— Что касается меня, то я собираюсь стать вице-королем Венеры.

— Я серьезно, папа.

— А я шучу? Почему бы меня не назначить в Совет Одиннадцати Земных Наций или президентом Титана и Ганимеда? Я буду еще хуже, чем этот нынешний хулиган, так что — у него разобьется сердце в груди?.. Ну хорошо,— говорю я сыну, я ему говорю «хорошо», потому что он поворачивается ко мне и смотрит на меня глазами Сильвии,

а такие глаза, я вам скажу, могут смотреть.— Итак, ты хочешь стать рабби. Чего же зря хотеть? Я тебе дам все, что смогу дать. Ты знаешь, у меня есть маленькая синяя отвертка. Ее сделали в Израиле пятьсот лет назад, когда Израиль еще считался еврейским государством. Это драгоценная маленькая отвертка, что как кость моей правой руки, и все же я отдам ее тебе, если ты попросишь. Но я не могу достать денег на обучение в иешиве. И, что еще важнее, у меня нет денег даже на перевозку твоей невесты. Традиция, ей много сотен лет, с тех пор как евреи начали эмигрировать в космос: невеста в Левиттаун должна прилететь с другой планеты... А ведь у тебя еще два брата.

Аарон Давид чуть не плачет.

— Если бы только... если...

— Если,— повторяю я.— Если... Ты знаешь, что мы говорим о «если». Если бы у твоей бабушки была мошонка, она была бы твоим дедушкой. Посуди сам, до начала обучения нужно знать три древних языка: арамейский, иврит и идиш. Так я тебе скажу. Если ты многому научишься заранее, может быть, если произойдет чудо и мы сможем отправить тебя в иешиву, ты сможешь кончить ее раньше, чем наша семья разорится. Если рабби Смолмэн, например, согласится давать тебе уроки.

— Согласится! — перебивает меня мой мальчик.— Он уже занимается со мной!

— Нет, я говорю об уроках, за которые надо платить. Один день после ужина ты учишься у него, а на следующий день после ужина мы с тобой все повторяем. Так и я немного обучусь, не буду таким невеждой. Ты знаешь, что сказано в Книгах об изучении Талмуда: «Найди себе товарища...» Ты будешь моим товарищем, я буду твоим товарищем, и рабби Смолмэн будет нашим товарищем. Мы объясним твоей матери, когда она станет кричать, и нас будет двое против одного.

Так мы и сделали. Чтобы заработать лишних денег, я стал возить на своем модуле грузы из космопорта. Вы заметили, он едет сейчас, будто у него грыжа? И я пристроил Аарона Давида в бойлерную на восемнадцатом уровне. Я рассудил так: если Гилель чуть не замерз до смерти

на той крыше, чтобы стать ученым, не беда, если мой сын немного попарится ради той же цели.

Мой сын учится и учится, он ходит и говорит все больше как грамотей и все меньше ходит и говорит как телемастер. Я тоже учусь, не так, конечно, но достаточно, чтобы украсить свою речь строками из Ибн-Эзры и Менделе Мойхер-Сфорима. Я не стал от этого хоть на грош богаче, я все такой же касрилик, шлемиль, но по крайней мере я образованный шлемиль. Я счастлив. Правда, я не вижу, где взять денег на иешиву. Но послушайте, учение всегда учение. Как говорит Фрейд, просто увидеть Минск из Варшавы, даже если ты не так смотришь и не понимаешь, что видишь, — уже стоит того.

Но кто, спрошу я вас, может увидеть отсюда Ригель?

Конечно, о неосионистском движении мы слышали давно. Евреи всегда знают, когда другие евреи собираются устроить неприятности на свою голову. Мы слышали о книге доктора Гликмана, слышали, что его убили вегианские даянисты, что по всей Галактике у него появляются последователи. Послушайте, в нашей синагоге даже устроили денежный сбор «Героической памяти доктора Гликмана и на откупление Святой Земли у иноверцев с Веги».

С этим я не спорю. Я сам раз-другой бросил пару монет в кружку. В конце концов, почему бы Мильчику-телемастеру из своих личных средств не помочь откупить Святую Землю?

Но неосионистское движение — другое дело. Я не трус и в случае крайней необходимости готов умереть ради своего народа. Но если нет крайней необходимости... Послушайте, мы, евреи на Венере, научились не высовывать носа из своих нор. Не то чтобы на Венере был антисемитизм — нет, кому такое в голову придет?! Когда вице-король пять раз на неделе заявляет: у Венеры, мол, отрицательный торговый баланс, потому что евреи ввозят слишком много кошерной еды, — это не антисемитизм, это глубокий экономический анализ. И когда министр внутренних дел устанавливает квоту на число евреев в каждой норе и позволяет переезжать лишь по особому разрешению — это тоже не антисемитизм, ясно, это эффективный контроль

над миграцией. Что я хочу сказать: зачем злить такое евреелюбивое правительство?

Еще одно мне не нравится у неосионизма. И об этом трудно говорить вслух, особенно перед посторонним человеком. Насчет возвращения в Израиль. Где же еще быть еврею? Мы начинали там с Авраамом, Исааком и Иаковом. Ничего хорошего. Первый раз мы вернулись с Моисеем и немного-таки там пожили — пока нас не вышвырнули вавилоняне. Потом нас привел Зоровавель, но Тит сжег Храм, и римляне заставили нас снова уйти. Две тысячи лет странствий по миру дали нам всего-навсего Спинозу, Маркса и Эйнштейна, Фрейда и Шагала, и мы сказали: достаточно так достаточно, обратно в Израиль. И вот мы вернулись с Бен-Гурионом, Хаимом Вейцманом и остальными. Пару веков все шло нормально. Приходилось беспокоиться только из-за сорока миллионов арабов, мечтавших нас убить. Но этого же мало для тех, кого сам Господь, благословенно имя Его, назвал на горе Синай «упрямым народом»! Нам нужно было ввязаться в спор — в разгар Межпланетного Кризиса — с Бразилией и Аргентиной!

Что касается меня — не знаю насчет других евреев, — так я устал. Если нет, так нет. Если прочь, так прочь. Если прощай, так прощай.

Но у неосионистов иной взгляд на дело. Они чувствуют, что мы уже отдохнули, пора начинать новый круг. «Пусть Третье Изгнание кончится в наши дни! Восстановить кнессет! Израиль для евреев!»

Кто спорит? Кроме одной малости, которую они проглядели: Израиль и Иерусалим в наши дни — даже не для людей. Совету Одиннадцати Земных Наций не нужны неприятности с вегианцами теперь, когда такое творится в Галактике. Если обе стороны в Вегианской гражданской войне жаждут объявить этот шмоток Святой Землей, потому что основатели их религии когда-то по нему ступали, пускай они воюют из-за него между собой.

И я, Мильчик-телемастер, не вижу ничего необычного в том, что вегианские моллюски основывают свою религию на жизни одного еврея по имени Моше Даян и хотят смолотить в капусту всех других евреев, собирающихся

вернуться на землю своих предков. Во-первых, с нами это уже случалось. Для еврея такое отношение должно бы уже войти в привычку. Где это записано, будто даянист обязан любить родственников Даяна? Во-вторых, много евреев протестовало пятьдесят лет назад, когда другая сторона, вегианские Омейяды, обвинила магометан-людей в святотатстве и изгнала их из Иерусалима?

И вот организуется Первая Межзвездная Неосионистская конференция. Ее намечено провести в Базеле — чтобы, полагая, история имела шанс повториться. Как только об этом узнают вегианские даянисты, они заявляют протест Совету Одиннадцати Земных Наций. Вегианцы — почетные гости Земли или нет? Их религию осмеивают! — утверждают они. И даже убивают парочку евреев, чтобы показать, как они удручены. Разумеется, евреев обвиняют в подстрекательстве к погрому и, в интересах закона и порядка, не говоря уже о мире и спокойствии, всем евреям отказывают во въездных визах.

А делегаты на конференцию с разных концов Галактики уже в пути. Если их не пускают на Землю, куда им податься?

Куда же еще, как не на Венеру? Идеальное место для такой конференции! Пейзаж просто великолепен для бывших пустынных, и есть вице-король, чья администрация буквально обожает еврейский народ. Кроме того, на Венере отчаянная нехватка жилья, а евреев хлебом не корми, дай решать всякие проблемы.

Послушайте, могло быть хуже. Как Эсфирь сказала Мордукаю, когда тот поведал ей о планах Амана зарезать всех евреев Персии: могло быть хуже, только в настоящую минуту я не вижу, каким образом.

Делегаты прилетают в Солнечную систему, их отправляют на Венеру — и без вопросов. Наша жизнь наполняется любовью. Во-первых, выходит декрет: делегаты не могут пользоваться гостиницами, даже если у них достаточно денег. Их слишком много, они перегружат систему коммунального обслуживания или что-то в этом роде. Потом. Раз евреи братья друг другу, пусть принимают своих сородичей.

Вы остановитесь и рассудите, сколько всего на нас навалилось. На каждой планете в Галактике, где есть человеческое население, живет по крайней мере горстка, дуновение, капля евреев. И вот с одной планеты летят два делегата, с другой — пятнадцать делегатов, с третьей, где много евреев — пусть они живут на здоровье, так они ссорятся, — шестьдесят три делегата, разбитые на восемь группировок. Может быть, нехорошо считать евреев, даже если они делегаты, но когда на Венере высадился последний, у нас их было предостаточно.

Вильямсбургские ашкенази возражают. Для них некоторые из этих евреев — вовсе и не евреи; они не пустят их в свои норы, что тут говорить о квартирах. В конце концов шомрим в штанах цвета хаки, реконструкционисты, молящиеся по переписываемому дважды в неделю сиддур, японские хасиды, раз в год на восходе солнца надевающие тфилим в память Великого Обращения 2112 года, — разве евреи? — спрашивают вильямсбургские ашкенази.

Совершенно верно, отвечает правительство. Это тоже евреи. И будьте любезны распахнуть перед ними двери своих жилищ.

Правительство посылает полицию, правительство посылает войска. Летят бороды, летят головы, жизнь, как я говорил, полна любовью.

Если вы возражаете, вы думаете, вам это поможет?

Конечно, поможет — как мертвому припарки. Левиттаунские ашкенази заявляют: мы выполним волю нашего правительства, мы предоставим жилье. И что? Моего брата и всю его семью, и всех их соседей выселяют из Квантум-Барроу.

Межзвездный Неосионистский съезд у нас есть или нет?

Смотрю я на это и вспоминаю обещание, данное Аврааму, Исааку и Израилю: «И я умножу ваше семя свыше числа звезд на небе». Обещание обещанием, думаю я, но это может пойти слишком далеко. Одних звезд уже достаточно, но если у каждой звезды десять, может быть, двенадцать планет...

К тому времени я и вся моя семья — мы живем на кухне. Мой брат и его семья — а у него она большая, надо вам сказать, дай им Бог здоровья, — ютятся в столовой. То, что моя жена Сильвия зовет приемной, занимает рабби с Проциона-12 и его свита; плюс, в отгороженном углу, корреспондент мельбурнской газеты «Еврейский страж», и его жена, и его собака. В спальнях... Послушайте, к чему продолжать?

Достаточно? Нет, вы меня простите, не достаточно.

Иду я однажды в ванную. Человек имеет право зайти в свою ванную? И вижу там три создания, каждое длиной с руку и толщиной с голову. Они выглядят — как коричневые подушки, мятые и морщинистые, с какими-то пятнами там и пятнами тут, и из каждого пятна растет короткое серое шупальце.

На мой крик прибежал Аарон Давид:

— В чем дело, папа?

Я указал на коричневые подушки.

— А, это бульбы.

— Бульбы?

— Три делегата с четвертой планеты звезды Ригель. Другие три делегата в ванной Гуттенплана.

— Делегаты? Ты имеешь в виду, что они евреи?! Они не похожи на евреев!

Аарон закатил глаза к потолку:

— Папа, ты такой старомодный! Сам же мне говорил: голубые евреи с Альдебарана — доказательство исключительной приспособляемости нашего народа.

— Ты меня извини, — сказал я. — Еврей может быть голубым — я не говорю, что мне это нравится, но кто я такой, чтобы возражать? — еврей может быть высоким или маленьким. Он может даже быть глухим от рождения, как эти евреи с Канопуса. Но еврей обязан иметь ноги и руки, лицо с глазами, нос и рот. По-моему, это не так уж много...

— Ну и что? — возмутился Аарон Давид. — Если они отличаются от нас, разве это преступление?

Я оставил его и пошел в ванную в синагоге. Называйте меня старомодным, но все же есть предел, есть черта, у

которой я должен остановиться. Здесь надо сказать, Мильчик не может заставить себя быть современным.

Вы знаете, я оказался не один такой.

Я взял день за свой счет и пошел на первое заседание.

— Богатый человек,— сказала мне моя Сильвия.— Добытчик. Кормилец. Пустая болтовня принесет тебе невест для наших мальчиков?

— Сильвия,— ответил я ей,— один раз в жизни мои клиенты пусть, может быть, не очень чисто примут телевизионные новости. Один раз в жизни я могу посмотреть на представителей всех евреев, улаживающих свои дела?

И я пошел. Только нельзя сказать, что они ладили. Как обычно, поднялся шум вокруг бронштейнистско-троцкистской резолюции, направленной против Союза Советской Уганды и Родезии. Затем нам пришлось выслушать часовую дискуссию о том, что само существование шестизэтажной статуи Хуана Кревея в Буэнос-Айресе есть тягчайшее оскорбление для каждого еврея, и, следовательно, все мы должны бойкотировать аргентинские товары, пока статую не уберут. Я был согласен с тем, что сказал председатель, когда сумел перекрыть шум. «Мы не можем позволить себе отвлекаться на столь старые преступления, на столь постоянные оскорбления. Иначе с чего нам начать и где остановиться?»

Наконец, после традиционных еврейских прелиминарий, добрались до конкретной проблемы первой сессии: аккредитации делегатов. И застряли. Застряли и смешались, как кусочки лапши в омлете с лапшой.

Бульбы. Три из моей ванной, три из ванной Макса Гуттенплана — вся делегация с Ригеля-4.

— Относительно документов вопросов нет,— сообщает Мандатная комиссия.— Их документы в порядке, и бульбы считаются делегатами. Другое дело, что они не могут быть евреями.

— А почему это мы не можем быть евреями? — желают знать бульбы.

И здесь мне пришлось встать и посмотреть хорошенько. Я не мог поверить своим глазам. Потому что представьте,

кто был их переводчиком? Не кто иной, как мой сын, мой кадиш, мой Аарон Давид. Собственной персоной.

— Почему вы не можете быть евреями? Потому,— объясняет председатель Мандатной комиссии, причмокивая мокрыми губами,— что евреи могут быть такими и могут быть сакими. Но прежде всего они должны быть людьми.

— Будьте любезны указать нам,— просят бульбы через моего сына-переводчика,— где это сказано и в какой книге, что евреи обязаны быть людьми. Назовите авторитетный источник, приведите цитату.

На этом месте подходит заместитель председателя и извиняется перед председателем комиссии. Заместитель председателя принадлежит к типу ученых мужей, которые получают высокие степени и награды.

— Вы меня простите,— вступает он,— но вы выражаетесь не совсем ясно. На самом деле все просто.— Он поворачивается к бульбам: — Тот не может быть евреем, кто не рожден еврейской матерью. Это самое древнее, самое фундаментальное определение еврея.

— А с чего это вы взяли,— интересуются бульбы,— будто мы рождены не еврейскими матерями? Мы привезли с собой свидетельства о рождении.

Тут начинается бардак. Компания делегатов в хаки орет и топает ногами. Другая компания, пейсатых и в меховых шапках, плюется и визжит, что все это мерзость. Везде кипят споры. Спорят здесь, спорят там, спорят по двое, по трое, по двадцать пять, спорят о биологии и об истории.

Мой сосед, с которым я не перебрался и словом, поворачивается ко мне и тычет мне пальцем в грудь:

— Если вы займете эту позицию, то каким образом согласуете вы ее с известным решением, взять хотя бы для примера...

А бронштейнисты-троцкисты завладели микрофоном и пытаются провести свою резолюцию по Уганде и Родезии.

Наконец восстанавливается подобие порядка, и кто-то предлагает аккредитацию бульб решить всеобщим голосованием.

— Аккредитацию как кого? — интересуются из зала. — Как делегатов или как евреев? Их приняли как делегатов, а кто мы такие, чтобы судить о евреях?

— Я принимаю их как евреев в религиозном отношении, — раздается голос, — но не в биологическом.

— Это что еще за биологическое отношение, — кричит делегат с другого конца зала, — вы имеете в виду не биологию, вы имеете в виду расу, вы расист!

Ясно: сколько делегатов, столько и мнений. А председатель, там, наверху, стоит и не знает, как поступить.

Вдруг один из бульб забирается на платформу, берет маленьким шупальцем микрофон и шепчет в него:

— Модэ ани л'фонэха.

Сам по себе перевод этой строки ничего особенного не означает: «Вот стою я перед Тобой». Но какой еврей не будет ею тронут? «Модэ ани л'фонэха», — в молитве обращается еврей к Богу, благословенно имя Его. И это мы слышим сейчас в зале.

Не надо разговоров о расе, говорит бульба, не надо разговоров о религии, не надо разговоров о философии. Я утверждаю: я еврей по существу и по духу. Как евреи, принимаете вы меня или отвергаете?

Никто не может ответить.

Конечно, все это нисколько не приближает съезд к Израилю, к возвращению из Третьего Изгнания. Но, с одной стороны, ясно, что от вопроса не отмахнуться, а с другой — что пора его решить. Надо только выяснить: что же такое в нашу космическую эпоху представляет собой еврей?

И как Моисей выжимал из камня воду, так и нам предстоит выдаивать капли мудрости.

Высокий Раввинат подбирают так, чтобы его состав хоть немного устраивал каждого. Правда, это значит, что ученые мужи не хотят разговаривать друг с другом. Тут и рабби с Тау Кита, и президент унитариянской еврейской теологической семинарии, и мистический рабби Борнео. И так далее, и так далее. Две женщины: одна для удовлетворения большинства реконструкционистов, другая — спе-

циально для богатых ашкенази Майами. И наконец, рабби с Венеры Джозеф Смолмэн.

Хотите кое-что узнать? Рабби Смолмэна поддерживали бульбы, а это мой Аарон Давид убедил их.

— Мы добились! — воскликнул он тем вечером, и глаза его танцевали как метеориты.

Я пытался успокоить его:

— Ты думаешь, это все равно что перейти Красное море? Зачем рабби Смолмэну заставлять евреев считать шесть коричневых подушек своими братьями?

— Как зачем, папа? Ради справедливости!

Когда сын такой, отец может гордиться. Но надо вам сказать, мне все-таки было грустно. Ведь стоит раздаться слову «справедливость», рано или поздно кто-то поплатится головой.

Но то, что день ото дня происходило на съезде, было как воплощенная легенда. Это было все равно что найти реку Саббатсион, увидеть ее бурлящей и кипящей и швырять камни каждый день, кроме субботы. Такую историю рассказали бульбы!

Они прилетели на четвертую планету звезды Ригель, может быть, восемь сотен лет назад. Первоначально они жили в Парамусе, штат Нью-Джерси; всю их коммуны выселили для улучшения проезда к мосту Джорджа Вашингтона. Но должны же они где-нибудь жить, верно? Так почему не на Ригеле?

Беда заключалась в том, что единственную пригодную для жизни планету в системе Ригель уже занимала разумная раса коричневых существ с короткими щупальцами, которые звали себя бульбами. Это был малоразвитый народ, кормившийся с земли, ну и, может быть, мельница здесь, маленький заводик там. Евреи из Парамуса хотели жить самостоятельно, никому не мешая, но бульбы отнеслись к ним так гостеприимно, так приглашали поселиться с ними, что те посмотрели друг на друга и сказали: почему бы нет?

Евреи построили маленький коммерческий космопорт, дома, дворец культуры...

Здесь один из членов Раввината наклоняется вперед и перебивает рассказчика:

— Пока это происходило, вы выглядели как евреи? Я имею в виду, вы были похожи на привычных нам евреев?

— Более или менее. Полагаем, мы особенно походили на евреев из Нью-Джерси.

— Этого достаточно. Продолжайте.

Первые сто — сто пятьдесят лет царили счастье и благополучие. Евреи процветали, бульбы процветали, и между ними — мир да любовь. С помощью евреев бульбы многому научились и многого достигли. У них появились фабрики, у них появились заводы, у них появились банки, вычислительные центры и автомобильные свалки. У них появились большие войны, большие депрессии, большие диктаторы. И они начали задумываться: кто виноват? Есть ли какой-нибудь другой ответ на этот вопрос? Ответ только один. Евреи, разумеется. Философы и чернь вспомнили: до евреев все было тихо-спокойно. Так на Ригеле-4 произошел первый погром.

А лет через двадцать после того, как правительство принесло извинения и даже помогло похоронить мертвых, произошел второй погром. Потом третий, четвертый... К тому времени правительство перестало приносить извинения.

Появились трудности с работой, появились гетто, иногда появлялись даже концентрационные лагеря. Не то чтобы все это было ужасно, нет. Были и светлые моменты. Правительство убийц могло смениться правительством почти порядочным, скажем, просто насильников. Евреи Ригеля оказались в положении евреев Йемена и Марокко восемнадцатого века. Они выполняли самые грязные, самые низкооплачиваемые работы. Все плевали в них, и они плевали сами на себя.

Но евреи сохранились, хоть не сохранилось ни одного целого Талмуда, ни одной Торы в синагоге. Летели века. И вот недавно к власти пришло новое, просвещенное правительство. Оно вернуло евреям гражданство и разрешило им послать делегацию на Неосионистский съезд.

Беда заключалась лишь в том, что к тому времени евреи выглядели как самые обыкновенные бульбы, причем как

самые слабые, самые бедные бульбы, бульбы самого низкого сорта.

Но то же происходило с евреями в других местах! Евреи всегда приспособлялись! Разве не было светловолосых евреев в Германии, рыжих евреев в России, черных евреев — фалашей — в Эфиопии, высоких горских евреев на Кавказе? Разве не было евреев, поселившихся в Китае еще при династии Хань и известных в этой земле как «Тай Чин Чао»? А голубые евреи, сидящие на этом самом съезде?

Тут их снова перебивают:

— Другими словами, несмотря на вашу наружность, вы просите нас поверить, будто вы евреи, а не бульбы?

— Нет. Мы просим вас поверить, что мы бульбы. Еврейские бульбы.

Споры разгорались все жарче. Как это возможно, чтобы имели место такие колоссальные изменения? Не проще ли предположить, что в то или иное время всех евреев на Ригеле уничтожили, а потом произошло массовое обращение, как, например, у хазар в восьмом веке или позже у японцев? Нет, возразили бульбы, если бы вы знали, какие у евреев были условия, вы бы не говорили о массовом обращении в иудаизм. Это было бы массовым безумием.

— Но ваш рассказ опровергают факты экспериментальной биологии!

— Кому вы верите, — упрекнули бульбы, — фактам экспериментальной биологии или своим же евреям?

И это был первый день. Я вернулся домой, рассказал обо всем брату, и мы стали обсуждать события. Он взял одну сторону, я — другую. Через несколько минут я махал кулаком у его лица, а он кричал, что я «идиот, животное». В соседней комнате рабби с Проциона-12 пытался притушить такой же спор среди своей свиты.

— Если они хотят быть евреями, — орал на меня брат, — пускай принимают иудаизм! Тогда они будут евреями, и не раньше!

— Убийца! — растолковывал я ему. — Как могут они принять иудаизм, когда они уже евреи! Такое обращение было бы мерзким и позорным посмешищем!

— Без обращения я наотрез отказываюсь принимать их за евреев. Без обращения, даже если бы я праздновал обрезание сына...— Он замолчал и вдруг изменил тон.— Как, по-твоему, они проводят обрезание, Мильчик? Что они там обрезают?

— Они обрезают кончик самого короткого щупальца, дядя Флейчик,— пояснил мой Аарон Давид, входя в комнату.— По Завету требуется лишь капля крови. Кровь у них есть.

Говорю вам, день за днем это было как мечта жизни!

Раввинат добирается до образования еврейского государства в двадцатом веке и всех спорных вопросов, возникших с началом Сбора. Например, бен-израильские евреи Бомбея, попавшие в Индию в результате вторжения в Палестину Антиоха Эпифана. От всего иудаизма они помнили один шем. Причем у них существовало две касты: черная и белая. Они евреи или нет? Как это доказать?

В общем, все сводилось к одному: что такое еврей? Почему этот народ отличается от других?

И вы знаете, нашим мудрецам тут есть о чем подумать. Они могут взвесить определение человека, выработанное Советом Одиннадцати Земных Наций. Они могут углубиться в решения парижского Синедриона 1807 года. Наконец, они могут обратиться к «Каббале» и рассмотреть проблему рождения чудовищ от сожительства с Детями Лилит. Но в конце концов они должны решить, что же такое еврей, раз и навсегда — или найти новый выход.

И рабби Смолмэн нашел. Я говорю вам, таки у нас на Венере есть рабби!.. Привести сборище евреев — ученых евреев! — к единому мнению — это, уважаемый, уже достижение.

На протяжении всего разбирательства, когда бы ни разгорался спор, грозивший затянуться на неделю — к примеру, была ли то белая нить или черная нить,— рабби Смолмэн почесывал красный прыщ на носу и говорил, что мы, пожалуй, все можем согласиться, что по крайней мере это действительно была нить.

Конечно, все понимали: вопрос нужно как-то решить. Дни летели, собравшиеся так и не знали, сколько делегатов

и сколько евреев. Уже были козни из-за бульб, уже были драки из-за бульб, уже находились люди, которые говорили, что они сыты по горло этими бульбами.

Так вот. Решение учитывало все данные, все сведения, все толкования, всю историю от Эзры и Неемии. Оно начиналось утверждением, принятым для группы консерваторов: только тот еврей, кто рожден еврейкой. А кончалось утверждением, принятым для либерально-радикального крыла: евреем является любой, добровольно приемлющий бремя, ярмо еврейства. Решение включало и несколько промежуточных положений и указывало, что нет никакой возможности их совместить.

А надо ли их совмещать? И что будет, когда мы пойдем еще дальше в космос и всякие самые странные создания, в другой галактике, захотят стать евреями?

Давайте взглянем на это с другой стороны. Среди людей есть евреи и есть гои. Среди евреев есть реформированные, голубые, левиттаунские, вильямсбургские, и не все они между собой хорошо ладят. Но по сравнению с гоем все они евреи. Между евреем и гоем чудовищная разница, но по сравнению с каким-нибудь инопланетянином все они люди. Слово «гой» неприменимо к инопланетянину. Так казалось до недавних пор.

Мы все наблюдали, как за последние два года пришельцы с Веги приняли земную религию, точнее, две земные религии. Они не пускают евреев в землю Израиль. Они нас ненавидят. Они нас преследуют. Стало быть, простые ли это инопланетяне? Конечно нет! Пусть они не похожи на людей, пусть выглядят как гигантские устрицы, тем не менее они определенно принадлежат к категории инопланетян-гоев.

Хорошо. Но если есть инопланетяне-гои, то почему не может быть инопланетян-евреев? Если они живут, как мы, сталкиваются с теми же проблемами, что и мы, знают, чем пахнет погром, знакомы со сладостью наших суббот? Давайте скажем так: есть евреи и есть евреи. Бульбы принадлежат ко второй группе.

Это не точные слова решения, вы понимаете. Это свободный перевод Мильчика-телемастера, за который он не требует дополнительной платы.

Не все остались довольны. И все же большинство делегатов были счастливы, что дело наконец улажено, и проголосовали «за».

Одна беда: как только съезд перешел к основному вопросу, вице-король Венеры закрыл его. Ясно — съезд чересчур затянулся и будит дурные чувства. Делегатов отправили паковать вещи.

Неплохое развлечение, а? Рабби Смолмэн все еще наш рабби, хоть он безмерно известен. Он разъезжает с лекциями с одного края Галактики на другой. Но всегда возвращается к нам, каждый год на Святые дни. Ну хорошо, хорошо, не всегда, вы знаете, как это бывает, иногда не получается. Знаменитость, в конце концов. Великий Рабби Венеры.

А мой сын Аарон Давид... Знаете, он в иешиве. За него платят бульбы. Вот его письмо. Мальчик собирается улететь на Ригель-4 и стать их рабби.

О невесте он не пишет ничего. Послушайте, может, я окажусь дедушкой маленькой коричневой подушки с короткими шупальцами? Что ж, внук есть внук.

Не знаю. Давайте поговорим о чем-нибудь веселом. Вы слышали, сколько народу угробилось во время землетрясения на Каллисто?

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛЛ

АЛАМАГУСА

Впервые за долгое время на «Неугомонном» воцарилась тишина. Он стоял в Сириусском космическом порту. Его дюзы остыли, корпус был исцарапан космическими частицами. Корабль напоминал спортсмена, изнемогшего после бега на длинную дистанцию. Оно и понятно: он возвратился из долгого полета, который проходил далеко не гладко.

Но теперь, в порту, начался заслуженный кратковременный отдых. Покой, блаженный покой! Никаких тебе забот, никаких критических минут, никаких авралов, никаких неприятностей, обычных при двух полетах в день. Покой, и только!

Капитан Макноот отдыхал в своей каюте. Он задрал ноги на письменный стол, расслабил все мышцы и блаженствовал. Двигатели замерли. Впервые за несколько месяцев не было слышно их дьявольской стукотни. Четыреста человек экипажа гуляли и веселились в близлежащем большом городе под ослепительным солнцем. Вечером, когда старший офицер Грегори вернется к исполнению своих обязанностей, капитан погрузится в благоуханный сумрак и обойдет залитые неоновым светом местные достопримечательности. В этом — вся роскошь долгожданной посадки. Люди могут отдать дань своей натуре и развлечься кто как

хочет. На космодроме нет ни службы, ни опасностей, ни ответственности, ни беспокойства. Надежная гавань и утешение для усталых скитальцев.

В каюту вошел старший радист Бэрмен. Он был одним из пяти или шести оставшихся на посту. Лицо его выражало досаду, что нельзя заняться каким-либо более интересным делом.

— Только что поступила ретранслированная радиограмма, сэр!

Он передал бумагу и ждал: капитан прочтет ее и, может быть, продиктует ответ.

Взяв листок, Макноот снял ноги со стола, сел прямо и прочел послание вслух:

ТЕРРА, ШТАБ-КВАРТИРА. «НЕУГОМОННОМУ». ОСТАВАЙТЕСЬ В СИРИУССКОМ ПОРТУ ВПЛОТЬ ДО ОСОБЫХ РАСПОРЯЖЕНИЙ. СЕМНАДЦАТОГО К ВАМ ПРИБУДЕТ КОНТР-АДМИРАЛ ВЕЙН В. КАССИДИ. ФЕЛЬДМЕН, КОМАНДУЮЩИЙ СИРИУССКОЙ СЕКЦИЕЙ ФЛОТА.

Макноот оторвал глаза от радиограммы. Теперь его обветренное лицо отнюдь не выражало удовольствия. Он тяжело вздохнул.

— Что-нибудь неладно? — встревоженно спросил Бэрмен.

Макноот указал на три тощие книжки, украшавшие его стол:

— Средняя, страница двадцать.

Перелистав книжку, Бэрмен нашел место, где было сказано: «Вейн В. Кассиди, контр-адмирал, главный инспектор судов и складов».

Бэрмен с трудом проглотил слюну.

— Это значит?..

— Да, это значит...— без всякого удовольствия подтвердил Макноот.— Назад к тренировочному колледжу со всеми его нелепостями. Крась рубки и мой палубу мылом, плюй и вытирай.— Он придал лицу официальное выражение и заговорил голосом важного начальника: — Капитан, у вас

всего семьсот девяносто девять аварийных пайков. Между тем вам полагается иметь восемьсот. Из вашего бортового журнала не видно, что стало с недостающим пайком. Где он? Что с ним случилось? И как это вышло, что в вещевом мешке одного из ваших людей нет своевременно выданной ему законной пары подтяжек? Вы подали рапорт об этой нехватке?

— Почему он вдруг решил наброситься на нас? — спросил ошеломленный Бэрмен. — Раньше он никогда к нам не совался.

Макноот хмуро уставился на стену.

— Почему? А потому, что пришел наш черед получить порку. — Его взгляд упал на календарь. — В нашем расписании три дня, и дорога каждая минута. Скажите младшему радисту, пусть сейчас же придет сюда.

Бэрмен ушел мрачный. Вскоре явился Пайк. Его лицо подтверждало старинное присловье, что дурные вести не лежат на месте.

— Выпишите ордер, — приказал ему Макноот, — на сто галлонов пластикатной краски серо-голубой, утвержденного состава. Подготовьте другой ордер — на тридцать галлонов эмалевой для внутренних помещений. Немедленно отнесите оба ордера на портовый склад. Скажите им, чтоб доставили все сегодня, не позже шести вечера. Пусть добавят сколько следует кистей и пульверизаторов. Прихватите тряпок и концов — всего, что дают бесплатно.

— Людям это не понравится, — слабым голосом проговорил Пайк.

— Прикажут — и понравится! — заверил его Макноот. — На чистом как стеклышко корабле, где все сверкает, выше и моральное состояние экипажа. Так сказано вот в этой книжонке. Ну, ступайте и займитесь ордерами. Когда вернетесь, разыщите ведомости запасов и оборудования и принесите сюда. Надо проверить наличность до прибытия этого Кассиди. Когда он явится, у нас не будет возможности восполнить нехватку или незаметно пристроить излишки.

— Слушаюсь, сэр!

Пайк ушел с таким же выражением лица, как у Бэрмена.

Откинувшись в кресле, Макноот что-то бормотал. У него ныли кости, словно предвещая беду. Нехватка по какой-либо статье — дело серьезное, если о ней не сообщено в своевременном рапорте. Ее толкуют как небрежность или несчастный случай. А излишек — совсем скверная штука. Он порождает мысль о наглom хищении государственного имущества с благословения командира.

Например, недавно разбиралось дело Вильямса с крейсера «Быстрый». Макноот слышал об этом по радио, летая в районе созвездия Волопаса. В распоряжении Вильямса случайно оказалось одиннадцать бухт проволоки электрического заграждения, хотя по документам их числилось десять. Пришлось созвать военный суд, доказавший, что лишняя проволока, имеющая огромную меновую ценность на одной из планет, не была украдена из кладовой, или, на матросском жаргоне, «сплавлена за борт». Все же Вильямсу объявили выговор. А это мало способствует продвижению по службе.

Капитан еще раздраженно ворчал, когда возвратился Пайк и принес папку с инвентарной ведомостью.

— Начнем сразу, сэр?

— Придется.— Он, кряхтя, встал, мысленно распрощавшись с надеждой на дни отдыха и радостью созерцания неоновых огней.— Быстро не проверишь всего от носа до кормы! Осмотром вещевых мешков команды я займусь в последнюю очередь.

Выйдя из каюты, Макноот двинулся к носу корабля. Пайк печально и неохотно следовал за ним.

Когда они проходили мимо открытого главного люка, их заметил Желток. Он выскочил в коридор и побежал за ними. Предки этого крупного пса отличались скорее восторженностью, чем породистостью. Он гордо носил широкий ошейник с надписью «Желток — собственность космического корабля «Неугомонный» и был равноправным членом команды. Его основные обязанности, толково им выполняемые, состояли в том, чтобы не подпускать к кораблю посторонних, а также — изредка — обнаруживать нюхом опасности, незаметные человеческому глазу и носу.

Так эти трое шагали вперед: Макноот и Пайк с видом людей, мрачно отрекающихся от удовольствий во имя долга, а Желток — часто дыша и с явной готовностью принять участие в любой новой забаве.

Дойдя до носовой кабины, Макноот плюхнулся на сиденье пилота и взял у радиста папку.

— Вы тут все знаете лучше, чем я. Мои владения — штурманская рубка. Поэтому я буду читать названия, а вы проверяйте.— Он раскрыл папку и начал с первой страницы: — К1. Лучевой компас типа D, одна штука.

— Есть,— сказал Пайк.

— К2. Электронный индикатор расстояния и направления типа JJ, одна штука.

— Есть.

— К3. Гравитометры обоих бортов, образца Казини, одна пара.

— Есть.

Желток положил голову на колени Макнооту, выразительно заморгал и взвизгнул. Он начал понимать недовольство людей. Нудное перечисление статей и проверка — забава никуда не годная. Чтобы утешить пса, Макноот опустил руку и потрепал ему уши, ни на минуту не отрываясь от дела.

— К187. Пенопластовые подушки для обоих пилотов, одна пара.

— Есть.

К тому времени когда вернулся старший офицер Григори, они добрались до маленькой рубки внутренней связи и шарили по углам в полумраке. Желтку здесь не понравилось, и пес давно ушел.

— М24. Запасные трехдюймовые микрогромкоговорители типа T2, один набор из шести штук.

— Есть.

Григори заглянул в рубку и выпучил глаза.

— Что тут происходит?

— Предстоит общая проверка инвентаря.— Макноот взглянул на часы.— Пойдите и посмотрите, доставил ли склад то, что мы затребовали, и если нет, то почему. Потом

поможете мне, а Пайку надо на несколько часов дать увольнительную.

— Это значит, что отпуска на берег отменяются? — спросил Грегори.

— Само собой! Пока эта зануда не уберется прочь.— Капитан перевел взгляд на Пайка.— Когда будете в городе, осмотритесь и пошлите на борт всех наших людей, кого только найдете. Никаких возражений или оправданий. А также никаких задержек. Это — приказ!

Пайк сделал несчастное лицо. Грегори сурово посмотрел на него, ушел и через некоторое время вернулся.

— Склад пришлет все через двадцать минут.

Он угрюмо следил за сборами Пайка на берег.

— М47. Кабель внутренней связи, три барабана.

— Есть,— произнес Грегори, мысленно ругая себя за то, что явился так рано.

Аврал продолжался до позднего вечера и возобновился с раннего утра. К этому времени три четверти экипажа не покладая рук трудились внутри и снаружи корабля. Они выполняли работу с таким видом, словно их приговорили к ней за преступления, задуманные, но еще не совершенные.

Люди передвигались по судовым коридорам и ходам боком, наподобие крабов, стараясь не прикоснуться к переборкам. Еще раз было доказано, что жители Земли страдают паническим страхом перед невысохшей краской. Первое же пятно приводит их в отчаяние и на десять лет сокращает их убогую жизнь.

И вот под вечер второго дня кости Макноота доказали, что их ощущения были пророческими. Он читал девятую страницу ведомости, а Жан Бланшар подтверждал наличие каждого из перечисляемых предметов.

Пройдя две трети пути, они, выражаясь метафорически, налетели на скалу и начали быстро тонуть.

Макноот устало прочел:

— В1097. Миска эмалированная, одна штука.

— Вот она,— сказал Бланшар, постучав по ней пальцем.

— В1098. Кор. ес, одна штука.

— Что? — с недоумением спросил Бланшар.

— В1098. Кор. ес, одна штука,— повторил Макноот.— Что с вами? По голове вас, что ли, трахнули? Мы в камбузе. И вы старший кок. Вам известно, что должно быть в камбузе, не так ли? Где же этот кор. ес?

— Никогда о таком не слыхал,— уперся Бланшар.

— Должны были слышать! Это черным по белому написано в ведомости оборудования. Так и сказано: «кор. ес, одна штука». Эта вещь была здесь четыре года назад, когда оборудовали корабль. Мы сами все проверили и приняли под расписку.

— Я не расписывался ни за какой кор. ес,— продолжал отрицать Бланшар.— У меня в камбузе ничего такого нет.

— Посмотрите!

Макноот, нахмурясь, показал коку ведомость.

Бланшар взглянул и презрительно фыркнул.

— У меня есть электронная плита, одна штука. У меня есть котлы с паровой рубашкой, разной емкости, один комплект. У меня есть сковороды, шесть штук. И никакого кор. еса. Не слыхивал о таком. Ничего о нем не знаю.— Он растопырил пальцы и пожал плечами.— Нет у меня кор. еса.

— Должен быть,— настаивал Макноот.— Когда явится Кассиди, а этой штуки не будет, он нас не погладит по головке.

— Найдите ее,— предложил Бланшар.

— Вы получили аттестат от Кулинарной школы международных отелей. Вы получили аттестат и звание первоклассного повара от Кулинарного колледжа. Вы получили свидетельство об окончании курса с отличием от Кулинарного центра космического флота,— стал перечислять Макноот.— И вы не знаете, что такое кор. ес!

— Черт побери! — размахивая руками, закричал Бланшар.— Говорю вам в тысячный раз: нет никакого кор. еса. И никогда не было! Сам дьявол не нашел бы кор. еса, которого вовсе нет. Волшебник я, что ли?

— Это часть кухонного оборудования,— твердил свое Макноот.— Раз эта вещь названа в ведомости, значит, она

должна быть. И раз она указана на девятой странице, стало быть, ее место в камбузе, на попечении старшего кока.

— Черта с два! — возразил Бланшар, показывая на металлическую коробку на переборке. — Вот усилитель внутренней связи. Это моя вещь?

Макноот подумал и согласился:

— Нет, это вещь Бэрмена. Его добро раскидано по всему кораблю.

— Так и спрашивайте у него этот собачий кор. ес! — с торжеством выкрикнул Бланшар.

— И спрошу. Если этот кор. ес не ваш, он должен быть его. Давайте сначала кончим здесь проверку. Если я не буду действовать систематически и основательно, Кассиди сорвет с меня все знаки отличия. — Капитан заглянул в ведомость. — В1099. Кожаный ошейник с надписью и латунными кнопками, для ношения собакой. Не стоит искать. Я сам видел его пять минут назад. — Он отметил статью и продолжал: — В1100. Спальная корзина камышового плетения, одна штука.

— Вот она, — сказал Бланшар, толкнув ее ногой в угол.

— В1101. Пенопластовая подушка, по размеру спальной корзины, одна штука.

— Половина подушки! — возразил Бланшар. — За четыре года Желток ее наполовину изгрыз.

— Может быть, Кассиди разрешит нам выписать новую. Впрочем, это не важно. Предъявим сохранившуюся половину и по этой статье будем чисты. — Макноот встал и закрыл папку. — Вот и все по камбузу. Пойду поговорю с Бэрменом насчет недостающего пункта.

Бэрмен отключил приемник высокой частоты, снял наушники и вопросительно поднял одну бровь.

— В камбузе не хватает какого-то кор. еса, — объяснил свой приход Макноот. — Где он?

— Почему вы спрашиваете у меня? Камбуз — владение Бланшара.

— Не совсем. Сквозь камбуз проходит немало ваших кабелей. У вас там две распределительные коробки, а также

автоматический выключатель и усилитель внутренней связи. Так где кор. ес?

— Никогда о нем не слышал,— опешил Бэрмен.

— Будет мне очки втирать! — заорал Макноот.— Я уже наслышался таких уверений от Бланшара. Четыре года назад у нас был кор. ес. Это сказано вот здесь. Это — копия документа, который мы проверили и подписали. Тут сказано, что мы расписались в наличии кор. еса. Значит, такой кор. ес у нас должен быть. Его надо разыскать, пока сюда не нагрязнул Кассиди.

— Мне очень жаль, сэр,— сочувственно проговорил Бэрмен,— но я ничем не могу вам помочь.

— Подумайте еще,— предложил Макноот.— В носовом отсеке стоит индикатор направления и расстояния. Как вы называете его между собой?

— Инирчик,— удивленно ответил Бэрмен.

— А это,— продолжал Макноот, указывая на передатчик импульсов,— как вы называете это?

— Пимпи.

— Детские прозвища, а? Теперь поднатужьте мозги и вспомните, что вы четыре года назад называли кор. есом.

— Насколько мне известно,— заявил Бэрмен,— нет у нас предмета с таким названием.

— Почему же вы дали расписку? — спросил Макноот.

— Я не давал никаких расписок. Все бумаги подписывали вы.

— В то время как вы и другие проверяли наличие. Четыре года назад — дело происходило, скорее всего, в камбузе — я прочел: «Кор. ес. Одна штука». И вы или Бланшар указали на него и сказали: «Есть». Я положился на чье-то слово. Мне часто приходится полагаться на слово наших специалистов. Я опытный штурман и знаком со всеми новейшими навигационными приборами, но не с прочими материями. Поэтому я вынужден полагаться на людей, которые знают — или, по крайней мере, должны знать,— что такое кор. ес.

У Бэрмена блеснула мысль:

— Когда у нас устанавливали оборудование, всякую всячину складывали в главном трюме, коридорах и камбузе.

Потом нам пришлось сортировать множество вещей и располагать там, где было их настоящее место. Помните? Этот самый кор. ес сегодня может быть где угодно, и ответственность лежит не обязательно на мне или Бланшаре.

— Я послушаю, что скажут другие,— согласился Макноот.— Грегори, Уорс, Сэндерсон или кто-нибудь еще, может быть, держит эту штуку у себя. Но где бы она ни была, ее надо найти. Или же — оформить то количество, которое было израсходовано.

Он ушел. Бэрмен соорудил рожу, надел наушники и опять начал возиться с аппаратом. Час спустя Макноот вернулся. Мрачный как туча.

— Конечно! — гневно объявил он.— Нет такой вещи на корабле. Никто о ней не знает. Никто понятия не имеет, что это такое.

— Вычеркните ее и подайте рапорт, что она утеряна.

— Что?! Мало у нас и без этого неприятностей? Вы знаете не хуже моего, что о всякой потере или повреждении нужно докладывать немедленно. Если я скажу Кассиди, что кор. ес пропал в космическом пространстве, он пожелает знать, когда, где, как, а также почему об этом не было доложено. Что, если эта штука стоит полмиллиона? Какой тогда поднимется переполох! Я не могу просто махнуть на это рукой.

— Где же выход? — спросил Бэрмен, не подозревая, что шагает прямо в ловушку.

— Выход один, и только один,— сказал Макноот.— Вы изготовите кор. ес.

— Кто?.. Я?.. — чуть не задохнулся Бэрмен. У него задвигалась кожа на черепе.

— Вы, и никто иной. Я убежден, что это птица из вашей голубятни.

— Почему?

— Потому, что такие шуточные названия характерны для ваших финтифлюшек. Готов поспорить на месячный оклад, что кор. ес — какая-то научная абракадабра. Может быть, это что-то коротковолновое. Или — прибор для слепого полета.

— Приемопередатчик для слепого полета называется у нас «присик»,— сообщил Бэрмен.

— Вот видите! — воскликнул Макноот, словно это решало дело.— Итак, вы изготовите кор. ес. Завтра в шесть вечера он должен быть готов. Тогда я осмотрю его. Конечно, у него должен быть внушительный и приятный вид, и действовать он должен убедительно.

Бэрмен встал. Руки у него висели как плети.

— Как я могу изготовить кор. ес,— хрипло произнес он,— если я даже не знаю, что это такое?

— Кассиди тоже не знает,— возразил Макноот, хитро поглядывая на старшего радиста.— Контр-адмирал отвечает всего лишь за количество, а в общем мало что смыслит. Поэтому он считает предметы, смотрит на них, удостоверяется, что они существуют, выслушивает заявления о качестве их работы и степени износа. Нам надо лишь выдумать внушительную абракадабру и сказать ему, что это кор. ес.

— Святые угодники! — прошептал взволнованный Бэрмен.

— Не будем полагаться на сомнительную помощь библейских персонажей,— пожурил его Макноот,— а пустим в ход мозги, которые нам дал Господь. Беритесь за паяльник, и чтобы завтра, к шести вечера, у вас был готов образцовый кор. ес. Это — приказ.

Он удалился, довольный найденным решением. Бэрмен мрачно уставился на переборку.

Контр-адмирал Вейн В. Кассиди прибыл точно в назначенное время. Он был приземист, толст, с багровым лицом и глазами дохлой рыбы. Он не шел, а важно вышагивал.

— Ну, капитан, я надеюсь, у вас все в полнейшем порядке.

— Как всегда,— немедленно заверил его Макноот.— Я слежу за этим.

Он говорил весьма уверенно.

— Прекрасно! — одобрил Кассиди.— Ценю командиров, которые понимают свою ответственность. К сожалению,

нию, должен сказать, что это не всегда так.— Он спустился в главный люк и холодным взглядом отметил свежую эмалевую краску.— С чего вы хотите начать: с носа или кормы?

— Опись составлялась от носа к корме. Можно в таком же порядке и проверить ее.

— Очень хорошо.— Контр-адмирал неторопливо направился в носовую часть палубы, но по дороге остановился, погладил Желтка и осмотрел его ошейник.— Хорошо упитан, я вижу. Приносит это животное пользу?

— Он спас на Мардии пять жизней, пролаяв в знак предостережения.

— Подробности, я полагаю, внесены в бортовой журнал?

— Да, сэр. Журнал находится в штурманской рубке, и вы можете его проверить.

— Мы дойдем до него в свое время.— Контр-адмирал вошел в носовую кабину, сел, принял из рук Макноота папку и начал в деловом темпе: — К1. Лучевой компас типа D, одна штука.

— Вот, сэр,— показал Макноот.

— Все еще исправно работает?

— Да, сэр.

Они продолжали проверку, достигли рубки внутренней связи, помещения вычислительных машин, посетили ряд других мест и вернулись к камбузу. Бланшар, красовавшийся в свежевыглаженном белом костюме, недоверчиво оглядел пришельца.

— В147. Электронная плита, одна штука.

— Вот она,— промолвил Бланшар, пренебрежительно указывая на плиту.

— Работает удовлетворительно? — осведомился Кассиди, окидывая кока рыбьим взглядом.

— Маловата,— объявил Бланшар. Выразительным жестом он охватил весь камбуз.— Все недостаточно велико. Само помещение мало. Все слишком мало. Я главный повар, а весь камбуз — как чулан.

— Это военный корабль, а не лайнер для увеселительных поездок! — оборвал его Кассиди. Он хмуро посмотрел

на ведомость.— В148. Хронометрическое приспособление к электронной плите, со шнуром и штепселем. Одна штука.

— Вот,— буркнул Бланшар, готовый вышвырнуть весь этот «хлам» в ближайший иллюминатор.

Проверяя наличие по ведомости, Кассиди все ближе и ближе подбирался к опасному месту. Нервное напряжение у окружающих нарастало. Наконец он дошел до критической точки и провозгласил:

— В1098. Кор. ес. Одна штука.

— Черт возьми! — возмутился Бланшар. Глаза его метали искры.— Я уже говорил и повторяю: никогда не было...

— Кор. ес находится в радиорубке, сэр,— поспешно вмешался Макноот.

— Вот как? — Кассиди снова заглянул в ведомость.— Почему же он назван вместе с оборудованием камбуза?

— Когда на корабле монтировали оборудование, кор. ес поместили в камбузе, сэр. Это один из тех переносных приборов, которые нам разрешили устанавливать где удобнее.

— Гм, гм! Тогда его надо было перенести в ведомость радиорубки. Почему вы этого не сделали?

— Я ожидал вашего указания, сэр.

Рыбьи глаза отразили удовлетворение.

— Да, вы поступили вполне правильно, капитан. Я сейчас перенесу сам.— Он зачеркнул статью на листе девять и перенес ее на лист шестнадцать, поставив очередной шифр: В1099.— Ошейник с надписью, кожаный... Ах да, я его видел. Он был на собаке.

Контр-адмирал поставил «птичку». Часом позже он прошагал в радиорубку. Бэрмен встал, расправил плечи, но его руки и ноги произвольно задвигались. Он широко раскрыл глаза и молча устремил умоляющий взгляд на Макноота. Старший радист был похож на человека, к которому в штаны забрался дикобраз.

— В1098. Кор. ес. Одна штука,— продолжал Кассиди своим обычным тоном человека, не терпящего глупостей.

Двигаясь толчками, как слегка разладившийся робот, Бэрмен взял в руки небольшой ящик. Его передняя стенка была оснащена циферблатами, выключателями и цветными

лампочками. Все это было похоже на машинку для выжимания соков, созданную плохим радиолюбителем. Бэрмен щелкнул одним или двумя выключателями. Лампочки вспыхнули и замелькали в разнообразных сочетаниях.

— Вот он,— с трудом проговорил Бэрмен.

— Ага! — Кассиди встал со стула и передвинулся ближе.— Не помню, чтобы я видел раньше такой прибор. Но ведь теперь выпускают столько моделей одного и того же изделия. Он все еще работает исправно?

— Да, сэр.

— Это одно из самых полезных приспособлений на корабле,— добавил от себя Макноот.

— А каково, собственно, его назначение? — спросил Кассиди, ожидая от Бэрмена небывалых откровений.

Бэрмен побледнел. Макноот пришел ему на выручку:

— Полное объяснение было бы сложно и носило бы очень специальный характер. Но, если выразить идею прибора проще, он дает нам возможность находить равновесие между противоположными полями тяготения. Колебания источников света указывают степень неуравновешенности в данный момент.

Узнав о таких ценных свойствах прибора, Бэрмен обнаглел.

— Идея тут очень глубокая,— сказал он.— Все основано на постоянной Вральмана.

— Я понимаю,— отозвался Кассиди, хотя ничего не понял. Он снова сел, отметил «птичкой» кор. ес и продолжал: — Т44. Автоматическая распределительная доска на сорок линий внутренней связи. Одна штука.

— Вот она, сэр.

Кассиди, мельком взглянув на распределительную доску, опять уткнулся в ведомость. Остальные воспользовались маленькой передышкой, чтобы утереть пот со лба.

Победа одержана!

Все великолепно!

Ха-ха!

Контр-адмирал Кассиди отбыл довольный и наговорил комплиментов. Не прошло и часа, как экипаж сломя голову устремился в город. Макноот и Грегори по очереди уступали

тяге неоновых огней. Ближайшие пять суток царили покой и веселье.

На шестой день Бэрмен принес радиогамму и бросил ее на стол, ожидая реакции капитана. У старшего радиста был блаженный вид человека, узнавшего, что его добродетели скоро будут вознаграждены.

ТЕРРА, ШТАБ-КВАРТИРА. «НЕУГОМОННОМУ». НЕ-МЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДЛЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА И ПЕРЕОБОРУДОВАНИЯ. ПОЛУЧИТЕ УСО-ВЕРШЕНСТВОВАННУЮ СИЛОВУЮ УСТАНОВКУ. ФЕЛЬДМЕН, КОМАНДУЮЩИЙ СИРИУССКОЙ СЕКЦИЕЙ ФЛОТА.

— Назад на Терру! — с восхищением произнес Макноот. — Капитальный ремонт — это отпуск не меньше чем на месяц. — Он посмотрел на Бэрмена. — Передайте всем дежурным офицерам, пусть сейчас же отправляются в город и прикажут людям возвращаться на борт. Узнав, в чем дело, они мигом прибегут.

— Есть, сэр! — с веселой улыбкой произнес Бэрмен.

Все продолжали весело улыбаться и две недели спустя, когда Сириусский порт остался далеко позади, а солнце превратилось в тусклое пятнышко в искрящейся мгле звездного поля впереди корабля. Еще одиннадцать недель ходу, однако стоит потерпеть. Назад на Терру. Ура!

Но после того как однажды вечером Бэрмену вдруг открылась страшная правда, улыбки в капитанской каюте сразу исчезли. Старший радист вошел, жуя нижнюю губу, и остановился в ожидании, когда Макноот кончит вносить записи в бортовой журнал.

Наконец Макноот оттолкнул от себя журнал, поднял глаза, нахмурился:

— Что с вами? Живот схватило, а?

— Нет, сэр. Я просто думаю.

— Неужели это так больно?

— Я думаю, — похоронным тоном повторил Бэрмен. — Мы возвращаемся для капитального ремонта. Вы понимаете, что это значит? Мы уйдем с корабля, а вместо нас

нахлынет целая орда специалистов.— Он трагически уставился на капитана.— Я сказал — специалистов!

— Конечно, это будут специалисты,— согласился Макноот.— Нельзя, чтобы оборудование монтировала и регулировала компания болванов.

— Обыкновенного специалиста мало, чтобы отрегулировать кор. ес. Для этого нужен гений.

Макноот откинулся на стуле. Выражение его лица изменилось так быстро, словно он сменил маску.

— Елки зеленые! — воскликнул капитан.— А я-то на чисто забыл всю эту историю! На Терре нам не удастся обморочить тамошних молодчиков научными фокусами.

— Не удастся, сэр,— подтвердил Бэрмен. Он больше ничего не сказал, но лицо его прямо-таки вопило: «Вы утопили меня в этой трясине, вы и вытаскивайте!» Радист ждал, глядя на Макноота, погрузившегося в раздумье, потом напомнил о себе: — Что вы предложите, сэр?

Мало-помалу лицо Макноота осветила довольная улыбка.

— Разбейте проклятое устройство и бросьте осколки в мусоропровод.

— Это не решит проблемы,— возразил Бэрмен.— У нас по-прежнему будет нехватка одного кор. еса.

— Ничего подобного! Я доложу, что он разрушен от случайностей, неизбежных в космосе.— Капитан выразительно прищурил один глаз.— Мы сейчас летим в безвоздушном пространстве.

Он потянулся за бланком для радиограмм и, взглянув на облегченно улыбавшегося Бэрмена, стал писать:

ТЕРРА, ШТАБ-КВАРТИРА. ОТ «НЕУГОМОННОГО». СТАТЬЯ В1098 КОР. ЕС. ОДНА ШТУКА РАЗВАЛИЛСЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГРАВИТАЦИОННОГО НАПРЯЖЕНИЯ ПРИ ПРОХОДЕ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ ДВОЙНОЙ ЗВЕЗДЫ ГЕКТОР БОЛЬШОЙ-МАЛЫЙ. МАТЕРИАЛ ИСПОЛЬЗОВАН В КАЧЕСТВЕ ТОПЛИВА. КОМАНДИР «НЕУГОМОННОГО» МАКНООТ.

Бэрмен отнес бланк в свою рубку и отправил радио-грамму на Землю. Опять два дня царили покой и веселье. Но вот Бэрмен с озабоченным лицом примчался в капитанскую каюту.

— Общая тревога, сэр! — задыхаясь, объявил он и сунул радиogramму капитану в руку.

ТЕРРА, ШТАБ-КВАРТИРА. ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ВО ВСЕ СЕКТОРЫ. СПЕШНО И ВАЖНО. ВПРЕДЬ КОРАБЛЯМ НЕ ПОКИДАТЬ ЗЕМЛИ. КОРАБЛЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ПОЛЕТЕ ПО ОФИЦИАЛЬНОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ, НАПРАВИТЬСЯ В БЛИЖАЙШИЕ КОСМИЧЕСКИЕ ПОРТЫ И ЖДАТЬ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ. УЭЛЛИНГ, КОМАНДУЮЩИЙ АВАРИЙНОЙ И СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ. ТЕРРА.

— Что-то стряслось, — невозмутимо заметил Макноот.

В сопровождении Бэрмена он спокойно направился в штурманскую рубку. Посмотрев на карты, набрал на телефонном аппарате внутренней связи номер Пайка и сказал:

— Началась какая-то паника. Полеты запрещены. Мы направляемся в Закстедпорт. Это около трех дней пути. Немедленно ложитесь на новый курс: штирборт, семнадцать градусов, склонение десять. — Он положил трубку и огорченно сказал: — К черту летит чудесный месяц на Терре. А Закстеда я не выношу: вонючая дыра. Люди зверски обозлятся, и я их не осуждаю.

— Что же, по-вашему, могло случиться, сэр? — спросил Бэрмен. Он был расстроен и обеспокоен.

— Один Бог знает. Последний раз общая тревога была семь лет назад, когда на полдороге к Марсу взорвался «Звездолет». Пока шло следствие, ни один корабль не отпускали в полет. — Он потер подбородок, подумал и продолжал: — А перед тем была тревога, когда на «Сарбакане» спятил весь экипаж. Что бы ни было на этот раз, не сомневайтесь, что дело серьезное.

— Уж не начинается ли война в космосе?

— С кем? — Макноот пренебрежительно махнул рукой. — Ни на одной планете нет кораблей, которые могли

бы устоять против наших. Нет, тут какая-то техническая причина. Так или иначе, мы скоро узнаем. Нас известят еще до прибытия на Закстед или сразу после.

Их известили! Не прошло и шести часов, как Бэрмен ворвался в каюту. На лице его был ужас.

— Что у вас стряслось на этот раз? — спросил Макноот, глядя на него во все глаза.

— Кор. ес! — выдавил из себя Бэрмен. Он махал руками, словно отстраняя невидимую паутину.

— В чем дело?

— Все из-за типографского дефекта в вашем экземпляре ведомости. Надо читать: кор. пес.

Командир только пялил глаза.

— Кор. пес,— повторил за радистом Макноот, и в его устах это звучало как ругательство.

— Посмотрите сами:

ТЕРРА, ШТАБ-КВАРТИРА. «НЕУГОМОННОМУ». В ВАШЕЙ ВЕДОМОСТИ ПОД ШИФРОМ В1098 ЗНАЧИТСЯ КОРАБЕЛЬНЫЙ ПЕС ЖЕЛТОК. СООБЩИТЕ ПОДРОБНО, ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ И КАК ЖИВОТНОЕ РАЗВАЛИЛОСЬ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГРАВИТАЦИОННОГО НАПРЯЖЕНИЯ. ОПРОСИТЕ ЭКИПАЖ И СООБЩИТЕ, КАКИЕ СИМПТОМЫ НАБЛЮДАЛИСЬ У ЛЮДЕЙ. СПЕШНО И ВАЖНО. УЭЛЛИНГ, КОМАНДУЮЩИЙ АВАРИЙНОЙ И СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ. ТЕРРА.

В уединении своей каюты Макноот принялся грызть ногти. Время от времени он скашивал глаза и смотрел, не догрызли уже до живого мяса.

От омлета, съеденного за завтраком, у Филмора вдруг расстроился желудок — настолько серьезно, что пришлось обратиться к врачу. Еле-еле дотянув до конца рабочего дня, бедняга приплелся домой и сразу же накинулся на жену:

— Послушай, Эльвира, чем ты меня с утра накормила? Этот омлет... меня чуть не стошнило прямо в офисе! Едва успел до туалета добежать.

Миссис Филмор, тихая маленькая женщина, опустила глаза и смиренно ответила:

— По-моему, все было нормально. Просто ты слишком быстро ешь, Джордж. Не торопись так, ты ведь уже не мальчик...

Филмор задумался. С одной стороны, ему действительно было за пятьдесят, и здорово за пятьдесят. Но с другой стороны, чувствовал он себя отменно — по крайней мере, в отношении желудка.

— Проклятье!.. Когда будем ужинать?

— В пять, — ответила жена. — Если, конечно, с тобой все в порядке.

— Пойду побреюсь, — оборвал ее Филмор. Он работал рекламным агентом и считал, что внешность — это деньги. Поэтому брился два раза в день — утром и перед ужином.

Джордж Филмор вошел в ванную, воткнул электробритву в розетку, внимательно изучил свое отражение в зеркале и уже приготовился было нажать на кнопку. Внезапно бритва заговорила.

— Послушайте,— сказала она,— мне нужно с вами поговорить.

— Что?! — воскликнул Филмор и уронил бритву в раковину.

— Пожалуйста, поаккуратнее,— заметила та.— Я хочу вам помочь.

— Ты разговариваешь?!

— Естественно,— хмыкнула бритва.— Больше вроде никому.

Филмор обвел глазами ванную. Затем выглянул в коридор.

— И правда, никого...

— Будьте любезны, выньте меня отсюда, если это вас не затруднит,— вежливо попросила бритва.

Филмор боязливо протянул руку и извлек ее из раковины.

— Невозможно! Не верю своим глазам! Как это...

— Пустяки. Важно другое. Хочу предупредить: ваша жизнь в опасности!

— Моя... жизнь?

— Именно. Ваша жена пытается вас убить.

— Эльвира? Маленькая тихая Эльвира?! Не мели ерунды!

— Как вам понравился утренний омлет?

— Омлет?

— Да-да, омлет.

— А... этот омлет?

— Именно.

— Говори прямо, не темни! — потребовал Филмор.

— Вы нормально переносите яйца? — продолжала гнуть свое бритва.— Может, у вас к ним аллергия?

— Да нет, но... я ведь старею. Мне уже под шестьдесят.

— Это вам жена так говорит.

В душу Джорджа начали закрадываться сомнения. Он помотал головой и рывкнул:

— Ну и что?!

— Тише,— умоляюще сказала бритва.— Хотите, чтобы нас услышала Эльвира?

Филмор понизил голос:

— Нет.

— Что ж, давайте вспоминать. Вот вы утром вошли на кухню... Чем была занята в этот момент ваша жена?

Филмор задумался:

— М-м-м... Она стояла ко мне спиной, а потом вдруг обернулась... и так резко...

— Это ее обычная реакция на ваше появление?

— Нет,— угрюмо ответил Джордж Филмор.— Не обычная. Она вообще ничего не делает резко.

— Итак, обернулась... Как вы думаете, чем она занималась до этого?

— М-м-м... наверное, солила омлет. Или перчила.

— Вот как. Значит, солила или перчила?

— М-м-м...— Этим нечленораздельным мычанием Филмор теперь предварял почти каждую фразу.— М-м... а что же еще?

— Не будем пока гадать,— сказала бритва.— Значит, Эльвира что-то делала, но, по-видимому, не успела это «что-то» завершить. Так?

— М-м-м... пожалуй,— согласился Джордж Филмор.

— Теперь вернемся к самому началу. Можете ли вы найти разумное объяснение тому, что обычный омлет послужил причиной серьезного расстройства желудка? Ведь такого с вами никогда прежде не случалось.

— М-м-м... Вспомнил! — воскликнул Филмор.— Она действительно солила... или перчила? Короче, в руке у нее была солонка. Да-да, уверен — именно солонка.

— И вы уверены, что в этой солонке действительно находилась соль? — ехидно поинтересовалась бритва.

— Несложно убедиться. Я сейчас же пойду на кухню и исследую содержимое всех солонок.

— Прекрасная идея! — послышался в ответ саркастический смешок.— До чего ж все рекламщики сообразительные! Как вы думаете: после всего того, что случилось утром,

удастся ли найти в солонках что-либо отличное от соли или перца?

— Н-нет,— пробормотал Филмор, разом остыв.

— Хотите знать, что я могу вам посоветовать?

Филмор внезапно разозлился:

— Конечно, хочу! Не представляю, чтобы Эльвира...

— Надеюсь, вы гарантируете мою безопасность? — холодно осведомилась бритва.

— Разумеется! Ну, так что же мне делать?

— Во-первых, никогда больше не питайтесь дома.

— М-м-м... так. Еще?

— Внимательно смотрите себе под ноги. Не теряйте бдительности ни на секунду. Я вижу, вы еще не вполне мне доверяете... Что ж, подождем следующей встречи.

Филмор пробормотал что-то нечленораздельное и начал бриться. Протерев лицо лосьоном, он пошел на кухню.

— Сегодня — твое любимое блюдо,— сообщила супруга.— Фаршированный перец и брюссельская капуста.

— Я ужинаю в ресторане,— ответил несчастный и быстро направился к выходу.

Утром он проснулся от ледяных порывов зимнего ветра: окно у самого изголовья его кровати было распахнуто настежь.

— Черт возьми! — заревел Филмор.— Что происходит?! Эльвира, ты что, хочешь, чтоб я насморк схватил? Какого дьявола ты открыла окно?

Его супруга села в своей постели и тихо возразила:

— Джордж, я не открывала окна.

— Так почему же оно оказалось открытым?

— Не знаю. Может, ты сам его и открыл? Встал ночью — и открыл?

— Я его гвоздями заколочу! — прорычал Филмор.

— Сейчас приготовлю тебе завтрак,— успокаивающе сказала Эльвира.

Филмор подскочил.

— Не беспокойся. Я... я поем на работе — решил немного похудеть.

Быстро одевшись, он отправился в ванную и включил электробритву.

— Ну,— незамедлительно поинтересовалась та,— а теперь вы что скажете?

— Ох... я и забыл, что ты разговариваешь...

— Нет, что вы теперь скажете? — повторила бритва.— Спать с открытым окном — какая прекрасная идея! Чутьочку везения — и начнется воспаление легких.

— Думаешь, окно открыла Эльвира?

— Вы страдаете лунатизмом?

— М-м-м... откуда я знаю? Я ж в это время сплю!

— Тонкое замечание,— хмыкнула бритва.— Ладно. Случалось ли вам просыпаться среди ночи... ну, например, в кухне?

— Нет.

— Говорила ли вам жена, что вы ходите по ночам?

— Нет.

— Тогда нам вряд ли удастся выяснить, кто открыл окно.

— Но ты-то считаешь, что это Эльвира? — опять повторил Филмор.

— Нет, я просто хочу сказать, что за два последних дня это уже второе подобное происшествие.

— Но... но ведь окно — это так ненадежно! Я пока еще крепок здоровьем, и рассчитывать на то, что я простужусь и умру...

— Согласна, отравить — куда надежнее. Но вы ведь теперь питаетесь в ресторане, не так ли? А убийство не должно вызывать подозрений. Что же остается?

— Нет, это глупо,— заявил Филмор.— Ужасно глупо. Зачем вдруг Эльвире меня убивать?

— Не имею ни малейшего представления,— усмехнулась бритва.— Но почему вы думаете, что «вдруг»?

— М-м-м... Омлет-то она отравила только вчера.

— Скажите, а вы помните, как однажды внезапно проснулись среди ночи? Примерно неделю назад?

— Помню,— выдавил Филмор. Он постепенно начинал прозревать. В памяти вдруг всплыли десятки похожих происшествий, каждое из которых едва не стоило ему жизни.

— Так что же именно произошло в ту ночь? — настаивала бритва.

— Я проснулся оттого, что задыхался. На лице у меня лежала подушка. Ну... я подумал, что неловко повернулся — я во сне вообще много ворочаюсь,— и...

— А где в этот момент находилась ваша жена?

— М-м-м... у себя в кровати, наверное. Было темно. Да я ее и не искал.

— Значит, опять ничего нельзя утверждать наверняка. Не исключено, что это действительно вышло случайно. Вот вам совет: отныне спите без подушки. Вам же будет спокойнее.

— Это все надо осмыслить,— неуверенно произнес Филмор.— Чертовщина какая-то.

— Что ж, думайте. Но не забывайте при этом смотреть по сторонам.

Филмор уже собирался уходить, когда жена попросила его спуститься в подвал и повесить температуру в бойлере — она хотела помыться и постирать. Джордж занес было ногу на лестницу, ведущую в подвал, но что-то его удержало. Он глянул вниз и похолодел от ужаса: на ступеньке, как раз там, куда он собирался поставить ногу, лежала банановая кожура. Перед глазами словно наяву встала жуткая картина: неловкое падение, удар головой, треск раскалывающегося черепа...

— Господи!

Осторожно обойдя кожуру, он спустился вниз и повернул регулятор на бойлере, затем быстро избежал по ступенькам и рванулся в ванную.

— Куда ты так спешишь? — слышался с кухни голос жены.

Филмор на секунду запнулся и пробормотал:

— Зубы почистить!

Тщательно заперев дверь, он обеими руками вцепился в электробритву.

— Все правда. Все правда! Боже, Эльвира действительно хочет меня убить!

— Я рада, что вы наконец это поняли.

— Но я не могу без конца уворачиваться! Что мне делать? Что?!

— Я, конечно, не знаю, что именно она придумает на следующий раз. Ясно одно: ваша жизнь под угрозой. Ну а если вам... устранить эту угрозу? Это ведь ваше законное право, не так ли? Предпринять ответные действия.

В глазах Филмора вспыхнул дьявольский огонек.

— Черт побери, ты права! С чего начнем?

— Ваша жена водит машину?

— Да. У нее своя машина, у меня — своя.

— Прекрасно, — сказала бритва. — Завтра ваша Эльвира, очевидно, отправится в магазин?

— Наверное. А как...

— Знаете, — мечтательно произнесла бритва, — есть такие штучки... если их приделать к двигателю, то машина взлетает на воздух, едва заработает стартер. — Она на секунду замолчала. — Правда, здорово?

— Ве-ли-ко-леп-но! — процедил Филмор. — Я в это время как раз буду на работе. Знаешь, сегодня я чувствую себя гораздо лучше. Спасибо тебе!

— Да чего там, пустяки.

На следующий день Филмор вернулся домой поздно, но Эльвира, которая за долгие годы супружества уже успела привыкнуть к бесконечным выходкам мужа, восприняла это спокойно. Под мышкой он держал небольшой сверток.

— Что это? — поинтересовалась жена.

— Да так... безделица... для облегчения жизни. Не беспокойся, скоро узнаешь.

Джордж торопливо направился в спальню и засунул сверток в шкаф, под грудку белья.

«Сегодня же — как раз когда Эльвира будет смотреть эту идиотскую вечернюю программу — и установлю. А пока помоюсь, пожалуй».

Филмор переоделся в пижаму, взял полотенце, свежее белье и отправился мыться. Он залез в ванну, заткнул ее пробкой, затем подставил правую руку под кран, а левой включил горячую воду.

Из крана с шипением хлынул крутой, обжигающий кипяток. Филмор инстинктивно отдернул руку и, потеряв равновесие, рухнул навзничь. Его голова с треском ударилась о край ванны. Теряя сознание, он успел лишь вспомнить: «Я же утром сам регулировал бойлер!..»

В дверь тихонько постучала Эльвира. Она хотела попросить мужа, чтобы тот не расходовал всю горячую воду. (Сегодня у Джорджа было хорошее настроение, иначе она вряд ли рискнула бы его потревожить.) Естественно, никто ей не ответил.

Тогда миссис Филмор совершила самый, пожалуй, смелый поступок в своей жизни: приоткрыла дверь и заглянула внутрь. И мгновенно отпрянула — она никогда не видела утопленников.

Содрогаясь от ужаса, Эльвира все же заставила себя войти в ванную и закрыть кран. Затем, пошатываясь, кое-как добралась до спальни, бессильно опустилась на кровать и долго сидела, крепко сцепив дрожащие пальцы.

«Господи,— вертелось у нее в голове.— Пытаешься что-то сделать, что-то наладить — раз, другой, третий... сотый,— и вдруг все свершается само собой. Как это неожиданно... ужасно... и грустно».

Наконец ей удалось немного успокоиться.

— Что мне теперь делать? — спросила она у своей расчески.

— Позвоните в полицию,— ответила та.— Скажите, что произошло ужасное несчастье.

ОЧЕНЬ КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Артур КЛАРК (Arthur C. Clarke) родился в 1917 году в графстве Сомерсет (Англия), последние сорок с лишним лет живет в Шри-Ланка. Среди прочего написал романы «Конец детства», «Лунная пыль», «2001. Космическая одиссея» с продолжениями и др.

Джон Б. ПРИСТЛИ (J. B. Priestley) — английский писатель, написавший свою самую фантастическую повесть «31 июня» в возрасте 77 лет. А прожил он ни много ни мало 90 лет (1894—1984).

Джеймс ГАНН (James E. Gunn) — американский писатель. Родился в 1923 году в Канзас-Сити. В соавторстве с Джеком Уильямсоном написал роман «Звездный мост», изданный нами в серии «Классика фантастического боевика» (КФБ).

Рафаэль А. ЛАФФЕРТИ (R. A. Lafferty) родился в штате Айова в 1914 году.

Джонс ГОРДОН. Никакой информации об этом писателе разыскать не удалось.

Роберт ХАЙНЛАЙН (Robert A. Heinlein) — один из наиболее любимых в России американских фантастов. Достаточно вспомнить «Дверь в лето», и больше никакие комментарии не нужны. Родился в Батлере (штат Миссисипи) в 1907 году, умер в 1988-м.

Роберт ШЕКЛИ (Robert Sheckley) — пожалуй, самый блестящий (если не считать Генри Каттнера и Фредрика Брауна) юморист среди американских фантастов. Родился в 1928 году в Нью-Йорке. В КФБ нами издан его роман «Цивилизация статуса».

Генри КАТТНЕР (Henry Kuttner) родился в 1914 году в Лос-Анджелесе, где и прожил всю жизнь. Многое из написанного им создано в соавторстве с женой, писательницей К. Л. Мур. Сборник, включающий романы супругов, издан в серии КФБ издательства АРМАДА. Умер в 1958 году.

Рон ГУЛАРТ (Ron Goulart) появился на свет в Беркли (штат Калифорния) в 1933 году.

Айзек АЗИМОВ (Isaac Asimov) написал и издал за долгую жизнь (1920—1992) более 400 книг. Автор «трех законов робототехники». АРМАДА в детской серии «Замок чудес» издала десять повестей (в пяти книгах) о приключениях робота Норби, написанных Айзеком вместе с женой Джанет.

Филипп ДИК (Philip K. Dick) родился в Чикаго в 1928 году. Известен не только читателям, но и кинозрителям — «Вспомнить все» с Арнольдом Шварценеггером, «Бегущий по лезвию» с Харрисоном Фордом. Умер в 1982 году.

Джон ГОРДОН. Никакой информации об этом писателе найти не удалось; не путать с другим неопознанным — Джоном Гордоном.

Рэй РАССЕЛЛ (?) не имеет ничего общего с Эриком Фрэнком Р.

Джеймс ТИПТРИ-младший (James Tiptree Jr.) — псевдоним американской писательницы и ученого-психолога Алисы Ха-

стингс Брэдли Шелдон (1915—1987). В годы войны первой из женщин закончила разведшколу ВВС США, после войны служила в чине майора на территории Германии. В 1952—1955 годах — в ЦРУ. Покинув эту организацию, «превратилась» в Типтри и под этим мужским именем завоевала любовь читателей.

Уильям ТЕНН (William Tenn) — псевдоним американского писателя и литературоведа Филиппа Класа (р.1920).

Эрик Фрэнк РАССЕЛЛ (Eric Frank Russell) — один из немногих представителей английской фантастики в этом томе. Родился в графстве Саррей в 1905 году. Неоднократно издавался на русском языке. Сборник, включающий два романа писателя, был выпущен в серии КФБ. Умер в 1978 году.

Том ХЕРЦОГ. Информации об этом авторе нет. Рассказ «Заговор», включенный в настоящий том, впервые публикуется на русском языке.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Артур Кларк	
ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ. <i>Перевод В. Баканова</i>	5
Джон Б. Пристли	
31 ИЮНЯ. <i>Перевод Ф. Протасова и В. Хинкиса</i>	10
Джеймс Ганн	
ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. <i>Перевод В. Казанцева</i>	138
Рафаэль А. Лафферти	
НЕДЕЛЯ УЖАСОВ. <i>Перевод Р. Померанцевой</i>	154
Джонс Гордон	
ЧЕСТНОСТЬ — ЛУЧШАЯ ПОЛИТИКА	
<i>Перевод З. Бобырь</i>	162
Роберт Хайнлайн	
ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ТИЛ	
<i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	182
Роберт Шекли	
СТАНДАРТНЫЙ КОШМАР. <i>Перевод Б. Белкина</i>	208
Генри Каттнер	
МЕХАНИЧЕСКОЕ ЭГО. <i>Перевод И. Гуровой</i>	225
Рон Гуларт	
ПОРА В РЕМОНТ. <i>Перевод В. Генкина</i>	280
Айзек Азимов	
ЧТО ЭТО ЗА ШТУКА — ЛЮБОВЬ? <i>Перевод В. Баканова</i> . . .	292

Филипп Дик	
ИЗ ГЛУБИН ПАМЯТИ. <i>Перевод В. Баканова</i>	306
Джон Гордон	
МИСТЕР СУПСТОУН. <i>Перевод В. Казанцева</i>	327
Джон Гордон	
САМОЕ МОЩНОЕ ОРУЖИЕ. <i>Перевод В. Казанцева</i>	354
Рэй Расселл	
КОСМИЧЕСКАЯ ОПЕРА. <i>Перевод Н. Трегубенко</i>	368
Джеймс Типтри	
ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ? <i>Перевод В. Баканова</i>	376
Уильям Тенн	
ТАКИ У НАС НА ВЕНЕРЕ ЕСТЬ РАББИ!	
<i>Перевод Б. Белкина</i>	389
Эрик Фрэнк Расселл	
АЛАМАГУСА. <i>Перевод И. Почиталина</i>	411
Том Херцог	
ЗАГОВОР. <i>Перевод Б. Белкина</i>	429
Очень коротко об авторах	437

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии*

*«Библиотека юмористической фантастики»
присылать по адресу:*

*125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б,
Издательство АРМАДА*

Самое мощное оружие

- С 17 Сборник англо-американской фантастики/Пер. с англ.
В. Баканова, В. Казанцева и др. Худож. А. Кривенко —
М.: АРМАДА, 1998.— 441с.: ил.— (Библиотека юмористи-
ческой фантастики).

ISBN 5-7632-0748-3

Фантастика и юмор — два жанра, которые жить друг без друга не могут.

Фантастика — это преувеличение, но юмор — это не что иное, как такое же преувеличение, вымысел, гиперболизация.

Предлагаемый сборник рассказов в новой серии «Библиотека юмористической фантастики» составлен из произведений классиков фантастики, если можно сказать — легенд этого жанра. А. Кларк, Р. Шекли, Г. Каттнер, А. Азимов — что к этим именам можно добавить...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84 (7)-445я5

РЕДАКЦИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ
И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Издание подготовлено
при участии АО «Титул»

Библиотека
юмористической фантастики

САМОЕ МОЩНОЕ ОРУЖИЕ

*Сборник
англо-американской фантастики*

Заведующий редакцией
И. В. Новиков

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
А. А. Еришова

Компьютерная верстка
П. Э. Кутепов

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84x108 ¹/₃₂.

Бум. кн.-журн. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,26. Тираж 8000 экз.

Изд. № 3226. Заказ № 5436.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

Всем, кто любит и ценит юмор!

**Самые веселые, самые смешные, самые уморительные
произведения фантастического жанра вас ждут
в новой серии**

БИБЛИОТЕКА *Юмористическая* **ФАНТАСТИКИ**

Новая серия рассчитана как на знатоков и ценителей хорошей фантастики, так и на любителей веселых и в то же время умных книг. Наряду с лучшими, классическими образцами юмористической фантастики, вышедшими из-под пера таких мастеров, как Фредрик Браун, Генри Каттнер, Аркадий и Борис Стругацкие, Клиффорд Саймак, Роберт Шекли, Кир Булычев, в серию будут включены произведения молодых писателей, успешно работающих в этом жанре.

СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ СЕРИИ:

Генри КАТТНЕР «ХЭППИ ЭНД»

Авторский сборник, в который вошли лучшие юмористические рассказы Г. Каттнера, в том числе полные циклы о семействе Хогбенов и о чуде изобретателя Гэллегере.

Кир БУЛЫЧЕВ «ВИРУСЫ НЕ ОТСТИРЫВАЮТСЯ»

В книгу включено около двух десятков рассказов и повестей из самого популярного «взрослого» цикла писателя – о городе Великий Гусляр. Читатели узнают о самых смешных и веселых эпизодах из хроники великого города, о жизненных коллизиях, которые происходят с героями Кира Булычева – профессором Минцем, стариком Ложкиным, Корнелием и Ксенией Удаловыми, Сашей Грубиным, Мишей Стендалем... В том вошло несколько произведений малого жанра, публиковавшихся ранее лишь в журнальном варианте. Это наверняка станет приятным сюрпризом для любителей фантастики, для всех поклонников творчества великолепного мастера.

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ИГРА

Арсений
Миронов

МНОГО ШУМА ИЗ НИКОГДА

Роман-фантазия на историческую тему

Три московских студента внезапно попадают в языческую Русь конца X века! Столичный панк, любитель блондинок-первокурсниц становится предводителем ватаги разбойников; начитанный отличник истфака – правителем небольшой удельной вотчины на границе с Великой Степью; вчерашний ефрейтор ВДВ обнаруживает себя в стальных доспехах одинокого святорусского богатыря. Столь необычная метаморфоза становится прологом увлекательнейшего действия, насыщенного приключениями, уморительными эпизодами, непредсказуемыми поворотами сюжета.

Любителей фантастики ждут несколько сотен страниц живого, динамичного повествования, наполненного современным юмором и запахами дикого языческого леса, звоном заостренной стали и смехом полубоуженных ведьмочек, пикантными эротическими сценками (в рамках приличия) и описаниями захватывающих поединков, выполненных в лучших традициях криминального боевика.

Автор книги А. Миронов – журналист-международник, специальный корреспондент Дипломатической службы агентства ИТАР-ТАСС, член московского Союза журналистов, преподаватель факультета журналистики МГУ – в настоящее время работает над второй книгой трилогии «Древнерусская игра».

Издается впервые.

Издательство АРМАДА представляет

н о в у ю с е р и ю

Легкое, увлекательное чтение
для любителей детективов
и ценителей юмора

Вышли первые книги серии:

Кира Медведева

- Слишком много покойников
- Убийство из тюбика с кремом
- Наследник из пробирики

Следующая книга серии
**РУССКИЙ
ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН**

Кира Мегведзева

**Фантом
выходит
на охоту**

Каково слабой женщине обнаружить ночью на пороге своего дома израненного, окровавленного незнакомца? Любая бы упала в обморок! Любая, но только не Ева – боевая подруга знаменитого сыщика! И хотя у самой колени тряслись от страха, Ева открыла дверь незваному гостю... Этот визит стал прологом захватывающей и необычной истории.

Если бы Саня Плетнев знал, что впереди ему уготовила судьба, то никогда бы не стал работать кассиром и главным доверенным лицом Валентина Козырева – своего друга детства, а ныне преуспевающего бизнесмена. Как говорится, дружба – дружбой, а деньги врозь. Именно они, эти деньги, а точнее очень крупные деньжищи, стали причиной огромных неприятностей для них обоих. Дело в том, что Валю кто-то очень тонко и изящно «кинул» миллионов этак на десять «зеленых», и первым в ряду подозреваемых оказался Саня. Напористому, но прямолинейному Козыреву не под силу разобраться в случившемся – тут голова нужна. А Плетневу... Ему бы живым остаться, и то хорошо. Но обоим сказочно повезло, что среди их знакомых оказался Ниро. Ему-то и предстоит распутывать затейливый клубок, состоящий из фактов, противоречий, догадок, интриг и подозрений. А читателю – наблюдать за ходом очередного захватывающего расследования. Кажется, Ниро будет на высоте и на этот раз.

ЛЮБИТЕЛЯМ ОСТРОСЮЖЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО € **АРМАДА**

ПРЕДЛАГАЕТ КНИГИ СЛЕДУЮЩИХ СЕРИЙ

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Произведения отечественных
и зарубежных мастеров
современной остросюжетной
фантастики

**КЛАССИКА
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА**

Всемирно известные
произведения боевой
фантастики непревзойденных
авторов жанра

**БОЕВЫЕ РОБОТЫ.
BATTLETECH.**

Звездные войны,
боевые машины будущего
в фантастическом суперсериале
корпорации FASA

**БИБЛИОТЕКА
ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

Самые веселые и смешные
произведения классиков,
а также молодых современных
авторов, работающих в жанре
юмористической фантастики

**Знаменитые
СЫЩИКИ**

Избранные произведения
детективной классики

**РУССКИЙ
ИРОНИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВНЫЙ
РОМАН**

Легкое, увлекательное чтение
для любителей детективов
и ценителей юмора

Артур КЛАРК
Джон Б. ПРИСТЛИ
Джеймс ГАНН
Рафаэль А. ЛАФФЕРТИ
Джонс ГОРДОН
Роберт ХАЙНЛАЙН
Роберт ШЕКЛИ
Генри КАТТНЕР
Рон ГУЛАРТ
Айзек АЗИМОВ
Филипп ДИК
Джон ГОРДОН
Рэй РАССЕЛЛ
Джеймс ТИПТРИ
Уильям ТЕНН
Эрик Фрэнк РАССЕЛЛ
Том ХЕРЦОГ

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

Генри КАТТНЕР
Хэппи энд

ISBN 5-7632-0748-3

9 785763 207484